
18+
ПИТЕР
АКРОЙД
ИСТОРИЯ АНГЛИИ
РЕВОЛЮЦИЯ
От битвы на реке Бойн до Ватерлоо

Революция. От битвы на реке Бойн до Ватерлоо

Питер Акройд

Аннотация
Питер Акройд. Революция. От битвы на реке Бойн до Ватерлоо
1. Что вы теперь скажете о предопределении?
2. «Быки» или «медведи»?
3. Идол эпохи
4. Расцвет
5. Золотая проза
6. В ожидании того дня
7. Клуб Мартина Писаки
8. Немцы идут!
9. Мыльные пузыри
10. Незримая рука
11. Страсти потребительства
12. «Как это у вас называется?»
13. Отрезанное ухо
14. Мать-женева
15. Колода карт
16. Что же мне делать?
17. Победа или смерть
18. Альтисты

19. Призыв к свободе
20. А вот и мы!
21. Ума палата
22. Волшебные машины
23. Чаепитие
24. Школьник
25. Паровые машины
26. На темной равнине
27. Огонь и лунный свет
28. Фригийский колпак
29. Короли-безумцы
30. Зверь и блудница
31. Романтическая история
32. Прелести мирной жизни
Библиография
Фотоматериалы

Аннотация

История Англии – это непрерывное движение и череда постоянных изменений. Но всю историю Англии начиная с первобытности пронизывает преемственность, так что главное в ней – не изменения, а постоянство. До сих пор в Англии чувствуется неразрывная связь с прошлым, с традициями и обычаями. До сих пор эта страна сопротивляется изменениям в любом аспекте жизни. Питер Акройд показывает истоки вековой неизменности Англии, ее консерватизма и приверженности прошлому.

Период между Славной революцией (1688) и победой армии союзников при Ватерлоо (1815) вобрал в себя множество событий. Поражение Якова II и правление Вильгельма III Оранского, война за испанское наследство, начавшаяся со вступления на английский престол королевы Анны, присоединение Шотландии к Англии и, следовательно, образование Великобритании в 1707 году, правление Георга I (правнука Якова I), якобитское восстание 1715 года, война чет-

верного союза 1718–1720 годов, правление Георга II, война за австрийское наследство и семилетняя война, правление Георга III с такими важными вехами, как присоединение Ирландии и война с Наполеоном… Именно на этом отрезке времени парламент стал суверенным органом с обязанностями, намного превосходящими монаршие, были основаны Банк Англии и Лондонская фондовая биржа, а беспрецедентные технологические инновации превратили Англию из сельскохозяйственной страны в страну стали и угля. Значительные преобразования произошли и в культурной жизни – появились газеты и родился жанр английского романа. 37 иллюстраций на цветной вклейке сопровождают детальный портрет эпохи, созданный выдающимся мастером исторического повествования Питером Акройдом.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Питер Акройд

Революция

От битвы на реке Бойн до Ватерлоо

Peter Ackroyd
THE HISTORY OF ENGLAND
Volume IV. Revolution

Впервые опубликовано в 2016 году издательством Macmillan, импринтом Pan Macmillan

Перевод с английского Ирины Никитиной
Научный редактор: Захаров А. О., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

© Peter Ackroyd, 2016
© Никитина И. В., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбу-ка-Аттикус», 2021
КоЛибри®

* * *

Потрясающее освещение поистине революционного периода в истории Англии. Все исследователи национальной истории должны в обязательном порядке, как учебники, читать сочинения Акройда, изучать его методологию и всю совокупность трактовок.

Kirkus

Прекрасно! Интеллектуальное и информативное чтение.

Spectator

Тонкий и последовательный анализ исторических событий, представленный необычайно увлекательно.

BBC History Magazine

1
Что вы теперь скажете о предопределении?

Перед лицом надвигавшейся армии Вильгельма Оранского король Яков II обратился в бегство. Изгнанник нашел приют во Франции у своего кузена Людовика XIV, а Вильгельм Оранский вольготно устроился в Уайтхолле[1], однако было совершенно непонятно, кто же на самом деле правит Британией. В этой связи в начале 1689 года[2] была созвана Конвенция — нечто среднее между собранием благородного сословия и парламентом. Поскольку у страны не было монарха,

---

[1] Примечания: 1

Уайтхолл (Уайтхолльский дворец) — крупнейший в Европе королевский дворец, насчитывавший свыше полутора тысяч помещений, был основной резиденцией английских королей в Лондоне с 1530 по 1698 г. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

[2] Примечания: 2

Новый и старый стиль датировки — григорианский и юлианский календари соответственно — были в ходу на континенте и в Англии независимо друг от друга и имели разницу в 10 дней. В Англии юлианского календаря придерживались вплоть до 1751 г., поэтому и я использовал старый стиль, повествуя о событиях до этого момента. В XVII в. празднование Нового года приходилось на 25 марта, однако я придерживался более привычной для нас даты — 1 января. — *Прим. автора*.

который имел право инициировать выборы, Конвенция была собрана спешно и без специальной подготовки, хотя и имела серьезные последствия, ибо ознаменовала настоящую революцию в государственных делах.

Участники Конвенции встретились в конце января 1689 года с целью обсудить положение Якова и статус Вильгельма; немедленно начались прения о том, был ли трон «покинут» или «освобожден», — беседа, без сомнения, высокоученая, однако преследовавшая единственную цель — раз и навсегда исключить бежавшего короля из числа претендентов на престол. В конце концов палата общин объявила, что Яков II «отрекся». Однако такого термина в национальном законодательстве не существовало, поэтому его использование было своего рода юридической фикцией. Правда, не существовало и альтернативы, которую можно было бы противопоставить власти самозванца. Сложно было представить что-то худшее, чем деспот-католик Яков II, для государства, преимущественно исповедовавшего протестантизм. Один тот факт, что некоторые представители знати обратилась к Вильгельму Оранскому с просьбой вмешаться и разрядить стремительно накалявшуюся обстановку, позво-

лил рассматривать легкую победу принца как в известной степени законное и санкционированное действие. Однако он не мог претендовать на престол лишь по праву его завоевания — уж слишком страшны были воспоминания о Вильгельме I Завоевателе, которого так усердно ненавидели рьяные республиканцы. Вильгельму требовалось вступить на трон «на законных основаниях» — довольно размытая и удобная формулировка, подходившая для описания самых разных обстоятельств.

К началу февраля члены Конвенции составили так называемую декларацию прав. Одна из ее статей запрещала создание регулярной армии в мирное время, то есть фактически упраздняла одну из величайших привилегий неограниченной монаршей власти. Аналогичную направленность имели и другие статьи. Так, например, законы могли приводиться в исполнение или отменяться исключительно с согласия парламента, как и сбор налогов в пользу короны; свобода слова в парламенте имела первостепенное значение, а в заключительной статье декларации говорилось, что «парламентские слушания должны проводиться на регулярной основе».

Декларация, впоследствии получившая на-

звание «Билль о правах» (Bill of Rights), была формально изложена Вильгельму и его супруге Марии, дочери свергнутого короля. Супруги заседали в Банкетном зале[3]. После того как Вильгельм подтвердил «с благодарностью их монаршее согласие на поступившее предложение», супругов объявили монархами Англии и Шотландии на равных правах. В этом крылась искусная уловка. Согласие Вильгельма означало лишь, что он понял и принял декларацию как залог своей официальной коронации под именем Вильгельм III, однако формальной клятвы он никому не давал. Впрочем, многие современные историки придерживаются мнения, что Вильгельм получил власть именно благодаря действиям парламента. Право помазанника Божьего, указывавшее на божественное происхождение королевской власти, осталось в прошлом. Впоследствии Даниель Дефо заявил, что парламент обладал «безграничной и бесконечной властью, а могущество его сопровождает сама бесконечность».

Молчание Вильгельма относительно содержа-

[3] Примечания: 3

Банкетный зал (Банкетинг-хаус, или Банкетный дом) — единственное здание Уайтхолльского дворца, уцелевшее после пожаров 1691 и 1698 гг. Потолок Банкетного зала украшают девять картин П. Рубенса.

ния декларации вовсе не означало его одобрения и согласия. Его отнюдь не привлекали изложенные в ней принципы. Декларация была чисто английским изобретением, большей частью основанным на практическом опыте, при этом Вильгельм прекрасно понимал, что она ограничивала его власть. По его словам, он не имел ни малейшего желания соглашаться с некоторыми условиями, однако «положение дел взяло верх над его намерениями». Впоследствии он сетовал, что «король без казны и власти — худшее из правительств». На следующий день после того, как в Банкетном зале Джордж Савиль, 1-й маркиз Галифакс, вручил Вильгельму корону, тот заметил, что «роль его сродни фигуре короля в шахматной партии». Однако ему во что бы то ни стало требовалось сыграть ее.

Объединение мелкопоместного дворянства, или джентри, и аристократии на деле позволило сформировать систему государственного устройства, которая исключала угрозу королевского абсолютизма и защищала имущество от самочинной конфискации. Их не увлекала идея введения парламентом различных мер по исправлению положения ради общественного блага или благородного стремления к порядку. Единственное, что

их интересовало, — это личная выгода. В результате произошло событие, получившее название «Славная революция», — в теории результат Божественного провидения, а на практике — плод сотрудничества представителей политической элиты, аристократии и олигархии при поддержке поместного дворянства. Эта новая элита удерживала власть на протяжении ближайших двух столетий.

Против нового порядка резко выступили те, кто считал клятвы верности свергнутому королю непреложными и нерушимыми: уж если самый священный договор можно было нарушить, где же тогда истинный оплот порядка и авторитета? Противники декларации, отказавшиеся принести клятву верности Вильгельму и Марии, получили название «неприсягатели». Среди них были и самые высокопоставленные представители английского духовенства, например архиепископ Кентерберийский Уильям Сэнкрофт. Его взгляды разделили восемь епископов и 400 священников. 11 апреля 1689 года он не присутствовал на коронации Вильгельма и его супруги в Вестминстерском аббатстве; корону на голову Вильгельма возложил епископ Лондонский. Уже на следующий год Сэнкрофт был

вынужден оставить свой пост.

Неприсягатели были показателем разобщенности государства; многие из них стали якобитами, то есть сторонниками изгнанного Якова, — если не на деле, то по духу. Нет сомнений, что во многих частях страны к Вильгельму относились более чем прохладно, в нем видели чужеземца, возведенного на трон грубой силой. Впрочем, делать было нечего. Он уже носил корону. Единственное, что оставалось в удел несогласным, — это безразличие или покорность.

Новый король превратил Конвенцию в парламент. Для этого он воспользовался простым и удобным приемом — не покидая трона, обратился к обеим палатам с речью. В своей коронационной клятве он обещал править в соответствии со «статутами, одобренными парламентом, а также законами и обычаями Англии». Это ознаменовало новую расстановку сил в общественном устройстве. И тем не менее нельзя сказать, что отношения между короной и парламентом были безоблачными. Так, словно в подтверждение своей усилившейся власти, члены парламента отказали Вильгельму в предоставлении пожизненного содержания и в финансировании намеченной королевской военной кампании

против Франции. Они слишком хорошо запомнили печальный урок, преподнесенный им предыдущим монархом, который был слишком самостоятельным и справлялся со всеми вопросами, не прибегая к помощи парламента. Теперь Вильгельму, чтобы обслуживать свои долги, пришлось подчиниться парламенту, заседания которого стали более регулярными. Впредь парламент собирался ежегодно, а сессии длились по нескольку месяцев; всеобщие выборы проводились в среднем каждые два года. Скорость, с которой новый политический курс набирал обороты, повысила градус политической жизни, спровоцировав явление, известное под названием «неистовство партий»[4].

Это пришлось не по вкусу новому королю, питавшему глубокую неприязнь к вздорным политикам. Будучи по природе сдержанным, если не сказать замкнутым и нелюдимым, новый монарх еще и плохо говорил по-английски. Душой он всегда стремился на родину, подальше от ханжеского и докучливого английского двора. Он

[4] Примечания: 4

«Неистовство партий» — название эпохи с 1688 примерно до 1715 г., которая характеризовалась политической неустойчивостью, усиливающейся политической борьбой внутри парламента и частыми выборами в него. — *Прим. науч. ред.*

ненавидел помпезность. Его манеры и внешность отнюдь не соответствовали возложенным на него новым обязанностям. Он говорил медленно и кратко. По натуре он был расчетливым, бесстрастным и методичным. Несмотря на довольно худощавое телосложение, он выглядел вполне внушительно; правда, из-за приступов астмы его речь часто прерывалась сильным кашлем. Вскоре после воцарения он покинул туманный и сырой Вестминстерский дворец и переехал в Кенсингтон, который мог похвастаться более благоприятными условиями. Большую часть времени король был суров и даже мрачен, а улыбка появлялась на его лице крайне редко; лишь в тесном кругу голландских советников он мог позволить себе расслабиться.

Современники короля поговаривали, что его придворные были гомосексуалами, а двум своим ближайшим фаворитам — 1-му графу Портленду и графу Албемарлу — Вильгельм даровал полмиллиона акров земли (свыше 2000 кв. км, или 200 000 га). Принцесса Елизавета Шарлотта Пфальцская — супруга Филиппа I, герцога Орлеанского и младшего брата французского короля, поинтересовалась даже, не стал ли, случаем, королевский двор задним (фр. *château de derrière*),

намекая на нетрадиционную сексуальную ориентацию большинства его представителей. Ее собственный муж по прозвищу Месье и сам был одним из известных гомосексуалов своего времени, поэтому вполне вероятно, что Елизавета обладала на этот счет достоверной информацией из первых рук. В ту пору в дворцовых кулуарах ходило стихотворение, в котором были такие строки:

> *Давайте же помолимся о благе государства за душу короля,*
>
> *Чтоб в дырку нужную он Роджера засунул, не посрамив себя*[5].

Гилберт Бернет[6], епископ Солсбери и ярый сторонник нового устроения, как-то таинственно намекнул, что король «не имеет грехов, кроме разве что одного, однако держит его в большой тайне и проявляет крайнюю осторожность». Возможно, речь идет об алкоголизме, однако это

---

[5] Примечания: 5

Let's pray for the good of our State and his soul / That he's put his Roger in the right Hole.

[6] Примечания: 6

Бернет Гилберт — шотландский священник и советник Вильгельма III, получивший сан епископства в Солсбери, историк, автор книги «История моего времени», которая стала ценным источником сведений о событиях тех лет.

маловероятно. Ни для кого не секрет, что гомосексуальные отношения существовали при дворе любой милитаристской державы, где ведущие роли распределялись среди представителей мужского пола, например при дворе Вильгельма III. Впрочем, как и большинство рассказов о гомосексуальности королей, эта история не имеет доказательств.

Как бы то ни было, Вильгельм был убежденным кальвинистом, придерживавшимся самого строгого толкования предопределения из всех возможных. Именно поэтому он так слепо верил в судьбу. Когда Вильгельм высадился в Торбее, готовясь встретиться лицом к лицу с Яковом II, он спросил Гилберта Бернета: «Итак, учитель, что вы скажете о предопределении теперь?» Сам Вильгельм полагал, что его миссия прежде всего состоит в том, чтобы пойти войной на французского короля-католика. Это было делом его жизни. Возможно, именно его горячая вера объясняет бесстрашие и отвагу, проявленные им на поле битвы. И разумеется, именно вера явилась одной из причин его лояльности в отношении

диссентеров[7], вышедших из лона англиканской церкви.

Одной из первых инициатив нового парламента стало создание билля, учреждавшего и поощрявшего веротерпимость. Акт о веротерпимости (Toleration Act; полное название — Акт об освобождении от наказаний, предусмотренных соответствующими законами, протестантских верноподданных, отделившихся от англиканской церкви) предоставлял диссентерам право на проведение собственных публичных богослужений и правовую защиту. В последующие два десятилетия более двух с половиной тысяч церквей и молелен получили разрешение на проведение богослужений. Стремление Вильгельма угодить собратьям по вере, будь то протестанты или даже кальвинисты, было понятным и справедливым. Такое положение дел создало благоприятную обстановку для пробуждения методистской церкви в 1740-х годах, однако большая часть представителей англиканской церкви полагала, что права государственной религии были нарушены. Это неудивительно, ведь к середине XVIII века на

[7] Примечания: 7

Диссентеры — английские протестанты, которые в XVI–XVII вв. отделились от господствующей епископальной церкви (конгрегационалисты, пресвитериане, баптисты), а также римские католики.

фоне растущего числа ревностных сторонников других учений традиционная церковь отличалась безразличием и равнодушием.

Весной 1689 года Вильгельм объявил войну Франции. Основной предпосылкой вторжения, организованного им за год до этого, было намерение воспользоваться богатством и ресурсами Англии в ходе масштабной кампании против французского владычества в Европе, а кроме того, устранить угрозу, которую Франция представляла для независимости Республики соединенных провинций[8], в которой он занимал должность штатгальтера, или наместника. Именно этими соображениями Вильгельм руководствовался на протяжении последних шестнадцати лет. Незадолго до вторжения французов в 1672 году Вильгельм заявил, что будет защищать свою страну «до последней капли крови». Людовик XIV, в свою очередь, назвал Вильгельма своим «заклятым врагом». Король Франции мечтал создать грандиозную империю Бурбонов и, встав во главе ее, править из Версаля. «Король-солнце» (фр. *le*

[8] Примечания: 8

Республика соединенных провинций, также известная под названием Голландская республика, или просто Голландия, или Нидерланды, — государство, образовавшееся в результате победы Нидерландской буржуазной революции XVI в.

Roi-Soleil) готовился светить над всей Европой. Если бы ему удалось подчинить Нидерланды, он покорил бы самую мощную протестантскую державу на континенте. Чаяния англичан были куда более скромными. Они согласились на военную кампанию Вильгельма лишь для того, чтобы исключить возможность возвращения Якова II под патронажем французской короны; они не хотели становиться, как говорилось, «папистами или рабами». Все надеялись, что война будет короткой.

Однако надежды не оправдались. Вильгельм возглавил военную кампанию против своего давнего врага, которая получила название Девятилетняя война[9]. Король принял на себя обязанности министра иностранных дел и, чтобы организовать наступление, сформировал коалицию держав, в которую среди прочих вошли Испания и Священная Римская империя. Эта «империя» представляла собой в значительной степени свободную конфедерацию независимых правителей, стоявших во главе государств Центральной Европы и опасавшихся француз-

[9] Примечания: 9

В 1688 г. разгорелся конфликт, вошедший в историю под названием война Аугсбургской лиги, война Большого альянса, или Девятилетняя война (1688–1697), в ходе которого Франция противостояла Аугсбургскому альянсу, в котором среди прочих состояли Англия, Испания и Нидерланды.

ского господства. Впрочем, война Вильгельма была лишь прелюдией к куда более крупному и длительному конфликту. Война Англии против Франции продолжалась пятьдесят восемь лет, долгая вражда закончилась лишь в 1815 году в битве при Ватерлоо. Уже успевшая укорениться культура войны сильно изменила общественную, финансовую и политическую жизнь англичан. Армии, участвовавшие в военных действиях, разрастались. Налоги увеличивались в геометрической прогрессии. Все эти события станут одной из тем данного тома.

С глаз Вильгельма спала пелена очарования английским парламентом. Весной и летом 1689 года он не раз сетовал, что «палата общин использовала его как пса» и что «он не мог их выносить». Еще со времен правления Якова II были проведены четкие границы между двумя крупнейшими политическими партиями Англии — вигами и тори. Виги были врагами папизма и автократии, а значит, предпринимали попытки ограничить королевскую власть; тори стояли на защите монархии от натиска тех, кого считали республиканцами, или мятежниками. Однако с приходом к власти Вильгельма III все сильно изменилось.

Из «бессмертной семерки», призвавшей Вильгельма высадить войска в Англии и сместить Якова[10], пятеро были вигами, а двое — тори. Вскоре виги решили, что у них есть преимущество перед оппонентами. В первые месяцы правления Вильгельма они потребовали отмщения за унижения, которым они подвергались в годы правления предыдущего короля; кроме того, они были твердо намерены влиять на решения Вильгельма. Однако новый король прекрасно понимал, что не может править при поддержке лишь одной партии; необходимо было обеспечить равенство и равновесие во внутренних делах государства, не выказывая при этом предпочтения ни вигам, ни тори, а править, опираясь на оба политических крыла. Вильгельм мечтал о создании так называемой придворной партии, которая бы объединила представителей разных политических сил.

Вигов это не интересовало. Они приходили в неистовую ярость от тех парламентариев из партии тори, которые высказывались о своей

[10] Примечания: 10

30 июня 1688 г. группа дворян («бессмертная семерка») во главе с Джоном Черчиллем направила письмо, в котором призвала принца Вильгельма Оранского и его армию в Англию, чтобы занять английский престол и защитить протестантскую веру.

верности двору Якова II. Некоторых представителей аристократии обвинили в измене за совершенный ими переход в лоно католической церкви. Мэры и олдермены[11] малых и крупных городов, предоставившие свои уставные грамоты свергнутому королю, были лишены права занимать какую-либо должность в течение ближайших семи лет. Предлагали даже задним числом ввести закон против папизма и нонконформизма и распространить его действие на всю партию тори. Однако Вильгельм пожелал даровать им амнистию, издав закон о помиловании и забвении, относившийся ко всем, кто участвовал в самовольных или беззаконных действиях в годы правления предыдущего монарха. Летом 1689 года Акт о свободе, всеобщем помиловании, искуплении и забвении (Indemnity Bill) был представлен в палате общин, однако не прошел дальше второго чтения и так и остался на обсуждении палаты. На деле законопроект был похоронен.

Любые инициативы, касавшиеся Вильгельма, в парламенте с треском проваливались. В его поль-

[11] Примечания: 11

Олдермен (или альдерман) — член муниципального совета или муниципального собрания в Англии. Исторически этот титул носили члены аристократии, главы местного собрания или органа управления.

зу не было принято ни одного закона. Ему было отказано в доступе к «легким деньгам» — средствам от сбора налогов, которые он так желал заполучить. Введение нового сбора усилило всеобщее враждебное отношение к нему. Между тем он предложил отправиться в Ирландию с целью подчинить себе местных католиков и оставшихся последователей Якова II, представлявших серьезную угрозу безопасности Англии. Однако виги воспротивились идее морского похода. Они боялись за здоровье государя в стране дождя и тумана. Им претила сама мысль о том, что огромная армия новобранцев и наемников, многие из которых были выходцами из Северной Европы, будет топтать британские земли. Впрочем, прежде чем они успели предпринять сколь-нибудь решительные действия, Вильгельм распустил парламент и назначил новые выборы.

В марте 1690 года во время предвыборной кампании в стране кипели нешуточные страсти. «Никогда еще, — писала Диана Пэджет своему родственнику лорду Пэджету, — между вигами и тори не было такой вражды и разобщенности, как

теперь». Борьба, по словам Томаса Маколея[12], шла не на жизнь, а на смерть. Проповеди, памфлеты и уличные баллады еще больше накаляли обстановку; впервые накануне выборов в парламент были опубликованы списки избирательных округов, чтобы проинформировать избирателей о противоборствующих сторонах. В результате, набрав большинство голосов, победу одержали тори при поддержке представителей англиканской церкви. Воспользовавшись благоприятной обстановкой и сговорчивостью парламента, Вильгельм ответил любезностью на любезность, издав Акт о помиловании (Act of Grace), даровавший амнистию всем сторонникам Якова II за все совершенные ими правонарушения; в мае для одобрения законопроекта потребовалось лишь одно формальное слушание в обеих палатах. Через месяц Вильгельм с армией отплыл в Ирландию.

Доводы против похода в Ирландию очень напоминали те, что выдвигались против войны с Францией. В обеих странах было немало сто-

[12] Примечания: 12

Маколей Томас Бабингтон — британский государственный деятель, историк, поэт и прозаик Викторианской эпохи, автор труда об истории Англии от «Славной революции» 1688 г. до смерти Георга III под названием «История Англии».

ронников восстановления монархии Стюартов. Весной 1689 года Яков II высадился в Кинсейле на юго-западном побережье Ирландии с корпусом французских войск. Парламент Дублина объявил его законным королем и издал закон о лишении гражданских и имущественных прав за государственную измену, направленный против его мятежных врагов. И вот в июне 1690 года Вильгельм во главе более многочисленной армии и артиллерии приготовился нанести ответный удар. Английские полки из Чешира, Камберленда и других областей страны были усилены немецкими и скандинавскими наемниками.

Положение дел в Ирландии было крайне тревожным. Вильгельм отправил туда армию под командованием герцога Фридриха Шомберга с целью подчинить себе враждебно настроенное население и его предводителей. Однако герцог предпочел остаться в оборонительной позиции и не начинать военных действий, ссылаясь на необученность своих войск и численное преимущество сил Якова II. Вильгельм был вынужден взять командование войсками на себя. С 16 000 солдат он отплыл из Честера. Через Ирландское море они переправлялись на 280 судах.

Когда Вильгельм высадился в Каррикфергусе

на северо-восточном побережье Ирландии, он объединил силы с Шомбергом и двинулся на юг в сторону Дублина. Подойдя к Дроэде (Дрохеде), портовому городу в 35 милях (56 км) к северу от ирландской столицы, он узнал, что вражеская армия находилась неподалеку — на южном берегу реки Бойн. Силы якобитов, представленные в основном ирландскими католиками, стояли на первой линии обороны Дублина. Вильгельм опасался, что успеху его ирландской кампании помешает капризная погода влажной осени и морозной зимы, однако неожиданно ему выпал шанс одержать решительную победу. По некоторым сведениям, Вильгельм, обводя взглядом ирландские войска, сказал: «Рад видеть вас, джентльмены. Если вам удастся сбежать, это будет исключительно моя вина».

Накануне битвы, 30 июня, Вильгельм попал в поле зрения конной артиллерии Якова II. Развернув пушки, те выпустили в него пару ядер, второе ядро задело ему плечо. Он на мгновение пригнулся к шее лошади, и якобиты издали возглас ликования. Однако король тут же выпрямился. «Все в порядке, — сказал он, — выстрел был метким, но недостаточно». Рану перевязали, и Вильгельм продолжил готовиться к предстоящей

битве.

Требовалось как можно скорее форсировать переправу через Бойн. Вильгельм возглавил кавалерию, которая наступала с левого фланга, а маршалу Шомбергу поручил командование пехотой. Паролем служило слово «Вестминстер». У каждого солдата протестантской армии на головном уборе красовалась зеленая ветвь, а ирландские якобиты в качестве отличительных знаков носили белые бумажные кокарды. Шомбергу оказалось непросто перейти реку. Кавалерия Якова вновь и вновь отбрасывала его назад. Тем не менее маршал держался стойко, перегруппировывал войска, не позволяя сломить сопротивление, и в конце концов якобиты получили приказ отступать. Сам Яков наблюдал за сражением издалека и под занавес бесславного финала отправился в рыбацкий поселок Дунканнон, откуда отплыл во Францию. В Ирландию он больше не вернулся, упустив последний шанс возвратить себе трон. Ирландцы, фактически брошенные на произвол судьбы, прозвали бывшего короля Яков-говнюк (ирл. *Seamus a'chaca*).

Битва на реке Бойн стала решающим сражением в войне двух королей и фактически положила конец попыткам установления католического

господства в Ирландии. Лимерикский договор (Treaty of Limerick), заключенный в 1691 году, обещал ирландской армии якобитов и католическому населению великодушные условия. Однако ирландские протестанты отнюдь не торопились потворствовать религиозному врагу, и Дублинский (протестантский) парламент сформулировал собственные условия для прекращения англо-ирландской войны, которые получили название «законы против папистов и нонконформистов». Все сражавшиеся за Якова II лишались имущества. Землевладельцы-католики теряли право передавать свое имение по наследству. Католикам запрещалось занимать государственные посты, носить оружие и открыто исповедовать свою религию. Они лишались прав вести юридическую практику и нести воинскую повинность. Сложившееся положение дел стали называть «протестантское господство», однако среди ирландских католиков появилось другое название — «большой раскол» (ирл. *long briseadh*).

Несмотря на триумф англичан в Ирландии, их противостояние Франции в войне Аугсбургской лиги было куда менее успешным. Начало войны ознаменовалось страшной катастрофой, когда

летом 1690 года объединенный флот голландцев и англичан потерпел поражение в сражении с французами у мыса Бичи-Хед, потеряв 11 судов. Эти новости спровоцировали панику в Лондоне и других городах, поскольку теперь полномасштабное вторжение врага на британские земли казалось не только возможным, но и неизбежным. Было созвано местное ополчение: на побережье Девоншира собрались отряды, вооруженные мечами и вилами, готовые дать отпор любому французу. Серебристая гладь моря, служившая Англии как «крепостной ров замку», теперь была в руках давнего неприятеля. Что, если его флот направится вверх по Темзе?

Но французского вторжения так и не произошло, или, во всяком случае, оно не было столь масштабным. Тысяча французов высадилась в Тинмуте, где они разграбили и сожгли рыбацкую деревню, после чего сразу же вернулись на корабли и отплыли. Это было показательное выступление, дающее, впрочем, представление об излюбленной французской тактике захвата. Лорд-адмирала флота Артура Герберта, 1-го графа Торрингтона, арестовали и отправили в Тауэр за неисполнение должностных обязанностей. Позднее военный суд его оправдал, однако при

дворе Вильгельма его отвергли. Герберт потерял должность первого лорда Адмиралтейства и был вынужден оставить службу.

В начале сентября 1690 года Вильгельм отправился через Ирландское море в Бристоль, предварительно отдав приказ Джону Черчиллю, графу Мальборо, разделить командование в рамках ирландской кампании с двумя иностранными генералами. Король пустился в неторопливое плавание — поистине триумфальное шествие — в Кенсингтонский дворец. В следующем месяце парламент принял решение выделить ему четыре миллиона фунтов на армию и флот в рамках продолжавшегося конфликта с Францией. Предполагалось, что средства удастся выручить за счет введения нового земельного налога и удвоения таможенных сборов и акцизов — такое увеличение государственной казны ознаменовало появление так называемой финансовой или фискальной политики государства. Это был жест, совершенный в равной степени от страха и из благодарности: членов парламента все еще тревожила перспектива французского вторжения.

А король уже был на пути в Гаагу для участия в конгрессе, в ходе которого ему предстояло объединить союзников и сформировать общую военную

стратегию. Разумеется, все они, за исключением голландцев, преследовали собственные интересы и не желали воевать. Так, Дания и Швеция полагали, что из-за удаленности от театра военных действий им следует держаться в стороне. Вильгельм заподозрил их в подготовке мирного договора с Францией, что фактически означало бы поражение. Курфюрст Бранденбурга не желал приходить на помощь Испанским Нидерландам. Курфюрст Саксонии отозвал свои войска с зимних квартир, условия в которых он счел неудовлетворительными. Императора Священной Римской империи Леопольда I куда больше занимала Османская империя, чем Франция. Однако сильной стороной Вильгельма была дипломатия: подкупами, обещаниями или уговорами, но он добился сохранения коалиции.

Ресурсы коалиции пришлись как нельзя кстати в апреле 1691 года, когда Людовику XIV сдался город Монс на юге Нидерландов, недалеко от границы с Францией. Ликование по поводу неудач Вильгельма охватило не только Версальский дворец: лондонские якобиты праздновали поражение протестантов в тавернах и харчевнях, где они были частыми гостями. У Вильгельма был и другой, тайный враг. 1-й граф Мальборо

был недоволен своей должностью; на его счету была значимая победа в Ирландии, когда он в ходе пятинедельной кампании взял Корк и Кинсейл, перекрыв тем самым морское сообщение с Францией. Его возмущало, что, несмотря на его заслуги, король предпочел ему иностранных военачальников и что герцоги и графы различных европейских княжеств могли похвастаться превосходством над ним.

Мальборо обладал всеми чертами современного патриота: миловидный, умный и находчивый, граф был еще и выдающимся полководцем, а также политиком с большим даром убеждения. Он проявил эти ценные качества еще двадцать лет назад, во время службы у герцога Йоркского, и с тех пор неизменно был в чести у властей. Мальборо оставил своего первого покровителя, который впоследствии взошел на трон под именем Яков II и во время вторжения французов перешел на сторону Вильгельма по соображениям протестантского благочестия. Однако было ясно, что граф Мальборо вновь легко поменяет свои убеждения, если того потребуют обстоятельства. Он был готов поддерживать что угодно и кого угодно в обмен на власть, деньги или новые почести, оставаясь при этом тактичным, скром-

ным и любезным.

Вскоре после возвращения Мальборо из Ирландии он, по всей видимости, организовал или поддержал заговор, ставивший целью вернуть Якова II на трон. Он полагал, что за ним — вся английская армия. Имеются свидетельства, что Якова, жившего в изгнании в парижском предместье Сен-Жермен-ан-Ле, посещали и другие представители английской знати в надежде обеспечить себе политическое покровительство в будущем, каким бы оно ни было. Однако заговор Мальборо был раскрыт, и в начале 1692 года его сместили с занимаемых должностей и отстранили от двора. Затем в мае его арестовали по обвинению в государственной измене и заключили в Тауэр. По ложному обвинению его уличили в сговоре с целью убийства Вильгельма. Это дело получило название «заговор цветочного горшка», поскольку вскрылся некий поддельный документ, якобы подписанный Мальборо, который был спрятан под цветочным горшком в доме епископа Рочестерского.

Спустя шесть недель Мальборо был оправдан, освобожден, и, частично реабилитировавшись, вернулся ко двору. Казалось, Вильгельм решил проявить великодушие в отношении предста-

вителей знати, по-прежнему баловавшихся интригами, в которые их вовлекали представители династии Стюартов. Вильгельм был невысокого мнения о природе человека.

Основной заботой короля в то время была война в континентальной Европе. В рамках этого противостояния Вильгельм не мог похвастаться ни громкими победами, ни сокрушительными поражениями. Однако в мае 1692 года французский флот из 44 судов появился у берегов северо-запада Франции в окрестностях Барфлера и Сен-Ва-ла-Уга, намереваясь восстановить Якова II на английском престоле. После тяжелейшего противостояния французские войска обратились в бегство. В ходе преследования английский и голландский флоты сумели уничтожить 15 вражеских судов. Угроза французского нападения была устранена.

Теперь голландцы и англичане стали владыками морей, а французам ничего не оставалось, кроме как разрабатывать сухопутную стратегию. Летом того же года французская армия одержала победу у Стенкерка на юге Нидерландов, когда в ходе жесточайшей битвы они наголову разбили пять английских полков. Не составляет труда перечислить на бумаге эти события в хронологи-

ческом порядке, однако, чтобы описать правдивую картину той кровавой бойни и выжечь эти события в памяти потомков, потребовалось бы огненное перо. В «Путешествии в страну гуигнгнмов» (1723) — четвертой части «Путешествий Гулливера» — Джонатан Свифт так описывает военные события того времени: «Двадцать тысяч убитых с обеих сторон; предсмертные стоны, отрубленные конечности, то и дело мелькавшие в воздухе; дым, шум, неразбериха, насмерть затоптанные лошадьми; побег, погоня, победа; поля, усыпанные трупами, брошенными на съедение собакам, волкам и хищным птицам; грабежи, разбои, насилие, поджоги и опустошение». Вскоре земля вновь обагрилась кровью. Спустя годы Томас Маколей в «Истории Англии» (History of England; 1848) писал, что «следующим летом, после битвы при Стенкерке земля, удобренная кровью двадцати тысяч убитых, расцвела миллионами красных маков».

Война потеряла популярность, если когда-то ее и имела. Теперь это была просто «война Вильгельма». Вернувшись в Англию после весенней и летней кампании на континенте, он обнаружил, что страну охватили волнения и протесты. Он попеременно искал поддержки то у вигов, то у то-

ри в попытке создать пресловутую «придворную партию», которая бы занялась решением конфликта, однако со временем начал выказывать явное расположение вигам, очевидно полагая, что тори доверия не заслуживали. Он оказался прав. Тори составили костяк так называемой партии патриотов, которая выступала против двора и действующего правительства. Члены этой партии демонстрировали недоверие правительству, с подозрением относились к регулярной армии и тем членам парламента, которые зависели от милостей двора.

В те времена четких границ между политическими партиями не существовало. Для отдельно взятого человека имелось большое количество возможностей для перехода из одной партии в другую. Тори в целом одобряли королевские привилегии, которыми теперь неограниченно пользовался Вильгельм III, однако среди них было и много якобитов, которые по-прежнему надеялись на возвращение Якова II. Виги поддерживали Вильгельма, однако в теории желали ограничить королевскую власть. Где же была золотая середина? Король предпочитал смешанный состав правительства, члены которого формировали широкий политический спектр,

однако на деле он все больше благоволил вигам, поскольку они поддерживали продолжавшуюся войну с Францией. Они были намного тверже в своем неприятии католицизма и деспотического произвола, царившего, по их мнению, при дворе Людовика XIV. Контакты с финансистами из Сити также давали вигам возможность привлекать средства на ведение войны и сулили дополнительную прибыль и проценты. Многие члены этой партии были друзьями Вильгельма. Во главе стояла группа из пяти пэров, которых к 1695 году стали называть «Хунта» (исп. *Junta*), то есть совет.

Свергнутый король, двор которого разместился в замке Сен-Жермен, по-прежнему строил планы на возвращение; он с радостью встречал каждую оплошность Вильгельма и находил себе сторонников и шпионов везде, где только мог. Якобиты даже придумали секретный пароль, который позволял им без труда узнавать друг друга: «Устроим заварушку, и отец вернется домой» (Box it about: it will come to my father). Эти слова казались полной бессмыслицей, но на деле имели важный подтекст. Подразумевалось, что для возвращения Якова на трон в стране нужно было посеять хаос. Кроме того, приверженцы изгнанника стали

характерно прихрамывать, заходя в таверны. Хромота (англ. *limp*) служила аллюзией на четыре имени. В сущности, английское слово было составлено из первых букв этих имен: Людовик (Louis), Яков (James), Мария Моденская (Mary of Modena) и молодой принц (Prince). Весной 1693 года Яков опубликовал декларацию, в которой объявил амнистию всем, кто не будет чинить сопротивление его возвращению, и пообещал пойти на значительные политические уступки, дабы утвердить парламентскую форму правления.

Положение Анны — младшей дочери Якова — было крайне затруднительным. Ситуация усугубилась в 1694 году после смерти ее сестры Марии II. В результате Анна, ярая протестантка, осталась единственной прямой наследницей Стюартов. Отмечалось, что у нее было больше шансов взойти на престол, чем у ее зятя Вильгельма, который теперь делал шаги к примирению с ней. В предыдущие годы Вильгельм и Мария игнорировали Анну или всячески пренебрегали ею, временно отстранив от двора. В свою очередь, Анна при поддержке жены графа Мальборо, влиятельной Сары Черчилль, подняла короля на смех. В переписке они называли государя «господин

Калибан»[13] или «голландский недоносок».

Анну не без причин подозревали в поддержке якобитов: она по-прежнему разделяла принципы и притязания своего отца. Полагали, что после смерти зятя она пригласит Якова вернуться на трон. Однако это было маловероятно; она ничуть не сочувствовала католикам и помнила, сколько вреда Яков причинил государству и правящему классу, настаивая на эмансипации католиков, то есть предоставлении им бóльших прав и свобод. Вероятнее всего, Анна сама намеревалась взять в руки скипетр и державу, чтобы раз и навсегда установить мир и порядок, обеспечив стабильность идеалов англиканской церкви, которым сама она была искренне предана.

У Вильгельма на повестке были иные, куда более срочные и не терпящие отлагательств вопросы. На шестом году войны он вновь столкнулся с острой нехваткой средств и опять обратился за помощью к вигам. Один из молодых членов «Хунты» по имени Чарльз Монтегю обладал необходимыми навыками, чтобы помочь государю в этом непростом деле. Именно ему, более чем кому бы то ни было, Англия обязана коренным

[13] Примечания: 13

Калибан — грубое, злобное существо (по имени персонажа «Бури» У. Шекспира). — *Прим. науч. ред.*

преобразованием финансовой системы страны.

2
«Быки» или «медведи»?

Где изыскать средства на дорогостоящую континентальную войну против Людовика, не разорив при этом собственную страну? Ответ на этот вопрос нашел один из лордов Казначейства по имени Чарльз Монтегю — молодой человек чуть за тридцать. Он решил довести до конца предложенный еще три года назад, но так и нереализованный проект. Подразумевалось учреждение центрального банка — Банка Англии, который мог бы ссуживать государству деньги при условии, что выплаты годовых процентов гарантирует парламент из средств, полученных от введения новых акцизов на пиво и другие алкогольные напитки. Таким образом, учредители банка получали гарантии погашения ссуды, даже если для этого правительству пришлось бы собирать средства путем введения новых налогов. Так возник финансовый инструмент, который впоследствии получил название «государственный долг».

В 1694 году Монтегю провел через парламент

законопроект о создании Банка Англии, рассчитывая стать новым канцлером Казначейства[14]. Он даже предоставил залог в виде внушительной суммы две тысячи фунтов в качестве собственного взноса в банк. Уставный капитал сформировали довольно быстро. Поступило предложение собрать 1,2 миллиона фунтов с состоятельных учредителей под 8 % годовых. Благодаря таким щедрым условиям необходимое количество пайщиков набралось в течение десяти дней. Среди инвесторов, наряду с купцами, финансистами и предпринимателями, были и король с королевой. Банк называли детищем партии вигов, поскольку именно с ней ассоциировался весь лондонский Сити. Тори, представлявшие интересы землевладельцев, считали эту затею не более чем прикрытием для продолжения войны. Разумеется, нельзя отрицать, что создание банка повлияло на расстановку и военных, и политических сил. Во Франции отсутствовала подобная схема финансирования военной кампании, что давало Англии некоторое преимущество в эконо-

[14] Примечания: 14

Канцлер Казначейства (англ. *Chancellor of the Exchequer*) — член кабинета министров Великобритании, ответственный за экономические и финансовые вопросы. Эта должность в целом соответствует должности министра финансов в других странах.

мическом отношении.

Создание банка ознаменовало начало финансовой революции и заложило основы устойчивости исполнительной ветви власти, хотя и не гарантировало компетентность правительства. Теперь именно парламент отвечал за государственные финансы; он собирал налоги для выплаты процентов по крупным займам. В течение последующих двух десятилетий члены парламента регулярно утверждали годовой бюджет. В конце XVII — начале XVIII века появился ряд менее крупных банков — частных лондонских и провинциальных банков, специализировавшихся на краткосрочном кредитовании и осуществлении денежных переводов. Благодаря связям с органами государственной власти и деловыми кругами такие банки существенно облегчили движение денежных потоков и торговлю.

Сити был финансовой колыбелью и центром кредитования еще во времена римского завоевания, однако стремительный рост предпринимательской деятельности в последние годы XVII века показал, что теперь мир финансов принципиально изменился. В 1694 году член Королевского общества Джон Хафтон писал, что «с начала войны с Францией появилось огромное

количество акций». По его словам, «большинство состоятельных людей хотели, чтобы деньги работали», при этом основную прибыль они стремились получать не с «земель, домов или товаров», а из совершенно иных источников. Вскоре известность получили новые способы обогащения, такие как спекулятивные биржевые сделки; заработать можно было даже на покупке и продаже акций Банка Англии. В 1724 году Даниель Дефо писал о «торговле, которая однажды околдовала всю страну, чуть было не разорив ее».

Биржевая аллея неподалеку от Королевской биржи (Royal Exchange)[15] стала центром таких операций. Брокеры, совершавшие сделки с государственными бумагами и акциями частных компаний, выбрали в качестве места встреч две кофейни — «У Джонатана» (Jonathan's) и «У Гэррауэя» (Garraway's). Реклама кофейни «У Джо-

---

[15] Примечания: 15

Королевская биржа — первая товарная биржа в Англии, возникшая в лондонском Сити в 1560–1570 гг. как площадка для торговли овечьей шерстью. С 1695 г. там проводились сделки с государственными и корпоративными ценными бумагами. Однако вскоре правительство решило ограничить количество торговцев на бирже и ввести значительные штрафы для тех, кто работал без лицензии. Лишившись доступа на Королевскую биржу, брокеры перебрались на Биржевую аллею, где за столиками кофеен заключались первые договоры на поставку соли, пороха и т. д.

натана» 1695 года гласила, что любой желающий мог «приобрести и продать там все виды паев и акций». Брокер Джон Кастинг издавал бюллетень с котировками акций и биржевыми курсами, а также с описанием состояния деловой активности в Генуе, Дублине, Роттердаме и других городах. В кофейнях традиционно принимались ставки — как по вопросам государственной важности, так и по частным пари. Сколько дашь, если я не буду пить вина, эля или бренди до Михайлова дня 1696 года? Каковы шансы, что войну против Франции объявят до Рождества? На известной гравюре тех лет изображены джентльмены в париках и треуголках, беседующие в просторной комнате; они одеты в строгие камзолы. Это вкладчики или их представители в правительственных сделках или на промышленных предприятиях, ибо уже тогда формировались акционерные капиталы крупнейших компаний. На стене за джентльменами изображены бык и медведь, а также хромая утка. Бык олицетворял финансового оптимиста, а медведь — напротив, пессимиста; нет никаких сомнений в том, что среди изображенных на

гравюре были представители обеих групп[16].

Их разговор воспроизведен в пьесе «Смелый ход для жены» (A Bold Stroke for a Wife; 1717) Сюзанны Сентливр. Действие происходит как раз в кофейне «У Джонатана»:

Первый брокер. Кто участвует в лотерее цивильного листа? Или торгах какао [кофейных бобов]? Черт возьми, где сегодня все жиды? Кто ты сегодня, Авраам: бык или медведь?

Второй брокер. Бык, клянусь честью, — но у меня припасен недурной козырь на будущую неделю.

Официант *(громко).* Свежий кофе, джентльмены, свежий кофе! (Или: «Байховый чай!»)

Эта практика была совершенно новой и для многих рискованной. Мысль о зарабатывании денег «из воздуха» по принципу рантье особенно не нравилась тори. Они полагали, что богатство Ан-

---

[16] Примечания: 16

«Быки» и «медведи» — общепринятые названия участников фондового рынка, которые играют на повышение или понижение курсов валют или ценных бумаг, то есть представляют собой биржевых «бойцов», которые придерживаются разных торговых стратегий. Считается, что бык и медведь символизируют движение фондовых рынков сообразно манере нападения этих животных. Так, например, бык поднимает жертву на рога — и это символизирует подъем рыночных цен. Медведь же, напротив, валит врага на землю лапой — и цены, соответственно, падают.

глии — в ее землях, а не финансовых махинациях, и утверждали, что никто лучше землевладельцев не мог судить о сильных сторонах страны. Однако непререкаемым авторитетом в Лондоне пользовались и богачи, служившие надежной опорой для вигов. К богачам в те времена относились купцы, финансисты, чиновники и представители свободных профессий, среди которых встречалось немало диссентеров и нонконформистов. Существовало простое правило: инакомыслие шло об руку с деньгами, а англиканство — с земельными угодьями. Пока продолжалась война и правительство отчаянно нуждалось в финансировании, нуворишам был гарантирован немалый доход от учреждений государственного кредитования. Землевладельцы, напротив, переживали тяжелые времена, со дня на день ожидая обвала рынка. В памфлете «Поведение союзников» (The Conduct of the Allies) 1711 года Джонатан Свифт возобновил нападки на вигов, заявив, что война продолжается лишь для того, чтобы «обогатить ростовщиков и спекулянтов, претворить в жизнь пагубные замыслы партии и истребить землевладельцев».

Между вигами и тори возникли очередные разногласия, которые, хотя и имели политическую

подоплеку, могли отразиться прежде всего на экономической жизни страны. Некоторые тори поддерживали возвращение к власти свергнутого короля Якова II или его сына; однако, вернувшись на трон, Стюарты могли отказаться от уплаты долга, принадлежавшего Вильгельму III и вигам. Это грозило бы стране финансовым хаосом и разорением богатых инвесторов. А этого никак нельзя было допустить.

Разумеется, опасения обеих сторон ничем не подкреплялись. Вскоре, абстрагировавшись от агонии войны, они осознали общность интересов владельцев капитала и недвижимости. Осенью 1711 года Джозеф Аддисон писал в журнале Spectator: «Торговца кормит земля, землевладельца одевает торговля»[17]. Вскоре и землевладельцы, и представители финансовых кругов стали разделять идеалы «джентльменства» и «благородного общества», которые определяли общественные нормы в течение следующих 150 лет; наличие аристократической элиты, стать частью которой, казалось, так легко, удивительным образом приковывало внимание тех, кто так стремился туда попасть.

---

[17] Примечания: 17

Цит. в пер. Н. Трауберг по: Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII в. М.: Прогресс, 1987.

Финансовую стабильность дополнительно усилила новая мера, внедренная Чарльзом Монтегю. В течение года после открытия Банка Англии он решил восстановить реальную стоимость серебряного шиллинга, ведь к тому времени его ценность серьезно упала из-за распространившейся практики обрезывания монет или их подделки. Около 95 % монет были фальшивыми или неполновесными. Никогда еще серебряная монета не стоила так дешево.

Монтегю обратился за помощью к Исааку Ньютону. Они оба некогда учились в Тринити-колледже в Кембридже. Ньютон прогремел на весь мир, сформулировав закон всемирного тяготения в книге «Математические начала натуральной философии». Весной 1696 года Монтегю назначил своего прославленного однокашника смотрителем Монетного двора в районе Тауэр-Хилл. Одной из причин, по которой Монтегю решил привлечь выдающегося ученого к этой работе, стала написанная Ньютоном годом ранее лаконичная статья под названием «Об улучшении английской монеты» (On the Amendment of English Coins). Сочетая качества выдающегося теоретика и упорного экспериментатора, новый смотритель Монетного двора мог принести двой-

ную пользу.

Обстоятельства требовали перечеканки всех серебряных монет, а старые монеты с примесями других металлов следовало полностью изъять из оборота. Инициатива исходила от Монтегю, однако организация процесса и контроль над ним легли на плечи Ньютона. В целом все прошло успешно, и уже спустя несколько месяцев после назначения Ньютона смотрителем Монетного двора еженедельно чеканили порядка 150 000 фунтов серебряными монетами. Денежному стандарту страны больше ничто не угрожало. Столпы государства остались нерушимы.

Уклад нового государства, сформировавшегося в результате «Славной революции» 1688 года, был вполне ясен. Разумеется, главой страны по-прежнему оставался монарх. Вильгельм III взошел на трон волею «Божественного провидения и по праву помазанника Божия», что, впрочем, могло быть истолковано по-разному. Эта двусмысленная формулировка обозначала двусмысленность ситуации. Вильгельм стал королем по праву завоевания или с согласия парламента? И какого соблюдения прав «помазанника Божия» он мог требовать? Он никогда не пытался излечивать

золотушных, являя миру «королевское чудо»[18], хотя его преемница Анна впоследствии не гнушалась этим способом демонстрации своего якобы сверхъестественного могущества.

Авторитет короля, несколько неопределенный или, во всяком случае, не оформленный, опирался на класс аристократов, которые заправляли новым государством с самого момента его образования. Высшие слои аристократии насчитывали около двухсот представителей, среди которых значились герцоги, графы и другие лорды; все они являлись членами немногочисленной, но сплоченной землевладельческой элиты. Богатство было основным, но не всегда единственным требованием для входа в этот круг избранных. Родословная оставалась не менее, а порой и более важным условием. Большую роль играло наличие права поземельной собственности, в которое входило исключительное право на охоту. Энергичные и честолюбивые представители высшего мелкопоместного дворянства

[18] Примечания: 18

В средневековых трактатах золотуху называли «королевской напастью» или «королевской болезнью» (англ. *King's Evil* или *Queen's Evil*). Считалось, что излечить ее можно было лишь с помощью королевского волшебства. В ходе обряда исцеления король дотрагивался до ран и язв больного и осенял их крестным знамением, после чего золотушному вручалась милостыня. Полагали, что, как помазанники Божьи, монархи обладали даром исцелять эту болезнь.

охотно становились частью такой элиты, не имея ни малейшего желания противостоять ей, ибо аристократический культурный код наряду с идеализацией избранного класса красной нитью проходил сквозь социальную и политическую жизнь грядущего столетия. Ключом к успеху были не крутые перемены, а принцип преемственности, которая определялась привычными моделями восприятия и традиционными видами деятельности — столь же понятными, сколь и непререкаемыми.

Этот принцип является не отжившим представлением о «старой Англии», а живой иллюстрацией действительной политики и власти. О возможностях приобрести «входной билет» в высшие круги для людей с состоянием и даже нуворишей было написано немало, однако дело обстояло куда сложнее. Вплоть до начала правления Георга III (1760–1820) действовало неизменное правило: торговец не мог стать пэром.

Лорды являли собой мощную силу в том числе и в палате общин. Пока глава аристократического клана заседал в верхней палате, его родственники и иждивенцы — в нижней. Уильям Питт Старший даже назвал палату общин «компанией

младших братьев». Кроме того, представители разных семей заключали брачные союзы, таким образом усиливая могущество аристократического меньшинства. В результате в стране насчитывалось более 15 000 представителей низших слоев джентри, не имевших благородного происхождения, но освобожденных от необходимости самостоятельно возделывать землю[19].

Для большинства представителей мелкопоместного дворянства основной церковью была государственная, то есть англиканская, к которой они принадлежали по праву рождения. Все остальные, разумеется, считались диссентерами, немногие были атеистами, однако основная масса исправно ходила по проторенной тропе в деревенскую или городскую церковь. В начале XVIII века англиканское духовенство было полностью подчинено административному аппарату. Архиепископ Кентерберийский имел официальное место в Тайном совете, а епископы составляли неотъемлемую часть палаты лордов. Когда однажды епископ Хэр слегка пригрозил

[19] Примечания: 19

Одной из причин данного явления выступал майорат — передача земельной собственности и титула исключительно старшему сыну. В России попытка ввести единонаследие указом Петра I 1714 г. фактически провалилась: в 1731 г. Анна Иоанновна официально отменила данный акт. — *Прим. науч. ред.*

вигскому вельможе лорду Картерету возможным отказом поддержать его во время голосования, тот ответил: «Если уж мне понадобится ваш голос, то я придумаю, как его получить». Сами епископы нередко были благородного происхождения, поэтому их не мог не радовать тот факт, что после смерти Кромвеля вельможи получили возможность вернуться в свои дворцы. Служение церкви считалось одной из трех важнейших профессий наряду с юриспруденцией и зарождавшейся наукой или искусством врачевания, и потому духовенство являлось неотъемлемой частью социальной иерархии.

Ортодоксальное англиканство — нечто иное даже трудно себе представить — было в основе своей религией ответственности и долга. Главную роль в нем играл здравый смысл, а не догматизм. Руководящим принципом была нравственность, а не Христос Спаситель. Богослужения и каноны во многом оставались неизменными со времени их возникновения в середине XVI века. Дополняли картину привычка и безразличие. Когда пастор и землевладелец живут в мире и согласии, религиозная и светская стороны жизни являются отражением друг друга. Пожалуй, в этом случае мы можем согласиться с истинным врагом всех

англичан — Наполеоном Бонапартом, который однажды заметил: «В религии, на мой взгляд, заключена отнюдь не загадка вочеловечения Иисуса Христа, а загадка общественного порядка. Идея равенства дана самим небом, ибо она спасает богатых от расправы, которую неминуемо учинили бы над ними бедные». Если это высказывание кажется слишком циничным, мы можем обратиться к исконно английскому бытописателю Уильяму Хогарту, который в гравюре «Спящий приход» (The Sleeping Congregation) показал, как повальная скука и безразличие окутывают сознание общества. На изображении преобладают светские, а отнюдь не божественные образы. Духовность превратилась в снотворное.

У других сословий дел было куда больше. Возможности обогащения, появившиеся в результате финансовой революции, способствовали росту числа и авторитета представителей так называемого среднего сословия, удобно разместившегося между джентри и огромной армией разнорабочих и лавочников. Новый класс включал в себя фермеров-арендаторов и владельцев фабрик, городских торговцев, мелких предпринимателей и духовенство, врачей и юристов. Рост числа специалистов, чей труд теперь оплачивался на

регулярной основе, был одной из характерных особенностей начала нового столетия. Эти люди не отличались приверженностью особым правилам поведения, однако главные качества представителей этого разношерстного сословия оставались неизменными: предприимчивость, порядочность, сдержанность и трудолюбие.

Даниель Дефо — ярый сторонник ценностей среднего класса, правда порой сбивавшийся с праведного пути, в первой главе романа «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» (1719) словно напоминает сам себе, что «среднее положение в обществе наиболее благоприятствует расцвету всех добродетелей и всех радостей бытия: мир и довольство — слуги его; умеренность, воздержанность, здоровье, спокойствие духа, общительность, всевозможные приятные развлечения, всевозможные удовольствия — его благословенные спутники. Человек среднего достатка проходит свой жизненный путь тихо и безмятежно, не обременяя себя ни физическим, ни умственным непосильным трудом, не продаваясь в рабство из-за куска хлеба, не мучаясь поисками выхода из запутанных положений, которые лишают тело сна, а душу — покоя, не страдая от зависти, не сгорая втайне огнем че-

столюбия»[20].

Благосостояние граждан неизменно росло по мере укрепления экономики. В начале XVIII века каждого седьмого можно было причислить к среднему классу; спустя сто лет это был уже каждый четвертый или пятый. Впрочем, некоторые из них с беспокойством осознавали свой промежуточный статус и пытались как можно дальше отойти от рубежа нищеты, подражая манерам и образу жизни высших сословий. Нужно было во что бы то ни стало держать лицо; следовало не только быть кредитоспособным, но и производить соответствующее впечатление, чтобы не оказаться на дне общества. Конечная цель состояла в том, чтобы за одно или два поколения пополнить ряды знати.

Среди представителей среднего класса было немало сторонников англиканской церкви, однако в пропорциональном отношении преобладали диссентеры или нонконформисты. Ведь именно в основе их религии лежали тяжелый труд, предприимчивость, честолюбие и упорство. Государство уже отчасти смирилось с религиозным сектантством. Пресвитериане, кон-

---

[20] Примечания: 20
Перевод М. А. Шишмаревой.

грегационалисты и арминиане, например, были частично признаны в результате принятия Акта о веротерпимости 1689 года (Toleration Act), хотя им по-прежнему запрещалось занимать государственные должности. Их церкви и молельни составляли часть городского и сельского пейзажа. Квакеры, некогда участвовавшие в шествиях обнаженными «в знак следования» заветам двадцатой главы Книги пророка Исаии, действительно вели себя, по словам коллекционера Авраама де ла Прима, «скромно и благочестиво». Таков был вектор развития всех радикальных сект. Со временем их адепты становятся куда более спокойными и почтенными; что и говорить, они становятся старше. Однако методистское возрождение, пик которого пришелся на последующие десятилетия, позволило пробудить первобытный огонь в душах фанатичных евангелистов. Такой ревностной борьбы с ортодоксальной закостенелостью Англия не видела с середины XVII века.

Разумеется, многие и вовсе обходились без религии, если не считать пережитков язычества и природной духовности, унаследованных от поколений прошлых веков. В начале XVIII века низшее сословие зачастую определяли как «механическую часть человечества». Они жи-

ли разнообразным ручным трудом. Это были в буквальном смысле «руки» страны, которые подавали еду, таскали воду, рубили деревья, шили и пряли. Все они составляли крупнейший класс рабочего населения: от шахтеров до швей манто, от часовщиков до лавочников и от лакеев до поваров. Дефо писал о них: «много работают, но мало хотят», а еще «сельские жители, фермеры и так далее, кому безразличны достижения». Некоторые из тех, кто работал на земле, не могли в полной мере насладиться ее плодами. Если их свиньи давали поросят, а куры — цыплят, их, вероятнее всего, относили на рынок, а не подавали дома к столу. Крестьяне продавали выращенные собственными руками яблоки и груши, а сами питались снятым молоком или молочной сывороткой, в то время как их покупатели лакомились сливками и сыром. Неустанный труд крестьян на благо страны так и остался подвигом безымянного героя.

С появлением новых веяний в исторической науке специалисты по истории общества обратили взор на тех, кто находился в еще более сложных обстоятельствах. По некоторым оценкам, до промышленной революции примерно четверть всего населения жила за чертой бедности. Это были те,

кто, по словам Дефо, «много работал». Их также можно назвать «работавшими нищими». Одним из них был Джереми из пьесы Уильяма Конгрива «Любовь за любовь» (Love for Love; 1695), который, рассказывая о себе, говорил: «Зимой моя матушка торговала устрицами, а летом — огурцами, а я появился на свет, поднявшись вверх по лестнице, ибо родился в подвале»[21]. С тех пор он неплохо преуспел, став слугой джентльмена. Именно в этом и заключалась ценность этого класса. Его члены могли быть весьма полезными; один факт, что их число было огромно, являлся настоящим благословением для богатых. Нищие пополняли ряды рабочих на фабриках и заводах, скромно выполняли обязанности прислуги на кухне. Считалось, что дисциплина, лишения и тяжелый труд были универсальным лекарством от безделья, даже если, как говорил сэр Уильям Питт, вся их работа заключалась в перетаскивании камней из Стоунхенджа к Тауэр-Хилл.

Те же, кто находился на самом дне социальной пирамиды, были сплошь жалкими, несчастными и никуда не годными отбросами общества. К ним

[21] Примечания: 21

Ср. пер. Р. В. Померанцевой: «…матушка зимой торговала устрицами, а летом — огурцами, и в мир я вошел по лесенке, ибо родился в подвале».

относились попрошайки, бродяги, калеки, умалишенные, а также все многочисленное племя бездомных оборванцев в лохмотьях, которые ютились в дырах в стенах, шахтах, хлевах и на чердаках. В одном из анонимных памфлетов 1701 года под названием «Рассуждения о моральном облике нации» (Reflexions Upon the Moral State of the Nation) утверждалось, что эти отверженные «жили скорее как крысы или другие мерзкие твари, нежели как создания рода людского». Беспомощные и неизлечимо больные, они зачастую оказывались брошенными и забытыми. О них вспоминали, лишь когда они участвовали в мятежах, беспутствах или оказывались разносчиками эпидемий. Обитатели улиц вызывали страх и отвращение, и даже самые щедрые порывы реформаторов не могли повлиять на их жизнь. От нищих невозможно было избавиться, исключить их из социальной иерархии, но при этом они оставались неприкасаемыми.

Смерть королевы Марии в Кенсингтонском дворце в конце 1694 года погрузила Вильгельма в скорбь и траур столь глубокие, сколь и неожиданные. Мария скончалась от оспы во время особенно холодной зимы. Всякий раз, когда ее супруг отправлялся с армией на континент, она

замещала его с некоторой неохотой. Она чувствовала себя «лишенной всего, что так дорого в лице мужа, покинутой и одинокой среди совершенно чужих людей»: «Сестра моя так сдержанна и серьезна, что едва ли может меня утешить». В действительности Мария и ее сестра Анна почти не разговаривали друг с другом. Когда Вильгельм был рядом, Мария без раздумий выполняла все его желания, однако она обладала не только покладистым нравом, но и жизнерадостностью и живостью, которые не часто проявлялись у ее супруга. Впрочем, в его отсутствие она демонстрировала решимость и королевское достоинство. По усопшей скорбели повсеместно и, возможно, даже искренне.

После смерти королевы ее сестра Анна оказалась в исключительно трудном положении; теперь она становилась бесспорной наследницей трона, имея на него куда больше прав, чем ныне действующий монарх. После десяти лет пренебрежительного отношения к Анне Вильгельму пришлось научиться проявлять к ней почтение и уважение. Сама Анна полностью полагалась на фрейлину графиню Сару Мальборо, а также на ее мужа, 1-го графа Мальборо. Так строилась карьера при дворе, и вскоре удачливая пара стали

герцогом и герцогиней.

Хотя аббатство было задрапировано черной тканью в знак траура по усопшей королеве, парламент действовал, или, правильнее сказать, бездействовал по вопросу, который будет иметь несчетные последствия для будущего государства. Весной 1695 года по недосмотру была пропущена резолюция о «регулировании печати и типографий», что привело к возникновению феномена, получившего название «четвертое сословие» или «четвертая власть». В ретроспективе эта резолюция оказалась судьбоносной, ибо она навсегда освободила английские печатные СМИ от правительственного контроля.

Ранее публика была вынуждена довольствоваться официальной газетой правительства London Gazette. Она была основана в феврале 1665 года и официально издается по сей день, хотя, по словам капитана Блеффа из комедии Уильяма Конгрива «Старый холостяк» (The Old Bachelor; 1693), в газете «поверьте, сэр… за весь прошлый год не сказано и двух слов правды»[22]. Однако в результате завинчивания гаек в эпоху доминирования одной партии над другой и напряженной

---

[22] Примечания: 22
Перевод П. В. Мелковой.

военной обстановки спрос на печатные СМИ заметно вырос.

В течение двух недель после отмены цензуры вышел первый тираж газеты Intelligence, Domestic and Foreign; за ней последовали The English Courant, The Post Man, The Post Boy, The Weekly News-Letter и др. В некоторых из них были предусмотрены пустые графы, куда читатель мог записать свежие новости перед тем, как передать газету знакомым или соседям. Многие статьи сопровождались такими фразами: «требует подтверждения», или «вокруг этого события существует много домыслов», или «время прояснит истинный ход событий». Происходившее в мире зачастую казалось крайне неясным и неопределенным.

В годы правления королевы Анны на улицах и в кофейнях Лондона появилось более сорока информационных бюллетеней и газет, многие из которых впоследствии попадали в мелкие и крупные провинциальные города. Чтобы прочитать самые важные из них, потребовался бы целый день. В этой связи мы можем говорить о появлении политически подкованной нации, а также о зарождении журналистики и эссеистики. Могущество прессы вскоре стало очевидным, и

в письме Лемюэля Гулливера, которым открываются его «Путешествия», знаменитый, хотя и вымышленный хирург цитирует своего кузена, заметившего, что «власть имущие весьма зорко следят за прессой»[23].

Первая ежедневная газета Daily Courant вышла в среду 11 марта 1702 года. Она представляла собой лист, на одной стороне которого были напечатаны новости из Неаполя, Рима, Вены, Франкфурта и других городов; основная масса статей касалась хода военных действий, а в послесловии издатель пренебрежительно прошелся по «нахальству обычных газет». Одна из статей, написанная характерным сухим языком, открывалась отчетом из Неаполя, где говорилось, что «в прошедшую среду наш новый наместник короля, герцог Эскалона, прибыл сюда с эскадрой галер из Сицилии». Газета продавалась рядом с таверной «Королевский герб» (King's Arms) на Флит-бридж и в окрестностях, неподалеку от района, который уже заработал прозвище «Граб-стрит»[24].

---

[23] Примечания: 23

Перевод А. А. Франковского.

[24] Примечания: 24

Граб-стрит (Grub Street) — улица в Лондоне, где жили третьесортные писаки и низкопробные журналисты. Отсюда появилось и переносное значение топонима — дешевое издание посредственной литературы.

Все эти газеты поначалу были большей частью коммерческими проектами, хотя некоторые частично спонсировались политиками, мечтавшими сформировать весомое «общественное мнение» по какому-либо вопросу. Газеты и периодические издания зависели в основном от рекламы и тиража, став, таким образом, частью коммерческого мира, который уже тогда обретал форму.

Спустя несколько недель после смерти супруги в 1695 году король в одном из писем писал: «Я более не чувствую сил брать на себя военное командование». Однако в привычной для него манере добавил: «И все же я попытаюсь выполнить свой долг». Долг вынуждал его вернуть Намюр — ключевую крепость в Испанских Нидерландах. Цитадель Намюра контролировала плодородную равнину и две реки — Самбру и Маас и никогда раньше не сдавалась в руки врага. Однако тремя годами ранее французские войска под командованием Людовика XIV осадили город и спустя восемь дней сломили оборону. Для Англии и ее союзников это стало самой большой неудачей в кампании против Франции.

Вильгельм понимал, что, вернув оккупированный французами Намюр, он одержит знаковую

победу. В начале июля 1695 года после ряда обманных маневров и нескольких перестрелок он пошел прямо на город: за кровопролитным наступлением последовали сражения, продолжавшиеся два месяца до полной капитуляции противника. Это как раз тот военный конфликт, в котором дядя Тоби из романа «Жизнь и мнения господина Тристрама Шенди» (The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman) Лоренса Стерна получил ранение в пах; в саду он строил модели оборонительных сооружений цитадели. Возбуждение и ажиотаж, вызванные военной кампанией, взбудоражили население Лондона, которое хлынуло в книжные лавки и кофейни за новостями. Победа короля была одним из важнейших событий в Девятилетней войне; более того, она имела столь большой резонанс, поскольку была одержана не на море. Это была первая крупная победа на суше со времен Битвы в дюнах[25] при Оливере Кромвеле в 1658 году. Вернувшись из похода, Вильгельм летом отправился в триумфальное турне, однако в очередной раз проявился его сдержанный и подозрительный нрав. Он из-

[25] Примечания: 25

В 1658 г. в Битве в дюнах близ Дюнкерка (порт на севере Франции) испанская армия была разгромлена франко-английской армией. После капитуляции Дюнкерк был передан Оливеру Кромвелю.

бегал проторенных дорог, а в Оксфорде отказался от ужина, испугавшись, что его могут отравить.

3
Идол эпохи

В любом случае торжества по случаю победы длились недолго. Несмотря на очевидный успех в Испанских Нидерландах, война тянулась уже слишком долго и порядком истощила государственную казну. Сама Англия едва ли получила от конфликта какую-либо пользу. В конце 1695 года Яков II, эмигрантский двор которого разместился во Франции, выпустил прокламацию, которая «всемерно уполномочивала, настоятельно требовала и решительно приказывала нашим верным подданным взять в руки оружие и пойти войной на принца Оранского, узурпатора трона…». У Якова действительно были сторонники в Англии, готовые подчиниться приказу, однако они могли и хотели действовать лишь при условии вторжения Франции на территорию Англии. Впрочем, вторжение было слишком смелым шагом для Людовика XIV, у которого и без того хватало забот на континенте.

Были заговорщики, которые предпочитали действовать в одиночку. Анна — законная наследни-

ца из династии Стюартов — непременно взошла бы на трон в случае смерти короля Вильгельма; эта перспектива, по всей видимости, легла в основу заговора, возникшего в начале 1696 года. По пути домой, в Кенсингтонский дворец, после еженедельной охоты в Ричмонд-парке, король по обыкновению проезжал по узкой дороге вдоль реки в Тернем-Грин. Заговорщики планировали, что там на него нападут вооруженные люди, окружат и убьют. Однако, как и большинство подобных заговоров, он провалился из-за утечки информации и предательства внутри группы заговорщиков. Вильгельм отменил охоту, однако не преминул воспользоваться заговором против него в качестве эффективного рычага управления. В феврале 1696 года, объявив парламенту о раскрытии заговора, он произвел настоящую сенсацию, подтолкнув членов парламента создать союз по охране короля, напоминавший тот, что в свое время был организован при Елизавете I для защиты от испанских заговорщиков.

Общее настроение характеризовалось разочарованием и усталостью от войны. После победы в Намюре Англия продолжала воевать, но уже без больших побед и сокрушительных поражений. Каждая из сторон конфликта стремилась взять

противника измором, понимая, что каждое новое сражение грозит стране тяжелыми финансовыми потерями. Впрочем, независимый наблюдатель, если бы такой нашелся, без сомнения сделал бы определенные выводы о неутихающем конфликте. Вильгельм III оказался на поверку не по зубам Людовику XIV; энергичность и стойкость короля Англии вкупе с поддержкой союзников смогли остановить экспансию империи Бурбонов. Кроме того, развитие финансовой системы Англии и недавно обретенная экономическая стабильность гарантировали определенную устойчивость страны в случае новых конфликтов.

После пяти месяцев переговоров стороны составили и подписали Рейсвейкский мирный договор (Treaty of Ryswick), который завершил Девятилетнюю войну Аугсбургской лиги. По условиям этого соглашения, заключенного осенью 1697 года, Вильгельм несомненно оказывался в более выгодном положении: Людовик был вынужден отказаться от большей части территорий, захваченных им в ходе войны, и, что более важно, признать Вильгельма III законным королем Англии. Должно быть, это стало серьезным ударом для Якова II и Стюартов, однако, как известно, ко-

роли далеко не всегда держали свои обещания.

Спустя девять лет после начала кровопролитной и разорительной войны новости о мирном договоре Лондон встретил колокольным звоном. Сам Вильгельм заявил: «Невозможно описать, какой восторг вызвали здесь вести о мире». Выходить в море вновь стало безопасно, а купцы могли возобновить торговлю, не опасаясь за свою жизнь. Надеялись, что большая часть налогового бремени будет снята, ведь на покрытие военных расходов уходило три четверти всех налогов.

На открытии очередной парламентской сессии в начале декабря был поднят вопрос о необходимости регулярной армии. Король хотел сохранить ее как средство сдерживания французов, однако подавляющее большинство членов парламента выступало за мирное правительство, что отражало традиционный уклад доброй старой Англии. Решили, что все сухопутные войска, набранные с сентября 1680 года, должны быть немедленно расформированы и армия должна быть не больше той, что существовала при Карле II. В численном выражении это означало 7000 человек. Землевладельцы не хотели платить налоги ради содержания раздутой армии, в особенности иностранных наемников. Эти 7000 человек долж-

ны были составлять исключительно подданные английского короля; при этом личная охрана короля, которую обеспечивали голландцы, а также полки французов-протестантов распускались. Вильгельм, едва сдерживая гнев, заметил, что парламент добился того, чего французам не удалось за девять лет войны. Едва ли можно было обойтись с монархом-победителем более подло. Возможно, именно этим объясняется столь сильная тоска Вильгельма по родине.

В начале 1701 года парламент, продолжая продвигать свои интересы, принял Акт о престолонаследии (Act of Settlement), тем самым не оставив династии Стюартов ни малейшего шанса на наследование трона[26]. Летом 1700 года принц Уильям Датский, одиннадцатилетний сын принцессы Анны и ее супруга, принца Георга Датского, умер от водянки головного мозга. Анна была беременна семнадцать раз, но ни один ребенок не выжил. Когда она взошла на трон, было очевидно, что она не оставит после себя ни одного закон-

[26] Примечания: 26

После смерти принца Уильяма Датского, сына принцессы Анны, возник кризис престолонаследия. Опасаясь реставрации католиков, в 1701 г. парламент принял Акт о престолонаследии, лишивший католическую мужскую линию Стюартов прав на престол. Согласно акту, после смерти последнего Стюарта-протестанта, коим являлась Анна, наследницей престола объявлялась принцесса София Ганноверская.

ного наследника. Уильям был единственным ребенком Анны и Георга, пережившим младенчество, и рассматривался современниками как будущий протестантский король, которому по приказу Вильгельма даже создали собственный двор. После смерти мальчика король в письме графу Мальборо писал: «Это страшная потеря не только для меня, но и для всей Англии; боль пронзает мое сердце».

Разумеется, эта новость была воспринята якобитами с радостью, поскольку вновь зародилась надежда, что Яков или его сын будут законно восстановлены на троне. Однако у парламента были другие планы. Он обратился к Германии, а точнее, к единственной оставшейся в живых внучке Якова I. София Ганноверская, принцесса Пфальцская, в замужестве первая курфюрстина Брауншвейг-Люнебургская, была дочерью печально известной «зимней королевы» Елизаветы Стюарт, чье правление в качестве королевы Богемии продолжалось всего год, пока ее с супругом не изгнали войска Священной Римской империи. Благодаря неожиданному повороту и удачному стечению обстоятельств София должна была стать следующей королевой Англии; если же она не хотела или не могла взойти на трон,

наследником становился ее сын Георг Людвиг (Георг Луи) Ганноверский, который был здоров и исповедовал протестантизм.

Впрочем, положения Акта о престолонаследии, предложенные парламентом, предусматривали особые требования. В соответствии с ними монарх Англии должен был состоять в евхаристическом общении с англиканской церковью. Если король родился за пределами страны, то английские войска не были обязаны защищать его родные земли. Король не имел права покидать Англию, Шотландию или Ирландию без согласия парламента. Все эти меры предусматривались для того, чтобы исключить какие-либо притязания, которые могла предъявить Ганноверская династия. Монарх мог быть немцем по происхождению, однако править он был должен по английским законам.

Вильгельм знал, что Рейсвейкский мирный договор не означал окончания вражды, поскольку понимал, что неуемное желание славы непременно заставит французского короля вновь испробовать свои силы на военном поприще. Испания подвернулась как нельзя кстати. Испанский король Карл II, известный как Карл Околдованный (Безумный), всю жизнь страдал

от многочисленных болезней. Он был инвалидом и умственно отсталым; его язык был слишком длинным и не помещался во рту, поэтому он постоянно пускал слюни. Он отличался непропорционально большой и деформированной нижней челюстью, поэтому остальная часть лица казалась утопленной в ней. Тело Карла сгорбилось из-за размягчения костей, а разум был расстроен. Он верил, что в детстве его околдовали или навели на него порчу; так считал его двор, а вместе с ним и вся страна. По совету монаршего духовника, в качестве лечения к нему стали применять экзорцизм. Карл был последним из Габсбургов на испанском троне. Большое количество близкородственных браков среди его родных, безусловно, могло быть причиной его множественных умственных и физических отклонений. Карл был помехой при жизни, однако после смерти стал настоящей проблемой. Он правил Испанией и Испанскими Нидерландами, которые в основном находились на территории современной Бельгии. Кроме того, Карл возглавлял империю, простиравшуюся от Америки до испанской Ост-Индии. На бумаге это выглядело куда более внушительно, чем на деле, но все же соблазн был слишком велик и не оставлял про-

тивникам шанса устоять.

Весной 1700 года, за месяц до смерти Карла, были предприняты попытки разделить испанские владения между основными претендентами. Их алчность вкупе с неудачным стечением обстоятельств помешали реализации задуманного. Император Священной Римской империи Леопольд I Австрийский, проведя тщательное генеалогическое исследование, от имени своего сына заявил о правах своей династии (австрийская ветвь династии Габсбургов) на испанский трон. Результаты этого исследования опирались на положения конкретного брачного договора[27]. Ни один ящик Пандоры не таил в себе столько бед, несчастий и разногласий, как этот текст. Людовик XIV с ужасом оценивал перспективы союза Мадрида и Вены, который мог привести к переделу французских владений. Карл Околдованный назначил наследником всей Испанской империи герцога Филиппа Анжуйского, который приходился Людовику XIV внуком. Вильгельм III

[27] Примечания: 27

Леопольд I настаивал на том, что он должен наследовать Карлу II в рамках династической иерархии. Во-первых, оба они происходили от Филиппа I Габсбурга, первого представителя династии Габсбургов на испанском престоле. Во-вторых, Леопольд был двоюродным братом Карла II, поскольку его мать была сестрой Филиппа IV и, что важно, выйдя замуж, не отказалась от прав на испанский престол.

не хотел даже допускать мысли о возможном союзе между Парижем и Мадридом: этого не должно было произойти. Такой огромной империи Бурбонов мир еще никогда не видел.

Однако Людовик был начеку. В конце ноября 1700 года, спустя три недели после смерти Карла, он провозгласил своего внука Филиппа Анжуйского королем Филиппом V Испанским — истинным и законным наследником престола. Людовик также принял необходимые меры, чтобы запретить торговлю между Англией и Испанскими Нидерландами. Вслед за коммерческим и политическим выпадом последовало оскорбление личного характера. В середине сентября 1701 года в ореоле святости скончался Яков II. Еще весной во время мессы в церкви Сен-Жермен у короля случился удар, и его разбил паралич. Пережив еще два инсульта, Яков II умер. В последние годы жизни его постоянными спутниками были суровые монахи французского аббатства Ла-Трапп. Неудивительно, что перед смертью он умолял своего сына и наследника следовать заповедям и предписаниям католической церкви. Людовик, давший обет у смертного одра изгнанного короля Англии, сдержал свое слово перед кузеном и после его смерти признал, что

право на английский престол должно перейти сыну Якова II Якову III, которого в Англии называли «Старый претендент», «король за морем» и «старый шевалье».

Это было уже слишком. Провокационный шаг Людовика нарушал условия Рейсвейкского договора 1697 года, по которому он официально признавал Вильгельма III законным правителем Англии. Более того, под сомнение были поставлены все обещания и клятвы французского короля, вспомнились давние страхи о том, что Людовик вот-вот начнет насильственно насаждать католицизм, тиранию и всемирную монархию[28].

В начале июня 1701 года Вильгельм назначил Джона Черчилля, графа Мальборо, главнокомандующим и полномочным представителем короля во всех переговорах, касавшихся безопасности Англии и ее союзников. Король понимал, что Мальборо, к тому времени являвшийся бесспорным фаворитом Анны, вскоре станет чуть ли не единственной ключевой фигурой в политической жизни страны. Больше всего на свете король жаждал продолжения войны с Францией. К концу года Голландия, Англия и Австрия заключили

[28] Примечания: 28

Всемирная монархия — концепция объединения максимально большего числа народов под общей монархической властью.

договор Большого альянса. Так началась Война за испанское наследство.

Решение Вильгельма было удивительно своевременным. Уже в течение нескольких месяцев его беспокоили озноб, головные боли и тошнота, однако кто бы мог подумать, что решающую роль в его судьбе сыграет обыкновенный крот. В феврале 1702 года король ехал верхом по парку Хэмптон-Корт, когда внезапно его лошадь споткнулась, наступив на взрытую кротом землю. Король выпал из седла и сломал ключицу; осложнения от перелома оказались фатальными, и в марте Вильгельм умер. Долгие годы спустя якобиты продолжали поднимать тост за «маленького джентльмена в бархатном камзоле», который в парке нанес королю смертельный удар (фр. *coup de grâce*).

Народ не особо горевал по Вильгельму, поскольку не слишком любил его. Для многих почивший король был наименьшим злом из всех возможных. Он помешал воцарению монархов из династии Стюартов и возвращению Англии в лоно католической церкви. Однако на деле его наследие было куда более внушительным, чем могло показаться на первый взгляд. Он бросил вызов могуществу Франции и усмирил ее

великодержавные амбиции. Он успешно стер из народной памяти воспоминания о слабости и малодушии королей-Стюартов, попавших в финансовую ловушку Версаля. Совместно со своими советниками он смог создать для Англии стабильную финансовую систему и обеспечить перспективные возможности кредитования правительства. Новая династия, внешнеполитический курс и экономический порядок — все это величайшие заслуги Вильгельма, которые не следует сбрасывать со счетов.

8 марта 1702 года, в день смерти Вильгельма, Анна стала королевой Англии, Шотландии и Ирландии. На фоне других монархов она не выделялась привлекательностью, однако совершенно точно пережила больше несчастий, чем кто бы то ни было. Ей было тридцать семь, и за последние шестнадцать лет у нее случилось двенадцать выкидышей; из пятерых рожденных ею детей четверо умерли в младенчестве. Самому старшему из выживших, как мы уже знаем, было одиннадцать, когда он скончался. Годы траура и прерывавшихся беременностей оставили след как на внешности, так и на характере Анны. У нее была такая сильная подагра, что она всегда была вынуждена туго перебинтовывать ноги.

Член парламентской комиссии, шотландец сэр Джон Клерк из Пениквика, прибыл как-то в Кенсингтонский дворец, чтобы засвидетельствовать королеве свое почтение, и в ужасе обнаружил Анну, которая «мучилась от очередного приступа подагры, испытывая сильнейшую боль». По его словам, лицо ее было «покрыто красными пятнами», платье — «мятым», а ноги — «в компрессах и каких-то ужасных бинтах». Это явно не соответствовало образу ее величества.

Вдобавок к физическому недугу Анна была крайне молчалива и застенчива на людях. На дворцовых приемах министры иностранных дел и послы нередко сидели около нее в полнейшей тишине. Первая статс-дама Сара Черчилль, герцогиня Мальборо, отмечала, что королева никогда не питала интереса к посетителям; она неохотно задавала вопросы и еще менее охотно отвечала на них. Ее беседа ограничивалась минимальным набором любезностей. Как долго вы в городе? Как вы находите здешнюю погоду? Анна не блистала ни умом, ни сообразительностью, а о делах государственных говорила «исключительно по заведенному порядку» или в тщательно разученной, тяжеловесной и скучной манере.

У ее немногословия имелись причины. Коро-

лева была сдержанной по природе и никогда не доверяла полностью ни своим суждениям, ни суждениям других. Джонатан Свифт, не раз наблюдавший ее при дворе, заметил, что «едва ли в Англии найдется еще один такой человек, который бы так деланно скрывал свои страсти». Однако были вопросы, в которых ей не требовалось притворяться. Она являлась ярой поборницей англиканства, истово соблюдала ритуалы и скрупулезно следовала протоколу. Королева непременно выказывала неудовольствие придворному джентльмену или даме, которые не к месту выбрали манжеты, парик или камзол.

День Анны начинался с молитвы в королевской часовне, а затем она погружалась в государственные дела; два раза в неделю королева посещала долгие заседания внутреннего кабинета (который в то время назывался «Тайный совет») — подобная практика всегда выводила из терпения ее предшественников, — а затем переходила к насущным делам: принимала послов, отвечала на прошения, подписывала свидетельства и письма, отправляла советы пэрам и прочим представителям знати. Однажды она посетовала архиепископу Йоркскому, что едва находит время для молитвы. Возможно, она, как

женщина, не имевшая наследника, чувствовала себя ущербной. Осознавая, что представители Ганноверской династии дышат ей в спину, она отказывала выбранной наследнице Софии Ганноверской в разрешении приезжать в Англию. Королева боялась показаться бесполезной.

Первое обращение Анны к палате лордов спустя три дня после смерти короля несомненно стало настоящим испытанием для робкой и осторожной женщины. С трона в палате лордов она объявила: «Я знаю, что я англичанка до глубины души, и я со всей искренностью заверяю вас, что сделаю все, чего только можно ожидать или хотеть от меня, ради блага и процветания Англии».

Отсылка королевы к ее английскому происхождению была, несомненно, выпадом в сторону Вильгельма, которого она всегда презирала, и намеком на его непомерную любовь к Голландии. Многие опасались, что королева будет слишком хромать из-за разыгравшейся подагры и не сможет войти в палату лордов, однако вопреки страхам она прошествовала по залу с короной на голове и в тяжелой парадной мантии из красного

бархата с вышитым на ней орденом Подвязки[29]. Сэр Роберт Саутвелл, присутствовавший на церемонии, писал, что «никогда еще из женских уст не лилась речь столь внятная и грациозная». Пусть на лице королевы проступал румянец и временами казалось, что она чувствует неловкость, королева все же сумела продемонстрировать истинное монаршее величие.

На выборах того года тори одержали уверенную победу и уже через несколько недель внесли на утверждение парламента законопроект о «случайной конфирмации» (Occasional Conformity Bill), составленный с целью штрафовать диссентеров и нонконформистов за открытое исповедание своей религии, при этом «злостные» нарушители лишались права занимать государственные должности. Еще со времен Акта о веротерпимости 1689 года (Toleration Act) диссентеры могли два или три раза в год причащаться в англиканской церкви, чтобы иметь возможность устроиться на государственную службу. Евхаристия служила им своего рода справкой о профпригодности. Одним из самых известных адептов такой прак-

[29] Примечания: 29

Благороднейший орден Подвязки (The Most Noble Order of the Garter) — высший рыцарский орден Великобритании, один из старейших орденов в мире.

тики был лорд-мэр Лондона сэр Хамфри Эдвин, исповедовавший пресвитерианство; впрочем, это ничуть не мешало ему утром молиться во время англиканской службы, а вечером посещать пресвитерианскую церковь в Пиннерс-холле на Олд-Брод-стрит. Вновь изданный закон преследовал цель положить конец подобным двойным стандартам, которые получили название «прятки с Всемогущим». Теперь за это полагался штраф или тюремное заключение.

Сама Анна, имевшая нрав покладистый и спокойный, принадлежала к сторонникам «высокой церкви»[30] и благосклонно отнеслась к изданию закона, в котором увидела проявление почтения к англиканской церкви. Однако виги, представлявшие большинство в палате лордов, по всей видимости, уже поняли, что общество, в котором можно было посеять раздор на религиозной почве, так же легко было поссорить и по другим вопросам. Сам Мальборо не видел смысла в том, чтобы в военное время настраивать большую

[30] Примечания: 30

«Высокая церковь» (англ. *High Church*) — направление в англиканской церкви, тяготеющее к католицизму; сохраняет обрядность, утверждает авторитет духовенства, придает большое значение церковным таинствам. «Высокая церковь» настаивает на важности церковных облачений, традиций церковной архитектуры и средневековой музыки во время богослужений.

часть населения друг против друга. Поэтому, несмотря на энтузиазм тори, которые на недавних выборах получили большинство в палате общин, законопроект так и не был одобрен. Королева со своей стороны подсластила горькую пилюлю тем, что создала свой собственный фонд под названием «Дары королевы Анны», для которого согласилась жертвовать дополнительный доход от налогов на церковные нужды, чтобы можно было повысить жалованье представителям духовенства из самых бедных приходов.

Впрочем, самой серьезной проблемой в начале правления Анны была война с Францией. Графа Мальборо утвердили в должности главнокомандующего вооруженными силами Англии, хотя теоретически он был ниже по статусу, чем супруг королевы принц Георг Датский. Георг был королем-пустышкой, о котором Карл II отзывался так: «Я пытался прощупать его и трезвым, и пьяным, но в нем ничего нет». Он умер в 1708 году, поэтому последние годы правления Анна провела во вдовстве. Тем временем Мальборо оказался во главе союзных войск, что неудивительно, ведь, в сущности, он был единственным, кому прекрасно подходила эта роль. Первый год кампании напоминал последний год предыду-

щей войны, когда с обеих сторон практически не предпринималось никаких значительных действий. Осторожность и нерешительность голландцев, которые, несмотря на угрозу вторжения французов, рассчитывали ограничиться лишь обороной, чрезвычайно тормозили Мальборо. Он мыслил вести войну совершенно иначе. Словно в утешение в 1702 году королева пожаловала ему титул герцога.

В последующие несколько месяцев, несмотря на нерасторопность союзников, новоиспеченный герцог смог захватить целый ряд стратегически важных городов на берегах Мааса — крупной реки, которая течет с северо-востока Франции через такие города, как Льеж, Маастрихт и Намюр, и впадает в Северное море. Одержанные победы вдохновили английского писателя-мемуариста Джона Ивлина на строки: «Такого счастливого совпадения благословения и надежды на будущие Божьи милости страна не видывала уже более ста лет». Возможно, это преувеличение, однако факт остается фактом: великая победа была не за горами.

Закрепившись на берегу реки Маас, Мальборо при поддержке артиллерийского огня помог Голландии выстоять под натиском армии

Людовика XIV. Тем временем вместе со своим союзником, полководцем Священной Римской империи принцем Евгением Савойским, он уже готовил новую, куда более эффективную стратегию. В ходе броска, столь рискованного, сколь и непредсказуемого, герцог со своей армией покинул земли Голландии и Бельгии и отправился через немецкие княжества в Баварию, курфюрстом которой был ближайший союзник Франции. Именно там протекал стратегически важный отрезок Дуная. Главной целью герцога было уберечь столицу Габсбургов — Вену — от врага. Мальборо совершил поистине искусный маневр, который нередко приравнивают к подвигам Наполеона: он перебросил 20-тысячное войско на 250 миль (402 км) через всю Европу за шесть недель, по дороге присоединив к своей армии еще 20 000 человек. Герцог был вынужден действовать быстро и тайно, чтобы скрыть свои намерения не только от французов, но и от своих робких голландских союзников, которые полагали, что оттягивание сил с территории Испанских Нидерландов — это риск, на который не следовало идти.

Мальборо добился своего. В начале августа 1704 года две армии встретились неподалеку

от Блиндхайма, или Бленхейма[31], на равнине близ Дуная. Французы и баварцы заняли оборонительные позиции, за ними была река и лес, однако интенсивные и непрекращающиеся атаки Мальборо в конце концов сломили оборону противника. Английская кавалерия, выстроившись в три ряда и обнажив клинки, ринулась на врага; пехота, выстроенная в три или четыре ряда, была вооружена мушкетами и штыками. К концу сражения французам пришлось отступить в Бленхейм, где, оценив свои потери, они приняли решение сложить оружие.

Победа была безоговорочной. Французы потеряли около 34 000 человек, 14 000 были ранены или взяты в плен, потери англичан и их союзников составили около 14 000 человек. На следующий день герцог Мальборо писал жене: «Не могу закончить письмо, не потешив собственное самолюбие и не поделившись с родственной душой своей гордостью: история человечества не помнит столь великой победы». Видимо, чем больше крови пролито, тем более великой считается победа.

Бавария выбыла из игры, Вена была спасе-

[31] Примечания: 31

Второе Гохштедтское сражение в англоязычных источниках зачастую именуется сражением при Бленхейме.

на. Вторжение французов более не угрожало немецким княжествам, и надежды Людовика на быструю и сокрушительную победу потерпели крах. Пожалуй, это сражение стало решающим и повлияло на дальнейший ход Войны за испанское наследство. Англии удалось подтвердить свою военную мощь, а дурные предзнаменования о Людовике XIV растаяли словно дым. Спустя восемь дней новости достигли Англии — страна встретила их с искренним ликованием. Когда гонец сообщил Анне радостную весть, та сказала ему: «Вы доставили мне счастье, какого я не испытывала за всю свою жизнь». Впрочем, повод для радости был далеко не у всех — тори явно не разделяли всеобщего восторга, ибо они выступали против военной политики и дорогостоящих сумасбродств Мальборо. Они задавались вопросом, какой цели служат такие конфликты в Европе.

Во время правления королевы Анны партийное противостояние было особенно сильным и жестким. Сама она соблюдала нейтралитет, не принимая сторону ни ганноверцев, ни якобитов, поэтому для представителей противоборствующих идеологий политического устройства открывался простор для деятельности, и они могли беспрепятственно выражать свою ярость

и возмущение взглядами оппонентов. Королева твердо вознамерилась остаться выше партийных распрей. Ею руководило инстинктивное и прагматическое стремление сохранять между ними баланс, чтобы не стать марионеткой в их руках. Она писала: «Если мне не посчастливится и придется встать на сторону той или иной партии, я буду считать себя, несмотря на королевский титул, их рабой». Анна не любила ярых сторонников обеих партий и не доверяла им; они были «людьми, не знавшими пощады», и она страшилась их. Однако возможно ли было сохранять равновесие и идти прямым курсом, не выражая явного расположения ни тори, ни вигам? Тори были ее собратьями по вере, соблюдавшими строгие догматы англиканской церкви, однако они были против войн герцога Мальборо; виги же, напротив, поддерживали полководца и все его начинания, при этом они с удовольствием ограничили бы монаршую власть, передав часть привилегий парламенту. К кому же было примкнуть Анне?

Политические партии на тот момент еще не полностью сформировались, однако уже обрели свое историческое лицо. Другими словами, они становились карикатурами на самих себя. В

«Путешествиях Гулливера» Свифта две противоборствующие фракции лилипутов — тремексены и слемексены — враждуют из-за высоты каблуков; первые носили более высокие каблуки, являясь аллюзией на «высоких тори», а последние — более низкие. Ненависть между этими партиями была столь сильна, что, по словам Свифта, «члены одной не станут ни есть, ни пить, ни разговаривать с членами другой».

В мире Лондона начала XVIII века виги и тори посещали свои собственные клубы, кофейни и таверны. Виги аристократических кровей встречались в клубе «Кит-Кэт» (Kit-Kat Club)[32], а тори основали клуб под названием «Общество братьев» (Society of Brothers). Тори были завсегдатаями «Шоколадного дома Озинды» (Ozinda's Chocolate House) на Джеймс-стрит, или отправлялись в «Смирну» (Smyrna), находившуюся за углом, или в шоколадный дом «Шоколадное дерево» (Cocoa Tree) на улице Пэлл-Мэлл. Виги предпочитали собираться в кофейне «Сент-Джеймс» (St James's Coffee House), находившейся в опасной близости от «Шоколадного дома Озин-

[32] Примечания: 32

Политико-литературный клуб «Кит-Кэт» — клуб вигов, который появился в начале XVIII в. и поначалу собирался в Лондоне в таверне Кристофера Кэтлинга, известного в кругу друзей как Кит Кэт.

ды», или направлялись на восток в кофейню «У Баттона» (Button's) близ Ковент-Гардена. Кофейня «У Понтака» (Pontack's) на Ломбард-стрит и «У старика» (Old Man's) в Тилт-ярде также были излюбленными местами вигов.

Джозеф Аддисон как-то назвал Лондон «собранием наций», в котором нравы и обычаи жителей Сент-Джеймса и Чипсайда отличались так же сильно, как нравы и обычаи жителей Туниса и Москвы. И тем не менее в каждом районе был свой центр притяжения — кофейня, которая, как правило, могла похвастаться «каким-нибудь государственным деятелем-завсегдатаем — своего рода глашатаем улицы, на которой он жил». Лондон был городом кофеен. Эти заведения стали набирать популярность в 1660-х годах, когда после смерти «богобоязненного» Кромвеля начали формироваться социальные связи, а значит, стали нужны места для непринужденного общения и дружеских встреч. Лучшего момента для появления кофеен в Лондоне нельзя было и представить. Вскоре они уже воспринимались как неотъемлемая часть городской жизни. Потрескивавшие дрова в камине гарантировали тепло и горячую воду; за пенни на барной стойке можно было получить чашку кофе или горячего

шоколада; газеты, висевшие на стенах, полностью покрывали потребность в развлечении и давали повод для беседы. Здесь всегда можно было узнать последние новости.

На иллюстрациях того времени видно, что кофейни обустраивались нехитро: там было несколько табуретов, стульев и обычных столов, сколоченных из сосновых досок. Курение было явлением повсеместным, почти у каждого в руке была трубка. В кофейне «У Андертона» (Anderton's) на Флит-стрит собирались масоны; местечко под названием «У Чайлда» (Child's) в церковном дворе собора Святого Павла было прибежищем ученых и книгочеев; в кофейне «Грек» (Grecian) встречались ученые мужи; «У Джонатана» на Биржевой аллее всегда толпились «джобберы», или биржевые спекулянты; а врачей привечали «У Бэтсона» (Batson's) в Корнхилле. Если больному требовалась немедленная помощь, он или она сразу отправляли посыльного к «Бэтсону».

Любопытно, что даже врачи не остались в стороне от межпартийных дрязг. Когда доктор Олифант открыто заявил о своих симпатиях к тори, пациенты, поддерживавшие вигов, покинули его. А известный представитель тори лорд

Оксфорд, завидев у двери дома карету не менее известного представителя партии вигов, отказался входить в помещение. Даже больницы в Лондоне были разделены по партийному признаку: виги получали медицинскую помощь в больнице Святого Томаса, а тори — в госпитале Святого Варфоломея. Кто захочет лечиться у врача, принадлежащего враждебной партии? На два лагеря был разделен и Итонский колледж, где не утихали бесконечные ссоры и драки. Когда Свифт проезжал через Лестер в 1707 году, он писал, «что во всем городе не сыщется ни одной горничной, ни одного подмастерья или школьника, которые бы не были ярыми сторонниками той или иной партии». В выпуске журнала Spectator от 3 января 1712 года отмечалось, что «дамы — сторонницы вигов и тори начали носить разные цвета и демонстрировать свои политические взгляды даже в прическе». Четыре года спустя в газете Freeholder писали, что первыми словами из уст детей становятся «виги» и «тори».

Одним словом, различия между партиями не ограничивались лишь высотой каблуков. Даже автор этой метафоры Джонатан Свифт до конца дней поддерживал тори. Противостояние было настолько сильным, что превосходство одной

из партий над другой было вполне веским основанием для тюремного заключения, ссылки, конфискации имущества, снятия с должности и даже убийства. Среди принципиальных вопросов можно выделить следующие: роль монархии, устройство англиканской церкви, основания для воцарения Ганноверской династии, природа религиозной терпимости и ведение войны. Когда споры разгорались между финансовыми воротилами и землевладельцами, противостояние становилось поистине жестоким. Учитывая столь сильные противоречия относительно основополагающих ценностей и убеждений внутри одной нации, королева и ее правительство должны были действовать крайне осторожно. Это время совершенно точно не было «эпохой стабильности», хотя порой именно так его и называют; в некоторой степени оно напоминало предыдущее столетие, хотя постоянной угрозы войны уже не существовало.

В первые годы правления Анны перевес в основном был на стороне вигов, поскольку они с большим рвением поддерживали войну против Франции под предводительством Мальборо. Однако устойчивого распределения сил в то время не существовало, так как степень популярности

той и другой партии постоянно менялась в зависимости от общественных настроений и текущей обстановки. Очередные перемены произошли на всеобщих выборах весной 1705 года. Ни одна из сторон не одержала безоговорочной победы, правда, по всей видимости, виги обошли радикальных тори; в результате виги и умеренные тори под предводительством Роберта Харли взяли власть в свои руки.

Возможно, сейчас имя Роберта Харли уже покрылось мраком забвения, однако если воскресить его образ в памяти, то перед нами предстанет один из ярчайших политиков XVIII века, политика по своей сути. Он начал карьеру в 1689 году в качестве члена палаты общин и вскоре так досконально изучил все парламентские тонкости, что получил прозвище Хитрец Робин. Его успех был столь велик, что в 1701 году его избрали спикером, а затем он неизбежно стал претендентом на более высокий пост. Его речь нельзя было назвать гладкой или содержательной, однако он с лихвой компенсировал отсутствие широкого кругозора внимательностью к деталям. Он был любителем интриг и тайн, полагаясь в большинстве случаев на хитрость и лицемерие. Он никогда не говорил просто и правдиво. Многие отмечали, что он

выражался столь лаконично и туманно, что даже сам не понимал, что имел в виду. Поэт Александр Поуп отмечал, что «он говорил о деле в такой запутанной манере, что неясен был сам предмет разговора; о чем бы он ни собирался рассказать вам, это превращалось в целую эпопею; поскольку он всегда начинал разговор с середины». В этих словах содержится отсылка к совету, который Гораций некогда давал эпическим поэтам; по его словам, начинать повествование нужно *in medias res* — с середины.

И все же основным намерением Харли было сбить с толку и окончательно запутать слушателей. Его скрытность переходила в таинственность, а неспешность граничила с заторможенностью. Лорд-канцлер Уильям Купер заметил: «Если какой человек и был рожден для того, чтобы стать подлецом, то это он». Харли был некрасив и неуклюж, однако всегда готов к тому, чтобы отвесить поклон и подарить улыбку. По словам герцогини Мальборо, что бы он ни делал, это сопровождалось «неуклюжими жестами или вздрагиванием головы и конечностей».

И все же Хитрец Робин был политиком с хорошим чувством юмора, который в каждом коллеге видел потенциального союзника и друга; он лю-

бил хорошую компанию, однако не имел друзей. Его общительность служила конкретной цели; его добродушие было настолько заразительным, что он заработал репутацию миротворца, способного сдружить самых разных людей и объединить самые разные устремления. Он знал тайные струны души каждого человека и был таким тонким психологом, что без труда подбирал верные средства, чтобы тронуть их. У Харли не было целей, кроме саморекламы и личного роста, хотя его преданность трону можно рассматривать как одно из его бесспорных достоинств. Впрочем, его преданность существовала ровно до того момента, пока она отвечала его собственным интересам. Харли был словно создан для тайных сговоров: этот неутомимый выдумщик и интриган связывал себя узами лживых обещаний. Один год он мог быть вигом, а на следующий год стать тори. До тех пор пока он поддерживал королеву Анну, это ни на что не влияло. Взгляните на этого политика эпохи во всей красе и длинную череду его последователей. Мы можем повторить вслед за Уильямом Блейком: «Ничто новое не появляется при одинаковых обстоятельствах; условия подвержены постоянным изменениям, но сущность всегда остается неизменной и вечной».

4
Расцвет

Первые годы правления королевы Анны отмечены небывалыми урожаями, словно само небо благословляло Англию. Цена пшеницы в период с 1702 по 1708 год держалась ниже 30 шиллингов за квартер[33], то есть ниже порогового уровня, при достижении которого в стране, как правило, начинались бунты и нищета. Разумеется, подобное положение дел снижало общественно-политическое давление в областях и самом Лондоне, где рыночная стоимость хлеба была важнейшим фактором, определявшим общественные настроения. Осенью 1708 года сквайр Моулсворт из Йорка писал: «На рынке мы не покупаем ничего, кроме сахара и специй, а вся еда и напитки есть дома». Увеличение продаж часов, зеркал, фарфора, ковров и штор объяснялось растущим достатком среднего класса.

Впрочем, не все происходившее было делом рук Всевышнего. Многое можно было отнести к дер-

[33] Примечания: 33

Квартер — английская мера сыпучих тел и жидкостей. Равна 290,949 л. — *Прим. науч. ред.*

заниям, о которых Свифт писал в «Путешествиях Гулливера»: «Всякий, кто вместо одного колоса или одного стебля травы сумеет вырастить на том же поле два, окажет человечеству и своей родине бóльшую услугу, чем все политики, взятые вместе»[34]. Имена этих неутомимых исследователей хорошо известны в истории сельского хозяйства — Джетро Талл, изобретатель рядовой сеялки; Чарльз Тауншенд, исследователь в области сельскохозяйственных наук, получивший ироничное прозвище «Репа Тауншенд»; Артур Юнг, редактор и издатель журнала «Анналы сельского хозяйства» (Annals of Agriculture); Роберт Бакуэлль, агроном, которому удалось вывести новую породу лестерской овцы.

Специфичные изобретения и нововведения нескольких высокоинтеллектуальных и наблюдательных ученых сами по себе не могли произвести аграрную революцию, начало которой датируется серединой XVII века. Если слово «революция» в данном контексте звучит слишком громко, учитывая его коннотации, то «эволюция» вполне точно характеризует этот период. Препятствий на пути прогресса было

---

[34] Примечания: 34
Перевод Б. М. Энгельгардта.

множество. В сельской местности процветал консерватизм, а способы возделывания земли и разведения домашнего скота практически не менялись на протяжении тысячи лет. Старые привычки и предрассудки фермеров держались так же крепко, как деревья держатся корнями за почву, а любой, кто сомневался в эффективности применяемых методов, воспринимался как богохульник, не веривший в Провидение. По словам писателя Джона Обри, до середины XVII века «любую попытку внести изменения в сельское хозяйство, несмотря на очевидную выгоду, встречали с огромным недоверием».

Было бы рискованно выделять одну причину, которая могла спровоцировать те значительные перемены, которые начались в конце XVII века, однако определенный импульс мог возникнуть благодаря усилиям Королевского общества, которое провело исследование по вопросам дренирования почв и ротации сельскохозяйственных культур. А с учетом падения цен в начале XVIII века проблема получения прибыли любыми возможными способами встала особенно остро.

Размах мероприятий по «огораживанию»[35] послужил еще одной причиной изменений. Огораживание, позволявшее расширять землевладения за счет присоединения общинных полей и пастбищ, представляло собой характерную черту английского сельского хозяйства начиная с XIV века. Из-за него вспыхнуло крестьянское восстание Уота Тайлера 1381 года, а затем восстание Джека Кэда 1450 года. Огораживание стало темой нескончаемых общественных дискуссий, особенно после выхода в свет «Утопии» Томаса Мора в 1516 году, в которой автор порицает превращение пахотных земель в пастбища. По его словам, «овцы стали пожирать людей».

Такие факторы, как рост населения, ограниченность ресурсов и цены на продукты питания, в совокупности привели к тому, что земля стала наиболее желанным из всех благ. Когда феодальные связи были разрушены, а законы манориального общества перестали работать, у зажиточных граждан осталось лишь одно требование — как можно больше земли. В XVI и XVII веках это было

---

[35] Примечания: 35

Огораживание — насильственная ликвидация общинных земель в Англии в XV–XIX вв. На фоне роста цен на английскую шерсть крестьян сгоняли с пахотных земель, которые затем огораживали изгородями, канавами и превращали в пастбища. Данная практика приводила к обнищанию сельского населения и его выселению в города.

интуитивным законом жизни. Чем большими землями владел человек, тем более влиятельным он становился. Чем более могущественным был человек, тем проще ему было узурпировать традиционные, хотя и неписаные крестьянские права, например право на сбор колосьев, оставшихся после уборки урожая, или сбор хвороста в помещичьих лесах. Контроль власть имущих над землей существенно расширился.

Появилась новая группа землевладельцев, и вскоре джентри стало составлять существенную часть парламента. Таким образом, они получали государственную защиту, которая, однако, не распространялась на мелких свободных землевладельцев — фригольдеров и крестьян. Те, кто уже имел в собственности землю, приобретали новые участки по соседству, планируя в один прекрасный день объединить их — таким образом они получали манориальные права представлять свои районы в парламенте; они выкупали «права на распределение приходов» или землю, причитавшуюся священникам. Землевладельцы мечтали, чтобы их наделы простирались от горизонта до горизонта, а плоды трудов были обильными. Тех, кто владел многим, несомненно ждало еще больше.

До середины XVIII века договоры об огораживании заключались посредством личных переговоров, в которых, без сомнения, имели место взяточничество и шантаж, однако здравый смысл и взаимовыгода все же играли основополагающую роль. Владельцы большого количества наделов в рамках традиционной системы общинных земель могли объединяться или меняться участками, чтобы, например, получить необходимое количество пахотных земель и пастбищ. Другой способ предусматривал частные инициативы для продвижения актов в парламенте. Первый акт был предложен в 1604 году, однако золотой век парламентских огораживаний, если такой термин вообще применим к данному явлению, пришелся на вторую половину XVIII века. Вне всяких сомнений, члены парламентской комиссии, нанятые для проведения различных исследований или оказания содействия в разрешении конфликтов в отношении спорных земель, негласно поддерживали реформы сельского хозяйства. Это был своего рода дух времени. Однако в результате нарушилось равновесие, интересы протестующих горожан или беды «маленького человека» оказались забыты. Правда, чтобы маятник качнулся в сторону лендлордов,

которым принадлежало 75 % всех земель страны, им пришлось привлечь на свою сторону суды, игнорируя при этом основную массу мелких землевладельцев.

Как только у фермера появлялась земля — каким бы способом он ее ни получил, — он мог делать все, что захочет, не советуясь с соседями. Преимущества усовершенствованного дренирования почв и ротации культур повысили урожаи; обнесение частных земель заборами и изгородями, а также новые постройки, необходимые для хранения, благоприятствовали созданию абсолютно нового сельскохозяйственного ландшафта. Кроме того, более крупные фермеры охотнее пробовали новые методы, которые позволяли повысить производительность труда. Впервые заговорили об эффекте масштаба и о рождении сельскохозяйственной промышленности, основанной на рыночных силах.

Постепенно менялся облик английских земель. Характерное сходство сельской местности с шахматной доской, с деревянными или каменными заборами, разделявшими поля, являлось прямым следствием изменений середины XVIII века. В начале XIX века поэт Томас Бэчелор в поэме «Прогресс сельского хозяйства» (The Progress of

Agriculture; 1804) указывает на изменившийся ландшафт:

> *Боярышник рядами от края и до края – куда ни кинешь взор,*
>
> *Границы обозначил лугам, полям и пастбищам – живой забор*[36].

Ласкающие слух строки Бэчелора резко контрастируют с бунтами против политики огораживания, исками против принудительного отчуждения общинных земель и гневными выступлениями против упразднения прав общины в сельской местности. Многие мелкие фермеры и крестьяне превратились в обычных рабочих, нанимаемых на работу в соответствии с сезонными тарифами. Поместные дворяне, более зажиточные землевладельцы и крупные арендаторы фактически держали контроль в своих руках. Крестьяне и йомены — мелкие землевладельцы, которые когда-то были основой сельскохозяйственной иерархии, стали постепенно сдавать позиции и в конце концов исчезли. Так выглядела социальная революция в сельской местности.

Когда члены парламентской комиссии направ-

---

[36] Примечания: 36

And hawthorn fences, stretch'd from side to side, / Contiguous pastures, meadows, fields divide.

лялись в тот или иной район, чтобы оценить ход огораживаний, они часто сталкивались с угрозами, нежеланием сотрудничать, волокитой и нелепыми слухами о разрухе в отдельно взятом поселении. Такая враждебная и зачастую озлобленная реакция олицетворяла последний оплот традиций, обычаев и привычек, которые рушились под натиском прагматической силы денег и эффективности.

И все же огораживание существенно повлияло на плодородие почв и доходность земель. Едва ли фермеры смогли бы прокормить стремительно растущую нацию в отсутствие методов масштабного производства. Плодородные почвы, благодаря которым богатели фермеры и тучнели коровы, служили очевидным свидетельством преимущества новых культур — от эспарцета (или «травы здоровья») до люцерны, от клевера до повсеместно выращиваемой репы. Вскоре те или иные сельскохозяйственные продукты стали производить в определенных районах — это считалось более логичным и целесообразным. Хмель выращивали в Кенте, мед делали в Гэмпшире, а утки из Эйлсбери были не менее популярны, чем индейки из Норфолка. В 1770 году Артур Юнг заметил, что за последнее десятилетие было

«больше экспериментов, открытий и здравомыслия в области сельского хозяйства, чем за последние сто лет».

Согласно некоторым оценкам, к середине XVIII века треть населения страны, трудившаяся в поле, могла обеспечить продовольствием оставшиеся две трети. В этот период экономика была преимущественно аграрной, а избыток продовольствия считался самым точным показателем здоровья, жизнеспособности и уровня жизни. В 1797 году энциклопедия «Британника» (Encyclopaedia Britannica) с гордостью заявляла: «Без лишних предубеждений будет справедливо заявить, что Британия — единственное государство, превосходящее другие в сфере сельского хозяйства», хотя при этом в статье ни слова не говорилось о бедности, нищете, лишении прав собственности и несправедливости, которые сопровождали сельскохозяйственные реформы.

Впрочем, нельзя не отметить и то, что в эту эпоху перемен возникло несметное число обществ, направленных на улучшение методов сельского хозяйства. Это стало одним из главных занятий эпохи. Ужины у арендаторов и фермерские клубы были средоточием разговоров об агрономии. Местные общества выполняли те же функции, а

сельскохозяйственные выставки и агропромышленные ярмарки, например «Бат энд Уэст» (Bath and West), подстегивали новаторский дух участников. Нет ничего более мотивирующего, чем конкуренция с соседом. Впоследствии даже стали выпускаться специализированные периодические издания, посвященные сельскому хозяйству, например Farmer's Magazine или Farmers' Journal, а в 1754 году Королевское общество искусств учредило премию за достижения в области сельского хозяйства. Пиком расцвета аграрных реформ стало учреждение в 1793 году Совета по сельскому хозяйству — общественной организации, которая уже в следующем столетии трансформировалась в Министерство сельского хозяйства, рыбного хозяйства и продовольствия (Ministry of Agriculture, Fisheries and Food). Совет взял на себя распределение мешков шведской брюквы во все области страны, а также организацию лекций агрохимика Гемфри Дэви на тему «Химия растительного сырья». Изменения в сельском хозяйстве были непреложной составляющей духа изобретательства и экспериментаторства, который охватил страну с середины XVII века.

В связи с этим разговоры об улучшениях так и витали в воздухе. Новые открытия в области

металлов, полезных ископаемых и минералов рассматривались как предвестники масштабного прогресса, а споры между современниками о том, что считать отжившим, а что — современным, велись отчасти в целях исправления ошибок прошлого. Вскоре были созданы фонды по благоустройству дорог, рек и каналов.

Впрочем, высшие эшелоны власти страны не всегда разделяли исследовательский дух, охвативший Великобританию[37]. Когда в 1753 году было предложено провести государственную перепись населения, член парламента от Йорка объявил проект «губительным для обломков английской свободы» и «мощным средством разжигания алчности и инструментом притеснения». Когда же в конце концов пересчитали жителей Ньюкасла-на-Тайне, результаты вызвали «всеобщее изумление» — так немногочисленны они были. Изумление объяснялось твердой верой в то, что население страны стремительно растет, а его потребности существенно превышают возможности государства. Паника, как и в большинстве других случаев, была совершенно

[37] Примечания: 37

В 1707 г. парламенты Англии и Шотландии приняли Акт об унии (Act of Union), предусматривавший создание единого государства — Великобритании.

безосновательной.

И все же нельзя отрицать того, что демографические показатели с начала XVIII века не меняли своего направления. Население с 6 миллионов человек в 1714 году выросло спустя 50 лет до 6,5 миллиона; к 1781 году это число достигло 7,5 миллиона, а к началу XIX века — 9 миллионов. Описываемый исторический период характеризовался постоянным, практически неумолимым ростом. Любопытно, что к середине XVIII века стремительно увеличивающееся население начало массовое движение на север, а также в манящий Лондон.

Называют различные причины роста населения. К основным, как правило, причисляют снижение уровня смертности и повышение рождаемости, а также отсутствие голода и эпидемий, упрочившуюся тенденцию к чистоте, рост занятости, избыток продовольствия, ранние браки и успехи в борьбе с основными заболеваниями — все это способствовало улучшению демографической обстановки. При наличии столь многочисленных благоприятных обстоятельств тяжелая, но важная работа на земле и снабжение населения продовольствием уверенно шли в гору.

Вопрос заключался отнюдь не в том, чтобы встать выше природы. По тем временам это сочли бы кощунством. Однако результаты были налицо. Стоило поставить пушистую и тучную лестерскую овцу, выведенную Робертом Бакуэллем, рядом с худосочной и косматой овцой других фермеров, разница становилась видна невооруженным глазом. В течение XVIII века средний вес овцы в Смитфилде увеличился с 13 до 36 килограммов.

Мощный вихрь перемен охватил не только домашний скот. Глубоко под землей скрывалось не меньше возможностей для прогресса. Первый этап промышленного прогресса отмечен переходом с дров на уголь, от органических ресурсов к минеральным, от локального и конечного источника энергии к материи, которая казалась столь же древней и вечной, как время. Уголь стал основой основ. Однако сначала его следовало добыть из недр земли.

Старый способ добычи угля был крайне трудозатратным и опасным. Шахтеры спускались по веревке на несколько саженей под землю в прокопанный ими туннель. Согнувшись, стоя на коленях или даже лежа на боку, они отбивали уголь от пласта при помощи кирки, лома или

молота. На иллюстрациях видно, как шахтеры лежат под огромной глыбой угля, и кажется, что она вот-вот рухнет и погребет их под собой. Добытый уголь перевозили с помощью специальных пони или женщин и детей, которые тягали огромные металлические корзины, с помощью цепей прикрепленные к поясам. Опасности в шахте подстерегали повсюду — от внезапно хлынувшей воды до падающих камней и стравливаемого пара, от асфиксии, вызванной рудничным газом, до удушья в плотных клубах дыма и пыли. В общественном сознании шахтеры всегда ассоциировались с темнотой и подземными глубинами; поэтому они часто вызывали суеверное благоговение и внушали необъяснимый страх. Они жили во мраке.

Несчастные случаи и жертвы, неизбежные при такой работе, рассматривались скорее как экономическая, нежели социальная проблема. Потеря времени и людей означала и потерю денег. Когда интересы землевладельцев и владельцев шахт оказывались под угрозой, предпринимались различные меры по улучшению ситуации. Одной из самых опасных и труднорешаемых проблем была вода, которая скапливалась в основании и полостях шахты. Первой и не вполне успешной

попыткой ее решения стали так называемые конные ворота: деревянный зубчатый механизм приводился в действие лошадью, шагающей по кругу, в результате наверх поднимали бадьи с водой; не менее затейливые механизмы использовались и для подъема угля.

Имя человека, которому мы обязаны изобретением первого «парового двигателя», каким бы великим ни было это открытие, точно неизвестно. Как правило, пальму первенства отдают Томасу Севери, который запатентовал свою версию атмосферного насоса в 1698 году. Реклама в мартовском номере газеты Postman 1702 года советовала приобрести «двигатели капитана Севери, поднимающие воду за счет силы огня в любых количествах и на любую высоту… всем владельцам шахт и угольных рудников, которые заполняются водой, стоит обратить внимание на то, что, оснастив шахту таким двигателем, можно беспрепятственно отводить лишнюю воду». Под «огнем» понималась печь и котел, в котором образовывался пар; пар создавал атмосферное давление, которое давило на поршень; поршень приводил в движение насос. Таким образом обеспечивалось безопасное отведение воды из шахты.

Двигатель Севери улучшил дартмутский кузнец и механик Томас Ньюкомен, который в первом десятилетии XVIII века изобрел двигатель, способный работать на существенно большей глубине. Первая паровая машина Ньюкомена была введена в эксплуатацию к 1712 году, а к моменту смерти Севери в 1715 году по стране функционировало уже семь или восемь таких машин. В последующие двадцать лет было установлено еще 20 двигателей; к концу века в шахтах по всей стране работало уже 350 установок. Успех двигателя служит доказательством как его эффективности, так и необходимости; его превзойдут лишь плоды изобретательской деятельности Джеймса Уатта.

Впрочем, технические изобретения были элегантны лишь на уровне замысла, на практике все было совершенно иначе. Шотландский писатель Сэмюэл Смайлс писал, что «работать на паровой машине Ньюкомена неудобно и, по всей видимости, тяжело, процесс сопровождается несмолкаемыми свистами, вздохами, скрипами и ударами. Когда насос опускается, слышится характерное хлюпанье, затем тяжелое уханье и громкий удар; когда он поднимается, в действие приходит поршень, раздается скрип, свист, еще

один удар, а затем шум воды, хлынувшей во время подъема».

Громоздкость и сложность первых двигателей приводила современников в столь же сильное изумление, что и первый компьютер, который в 1950-х годах обескуражил весь мир. На примере компьютера хорошо видно, как самые значительные изобретения поначалу не были поняты и признаны. Благодаря паровому двигателю впервые появилась возможность преобразовывать тепловую энергию в кинетическую. Паровой двигатель заставлял тепло работать. Новое устройство вскоре полностью заменило человеческий труд и вытеснило гидравлику, а также неизбежно привело к головокружительному росту производительности фабрик и заводов. Промышленная революция была уже не за горами. Свистящий и грохочущий двигатель навсегда изменил мир.

5
Золотая проза

Король Вильгельм III издавна лелеял надежду на объединение Англии и Шотландии, руководствуясь в основном соображениями безопасности и целями военной стратегии; ему вовсе не хотелось иметь под боком врагов-якобитов, учитывая, что шотландцы веками считались приверженцами Франции. Попытки заключения династического союза уже предпринимались в прошлом, однако они ни к чему не привели. Король Яков VI Шотландский, в 1603 году ставший Яковом I Английским, объединил две короны, но, увы, не два королевства. Тем не менее был создан прецедент. Во времена республики, просуществовавшей совсем недолго, Кромвель взял Шотландию под свое крыло, однако затем союз распался.

Вскоре после восшествия на престол королевы Анны в 1702 году была создана специальная комиссия с целью разрешения этого назревшего вопроса. Поначалу обе стороны без энтузиазма восприняли предложение об унии. Лидер партии тори в палате общин Эдуард Сеймур сравнил

такой союз с женитьбой на бродяге и брезгливо заметил: «Шотландия — нищенка, а кто женится на нищенке, тому в приданое достаются вши». Однако интересы государства и вопросы безопасности значили гораздо больше, чем пустячные обиды. В 1703 году шотландский парламент принял два закона — Акт о безопасности (Act of Security) и Акт о мире и войне (Act anent Peace and War), которые поставили под угрозу политический авторитет Англии. Шотландцы отказывались отдавать корону протестантской Ганноверской династии. Они еще лелеяли надежду на передачу власти шотландцам-Стюартам. Второй закон гласил, что после смерти королевы за шотландцами остается право решать, жить ли в мире с Францией и ее союзниками или вести войну. Шотландцы также оставляли за собой право вывести шотландские войска из состава армии Мальборо.

Перспектива наличия враждебно настроенного соседа на северной границе всецело занимала умы английских политиков. Вигов не требовалось убеждать в необходимости союза; их безоговорочная поддержка военной кампании, а также искренняя преданность Ганноверской династии говорили сами за себя. Тори, в свою очередь, не хотели открыто выражать недове-

рие королеве или правительству. Как бы то ни было, Анна предусмотрительно включила лишь одного представителя от этой партии в состав специальной комиссии. В результате переговоры проходили в атмосфере любезности, щедро сдобренной взяточничеством и другими неприкрытыми махинациями.

Заседания комиссии проходили весной и летом 1706 года в Уайтхолле, в группе зданий, получивших название Кокпит. Стороны фактически не встречались лично для обсуждения союза, предпочитая обмениваться письменными проектами и предложениями, в которые беззастенчиво вкладывались щедрые суммы с обещаниями умаслить шотландских землевладельцев. Шотландцы же надеялись получить большой кусок от так называемой компенсации — денежной суммы, которую Англия выплачивала кредиторам в счет долга, накопленного предыдущим шотландским правительством. Договор об унии вполне можно было назвать подковерной сделкой, однако многие шотландцы, участвовавшие в работе комиссии, на тот момент уже поддерживали союз с Англией.

Экономику Шотландии серьезно подорвала изнурительная и, казалось, бесконечная война

с Францией. В условиях запрета экспорта в порты иностранных государств страна более чем когда-либо нуждалась в возможности свободно торговать с Англией, например крупным рогатым скотом и льном. Не было никаких сомнений в том, что с экономической точки зрения союз будет выгодным. Адам Смит — корифей шотландской экономики — позднее писал: «Уния открыла рынок Англии, а значит, дала шотландцам возможность продавать там свой высокогорный скот… Однако из всех преимуществ, которые получила Шотландия, начав торговлю с Англией, подъем цен на скот был, пожалуй, самым значимым. Он способствовал не только повышению стоимости землевладений на высокогорье, но и благоустройству равнинных земель».

В действительности Договор об унии позволил создать крупнейшую зону свободной торговли в мире и постепенно преодолеть трудности, вызвавшие упадок шотландской промышленности и сельского хозяйства. Однако многие шотландцы были не в восторге от перспективы предстоящей унии. Они не желали объединяться с более богатым и могущественным государством, опасаясь превратиться в кельтский придаток английской короны, как Корнуолл. И почему они должны

забыть о династии Стюартов?

Тем не менее уже в начале мая 1707 года парламенты Англии и Шотландии утвердили Договор об унии, приняв соответствующие Акты об унии (Acts of Union). Произошло объединение двух наций и образование единого государства, которое Джонатан Свифт назвал «нашим безумным королевством с двойным дном». На деле договор создал единую верховную власть над двумя нациями и единый парламент, в котором представители Шотландии получили около полусотни мест. Вместе с тем шотландцы сохраняли свою церковь, законы, а также местное управление. Итак, в 1707 году Англия, Шотландия и Уэльс образовали королевство Великобритания.

Новый флаг, соединивший в себе красный крест святого Георгия и белый крест святого Андрея, стал широко известен под названием «Юнион» (The Union). Правда, принципиально это ничего не изменило в продолжавшейся под его эгидой войне. После успеха в сражении при Бленхейме в отношениях между союзниками наметилось некоторое охлаждение, возникли разногласия и разочарование, при этом ни Италия, ни Нидерланды не смогли уклониться от удара Франции. Герцог Мальборо хотел вторгнуться во Францию

и пресечь угрозу на корню, однако ему так и не удалось заручиться поддержкой союзников, которые были слишком малодушны и стремились лишь защитить собственные земли.

Мальборо продолжил наступление в Испанских Нидерландах и при содействии голландских и датских союзников весной 1706 года смог одержать крупную победу при Рамильи (Рамийи). Командующий французской армией маршал Вильруа описал эту битву как «самый позорный, унизительный и катастрофический разгром» своей армии. После поражения французов вытеснили из Испанских Нидерландов, они оставили ряд ключевых городов, в том числе Антверпен, Остенде, Брюгге, Гент и Лилль.

Бурбоны по всей Европе были в полнейшем смятении. Единственным исключением был, пожалуй, дом Бурбонов в Мадриде, сохранивший власть через внука Людовика XIV, Филиппа V, который правил Испанией без малого сорок лет и отказался от трона в пользу своего сына. Казалось, все теперь играло на руку Англии и ее союзникам. Знаменательным событием стал захват Лилля, поскольку это был своего рода ключ к воротам Парижа. В результате Людовик даже направил в Гаагу посла для начала тайных

переговоров.

Любопытно, что атмосфера в самой Англии вовсе не способствовала заключению мирного договора. В письме голландскому генералу герцог Мальборо писал: «Я один из тех, кто полагает, что Франция еще не вернулась к своим изначальным, законным границам, поэтому для нас нет ничего более болезненного, чем чрезмерная спешка в заключении мирного договора». Англичане были готовы к миру только на исключительно привлекательных для себя условиях. Мирный договор, как минимум, должен был предусматривать официальное признание королевы Анны в качестве законного правителя страны вместо незаконно посаженного на трон Старого претендента, который весной 1708 года подлил масла в огонь нелепой высадкой в заливе Ферт-оф-Форт. Англия также требовала уничтожить порт в Дюнкерке[38] и выслать Филиппа V из Мадрида.

Людовик XIV, казалось, был согласен на все или почти все. Франция и Англия только что пережили самые холодные зимы в истории. На Темзе устроили ледяную ярмарку, а леди Вентворт в

[38] Примечания: 38

Условие Англии о закрытии Дюнкеркского порта обусловлено тем, что это место служило гнездом для каперов, которые охотились на английские торговые суда.

письме своему брату писала: «Мальчиков-посыльных развозили лошади, и порой наездники намертво примерзали к ним». Однако страшные морозы имели куда более серьезные последствия для Франции, которая и без того была охвачена голодом, дефицитом и всеобщим пораженческим настроением.

Ради мира Людовик мог пожертвовать многим, но не всем. Он ни при каких обстоятельствах не желал подписывать статью 37 мирного договора, согласно которой его внук должен был покинуть Мадрид — при необходимости с применением силы, а на трон должен был взойти Карл VI Габсбургский. Это было настоящим оскорблением для Людовика. Собственными руками сместить с трона представителя династии Бурбонов в пользу Габсбургов? Уму непостижимо. Вполне возможно и даже логично, что Мальборо и его переговорщики выдвинули эти требования, зная, что Людовик отвергнет их, а Англия получит законные основания продолжать войну. Война по-прежнему приносила внушительные трофеи, особенно для титулованных вождей, каким был Мальборо. Герцог даже просил королеву даровать ему титул главнокомандующего пожизненно, однако Анна благоразумно отказала, сославшись

на то, что это противоречит конституции. И все же дела Мальборо шли неплохо. Бленхеймский дворец и особняк Мальборо-хаус — вот лишь пара примеров безделушек, которые он получил в ходе военной кампании.

Богатство и высокий пост Мальборо не могли не вызывать недовольство у тех, кто выступал против него и против участия Англии в Войне за испанское наследство. Ярость и разочарование — реакция народа на правительство вигов, в руках которых находились все доходы от сбора налогов. Коммерсанты-виги богатели, предоставляя займы правительству, а сквайры-тори вынужденно платили непомерные налоги на землю, чтобы правительство могло расплатиться с долгами. Вряд ли все было так однозначно, однако именно так ситуация выглядела в глазах современников. Едва ли можно вообразить себе обстановку более угнетающую или несправедливую. Тори выступали против военной кампании по стратегическим и финансовым соображениям. Какой смысл воевать на стороне голландцев, которые веками были главными конкурентами в торговле? Какой смысл вести невразумительные битвы на континенте, не получая от них никакой выгоды?

Кризис наступил в начале осени 1709 года во

время битвы при Мальплаке, к юго-западу от Монса. Английская армия при поддержке союзников в лице Австрии и Голландии одержала формальную победу ценой огромных потерь, в два раза превосходивших жертвы неприятеля. Французы отступили, однако сделали это достойно, в то время как англичане оставили более 20 000 погибших на поле битвы, которая вскоре стала считаться «самой кровавой в Европе». Королева Анна не направила герцогу никакого поздравительного письма. Если французы по-прежнему могли сражаться столь воодушевленно и упорно, невзирая на грозящие отовсюду предвестия их скорого поражения, какой конец войны можно было предвидеть? Тори резко выступили против дальнейшего участия в кровавой расправе, которую, возможно, заведомо спланировало правительство вигов. Маршал Вильруа, командующий французскими силами, писал королю: «Если Господу будет угодно послать врагам Вашего Величества еще одну такую победу, они будут уничтожены». Оригинальная цитата принадлежит Пирру, от которого и пошло выра-

жение «пиррова победа»[39].

Тем временем у вигов появился новый враг, совершенно другого плана. Доктор Генри Сашеверелл, член колледжа Магдалины в Оксфорде, будучи представителем ортодоксальных кругов и выразителем патетических идей «высокой церкви», уже настроил вигов против себя. При содействии ярого консерватора, лорд-мэра Лондона, и нескольких сочувствующих партии тори Сашеверреллу было поручено выступить с проповедью перед членами муниципалитета лондонского Сити 5 ноября 1709 года в соборе Святого Павла в честь знаменательных событий, произошедших в этот день[40]. Сашеверелл получил известность как прекрасный оратор, которому практически не было равных. «Он взошел на кафедру, — пи-

---

[39] Примечания: 39

Выражение «пиррова победа» происхождением обязано битве при Аускуле в 279 г. до н. э. Эпирская армия царя Пирра в течение двух дней вела наступление на войска римлян, в конце концов сломив их сопротивление, но потери были столь велики, что Пирр заметил: «Если мы одержим еще одну победу над римлянами, то окончательно погибнем».

[40] Примечания: 40

Виги считали 5 ноября знаменательной датой по двум причинам. В этот день был разоблачен Пороховой заговор 1605 г., когда английские католики планировали взорвать парламент, чтобы уничтожить симпатизировавшего протестантам короля Якова I. Кроме того, 5 ноября 1688 г. Вильгельм Оранский высадился со своими войсками в порту Торбей в Юго-Западной Англии, положив начало «Славной революции». Эта дата символизировала двойное избавление от папизма.

сал Уильям Биссетт в памфлете «Современный фанатик» (The Modern Fanatic; 1710), — словно Сивилла подошла к входу в пещеру[41] или будто Пифия поднялась и села на треножник[42], с такой неукротимостью и неистовством, что не передать словами». Поджатые губы и горящий взор — налицо все признаки ревнителя строгой дисциплины. Сашеверелл не был ученым, однако к его словам прислушивались; он не отличался умом, однако ему верили. Он относился к тем священнослужителям, которые могли проникновенно повторять заученные клише своего времени, словно опаляя ими сердца слушателей.

Проповедь Сашеверелла, произнесенная 5 ноября 1709 года в соборе Святого Павла, называлась «Угрозы лжебратии для церкви и государства» (The Perils of False Brethren, in Church and State). Кто имелся в виду под «лжебратией», догадаться

---

[41] Примечания: 41

Речь идет о Кумской пещере прорицательницы Сивиллы. По словам Вергилия, это врата в подземный мир. Следуя традициям, Сивилла должна была постоянно напевать свои пророчества или записывать их на дубовых листьях, которые она оставляла у входа в пещеру. Поиски знаменитой пещеры, описанной Вергилием, предпринимались еще в Средние века.

[42] Примечания: 42

Пифия — в Древней Греции жрица-прорицательница Дельфийского оракула в храме Аполлона в Дельфах. Слово *пифия* происходит от змея Пифона (др. — греч. Πύθων), охранителя Дельфийского оракула.

было нетрудно: Сашеверелл открыто обличил их, как и многих других марионеток. Его нападки направлены на религиозных нонконформистов, особенно на диссентеров, которых виги старательно защищали и которым двадцатью годами ранее даровали свободу вероисповедания, издав Акт о веротерпимости. По словам проповедника, они были избраны, чтобы править страной безбожников и грешников. В более ранней проповеди 1702 года он заявлял: «Пресвитерианство и республиканство идут рука об руку», имея в виду, что терпимость, проявленная к нонконформистам, и присвоение им официального статуса могли существовать как в религии, так и в политике. Споры на этот счет велись уже давно и начались с ремарки Якова I: «Нет епископа — нет и короля».

Однако теперь Сашеверелл говорил об этом с невиданной яростью и неистовством. Он разразился целой тирадой, желая обличить религиозную терпимость. По его словам, диссентеров следовало винить в убийстве короля. Он яро отстаивал принцип «слепого повиновения», согласно которому подчинение монарху — непреложный закон, а любое несогласие следовало приравнивать к греху и беззаконию.

Разумеется, эти слова можно трактовать как критику «Славной революции», в результате которой произошло свержение Якова II, однако современники усмотрели в его словах нападки на идеологию вигов и ее сторонников.

В тот момент положение вигов было незавидным: с одной стороны, их теснили неприятели в континентальной войне, с другой — сограждане-оппоненты, то и дело нашептывавшие на ухо королеве, что в стране зреет недовольство. В этих обстоятельствах они посчитали, что лучшая защита — это нападение. Вопреки желанию самой королевы было решено вызвать проповедника в палату общин для объяснений. В середине декабря нижняя палата признала его высказывания «злонамеренными, клеветническими и подрывными»; его арестовали и обвинили в государственной измене за «особо тяжкие преступления и злодеяния». В случае признания вины ему грозило пожизненное заключение.

Все это выглядело так, словно правительство палило из пушки по воробьям, меж тем общественность утверждалась в своих подозрениях относительно намерений всесильного правительства вигов блюсти исключительно собственные интересы. В сущности, Генри Сашеверелл

лишь открыто высказал свою преданность государственной церкви и заявил, что нарушаются ее привилегии. Что плохого в том, чтобы исповедовать англиканство? Когда это стало тяжким преступлением? Те, кто нападал на него, рисковали и сами попасть под подозрение в организации подрывной деятельности.

Любопытно, что пресловутая «толпа», или «люд», или любое другое слово, обозначающее обычных, ничем не примечательных жителей Лондона, отстаивала традиции; эти люди были инстинктивно преданы официальным представителям короны и церкви, поэтому любой клич «церковь в опасности» мог стать для них сигналом, чтобы выйти на улицы в ее защиту. Многие из них за всю свою жизнь могли ни разу не побывать на церковной службе, однако стоило появиться силе, угрожавшей церкви, как они уже были готовы оказать сопротивление.

В день суда над Сашевереллом жители Лондона вышли на улицы, намереваясь разгромить молельни диссентеров. Не пощадили они и дома некоторых священников-нонконформистов, уничтожив книги и мебель. Кафедры, скамьи и даже деревянные панели из нескольких приходов свезли на площадь Линкольнс-Инн-Филдс и под

крики «Высокая церковь и Сашеверелл!» сожгли. Окружив экипаж самой королевы, толпа протестующих кричала: «Боже, храни ее величество и церковь! Мы надеемся, что ваше величество на стороне доктора Сашеверелла!» Даниель Дефо писал: «Женщины позабыли о чае и горячем шоколаде, не говоря уже о послеобеденных приемах, и, объединившись в кружки, устраивают тайные советы и решают государственные вопросы… на улицах властвует толпа, люд, не прекращаются мятежи и буйства… о политике говорят все от мала до велика».

В конце февраля 1710 года в палате лордов в Вестминстер-холле начался суд, вызвавший небывалый ажиотаж. Зал был переполнен — так много пришло тех, кто заплатил немалые деньги, чтобы побывать на процессе. Для королевы соорудили специальную ложу, из которой она могла наблюдать за процессом, оставаясь незамеченной. Сам Сашеверелл прибыл в зал для судебных заседаний утром в экипаже со стеклянными окнами, в сопровождении вооруженных людей со шпагами наголо. Защита обратилась к суду, заявив, что доктор лишь отстаивал государственную церковь в своей проповеди, «которую сочли преступной из-за неоднозначной трактов-

ки некоторых слов».

Спустя четыре дня Генри Сашеверелл сам выступил с речью в свою защиту. Автором его речи стал более просвещенный и красноречивый Фрэнсис Аттерби, епископ Рочестерский. По словам Сашеверелла, он лишь обычный священник, дерзнувший из любви к своей стране и религии высказаться против святотатцев и безбожников. Он выиграл процесс еще прежде, чем начал говорить, а лидеры вигов уже всерьез пожалели о несвоевременных нападках на народного любимца. Сашеверелла признали виновным незначительным большинством, однако приговор был мягким: вместо пожизненного заключения в Тауэре, которым его пугали, суд потребовал сожжения всех его проповедей и отстранил от проповеднической деятельности на три года.

В глазах граждан страны этот приговор был равносилен оправданию Сашеверелла и звучал как суровый укор вигам, предавшим его суду. Толпы обезумевших людей наводнили Лондон; костры жгли прямо на улицах, а в окнах, следуя старой традиции празднования крупных военных побед, зажигали свечи и фонарики. Когда Сашеверелл читал молитвы в церкви Святого

Спасителя в Саутуарке, произошла страшная давка. В городках по всей стране в знак победы звонили в колокола, и многим казалось, что настроения в народе предвещали новую эру тори в церкви и государстве.

Судя по результатам выборов, состоявшихся осенью 1710 года, народ возлагал все свои надежды и чаяния именно на консерваторов. Тори одержали победу, набрав почти в два раза больше голосов, чем виги. Во главе нового правительства стал уже упоминавшийся ранее государственный деятель Роберт Харли, известный политический «вьюнок», чья искренняя преданность королеве сочеталась с желанием сформировать умеренный кабинет министров. Однако Харли не принял во внимание радикальных членов партии тори, которые после победы на выборах были широко представлены в палате общин. Они сформировали группу под названием «Октябрьский клуб» в память о своей славной победе. От них было много шума, но мало толка, а Дефо описывал членов клуба как «птиц высокого полета, страдающих куриной слепотой». Некоторые оппоненты открыто осуждали их за преданность династии Стюартов, однако едва ли правомерно; пожалуй, куда более справедливо сказать, что,

выпив, представители «Октябрьского клуба» были якобитами, а протрезвев, становились сторонниками Ганноверской династии. Такое описание подходило для большинства тори, которые, с одной стороны, мечтали о возвращении старого порядка, а с другой — прекрасно понимали, что их благополучие, финансовое положение и безопасность целиком зависят от Ганноверского дома.

Впрочем, «Октябрьский клуб» представлял собой влиятельное объединение тех, кто устал от войны, еще больше устал от вигов и с подозрением относился к финансовой кабале, контролю над военными расходами и национальными налогами. С не меньшим недоверием они относились и к самому Харли, который, казалось, намеревался взять в новое правительство и представителей вигов. Некоторые полагали, что трофеи от предвыборной гонки должны доставаться победителям, а не проигравшим.

Политические дебаты и прения словно застыли на пике благодаря таким личностям, как Джозеф Аддисон, Ричард Стил, а также Даниель Дефо, Джонатан Свифт, Уильям Конгрив и Александр Поуп. Можно с уверенностью сказать, что время правления Анны стало золотым веком полити-

ческой журналистики. В период выборов осенью 1710 года между памфлетистами и издателями периодики разыгралась нешуточная война. У Харли было чутье на то, что мы сегодня бы назвали «связи с общественностью». Он добился освобождения Дефо из тюрьмы, куда тот угодил из-за вздорного памфлета, и нанял его на службу в качестве собственного преданного журналиста и разъездного шпиона. К тому моменту Дефо уже издавал журнал Review, полное название которого звучало так — A Review of the Affairs of France. Там он печатал злободневные сатирические статьи о морали и политике; издание выходило три раза в неделю в формате четверть листа и содержало обзоры событий внутренней и внешней политики, новости искусства, коммерции, науки и торговли. Журнал издавался на протяжении девяти лет, и практически все статьи принадлежали перу самого Дефо, который задал английской журналистике критический и довольно категоричный тон, сохранившийся и по сей день.

Тем временем Харли нанял еще и Свифта. Харли платил Дефо, однако Свифта, чей статус дворянина и ученого был несколько выше, чем у Дефо — литературного поденщика и бывшего

кровельщика, — он взял лестью. Харли пригласил Свифта с собой в Виндзор, и писатель стал одним из первых участников обеда субботнего клуба Харли в Йорк-билдингс. Газета Examiner Свифта имела совершенно иную направленность, нежели журнал Review Дефо; в ней чувствовалось больше стиля и учености, при этом меньше энергии и сварливости. Дефо в основном читали городские торговцы и владельцы лавок, то есть те, кого один современник пренебрежительно назвал «сапожниками и швейцарами»; в целом газета ориентировалась на городских лоялистов. Свифт же в своих статьях обращался главным образом к мелкопоместному дворянству в сельской местности и землевладельцам благородного происхождения. Харли хотел охватить как можно более широкую аудиторию, поэтому одной его рукой был Свифт, а другой — Дефо.

Свифт, однако, находился в неоднозначном положении. Граф Оррери писал, что писатель «был окрылен высоким доверием, оказанным ему властью. Однако это лишь видимость доверия, а истинное положение дел скрывалось от его глаз. Его наняли, но это не значит, что ему доверяли». Сам Свифт считал себя глубоководным ныряльщиком в океане политики, однако

Оррери утверждал, что «его терпели лишь для того, чтобы тот барахтался недалеко от берега… возможно, морская пучина была для него слишком мутной».

Накопившаяся усталость, обиды и отвращение ко лжи и пустым обещаниям, которые давали Свифту известные английские политики, вероятно, способствовали усилению его мизантропии в более поздних и известных произведениях. Особенно это заметно в «Путешествиях Гулливера», где он окончательно осознает всю глубину человеческой лжи и лицемерия; он чувствует отвращение, а не жалость, отвращение, смешанное с ужасом перед жизнью.

Весной 1709 года три раза в неделю начал выходить информационный журнал форматом в пол-листа с четырьмя колонками стоимостью одно пенни; в нем публиковались очерки о нравах и обычаях современности, а также заметки и зарисовки из различных кофеен лондонского Сити. Издание придерживалось умеренных вигских взглядов, однако сохраняло нейтральный и сдержанный тон. Это был Tatler — лондонское периодическое издание, которое виги считали символом утонченности и исключительности. Журнал брался научить «государственных мужей,

о чем им думать», обещая при этом размещать материалы, «которые послужат развлечением для прекрасной половины человечества». В издании печатались сплетни «о любовных интригах, удовольствиях и развлечениях», подслушанные в различных кофейнях и шоколадных домах, куда репортеры заходили подкрепиться.

Издатель и редактор газеты Ричард Стил взял псевдоним Исаак Биккерстаф и выбрал амплуа здравомыслящего и терпимого человека, не желавшего ни чрезмерно хвалить другие партии, ни обвинять их в чем бы то ни было. Это был представитель вигов, который знал, как сдерживать свой пыл, особенно когда обстановка накалялась. Он поддерживал Мальборо, несмотря на заявленную нейтральность взглядов, и проповедовал основополагающие ценности политики вигов — здравый смысл и хороший вкус.

Через два года Tatler трансформировался в Spectator под редакцией Стила и Аддисона. Журнал сохранил вигский уклон, даже когда правительство тори во главе с Робертом Харли захватило государственный аппарат. Издание отличалось нейтральностью и светскостью, в нем рассказывалось о самых разнообразных вещах: от природы проституции до размера стиха в «По-

терянном рае»[43]; в журнале можно было найти рецензию на театральную премьеру и описание тенденций быстро менявшейся моды, например рассказ о поголовном увлечении разноцветными капюшонами в начале 1712 года, — в ход шли все новости, которые неминуемо оставлял позади поток времени и сама жизнь.

Издатели Spectator с самого начала отказались выступать на стороне какой-либо из противоборствующих политических партий. Аддисон заявлял: «В моей газете нет ни слова о новостях, нет размышлений о политике или о расстановке сил в партиях». Его цель состояла в обучении манерам, а не мерам, поэтому Аддисон говорил: «Мое честолюбие жаждет, чтобы обо мне сказали: он вывел просвещенность из чуланов и библиотек, школ и университетов и поселил ее в клубах и ассамблеях, в кофейнях и за чайными столиками».

Эти слова отражают усиливавшуюся в XVIII веке тенденцию. Spectator облагораживал якобитов, энтузиастов, приверженцев тори, сторонников «высокой церкви» и ярых политиканов, — и все они постепенно уходили в небытие. Главным

[43] Примечания: 43

Еженедельные эссе Аддисона о «Потерянном рае» Джона Мильтона, в то время почти забытом произведении, пользовались большим успехом.

мерилом правды становилась дружественная дискуссия, а из всех темпераментов, в свое время изложенных в учении Гиппократа[44], значение имело лишь здравомыслие. Отныне отпала всякая необходимость размещать принципы морали на первой странице издания, поскольку они являлись отражением умеренного и терпимого общества и добродетельного государства, которые воспринимались как естественное и безусловное следствие революции 1688 года.

Разумеется, отсутствие энтузиазма, искренности и вдумчивости в тех или иных вопросах могло, в свою очередь, привести к цинизму и фатализму. Пьесы Конгрива, написанные незадолго до восшествия на трон королевы Анны, населяют лживые от природы персонажи. Весь мир представлен в виде огромного театра, в котором нет ни истины, ни добродетели. Это плоскость острот и дурачества; единственное, что может оживить героев, — зов плоти или жажда наживы. Мужчины в этом мире лгут, пресмыкаются

[44] Примечания: 44

Гиппократу принадлежит учение о темпераменте, согласно которому общее поведение человека зависит от соотношения четырех соков, циркулирующих в организме, — крови, желчи, черной желчи и слизи (лимфы). В зависимости от того, какой из соков преобладает, Гиппократ выделял четыре темперамента: сангвиник, холерик, флегматик и меланхолик.

и предают; женщины — сладострастны, глупы и переменчивы. Пьесы Ричарда Бринсли Шеридана, увидевшие свет чуть позже, повествуют о лицемерии и мошенничестве ради денег; метафоры банковского дела и финансовой сферы, столь актуальные для того периода, определяли ход повествования. Мода на сентиментальность, в которой многие видели банальный и наивный прием — забыть о суровых реалиях эпохи, — не вызывала у Шеридана ничего, кроме презрения. «Если вы хоть сколько-нибудь ко мне расположены, — говорит сэр Питер Тизл в пьесе «Школа злословия» (The School for Scandal; 1777), — никогда не произносите в моем присутствии чего-либо похожего на изречение»[45].

Ему вторят еще два голоса из пьесы Уильяма Конгрива «Двойная игра» (The Double Dealer; 1693), усиливая какофонию, возникшую после «Славной революции»:

Брехли. И все же, небом клянусь, я совершенно серьезно питаю к вашей светлости неодолимую страсть.

Леди Вздорнс. Совершенно серьезно? Ха-ха-ха!

Брехли. Совершенно серьезно, ха-ха-ха! Ей-бо-

---

[45] Примечания: 45
Перевод М. Лозинского.

гу, серьезно, хоть и не могу удержаться от смеха.

Леди Вздорнс. Ха-ха-ха!.. Над кем, как вы думаете, я смеюсь? Ха-ха-ха![46]

[46] Примечания: 46
Перевод М. А. Донского.

6
В ожидании того дня

Заветным желанием англичан было заключение мира. Страну измотала десятилетняя война с Францией. Новое правительство тори, которые с большим перевесом победили на выборах осенью 1710 года, было готово исполнить волю общества. На открытии первой сессии нового парламента, когда герцог Мальборо занял привычное место в палате лордов, королева начала речь так: «Я с радостью готова заявить, что, несмотря на успехи тех, кто безупречно владеет искусством войны и находит в ней истинное удовольствие, уже назначены место и время начала переговоров для заключения всеобщего мира». Тем самым тори нанесли удар по предыдущему правительству вигов. В разгоревшейся дискуссии Мальборо оскорбился подозрениями в том, что он якобы намеренно затягивал войну ради личной выгоды и в корыстных интересах. Когда в последнюю неделю года Мальборо появился в суде, Свифт написал в письме своей близкой подруге Эстер Джонсон, что «едва ли кто-то заметил его».

Тем временем главный политический оппонент герцога заслужил звание героя дня, став жертвой неудачного покушения французского шпиона весной 1711 года. Роберта Харли дважды ударили ножом в грудь, однако политика спас богато украшенный стеганый камзол с отделкой из золотой парчи. Нож застрял в одном из украшений, что уберегло его от серьезного ранения. Чудесное спасение Харли вызвало волну ликования, а королева в честь счастливого избавления даровала ему титул графа Оксфорда и графа Мортимера, а также назначила лордом-казначеем[47]. Получив столь явное превосходство над оппонентами, Харли не стал терять времени даром и в тот же вечер, когда королева осудила «тех, кто находит истинное удовольствие» в войне, возбудил дело против Мальборо по обвинению во взяточничестве и коррупции.

Положения долгожданного мира между Францией и Англией уже обсуждались в рамках секретных переговоров в начале 1711 года. Ос-

---

[47] Примечания: 47

Лорд-казначей (англ. *Lord High Treasurer*) — одна из высших церемониальных должностей Великобритании. Лорд-казначей возглавлял Казначейство ее величества. В XVI в. лорды-казначеи сосредоточили в своих руках основную власть и, в сущности, руководили английским правительством. С 1714 г. лорд-казначей не назначался, его функции передали комитету под названием лорды — заседатели Казначейства (Lords Commissioners of the Treasury).

новополагающее условие, если его можно так назвать, заключалось в том, что два государства будут руководствоваться негласной договоренностью, даже если она пойдет вразрез с интересами союзников. Франко-британский договор станет достаточно веским основанием, чтобы заставить союзников принять условия мирного договора. Согласно второй статье, Филипп V сможет остаться на испанском троне в обмен на ряд торговых концессий в пользу Британии в Европе и на Американском континенте. Поговаривали даже о возвращении в Англию Старого претендента при условии, что тот примет англиканство. Правда, шанс, что Джеймс Эдуард Стюарт отступится от католической веры, был так мал, что дальше разговоров дело не пошло. Тем не менее династия Стюартов все еще играла не последнюю роль в английской политике.

В ноябре 1711 года Джонатан Свифт издал один из самых провокационных и успешных памфлетов «Поведение союзников» (The Conduct of the Allies), в котором заявил: «Ни один здравомыслящий человек… не может желать продолжения войны». Он обвинил олигархов-вигов в том, что они передали «искусственно раздутые богатства в виде фондов и ценных бумаг в руки тех,

кто десятью годами ранее обокрал народ». Он полагал, что «так мы падем жертвой обмана со стороны Европы и станем уязвимы, как мыльные пузыри». Он обвинил Мальборо в «непомерной тяге к богатству, чему потворствуют его лучшие друзья». В конце памфлета он писал: «Мы воевали за то, чтобы уничтожить интересы общественные и возвести во главу угла интерес личный. Мы воевали за то, чтобы обогатить и прославить одну конкретную семью; чтобы обогатить ростовщиков и биржевых спекулянтов и чтобы культивировать разрушительную идеологию партии, уничтожив при этом землевладельцев как класс». Список бед, причиненных вигами, выглядел крайне внушительно.

Через месяц королева сместила герцога Мальборо со всех государственных постов. За его экипажем бежала разъяренная толпа с криками: «Стой, вор!» Победитель битвы при Бленхейме и спаситель Европы от Людовика XIV лично убедился в переменчивости фортуны. В «Утешении философией» (лат. *De consolatione philosophiae*) Боэций писал: «О глупейший из смертных, если фортуна обретет постоянство, она утратит свою природу и перестанет быть зависящей от

случая»[48]. Мальборо с женой вскоре покинули Англию и отправились на континент, рассчитывая найти там более надежных союзников. Многие лорды-виги все еще поддерживали герцога и желали продолжения войны, однако королева Анна смогла разбавить их сплоченные ряды: в первый же день 1712 года она посвятила двенадцать человек в пэры. Теперь в отношениях между палатами лордов и общин царило единодушие.

Герцогиня Сара Мальборо уже давно впала в немилость. Она была убежденной сторонницей вигов, которая своими политическими лекциями в конце концов начала раздражать и утомлять королеву. Вскоре это место заняла леди Эбигейл Машам, назначенная «хранительницей королевского кошелька»[49]. Машам приходилась кузиной Роберту Харли и, по мнению многих, отстаивала интересы этого скользкого перебежчика. Появились даже слухи, что королеву и Машам связывало нечто большее, чем светские

---

[48] Примечания: 48

Перевод В. И. Уколовой и М. Н. Цейтлина.

[49] Примечания: 49

Хранитель тайного кошелька, или хранитель королевского кошелька (англ. *Keeper of the Privy Purse*) — казначей Королевской палаты, который заботится о личных финансовых делах английского, а позднее британского монарха.

отношения. При дворе ходил стишок о «распутной служанке Эбигейл», которая «вершила грязные делишки по ночам» — неприкрытый намек на интимную связь между престарелой королевой и ее прислужницей. Однако подагра и общее слабое здоровье королевы едва ли могли способствовать проявлению физической страсти, скорее Анне была нужна компаньонка, помогавшая ей переносить тяготы мира, в котором за штурвалом в большинстве своем стояли мужчины. Таким образом, шокирующие сплетни о сексуальной связи королевы с ее фрейлиной на поверку оказываются голословными, однако герцогиня Мальборо упорно распускала эти слухи в отместку за лишение доверия.

Когда в конце января 1712 года в Утрехте открылась конференция о заключении мирного договора между Францией и Англией, многие пункты уже были оговорены в ходе тайных переговоров. После подписания договора весной 1713 года стало ясно, что Великобритания была мировой державой, способной бросить вызов Франции; кроме того, она превратилась в ведущую морскую державу с базами на полуострове Гибралтар и на острове Менорка в Средиземном море. Британцы усилили свое присутствие в Северной Америке,

получив часть французских колоний, в том числе остров Ньюфаундленд, а также установили контроль над Гудзоновым заливом. В качестве дополнительного бонуса Великобритания приобрела асьенто (исп. *asiento*) — исключительное право поставлять африканских рабов в испанские колонии в Америке. Морское владычество страны достигло своего апогея, и договоренности, подписанные в Утрехте, позволяли сохранять мир между Францией и Англией в течение последующих пятнадцати лет.

Ликование по случаю заключения мира нельзя назвать всеобщим. Война продолжалась и во время переговоров, а вместо Мальборо пост главнокомандующего Вооруженными силами Великобритании занял Джеймс Батлер, 2-й герцог Ормонд. Однако ему велели не нарушать мерный ход дипломатических процессов какими-либо резкими движениями. Он оказался связан по рукам и ногам, получив так называемый запретительный приказ, согласно которому он не имел права участвовать в сражениях или осадах. На всех фронтах должно было царить спокойствие. Австрийцы и голландцы быстро смекнули, какую тактику избрали их бывшие товарищи по оружию, внезапно переставшие воевать. Союзники

восприняли происходящее со смесью недоверия и гнева. Фактически англичане оставили их одних на поле боя.

В число союзников входил курфюрст Георг Ганноверский, который, как и многие другие правители и военачальники, чувствовал, что правительство тори, отчаянно стремившееся к миру, предало его. Интересы Георга попросту проигнорировали. Было ясно, что Англия избавится от предполагаемых друзей, как только надобность в них отпадет. Так возник миф о «вероломном Альбионе». Впрочем, к несчастью для тори, Георг — наследник Ганноверского дома — имел все шансы стать следующим королем Англии. Как было Роберту Харли и другим политикам защититься от его гнева?

В последний год правления королевы чрезвычайно острым стал партийный вопрос. Голосовать вместе с тори за мир означало не признавать князя, который вскоре должен был занять трон. Голосовать вместе с вигами за продолжение войны означало проигнорировать волю народа. Нестабильность государственной политики усугублялась наличием Старого претендента. Многие полагали, что королева втайне благоволила единокровному брату Джеймсу Фрэнсису

Эдуарду Стюарту, а не Ганноверской династии. Это могло быть правдой в отношении некоторых ее министров, однако нет оснований полагать, что сама королева лелеяла надежду сделать его наследником. Она была ярой протестанткой и в трезвом уме не потерпела бы убежденного католика на троне. А учитывая, что Джеймс публично отказался от возвращения к старой вере, его шансы на наследование престола становились ничтожно малыми.

Некоторые министры и советники продолжали двуличную политику, направляя клятвы верности Стюартам и ведя при этом дела с Ганноверским домом. Герцог Мальборо, находясь в вынужденном отпуске на континенте, от лица представителей Ганноверской династии проводил мобилизацию войск в Брюгге, Генте и других городах на случай возникновения для них угрозы. В то же время он поддерживал связи со Старым претендентом. Головокружительное и неоднозначное представление, которое разыгрывалось на туго натянутом канате между двумя высочествами, — крайняя форма двусмысленности и неопределенности, которые охватили страну, разрывавшуюся между двумя кандидатами на трон.

Трудно было найти золотую середину, учитывая всю сложность и противоречивость ситуации. Многие говорили, что первый претендент на трон, который прибудет в Англию после смерти королевы, — Джеймс или Георг — будет встречен как новый монарх. Но это полнейшая глупость. Вопрос о наследовании престола уже превратился в запутанный клубок, отравленный ядом подозрений, сплетен и интриг. В памфлете 1713 года «Доводы против восшествия на престол Ганноверской династии» (Reasons against the Succession of the House of Hanover) Даниель Дефо писал: «Бедные, жалкие судомойки учатся кричать “Высокая церковь; нет голландским королям; нет Ганноверской династии!” и вскоре готовы делать это в любой толпе», а их антагонисты-виги «отвечают: “Нет миру с Францией, нет претенденту, нет католицизму!”» Весной следующего года Ричард Стил писал: «Судя по положению дел, от гражданской войны через пару лет нас может спасти лишь Божественное провидение». Таковы были мрачные прогнозы тех, кто разбирался в политике лучше всего. Период правления Анны отнюдь нельзя назвать эпохой стабильности.

Внутри партии тори не было единодушия.

Некоторые из них даже пересекали Ла-Манш и посещали двор претендента, в то время как другие смирно сидели на местах и, как говорилось тогда, «ждали того самого дня». Третьи были куда скромнее и реалистичнее в своих ожиданиях и спокойно дожидались прибытия ганноверского короля. Прочие активно поддерживали перспективу воцарения Ганноверской династии; их называли «чудаки». Виги пребывали в смятении, нерешительности и тревоге. Некоторые из них, опасаясь захвата власти Старым претендентом и его соратниками, создавали военные союзы, держа наготове оружие и людей; однако вполне возможно, что эти отряды существовали лишь на бумаге и в воображении тех, кто пошел на поводу у страхов и слухов.

По мере ухудшения здоровья королевы смятение и тревога только усиливались. Ранее в том же году она сообщила, что страдает от «лихорадки, в результате которой случаются обострения подагры». Такое заявление могло значить что угодно. Однако ухудшение ее состояния не останавливало доведенных до исступления советников, которые, по ее собственным словам, «не брали в расчет ни ее здоровье, ни жизнь, ни покой». Будущее страны было слишком важно для них,

чтобы обращать внимание на слабости старой женщины. Споры между ними продолжались даже у смертного одра королевы, когда голоса представителей противоборствующих партий эхом разносились по коридорам дворца и по всему государству.

Для Анны это было уже слишком. У королевы обострилась лихорадка, сознание путалось. Лорд-канцлер Харкорт прошептал ей на ухо имя герцога Шрусбери: тот недавно служил во Франции и Ирландии и, что более важно, никогда не объявлял о своей принадлежности к партии вигов или тори. Белый жезл лорда-казначея попал в надежные руки. Это было последнее назначение, которое сделала королева перед смертью. На следующее утро ее не стало, и доктор констатировал, что «мгновенная смерть королевы была результатом попадания подагрических отложений» из коленных суставов в нервные окончания и мозг. Соль устремилась вверх, унеся с собой жизнь королевы.

7
Клуб Мартина Писаки

«Мемуары об удивительной жизни, трудах и открытиях Мартина Писаки» (Memoirs of the Extraordinary Life, Works and Discoveries of Martinus Scriblerus) были написаны тайно в 1714 году членами клуба Мартина Скриблеруса, или Мартина Писаки. Этот клуб консервативно настроенных литераторов из партии тори был пародией на разнообразные литературные, художественные и философские общества, которые приобрели небывалую популярность в начале XVIII века. Клуб состоял из двух кружков, разделявших общие интересы и взгляды. Первый представлял собой объединение тори, в том числе таких видных представителей этой партии, как Джонатан Свифт и Генри Сент-Джон Болингброк. Во второй входили более молодые и жизнерадостные литераторы, например Александр Поуп и Джон Гей. Поначалу они встречались в рамках так называемого Братского союза, который появился еще в 1711 году. Идейными оппонентами клуба были писатели-сторонники партии вигов

— Джозеф Аддисон и Ричард Стил, работавшие в журнале Spectator.

Осенью 1713 года Поуп способствовал превращению Братского союза в клуб Мартина Писаки, предложив выпускать ежемесячные сатирические обзоры, обличавшие пороки времени. Клуб заседал по субботам в комнатах придворного лекаря Джона Арбетнота в Сент-Джеймсском дворце. Арбетнот был личным врачом королевы Анны, а по совместительству еще и писателем. Из всех участников клуба его имя до сих пор наименее известно. Уроженец северо-востока Шотландии, он переехал в Лондон в двадцать лет, когда вышла в свет его первая книга. Она называлась «О законе вероятности» (Of the Laws of Chance) и рассказывала о популярных в то время азартных играх, среди которых числились нарды, игры в кости и лотерея. В конце концов, игроки и спекулянты находились на политической передовой того времени. Сам или с помощью друзей, Арбетнот открыл в себе острый ум и сатирическую жилку, что сделало его прекрасным товарищем и коллегой по клубу.

Свифт говорил, что клуб Мартина Писаки представлял собой «дружеский союз гениев», а Поуп, отвечая комплиментом на комплимент, заме-

тил, что в нем состояли «одни из величайших умов эпохи». В начале лета 1714 года Поуп писал Свифту: «Доктор Арбетнот придерживается своеобразных взглядов, он полагает, что главное предназначение заключается в том, чтобы посвятить себя жизни и приключениям Мартина Писаки… для меня же это не предел мечтаний, я бы хотел взяться поистине за великий труд; к слову сказать, я планирую приняться за перевод Гомера». Сам Свифт спустя несколько лет заметил: «Я часто пытался завязать дружбу с гениями и теперь счастлив, что мне это удалось. Редко когда появляется больше трех-четырех гениев среди современников, но если они объединяются, то весь мир падает к их ногам». Одним из членов клуба был и Роберт Харли, по совместительству первый лорд Казначейства[50], а с 1711 года и главный министр королевы. Этот факт, несомненно, повышал статус клуба.

Первоначально «Мемуары» задумывались как часть сатирического журнала, который предложил выпускать Александр Поуп. Вместо этого они

---

[50] Примечания: 50

Первый лорд Казначейства (англ. *First Lord of the Treasury*) — премьер-министр Великобритании в составе комитета лордов — заседателей Казначейства (Lords Commissioners of the Treasury), учрежденного в 1714 г. после упразднения должности лорда-казначея (Lord High Treasurer).

оформились в самостоятельную работу — сатирическую биографию вымышленного персонажа, глуповатого и наивного педанта, обладавшего всеми задатками ученого-недотепы. Время от времени текст редактировался и дополнялся, пока наконец не вышел в свет в 1741 году во втором томе прозаических произведений Поупа.

Сатира была единственной ощутимой реакцией на события, сотрясавшие общество в век воздержания от полемики и серьезных споров. Истинным джентльменом не мог считаться тот, кто воспринимал жизнь слишком серьезно. Был в этом определенный здравый смысл; кстати, это слово, означающее «здравое практическое мышление», согласно Оксфордскому словарю английского языка, впервые появилось в тексте 1726 года. Однако здравый смысл должен был идти об руку со сдержанностью, или, как писал Поуп в «Опыте о критике» (An Essay on Criticism; 1711), человек не должен быть «ни слепо прав, ни тупо убежден»[51]. Еще одним важным понятием эпохи было дружелюбие, однако и оно имело границы. Ключ к успеху давало равновесие. Оно составляло неотъемлемую часть культурно-общественного

[51] Примечания: 51
Перевод А. Субботина.

движения того времени, ибо без него не могли сосуществовать дотошные исследования Королевского общества и очерки в Spectator. В целом наметилось стремление к простоте, предпринимались скромные и осмысленные попытки говорить правду. Историк Королевского общества Уильям Спрат охарактеризовал научную прозу так: «Простая, незамысловатая, естественная речь; позитивные выражения эмоций; открытые чувства; природная легкость: сведение всего в окружающем мире к простоте математических формул». Писатели, поэты и драматурги, а также эссеисты стремились взять все лучшее от языка. Критик того времени Колли Сиббер говорил о пьесах Джона Ванбру, что они казались ему «не более чем повседневной беседой, запечатленной на бумаге».

Поэтическая риторика размышлений и восторгов постепенно сменялась прозой фактов и мнений; сатира уверенно вытесняла догматизм, и, хотя век теологических изысканий остался далеко позади, теперь акцент в периодических изданиях ставился на действующие лица и наблюдения. Это позволило оживить речь политических репортеров и памфлетистов. Очерк стал своеобразной проповедью эпохи, и, как с

пафосом писали в Spectator, «теперь город мог сам вершить правосудие и поддерживать любые формы выражения страсти, печали, возмущения и даже отчаяния по собственному разумению, но в рамках правил приличия, чести и благовоспитанности».

Растущее число читателей, которые в скором времени получили название «читающая публика», жадно набрасывались на все современное и сиюминутное; они проявляли невиданный, если не сказать беспрецедентный интерес к делам и увлечениям светского общества. Именно тогда зародился жанр романа во всех его формах, а такие журналисты, как Свифт и Дефо, стали самыми искусными романистами. Чем еще можно объяснить подъем так называемой разговорной, а не риторической драмы в лице Уильяма Конгрива, Джона Ванбру и Джона Гея?

Если мы хотим услышать или хотя бы подслушать голоса, звучавшие в эпоху королевы Анны, нам стоит обратиться к литературным произведениям того времени. Сочетая ученость, комичность, вдохновенность и остроумие, их тон вместе с тем лишен претензий на сложность и стремится понизить градус пафоса в любой форме изложения. Произведения того време-

ни являются реакцией на революции, славные или наоборот, а также войну, казавшуюся бесконечной и безрезультатной, политическую и религиозную вражду, которую теперь считали несовременной и ненужной.

Разумеется, сатира существовала давно — она возникла вместе с глупцами и лицемерами, однако с появлением горьких противоречий и открывшихся истин XVII века возникли и новые сатирические приемы, такие как ирония и снисходительный тон. Недостаточно было просто победить оппонента в споре. Требовалось еще и высмеять его. Поуп и Свифт особенно преуспели в этом, получив широкую известность благодаря своим едким насмешкам. Таково было настроение века. Все члены клуба Мартина Писаки создали своих ярких сатирических персонажей.

Поуп и сам был объектом едкой сатиры. Он исповедовал католичество, а значит, был лишен возможности учиться в университете и трудиться на государственной службе[52]. Туберкулез по-

[52] Примечания: 52

В 1689 г. католики были исключены из Акта о веротерпимости. Католикам запрещалось проживать в пределах 10 миль (16 км) от Лондона, держать в доме оружие. Они не могли выступать в качестве адвокатов или поверенных, не имели права голоса, их детям запрещалось ходить в обычную школу или университет. Именно поэтому образование Александра Поупа было преимущественно домашним.

звоночника превратил его в горбуна, и он не мог ходить прямо. Именно ему принадлежат жалобы на «эту долгую болезнь — мою жизнь». Он реформировал английское стихосложение, разработав александрийский стих (в английской традиции — героический куплет), который стремительно вошел в моду, а вскоре стал отличительным стилем эпохи. Куплеты Поупа отождествляли формальный и нарочитый стиль в период, когда формальность и нарочитость служили признаками хорошего тона.

И все же беспроигрышная форма коротких куплетов в случае Поупа не означала отсутствия литературного таланта и подлинного поэтического чутья. Первые десятилетия XVIII века часто описывают как годы скованности и сдержанности, однако это говорит лишь о необходимости сдерживать неукротимые стремления и бурный энтузиазм. В те времена считалось неприличным выставлять свои чувства напоказ. Добиваться своего следовало через аллюзии и намеки. Если это и правда был «век разума», как утверждали некоторые исторические пособия, то такой разум граничил со страстным увлечением анализом. Что могло подстегивать сильнее, чем неуемное желание с помощью разума выбраться из мрака

недавнего прошлого?

С самого начала «Мемуары» задумывались как коллективный труд, который, по словам Поупа, ставил целью «высмеять дурной вкус псевдоучености, создав собирательный образ героя, обладающего достаточными способностями, чтобы попробовать себя в каждом из видов искусств и наук, однако делающего это без должной вдумчивости». Таким образом, маленькая книжка стала сборником нападок на модные вкусы и адептов современной философии, вызывающей чувства, которые Свифт в своей надгробной эпитафии назвал «суровым негодованием» (лат. *saeva Indignatio*). «Писаки», если такое название применимо к членам клуба, занимали непримиримую позицию по отношению к современной им науке, известной как механистическая или корпускулярная философия, в которой все сущее сводилось к совокупности материальных элементов. Они презирали технический язык экспериментаторов, считая его полной бессмыслицей, равно как и утверждение, что в мире не существует духовной составляющей.

Темы для высмеивания были неистощимы. Одна из интеллектуальных дискуссий того времени посвящена противостоянию «Античности» и

«современности»: спор разгорелся между адептами классического образования и сторонниками новой философии науки и экспериментаторства. Авторы «Мемуаров» не пощадили представителей обеих школ, высмеивая их приверженность догматизму или необоснованным гипотезам. В книге встречается сатира на зануд — завсегдатаев кофеен, зануд — членов клубов и зануд-педантов, которые использовали зарождавшуюся общественную свободу в своих интересах. Казалось, каждый получил право на собственное суждение.

Мартин Писака родился неподалеку от лондонского Ковент-Гардена в местечке Севен-Дайлз, которое получило широкую известность своими астрологами и докторами — последней надеждой богачей и бедняков в отсутствие эффективной системы здравоохранения. В этом прослеживалась явная аллюзия на легковерность и суеверия, широко распространившиеся в XVIII веке благодаря тем, кто больше полагался на изучение книг, нежели на опыт. Отец Мартина Корнелиус Писака, например, изучал труды Аристотеля, чтобы выбрать оптимальный момент для зачатия.

Мартин впервые появляется на страницах книги, когда он прогуливается в «окрестностях

Сент-Джеймсского дворца» периода правления королевы Анны, «которое, несмотря на вскоре наступившие счастливые времена, до сих пор помнит каждый англичанин». Далее читатель видит главного героя «под аркадой у бального зала в Сент-Джеймсском дворце», где, возможно, находилось и его собственное скромное жилище — «небольшая комната четырьмя парами ступеней выше». Скорее всего, это было описание помещения, в котором жил сам Арбетнот.

Автор не утруждает читателя описаниями мелких деталей, однако поясняет: «Я беру на себя смелость обещать читателю, что стоит ему заскучать за одной главой, следующая будет не в пример более занимательной». Эта ремарка напоминает слова из другого отрывка, где автор в каком-то смысле раскрывает секрет: «Стиль нынешней главы этих самобытных мемуаров так отличен от прочих, что трудно сказать, чьему перу она принадлежит». Невозможно было поверить в то, что писатель XVII века мог писать в такой манере. Впрочем, по стилю этот труд очень напоминает «Жизнь и мнения дворянина Тристрама Шенди» (The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman), первые два тома которого были изданы в 1759 году. Подобное сочетание ума

и шутливого тона можно считать отличительной чертой восприятия мира в XVIII веке.

Еще одной тенденцией того периода было «восстановление древних рукописей, выкапывание [раскопки] монет, изучение мумий». Кроме того, в ту эпоху огромное внимание уделялось физиономистам, френологам и хирографам, которые исследовали особенности лиц, черепов и ладоней своих клиентов, поскольку считалось, что характер человека можно определить по чертам его внешности. Члены клуба Мартина Писаки высмеивали представителей этих псевдонаук, которые благодаря знахарским снадобьям, вроде порошков из оленьих рогов или венгерской воды[53], считались светилами медицины XVIII века. «Что, как не говядина, делает англичан флегматичными и меланхоличными? А валлийцы обладают таким горячим и холеричным нравом благодаря сыру и луку. Французы же, славящиеся ветреностью и легкомыслием, обязаны этими чертами супам, лягушкам и грибам».

Досконально изучалась не только медицин-

[53] Примечания: 53

Венгерская вода (вода королевы Венгрии) — натуральный ароматический продукт на основе «чудодейственных» свойств эфирных масел розмарина и розы. Вода была создана по особому рецепту алхимиком, который обещал венгерской королеве Елизавете, что она сохранит красоту и молодость до самой смерти.

ская теория, но и практика. Мартин Писака, движимый жаждой просвещения, «приобрел труп преступника», которого недавно казнили на виселице, и «снял комнату неподалеку от Пест-Филдс в Сент-Джайлс, рядом с Тайберн-роуд[54], чтобы произвести вскрытие». Пест-Филдс — это обширные поля, где веком ранее хоронили жертв чумы. Чтобы не вызывать лишних подозрений, лакей Мартина в полночь привозит тело в шестиместной карете. Поднимаясь с «добычей» по лестнице, лакей, опасаясь, как бы тело не выскользнуло из его объятий, сжимает его посильнее в области живота, и труп внезапно пукает (очень характерный для XVIII века штрих). Обнаружив мертвеца, обитатели дома приходят в крайнее смятение. В начавшейся суматохе лакея отправляют под суд. Любопытно, что речь, которую он произносит в свою защиту, полностью составлена из каламбуров. Это было еще одним ударом по вкусам современников. В 1719 году было издано «Искусство каламбура, или Цвет языка» (Ars Pun-ica, Sive Flos Linguarum; The Art of Punning; or, The Flower of Languages). Автором книги был Том Шеридан, один из известных

[54] Примечания: 54

Тайберн-роуд (англ. *Tyburn Road*) — дорога, ведущая к деревне Тайберн, где с XII по XIX в. проводились казни осужденных Лон-дона.

каламбуристов своего времени[55].

Авторы «Мемуаров» не обошли стороной и современные методы логики и философии, которые превращали в абсурд силлогизмы и суждения Античности. В этом состояло вечное проклятие схоластики, правившей умами людей Средневековья. Как ангелы могут перемещаться из одной крайней точки в другую, не проходя через середину между ними?[56] Основная масса таких рассуждений была нацелена на университетские аудитории, где философы вроде Аристотеля и Фомы Аквинского по-прежнему считались истиной в последней инстанции. Классицизм по-прежнему оставался основой всех учебных программ.

Молодой Писака проявляет интерес к персидской и арабской литературе. Он получает удовольствие от выставок диких животных и других «чудес», восхищавших людей в ту пору, среди которых были карлики, сиамские близ-

---

[55] Примечания: 55

Авторство часто приписывается Свифту, но тот, по-видимому, лишь редактировал трактат. — *Прим. науч. ред.*

[56] Примечания: 56

В романе «Мемуары Мартина Писаки» высмеивались темы дискуссий средневековых схоластов, в частности, приводились схоластические вопросы, взятые из «Суммы теологии» Фомы Аквинского: «Могут ли ангелы перемещаться из одной крайней точки в другую, не проходя через середину между ними?» или «Верно ли, что ангелы лучше познают вещи утром?».

нецы, рог единорога, копыто лося и бедренная кость великана. Самые любопытные приходили в паноптикумы, вроде тех, что были «у мистера Джона Пратта, в гостинице “Ангел” в Корнхилле» или «напротив Мьюз-гейт на Чаринг-кросс», и должны были платить по шесть пенсов за вход. Заморские земли представляли не меньший интерес, однако с точки зрения их изучения, а не захвата. В те времена большинство англичан знали мир дальних стран лишь по книгам Сэмюэла Джонсона «История Рассела, принца Абиссинского» (The History of Rasselas, Prince of Abissinia) и другим экзотическим фантазиям.

Клуб Мартина Писаки распался летом 1714 года вскоре после смерти королевы Анны. Уникальное сочетание остроумия и сатиры стало визитной карточкой самых известных произведений, написанных членами клуба: «Путешествия Гулливера», «Дунсиада» (The Dunciad) и «Опера нищего» (The Beggar’s Opera). Это был удивительный период в английской литературе и истории.

8
Немцы идут!

Королева Анна умерла утром 1 августа 1714 года, и в тот же день высшие чины королевства, собравшись у ворот Сент-Джеймсского дворца, провозгласили: «Его высочество могущественный принц Георг, курфюрст Брауншвейг-Люнебургский, отныне, после смерти Ее Величества, добрую память которой чтим, становится нашим законным и полноправным владыкой Георгом, Божьей милостью королем Великобритании, Франции и Ирландии, защитником веры и прочее, и прочее…» В борьбе за трон Георг обошел Джеймса Эдуарда. По некоторым оценкам, пятьдесят семь человек имели куда больше наследственных прав и притязаний на королевский престол; тем не менее курфюрст Ганноверский, как его часто называли за глаза, был единственным протестантом среди всех претендентов и потому стал королем.

После объявления имени нового монарха по Англии прокатился слух, что на страну надвигается полчище немцев, желающих завладеть

богатствами страны. На деле с королем прибыло лишь девяносто человек слуг и свиты. Среди них были обычные придворные чины и официальные лица, а также лекари, портные, весь поварской персонал (изучение кулинарных традиций новой и неизвестной страны — нешуточная задача). На борту корабля, на котором прибыл Георг, находились два камердинера-турка, Мехмет и Мустафа, и две дворцовые фаворитки, вызвавшие неподдельное изумление.

Фрейлейн фон Шуленберг была давней любовницей Георга, а одна из ее «племянниц» внешне крайне походила на нового короля. Вначале она отказывалась ехать в Англию с Георгом, объясняя это, по словам леди Мэри Уортли-Монтегю, «опасением, что народ Англии, который, как она считала, приучен варварски вести себя со своим монархом, мог отрубить Георгу голову в течение первых двух недель на троне». Правда, стоило ей узнать, что ее соперница уже в пути, она резко изменила свои планы. Позднее Хорас Уолпол, литератор и знаток двора, вспоминал ту самую соперницу по имени фрау фон Кильмансегг, смеясь над ее «горящими черными глазами, огромными и свирепо вращавшимися… двумя акрами густо нарумяненных щек и шеей, напо-

минавшей океан, вышедший из берегов».

Лондонская толпа пришла в восторг оттого, что одна фаворитка была очень худой, а другая — очень тучной. Идеальный сюжет для детской песенки. Несчастную Софию, супругу нового короля, никто не видел. Ее заточили в Альденский замок почти на двадцать лет за незаконную связь с немецким графом, который исчез при загадочных обстоятельствах. Зловещая атмосфера при Ганноверском дворе отчасти напоминала мрачный дух, царивший в замке Отранто[57]. Супруга Георга так навсегда и осталась в заключении, хотя ее сын впоследствии стал королем Англии.

Георг Людвиг высадился в Гринвиче 18 сентября 1714 года и уже через месяц был коронован в Вестминстер-холле, став Георгом I. Его нельзя было назвать замечательным принцем. Еще до заключения их злосчастного брака София воскликнула: «Я не выйду замуж за этот свиной пятачок», швырнув об стену миниатюру с его портретом. Ее слова вряд ли можно назвать справедливыми. Георг и правда был небольшого роста, однако имел вполне обычную наружность. У него было

[57] Примечания: 57

«Замок Отранто» — роман английского писателя Хораса Уолпола, опубликованный в 1764 г., первое произведение в жанре готического романа.

тяжелое лицо с высоким широким лбом, едва ли выражавшее хоть сколько-нибудь живости или одухотворенности. На лице выделялся крупный нос. Глаза блуждали. Он был настолько сдержан, что порой его можно было принять за истукана, а природная нерешительность проявлялась в медлительной речи и мыслях. В результате его считали неуклюжим и бесчувственным, однако вполне возможно, что это была защитная реакция в новом чуждом окружении. По словам лорда Честерфилда, Англия была слишком велика для нового короля.

До сих пор неясно, владел ли король английским языком, однако сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что он многое понимал и немного писал. В любом случае ему на помощь приходил французский — международный язык дипломатии. В его характере было нечто общее с представителями династии Стюартов, в том числе беспощадность и упрямство. Наверное, эти черты присущи любому успешному монаршему роду. Георгу было пятнадцать лет, когда он принял участие в своей первой военной кампании, поэтому его нельзя уличить в трусости. Кроме того, важно помнить, что Ганновером он правил без малого шестнадцать лет. Новый король Ан-

глии не был неофитом. Теккерей писал о новом монархе: «Когда он прибыл в Англию, ему было уже за пятьдесят; мы приняли его, поскольку хотели, чтобы он пришел, поскольку он отвечал нашим требованиям; мы смеялись над его грубоватым немецким нравом и смотрели на него с презрением. Нашу преданность он воспринимал как должное, прибирал к рукам все возможные средства и ограждал нас от католичества и деревянных башмаков. Я, к слову сказать, в те дни был на его стороне». Деревянные башмаки служили символом порабощения Францией.

Георг по натуре был сдержанным и не любил протокольных формальностей, поэтому его двор не отличался пышностью. Его свиту составляли приближенные-немцы, которые исполняли все необходимые обязанности. Неудивительно, что подданные считали его замкнутым и отчужденным. По утрам он вставал рано, однако из своих покоев выходил лишь к полудню для совещаний с министрами; после официальных встреч и заседаний, которые могли длиться часа по три, он вновь возвращался в свои покои. В предвечернее время король гулял по дорожкам Сент-Джеймсского парка, а вечерами играл в карты с одной из фавориток. Время от времени король посещал

оперу или театр, и эти выходы были лишены всякой помпезности и церемониала; монарх даже избегал королевской ложи. Его придворные не имели и тени тщеславия, не ослепляли мир своим великолепием. Не предпринималось ни единой попытки сохранить культ монархии. Одним словом, в новом короле и его окружении не было ничего необычного, за исключением Мустафы и Мехмета, а также карикатурной пары тощей и тучной фавориток.

Прибыв в Англию, король испытывал явную неприязнь к тори. Он, безосновательно или нет, считал, что многие представители этой партии все еще поддерживали династию Стюартов. К тому же он не мог простить дипломатов-тори, инициировавших Утрехтский мирный договор, — в сущности, Англия бросила своих союзников, среди которых был и сам Георг, одних на поле боя. Тем не менее в то время бытовало мнение, что новый монарх, как и Анна, сформирует умеренный кабинет из представителей обеих партий; однако на деле такая беспристрастность просуществовала недолго.

Так, например, вступив на трон, Георг снял герцога Ормонда с поста главнокомандующего; напомним, что тот пришел на смену Мальборо и

отдал приказ об отступлении. Через год герцога обвинили в государственной измене по подозрению в поддержке якобитов. После этого на всех сторонников тори пала густая тень подозрений в государственной измене, возникла угроза их отстранения от должностей или исключения из претендентов на государственные посты. Сам великий граф Оксфорд — а пока его камзол не пронзил кинжал, просто Роберт Харли — был заключен в Тауэр, где провел два года. Многие, в том числе сам Ормонд, бежали во Францию в объятия Старого претендента. Подобные самочинные беженцы, стекавшиеся к Сен-Жерменскому двору, наносили куда больший вред репутации тори, чем тысячи самых едких и злых памфлетов. Теперь в некоторых кругах приверженность тори приравнивалась к якобитству. Даже рьяные англиканцы, сочувствовавшие тори, растеряли часть былой славы. Хотя король подчинился принятому в Англии порядку совершения литургии, в душе он оставался ярым лютеранином.

Новое правительство вигов, находившееся теперь под покровительством самого короля, уже не представляло собой той радикальной политической силы, как прежде. Вполне естественно, что они поумерили свои антимонархические

настроения, которые возникли во время «кризиса отвода» 1679 года, когда их мишенью был будущий Яков II. Теперь виги стали правящей партией и отстаивали интересы торговцев, купцов, лиц свободных профессий и городской аристократии, которая управляла финансовыми организациями страны. Но любой правящий класс в отсутствие последовательной оппозиции становится площадкой для проявления честолюбия, зависти и личного антагонизма. Всегда найдется тот, кто будет стремиться к неоспоримому превосходству.

И действительно, даже в рамках правящей партии вигов существовало множество разногласий и противоречий, из-за чего посол Франции заметил, что англичане вновь распяли бы Христа, если бы тот пришел править Англией. «Молодые» виги боролись со «старыми», «придворные» — против «деревенских», виги — сторонники парламентаризма были враждебно настроены к вигам-роялистам. В отсутствие убедительной и убежденной партии тори парламент становился бесполезным. Одного из членов партии тори, сэра Чарльза Седли, упрекнули в том, что он про-

гуливался по улице Мэлл[58] во время особенно жаркого спора. На это он ответил, что прекрасно знал, чем все закончится, и добавил: «Выступать в этой палате честному человеку, жаждущему улучшений, теперь все равно что добавлять каплю ароматной эссенции в ведро затхлой мочи в надежде устранить ее запах».

Впрочем, и самих вигов далеко не везде одобряли и принимали. Большая часть населения, в основном лишенная права голоса, относилась к Ганноверской династии совершенно равнодушно. Иоганн Филипп Гофман, австрийский резидент, проживавший в Англии, сообщает, что в 1715 году две трети населения выражали открытую враждебность к ганноверцам. Безусловно, это некоторое преувеличение. Тем не менее бунты на улицах Лондона были делом привычным, а нападения на диссентеров в традиционных местах их встреч продолжались с завидной регулярностью, словно мятежи в поддержку «высокой церкви» и Генри Сашеверелла никогда не прекращались. В очередную годовщину Реставрации в 1660 году

[58] Примечания: 58

Мэлл — улица в лондонском районе Вестминстер, которая ведет от Букингемского дворца на Трафальгарскую площадь. Изначально это место представляло собой поле для игры в пэл-мэл, а в XVII–XVIII вв. там располагался променад для светской публики. Сегодня там проходят торжественные церемонии с участием британских монархов.

перед памятником королевы Анны напротив собора Святого Павла собралась внушительная толпа с криками: «Долой Ганноверский дом!» и «Боже, храни короля Якова III!». За здоровье Старого претендента пили в трактирах и тавернах по всей стране. Вечером 28 мая, в день рождения короля Георга, у Лондонской фондовой биржи собралась толпа, вооруженная палками и дубинами, требовавшая «Высокую церковь и Ормонда!». На улице Чипсайд народ скандировал: «Нет ганноверцам! Нет пресвитерианскому парламенту!» В лондонском государственном архиве сохранилась запись об аресте гражданина, поставившего «50 гиней на то, что король не продержится на троне и года».

Протесты не имели революционного размаха, однако изрядно встряхнули новый кабинет вигов. Возник вопрос о том, обеспечивает ли новая власть верховенство закона. Именно этот животрепещущий вопрос лег в основу Акта о бунтах (Riot Act). Согласно этому закону, группа из двенадцати или более человек признавалась виновной в совершении тяжкого преступления, караемого смертной казнью, если не успевала разойтись в течение часа после соответствующего приказа. Любое должностное лицо, получившее санкцию

суда, освобождалось от ответственности за какие бы то ни было действия в отношении мятежников. В периоды народных волнений, например беспорядков во время голода или безработицы, этот закон был как нельзя кстати. Его польза для властей была очевидной — неудивительно, что он просуществовал вплоть до 1967 года.

Впрочем, национальный ажиотаж несколько поутих, когда якобиты мобилизовали свои силы, организовав восстание на территории Великобритании. Этот инцидент вошел в историю под названием восстание «Пятнадцать». В начале сентября 1715 года граф Мар поднял якобитский флаг в Бреморе, графство Абердиншир. Сообщалось, что под якобитскими знаменами собралось порядка 10 000 человек. Узнав о народных волнениях, двор Якова решил воспользоваться ситуацией. Однако население в целом не проявляло особого рвения, активные действия предпринимало лишь деятельное и, вероятно, изрядно подвыпившее меньшинство, провозгласившее королем Джеймса Эдуарда Стюарта.

Известия о беспорядках спровоцировали панику в Лондоне, где новый король на новом троне отнюдь не чувствовал себя в безопасности. В полной мере применялся Акт о бунтах.

Уличных торговцев, симпатизировавших тори и распространявших баллады и памфлеты соответствующего содержания, немедленно помещали в исправительные дома, а любой, кого подозревали в антигосударственных настроениях, рисковал быть наказанным или осмеянным.

К восстанию примкнули отряды из Ланкашира и Нортумберленда, по-прежнему в большинстве своем исповедовавшие католицизм, однако в ноябре эта несчастная горстка вояк потерпела поражение в битве при Престоне. Некоторых участников обвинили в государственной измене, а других сослали на каторжные работы в Америку. Графиня Купер писала в дневнике, что, когда основную часть преступников этапировали в Лондон, «толпа встречала их жестокими оскорблениями, размахивала у них перед носом грелками-жаровнями, наполненными углями, и извергала в их адрес тысячи проклятий, на некоторые из которых заключенные отвечали, не скупясь на крепкое словцо». Грелка-жаровня символизировала предполагаемую незаконнорожденность Старого претендента, которого, по словам многих, доставили в королевскую опочивальню именно в таком сосуде. В том же месяце граф Мар, возглавлявший более крупное войско

якобитов в Шотландии, потерпел поражение в битве при Шерифмуре. С тревожным нетерпением он ждал приезда Стюарта, чтобы тот взял на себя контроль над сложившейся опасной ситуацией.

Коронация Джеймса Фрэнсиса Эдуарда, Якова III Английского и Якова VIII Шотландского, была запланирована на 23 января 1716 года в Скунском дворце, однако так сложились обстоятельства, что никто из участников не прибыл туда вовремя. В конце декабря Джеймс высадился у Питерхеда и отправился в сторону дворца. Разумеется, шпионы шли за ним по пятам, за перемещениями его армии внимательно следили. Осознавая всю опасность своего положения, 5 февраля Джеймс в сопровождении графа Мара сел на корабль в Монтрозе и пять дней спустя высадился на севере Франции.

Восстание изначально не имело шансов на успех. Французы, находившиеся под властью регента после смерти Людовика XIV, с которой прошел всего месяц, не имели возможности, да и особого желания собрать армию для поддержки Старого претендента. А в отсутствие иностранного содействия любое восстание внутри страны было обречено на провал. Тори, поддерживав-

шие якобитов (можно с уверенностью сказать, что их было меньшинство), не имели ни плана, ни лидера, ни оружия. С тем же успехом они могли поддерживать короля Бробдингнега[59]. Неприязнь к правительству вигов не привела к формированию активной оппозиции, а страх, что к власти придет король-католик, был настолько силен, что искренняя преданность старым порядкам рассеялась вмиг.

Правительство вигов стремилось действовать наверняка, не полагаясь на переменчивый в своих настроениях электорат. В ответ на восстание якобитов в 1716 году был принят Семилетний акт (Septennial Bill), продлевающий срок полномочий парламента с трех до семи лет. Таким образом, потенциально опасные выборы 1718 года переносились на 1722 год. Это существенно осложняло жизнь тори, которые в отсутствие перспективы скорых выборов не имели возможности использовать разногласия в стане вигов в своих интересах. Виги же, напротив, чувствовали себя в безопасности, а парламент получал дополнительное преимущество в виде новой порции конституционных полномочий.

---

[59] Примечания: 59

Бробдингнег — вымышленное государство великанов из романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера».

Летом 1716 года, спустя два месяца после принятия Семилетнего акта, король вернулся в Ганновер. Он всегда стремился туда всей душой. Семья Георга получила эти земли от императора Священной Римской империи Леопольда I в благодарность за своевременную поддержку в военной кампании против турок. В тех местах было тихо, уютно и мирно — во всех смыслах лучше, чем в Англии. Король старался возвращаться в Ганновер как можно чаще, чтобы охотиться, однако из-за проблем в Англии он побывал там не более пяти раз за тринадцать лет. И даже это было чересчур, по мнению английских министров, для которых отъезд государя представал весьма сомнительным удовольствием с точки зрения управления страной. Порой возвращение короля откладывалось из-за ветра и непогоды, и в этих случаях парламент сам назначал перерыв в работе. Во всех поездках короля сопровождал государственный министр, а, как известно, любой преисполненный решимости министр мог создать немалые неприятности своим коллегам, даже находясь на расстоянии сотен миль. Ситуация усугубилась тем, что в очередной свой приезд монарх решил остаться в Ганновере на полгода. Даже тогда такой срок считался продолжитель-

ным как для внешней, так и для внутренней политики.

Нельзя исключать, что король ставил интересы Ганновера выше интересов Англии. Он был тесно связан с делами Балтийского региона, к которым Англия не имела ни малейшего отношения, а министры в Лондоне не желали ввязываться в провинциальные дрязги.

Вскоре в королевстве разгорелся новый конфликт интересов — на этот раз личного свойства. Дело в том, что Георг Людвиг ненавидел своего сына Георга Августа, принца Уэльского. Сын отвечал отцу не меньшей враждебностью. В сущности, это вечная проблема наследника, с нетерпением ожидающего ухода предшественника. Этот порочный круг стар, как сама монархия. Кроме того, при дворе всегда находились министры и придворные, которые, чувствуя себя лишенными должного, по их меркам, уважения или признания, жили в ожидании восхода нового солнца в лице наследника, который должен был, по их представлениям, воздать им должное. В нестабильном политическом климате начала XVIII века такие распри становились еще более ожесточенными.

Так, отбывая в Ганновер, король назначил

своего сына хранителем и лейтенантом королевства — должность, забытая со времен Черного принца[60] в XIV веке. Принц и его соратники сочли это оскорблением, интерпретировав этот жест как гнусную попытку короля ограничить власть регента-сына. По распоряжению Георга I, к примеру, принц не мог без согласования с ним принимать решения по внешнеполитическим вопросам, назначать людей на важные государственные посты и давать королевскую санкцию парламентским законопроектам. Он также не имел права читать иностранные депеши. При этом другая корреспонденция, касающаяся поведения самого принца, должна была исправно отправляться в Ганновер.

Противники короля, разумеется, превозносили принца. Теперь, когда Георг Август не ощущал на себе политической ответственности, ибо не имел возможности проявлять собственную инициативу, он понял, что может стать независимой силой, создав свой политический курс. Он может создать фракцию или партию в самом парламен-

---

[60] Примечания: 60

Эдуард Черный принц (англ. *Edward of Woodstock, the Black Prince*) — старший сын короля Англии Эдуарда III. Отец несколько раз назначал его хранителем королевства. Это означало, что во время заграничных походов отца Эдуард формально замещал его на английском престоле. Военачальник Столетней войны.

те, которая бы действовала против короля.

Злополучная ссора произошла в ноябре 1717 года на крестинах первого сына принца, когда король резко высказал несогласие с выбором крестного отца мальчика. Раскол усилился. Король приказал сыну покинуть Сент-Джеймсский дворец. Супруга наследника Каролина Бранденбург-Ансбахская решила последовать за мужем. Монарх отдал распоряжение, согласно которому любой посетивший супругов-отступников будет официально лишен возможности беседовать с королем. Это означало объявление войны. Такого не помнили со времен противостояния между Марией I и Елизаветой I[61]. Лорд Херви писал о принце: «Об отце он всегда отзывался как о слабом лидере, но не о дурном или бесчестном человеке; и добавлял… что отец всегда ненавидел его и плохо с ним обращался».

Принц Уэльский с супругой удалились в Лестер-хаус, к северу от площади Лестер-сквер, где фактически создали альтернативный двор.

---

[61] Примечания: 61

Мария I Тюдор — первая коронованная королева Англии с 1553 г., старшая дочь Генриха VIII Тюдора от брака с Екатериной Арагонской. Также известна как Мария Кровавая или Мария Католичка. Елизавета I, Добрая королева Бесс, Королева-дева — королева Англии и Ирландии с 17 ноября 1558 г., последняя из династии Тюдоров. Дочь Генриха VIII Тюдора от брака с Анной Болейн.

Чтобы подчеркнуть свой статус изгнанника, принц перестал посещать встречи кабинета министров. Стоило кому-то из министров утратить расположение короля, как его уже с распростертыми объятиями ждали при дворе принца. В Лестер-хаусе собирались недовольные виги и обозлившиеся тори, разочарованные карьеристы и смутьяны с сомнительной репутацией, которые проводили время с музыкой, танцами, за светской беседой и в пиршествах. Король, крайне недовольный сыновними успехами в обществе, изменил своей вечной привычке и тоже начал устраивать собрания и ужины. Парадная гостиная Сент-Джеймсского дворца открывала свои двери три дня в неделю; музыкой, танцами и фейерверками можно было насладиться в Кенсингтонском дворце.

Отношения между отцом и сыном стали налаживаться лишь спустя три года, однако полное примирение так и не наступило. Принц сказал жене, что, когда он вошел в личные покои короля, соблюдая необходимые формальности, однако выражая при этом раскаяние и сожаление, тот пробормотал лишь: *Votre conduite… votre conduite,* что означало «Ваше поведение… Ваше поведение». Когда на следующий день отец и

сын вместе вышли в свет, они не разговаривали. Тем временем над двором, городом и страной промелькнула тень, на вид столь же безобидная, как и мыльный пузырь.

9
Мыльные пузыри

Первый экономический пузырь появился, когда тори попытались создать учреждение, способное конкурировать с Банком Англии в управлении государственным долгом страны[62]. Весной 1711 года возникла Компания южных морей. Ее акционерами в первую очередь стали те, кто предоставлял государству внушительные займы на военную кампанию. Долг государства перед ними в общей сложности приближался к 10 миллионам фунтов стерлингов. Держателей государственных аннуитетов (в современном понимании — облигаций) убедили отказаться от годовой прибыли, которую они получали в виде процентов по займам и выплаты части долга, в счет доли в новом предприятии. В сущности, кредиторы Банка Англии согласились обменять свои доли на акции Компании южных морей, при этом им гарантировалось 4 % годовых, кото-

[62] Примечания: 62

До 1711 г. главным держателем государственного долга и кредитором правительства был Банк Англии. Однако аудит долга показал, что долг не обеспечен источниками выплат. Требовались новые пути для улучшения государственных финансов.

рые планировалось выплачивать из косвенных налогов. Они также автоматически становились партнерами компании и могли рассчитывать на прибыль от торговли с испанскими колониями в Америке — важно понимать, что в этот период доходы от торговли с Испанией превосходили самые смелые ожидания. Создание альтернативы Банку Англии было выгодно правительству, поскольку оно освобождалось от необходимости управлять существующими долгами, более того, разработанная финансовая схема позволяла им снизить процентную ставку. Акционеры же, представляя баснословную прибыль, в своих мечтах уже уносились в Эльдорадо. Темпы роста торговли и промышленности во время Войны за испанское наследство естественным образом снизились. Однако в начале 1720 года в Гааге Филипп V заключил мирное соглашение с Четверным союзом[63], объединявшим Велико-

[63] Примечания: 63

После окончания Войны за испанское наследство король Испании Филипп V стал предпринимать попытки вернуть былое влияние и возвратить уступленные Австрии итальянские провинции. Желая сохранить условия Утрехтского мира, Франция, Британия и Голландия в 1717 г. заключили Тройственный альянс. В 1718 г. к ним присоединилась Австрия, поэтому союз получил название Четверной союз (*Quadruple alliance*). В начавшейся войне Испания оказалась не в силах сражаться сразу с четырьмя державами, и в 1720 г. в Гааге между странами Четверного союза и Испанией был заключен мирный договор, который положил конец Войне Четверного союза.

британию, Францию, Австрию и Нидерланды, и многие стали считать, что природные богатства Америки польются в Лондон, словно золотой дождь, в который превратился Зевс, чтобы попасть в покои к Данае.

Биржевая лихорадка охватила Великобританию в начале 1720 года, когда St James's Weekly Journal сообщил, что «по слухам, Компания южных морей каким-то образом договорилась с Казначейством о включении в свой основной капитал государственных аннуитетов на 99 лет». Авторитет и надежность предприятия немедленно возросли, и вскоре Компания южных морей стала держателем основной части государственного долга[64]. Власть и доходы компании теперь зависели от курса ее акций. Разве что-то могло остановить их рост? В первые месяцы 1720 года стоимость акций неуклонно увеличивалась, и к 24 июня государственная облигация стоила 100 фунтов, а акция Компании южных морей — 1050 фунтов. Чем больше был курс акций и спрос на них, тем выше становилась их стоимость, а чем дороже они стоили, тем большим спросом пользовались.

---

[64] Примечания: 64

Остальная часть государственного долга находилась в ведении Банка Англии и Ост-Индской компании.

Акции, выпущенные в первую волну, раскупили мгновенно. Чтобы приобрести долю в компании, сэр Джон Ивлин даже продал часть своих земельных владений. Все хотели быстрых денег, поэтому в гонке за акциями годились все средства. Можно было купить акции по одному курсу, а через пару дней продать их по куда более высокой цене, получив огромную выгоду. Писали, что акции на Лондонской фондовой бирже покупались «на 10 % дороже на одном конце улицы, чем на другом». Мужчины искали брокеров в тавернах и кофейнях; женщины отправлялись для этих целей к модисткам и галантерейщикам. Министры и члены парламента получали взятки от компании в виде свободно распределяемых акций, которые затем можно было продать по текущему курсу. Вскоре этот период стал называться эпохой пузырей. Термин «пузырь» стал синонимом любого мошенничества и обмана. Многие финансовые схемы, планы и проекты того времени можно было смело назвать «мыльными пузырями».

Тобайас Джордж Смоллетт в книге об истории того периода писал: «На Биржевой аллее наблюдалось необычное скопление людей разного свойства — государственных деятелей и

церковных служителей, прихожан официальной церкви и диссентеров, вигов и тори, врачей, адвокатов, торговцев и даже самых разных особ женского пола». Пользуясь легковерностью и неискушенностью публики, в тот период повсеместно возникали самые невообразимые схемы быстрой наживы. Среди прочего задумывалось предприятие по превращению ртути в ковкий рафинированный металл. Предлагали перевозить ослов из Испании. Вынашивались идеи по опреснению соленой воды. В тот период вниманию инвесторов было представлено в общей сложности 86 различных проектов, среди которых были планы по «благоустройству садов», «обеспечению и увеличению детских пособий», «организации похорон в любой точке Великобритании» и даже «созданию вечного двигателя». Прожектерство было не более чем новым словом для описания очередной азартной игры. Прожектерство представляло собой лишь форму спекуляций. Прожектерство было обычной лотереей.

Перед тем как отправиться в свое знаменитое путешествие, Робинзон Крузо получил неплохой доход от одного предприятия, заметив при этом: «…по мере того как я богател, голова моя наполнялась планами и проектами, совершен-

но несбыточными при тех средствах, какими я располагал: короче, это были того рода проекты, которые нередко разоряют самых лучших дельцов»[65]. Дефо знал, о чем говорил. В своем первом опубликованном очерке под названием «Опыт о проектах» (An Essay upon Projects; 1697) он прозорливо сокрушался на предмет «всеобщего увлечения проектами»; каждый день возникали «новые изобретения, механизмы и проекты, на которых можно было заработать и которые прежде даже не приходили в голову», и благодаря всем этим начинаниям теперь мы можем «отследить, как появились банки, акции, биржи и спекулянты, страхование, дружеские общества[66], лотереи и тому подобные явления», не забывая, что «все эти вексельные пройдохи не случайно получили название *брокеры*».

Таков был культурный контекст, где бал правил азарт. Порой игра разворачивалась лишь за карточным столом, без которого не обходился ни дворец, ни таверна, ни публичный дом, ни гостиная приличного дома. Персонаж пье-

[65] Примечания: 65

Перевод М. А. Шишмаревой.

[66] Примечания: 66

Дружеское общество — взаимная страховая организация в Великобритании, которая занимается личным страхованием.

сы Ричарда Стила «Нежный муж» (The Tender Husband), написанной в 1705 году, сокрушается, что «женщины не понаслышке знали, как легко на алтарь карточной игры могли быть брошены все усилия по хозяйству, заботы о детях и семейном благополучии». Игорные дома для мужчин встречались повсеместно. Одержимость различными аферами, сомнительными предприятиями и жажда быстрой наживы в полной мере объясняют, почему так вырос спрос на страхование от пожара, морское страхование и страхование жизни. Страховали все: браки, рождение и даже смерть. В связи с этим личное участие отдельного гражданина в азартных играх становилось неотъемлемой частью национальной экономики. Имелись и менее явные последствия. К примеру, сложные расчеты, которые порой приходилось делать во время азартных игр, подтолкнули Паскаля и Ферма[67] к созданию математической теории вероятностей.

Азартными играми страстно увлекались все сословия. Хорас Уолпол писал, что в джентль-

[67] Примечания: 67

Теория вероятностей зародилась в середине XVII — начале XVIII в. Ее родоначальниками были выдающиеся ученые Пьер Ферма и Блез Паскаль, которые открыли первые вероятностные закономерности, исследуя вероятность выигрыша при бросании игральных костей.

менском клубе виноторговца Уильяма Брукса (Brooks's) «с каждым броском костей на кону оказывались тысячи лугов и кукурузных полей». Политики в перерывах между парламентскими дебатами выигрывали и проматывали тысячи фунтов стерлингов в джентльменском клубе Уильяма Олмака (Almack's); причем чем более высокопоставленным был политик, тем лучше он владел собой и держал лицо. В клубе у Олмака в ходу был специальный костюм: камзол, лоскуты кожи для защиты манжет и шляпа с высокой тульей и широкими полями, чтобы прятаться от света; шляпы часто украшали цветами и лентами. Как-то раз член парламента от партии вигов Чарльз Джеймс Фокс[68] просидел за игрой в хазард[69] целые сутки. Дворяне делали ставки на то, сколько проживут их отцы. Томас Уэйли, ирландский азартный игрок и парламентарий, поспорил как-то, «что выпрыгнет из окна своей

[68] Примечания: 68

Фокс Чарльз Джеймс (1749–1806) — член английского парламента, глава левого крыла партии вигов, идеолог британского либерализма, первый в истории Англии министр иностранных дел, убежденный оппонент короля Георга III.

[69] Примечания: 69

Хазард — азартная игра в кости, с двумя костями. Возникла на рубеже XVI–XVII вв., вероятно, под влиянием восточной игры *азар* (от араб. *azzahr* — кость). Английский хазард принято считать родоначальником современного трехкостного крэпса.

гостиной в первый проезжающий мимо экипаж и поцелует пассажира». Когда мужчина, потеряв сознание, упал на землю напротив клуба Брукса, его посетители немедленно стали спорить, жив он или нет. Люди с более скромными возможностями спорили на кегли и домино в местных тавернах, делали ставки на результаты выборов или на пол еще не родившегося ребенка; частенько кости бросали даже во время богослужений.

Правительство возобновило практику проведения лотерей в 1709 году, и вплоть до 1824 года парламент ежегодно принимал соответствующие законы о лотереях. Популярность этого масштабного надувательства была беспрецедентной. 21 января 1710 года появилось сообщение, что «накануне в часовне Мерсерс началась запись на получение подписки на лотерею, и ходят слухи, что подписчиков уже более миллиона». Чтобы лотереи казались более благовидным и солидным занятием, их нередко называли распродажами. Купить билет за два пенса и получить за это набор «новых модных тарелок» считалось удачным приобретением. Как-то в Лондоне в районе под названием Лаймхаус «в лотерее разыгрывалось шесть домов, номера билетов должны были вытягивать два мальчика из прихода, вращая два

барабана в таверне “Фри Сан” на Вуд-стрит».

Азартные игры и лотереи воспринимались многими как традиционные спутники погрязшего в пороках города, в котором процветает мошенничество и жадность, а общество зиждется на беспричинной жестокости и коррупции, где огромная пропасть между богатством и бедностью провоцирует подлое и беспринципное поведение. В выпуске London Journal 1720 года алчность и любовь к роскоши подверглись жесткой критике, а спустя несколько месяцев Weekly Journal высказал мнение, что пузырь Компании южных морей был ничем иным, «как естественным следствием пороков, царивших в обществе многие годы». В действительности пузыри были всегда, а масштабы мошенничества и коррупции за несколько веков не сильно изменились ни в большую, ни в меньшую сторону. Наблюдения показывают, что волны всеобщей паники накатывали с определенной периодичностью; нередко эти всплески называли конвульсиями, уподобляя финансовый мир больному, мечущемуся в лихорадке. Впрочем, рано или поздно наступал момент, когда пузырь лопался, производя непривычно громкий звук.

На этот раз кризис пришел, как и большинство

финансовых кризисов, внезапно и неожиданно. Вскоре по ярмаркам и рынкам стала ходить такая сатирическая песенка:

Пузырь, возникший из воздуха и обмана, лопнул.

Вместо прибыли – крах. Не стоило предаваться дутым мечтам,

И все же Пузырь-разоритель должен заплатить по счетам.

Бабах – только дым вокруг,

Бабах – все банкроты вдруг,

Распрощался ты с землей, стадом и домами,

Только акции теперь перебирай руками[70].

Выяснилось, что Компания южных морей не имела наличных средств, чтобы расплатиться с теми, кто стал избавляться от их акций. Золотые горы Эльдорадо, о которых мечтали те, кто рассчитывал на прибыльную торговлю с Испанией,

[70] Примечания: 70

A bubble is blown up in air; / In which fine prospects do appear; / The Bubble breaks, the prospect's lost, / Yet must some Bubble pay the cost. / Hubble Bubble; all is smoke, / Hubble Bubble; all is broke, / Farewell your Houses, Lands and Flocks / For all you have is now in Stocks.

оказались миражом. Когда пропала уверенность в завтрашнем дне, перспективы быстрой наживы и богатства рассеялись, словно утренний туман. Стоимость акций, которые изначально предлагались в обмен на государственные аннуитеты, резко пошла вниз. К сентябрю 1720 года казалось, что все кончено. Акционеры потеряли все свои вложения.

Тобайас Смоллетт писал: «Эпоха вроде этой — сущее наказание для историка; читателя с чувством и воображением едва ли можно увлечь подробностями финансовых операций, лишенных всякой теплоты, ярких красок и живости; их детальное описание служит лишь иллюстрацией безжизненной картинки безвкусной вульгарности и мерзкого вырождения». Впрочем, пузырь сделал свое дело, пролив свет на «Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы»[71] (Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds) — как раз об этом рассказывает книга со столь многообещающим названием.

---

[71] Примечания: 71

«Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы» — сборник исторических очерков Чарльза Маккея, впервые изданный в Лондоне в 1841 г. В книге рассказывается о самых известных заблуждениях и безумствах человечества: от финансовых пирамид до религиозных психозов. Это произведение считается классическим трудом о массовых маниях, поведении толпы и человеческой глупости.

Стремление к материальному богатству и опыт неудач, головокружительные взлеты и падения, блеск и нищета, мания, охватившая тысячи людей без видимой на то причины, самоубийства и разрушение семейных уз рассказывают об этой эпохе куда больше, чем тысячи сражений.

Вскоре выяснилось, что некоторые министры и руководители Компании южных морей заблаговременно продали свои акции. Гнев народа был безграничен. Раздавались даже призывы колесовать воров и злодеев. Единственное, что спасло страну от гражданской войны, — осознание глобальности происходящего и надежда на то, что что-то будет сделано, ибо нельзя допустить финансового краха страны.

В этот критический момент пришло время ввести в повествование крупную и краснолицую фигуру Роберта Уолпола (Вальполя), ведь именно ему принадлежит заслуга урегулирования ситуации в стране. Он сумел устранить панику и восстановить финансовую стабильность Компании южных морей. Уроженец Норфолка, он и в солидном возрасте не утратил акцента этих мест. Уолпол служил живой иллюстрацией честного и чистосердечного деревенского жителя. Он жевал домашние яблоки, занимая первую скамью в

парламенте, и не терял самообладания даже в самых патовых положениях. Говорят, что, прежде чем приступать к чтению газет, он неизменно просматривал отчет своего управляющего хозяйством.

Уолпол был крепко сложен, невысок и полноват, имел ярко выраженный второй подбородок. На многочисленных портретах он выглядит благодушным, если не сказать вальяжным, в жизни же его знали как добродушного и компанейского человека. Он первым встречал новых членов парламента, который вскоре стал его законной вотчиной. Он щегольски одевался, особенно на парламентские сессии, к которым он наряжался словно жених для невесты. Он знал, как работает палата общин, и знал, как чувствуют себя ее члены. По его собственным словам, единственную надежную защиту министру могло обеспечить лишь «благословение этой палаты».

Уолпол слишком хорошо знал человеческую натуру. Говорят, что ему принадлежат такие слова: «Едва ли найдется ум, который не пострадал бы от постоянного созерцания низости и порока». А будущему первому министру Генри Пелхэму он однажды сказал: «Когда вы будете иметь дело с людьми столько же, сколько я, вы, несомненно,

будете готовы возненавидеть весь род человеческий». И все же такая мизантропия и чрезмерный пессимизм никогда не влияли на его природную приветливость. Он извлекал максимальную пользу из человеческих слабостей. Ему нравилось, когда другие выпивали в его компании, ведь это развязывало им языки и давало ему возможность воспользоваться неосторожно брошенным словом. Уолпол знал, чего стоит каждый, и не раздумывая избавлялся от тех, в чьей преданности не был уверен. Он отвечал за все назначения как на местном, так и на общенациональном уровне; он контролировал занимаемые посты в церкви с не меньшим рвением, чем в армии или на флоте. Уолпол создал феномен, который впоследствии получил название «истеблишмент». От пристального внимания Уолпола не ускользала ни одна должность, ни одна синекура, сколь бы незначительной она ни была.

Если и водился за ним какой грех, так это его чрезмерная грубость. Даже по меркам XVIII века его сквернословие переходило все границы дозволенного. Принцесса Каролина была вынуждена отчитать его за крепкое словцо, произнесенное в присутствии фрейлин. Филип Дормер Стэнхоуп, 4-й граф Честерфилд, хотя и отличался чрезмер-

ной учтивостью и вежливостью, все же, говоря о Уолполе, описывал его как человека «распущенной морали, неэлегантного в манерах, но обладавшего грубым и острым умом, который он демонстрировал слишком охотно для человека, занимавшего столь высокий государственный пост». Впрочем, Уолпол мог легко отшутиться от подобной критики, коль скоро он двадцать лет держал бразды правления государством в своих руках.

Уолпол был одним из тех английских политиков, кто выживал благодаря вере в простой здравый смысл. Он не терпел бессмыслицы. Он делал ставку на здравомыслие и, по его словам, на честную игру. Он хотел умеренности любой ценой. Он хотел равновесия. Он хотел мира в стране и за ее пределами, чтобы могла процветать торговля. Угождать временщикам. Принимать меры на случай непредвиденных обстоятельств, используя подручные средства. Предлагать взятки там, где этого требовала ситуация. Давать волю чувствам перед лицом протестующей толпы, хоть это и не всегда правильно трактовалось. Одной из его любимых пословиц была *Quieta non movere,*

что значит «не нарушать спокойствие»[72]. Это вполне могло бы стать девизом всей его законодательной карьеры, а также многих других политиков, пришедших ему на смену.

Уолпол был прагматиком в буквальном смысле этого слова, у него был лишь один курс — на выживание. Блестящий предприниматель и управленец, он обладал неугасимой энергией и работоспособностью. Позднее Честерфилд писал, что Георг II так отзывался о нем: «Этот человек настолько превосходил самых способных современников в королевстве, что мог одинаково хорошо разбираться в системе налогообложения и знать, как управлять таким сложным и неповоротливым организмом, как палата общин, при этом делать это настолько лучше, чем кто бы то ни было, что благоденствие страны просто невозможно было представить без его участия». Безусловно, Уолпола нельзя назвать мыслителем. Как он сам говорил о себе, он не был «ни святым, ни спартанцем, ни реформатором».

---

[72] Примечания: 72

Полностью это латинское изречение звучит так: *Stare decisis et non quieta movere*, что значит «стоять на решенном и не нарушать спокойствие». В контексте англосаксонского права это означает, что суду следует руководствоваться прецедентами, то есть решениями, вынесенными вышестоящим судом (вертикальное стояние на решенном), или решениями судей, равных ему по рангу (горизонтальное стояние на решенном).

Уолпол всегда был крепким вигом и даже на короткое время попал в Тауэр, когда к власти пришли тори. «Я искренне презираю тех, — писал он своей сестре Долли, — кому однажды отомщу». По правде говоря, тюремное заключение не имело для него никаких негативных последствий. Он продолжил путь вверх по карьерной лестнице, став в 1717 году первым лордом Казначейства и министром финансов. При загадочных обстоятельствах он смог сколотить огромное состояние, а затем ушел в отставку, «поскольку не мог смотреть сквозь пальцы на то, что происходило». Впрочем, это был вопрос не личных принципов, а внутренней политики. Тем не менее в июне 1720 года, когда пузырь раздулся до невиданной величины, Уолпол стал генеральным казначеем Вооруженных сил Великобритании[73], по умолчанию взяв на себя все текущие дела Казначейства.

Ему выпал уникальный шанс урегулировать ситуацию с экономическим пузырем. За время работы в парламенте Уолпол стал прочно ас-

[73] Примечания: 73

Генеральный казначей Вооруженных сил Великобритании (англ. *Paymaster-General of His Majesty's Forces*) — должность в британском правительстве, созданная в 1661 г. для решения некоторых вопросов финансирования британской армии. Должность упразднена в 1836 г.

социироваться с финансовой сферой, а будучи вигом, еще и состоял в прекрасных отношениях с директорами Банка Англии. Он с подозрением относился к Компании южных морей, поскольку она являлась прямым конкурентом Банка Англии, тем не менее это не помешало ему инвестировать часть своего капитала в молодую компанию. Уолпол не принадлежал к тем, кому удалось быстро сорвать там крупный куш; более того, есть основания полагать, что он потерял крупную сумму на этих операциях. Однако это лишь усилило доверие к нему самому и его методам борьбы с кризисом. В прошлом Уолпол уже не раз проявлял смекалку, теперь настало время продемонстрировать самообладание.

Летом 1720 года Уолпол благодаря своим попыткам стабилизировать финансовую ситуацию в стране фактически стал премьер-министром. В этом ему помогала сама природа, щедро наделившая его необходимыми качествами. В книге «Характеры» (Characters; 1777) Честерфилд писал: «Уолпол настолько просто и понятно говорил о самых запутанных вещах, что даже самые несведущие думали, что понимают то, чего на самом деле не понимали». Задача Уолпола состояла в том, чтобы создать впечатление восстановления

экономики и контроля над государственным долгом. Он убедил директоров Банка Англии выкупить часть государственных облигаций, составлявших капитал Компании южных морей, сократив таким образом ее долг и поставив на более прочные рельсы. Он конфисковал приобретенное обманным путем имущество директоров компании и распределил его настолько щедро, насколько это было возможно. Уолпол учредил так называемый амортизационный фонд, который, к слову сказать, он придумал тремя годами ранее. Этот фонд пополнялся за счет доходов, получаемых от специальных налогов или сборов с определенной, как правило, более высокой ставкой. Таким образом Уолпол откладывал средства на будущие проекты, а также обеспечивал уверенность в финансовой системе страны в долгосрочной перспективе. За столь эффективные меры он получил особую благодарность от короля и правительства. Нельзя переоценить успокаивающее действие, которое может произвести умелый политик. Уолполу удалось усмирить стихию, от бушевавшего шторма не осталось и следа, лишь легкая рябь напоминала о пережитом.

Уолпол сослужил государству еще одну службу, за которую впоследствии получил насмешливое

прозвище «Заслон» или «Начальник управления заслоном». Некоторые министры вступили в сговор с директорами Компании южных морей, получив возможность без труда увеличить свой доход; в незаконном обогащении участвовал и сам король со своими фаворитками. Уолпол прежде всего стремился выстроить баланс и обеспечить целостность государства. Для этого создали парламентский комитет, а директорам компании запретили покидать страну. К всеобщему недовольству, одному или двум удалось бежать за границу, а один благородный пэр, лорд Стэнхоуп, умер от апоплексического удара после того, как ему предъявили обвинение в коррупции. Смерть одного или двух виновников была даже на руку, поскольку, как известно, мертвые молчат и не дают показаний, а судьба руководителей компании не слишком волновала Уолпола; их вполне можно было отдать на растерзание разгневанной толпе.

Что его действительно волновало — так это как укрыть от нападок своих коллег-министров, среди которых, кстати, находились и его личные враги. Путем запугивания и подкупа свидетелей удалось добиться снятия всех обвинений с главных подозреваемых. Уолпол действительно стал

своего рода заслоном, за которым могли укрыться сильные мира сего, при этом могущество премьер-министра заметно укрепилось. Весной 1721 года Роберт Уолпол вновь стал первым лордом Казначейства, обладая теперь беспрецедентным авторитетом. Все дороги вели к нему. Последовавший период часто называют «эпохой Уолпола» или «эпохой стабильности». В течение двадцати одного года он оставался самым влиятельным министром в стране, способным совмещать политическое величие с экономическим достоинством так, как это еще никто и никогда не делал. У него не было партии. У него была лишь поддержка короля, независимые члены парламента и сторонники двора, на которых он мог полагаться. Поэтому Уолпол всегда действовал с величайшей осторожностью. Ему требовалось уравновесить различные силы внутри государства, чтобы сохранить свое господство; ему приходилось ублажать финансистов и аристократов, несогласных купцов и англиканское мелкопоместное дворянство.

Называть этот период «эпохой стабильности» будет, пожалуй, избитой истиной. В конце концов, именно стабильность имела для Уолпола первостепенное значение. Однако вряд ли можно

утверждать, что это была его единоличная заслуга. Немаловажную роль играла преемственность протестантской династии курфюрстов Ганноверских и отсутствие угрозы возвращения к власти Стюартов. Спокойствие финансистов и купцов объяснялось множеством нетривиальных возможностей зарабатывать деньги и расширять торговлю. Англиканство, хоть и полюбившееся не всем, было удобной религией и получило широкое распространение. Семилетний акт, предусматривавший проведение всеобщих выборов не чаще одного раза в семь лет, обеспечил период спокойствия. Межпартийные разногласия и религиозный пыл, таким образом, не выходили за границы дозволенного; повышение уровня жизни вкупе с ростом занятости населения оказали благотворное влияние на страну.

Уолполу сопутствовала удача — необходимое условие в карьере любого успешного политика. Хаос, вызванный лопнувшим пузырем, обнажил слабость правительства и его финансовую некомпетентность, которыми Стюарты могли запросто воспользоваться. Спикер палаты общин Артур Онслоу вспоминал, что в разгар кризиса «Старый претендент мог смело высаживаться у самого Тауэра и отправляться в Сент-Джеймсский

дворец, не встретив особого сопротивления». Было немало тех, кто считал, что Джеймс Эдуард Стюарт мог воспользоваться ситуацией и взойти на трон. Один из ярых якобитов того времени по имени Фрэнсис Аттербери, епископ Рочестерский, словно волк, скрывавшийся в овечьей шкуре, притворялся преданным тори. На самом деле весной 1721 года он писал Джеймсу, что «даже при незначительной поддержке ваших союзников за границей путь домой, к вашим друзьям, будет легок и безопасен». И все же спокойствие Уолпола никто не нарушил.

Первый министр был настороже. Говорят, что Уолпол видел якобитов везде, даже под собственной кроватью, однако он прекрасно понимал, что любой якобитский заговор бросит еще более густую тень на тори и сильнее сплотит короля и преданное ему правительство. Так, у сторонников Джеймса была договоренность, что герцог Ормонд при поддержке ирландской армии вторгнется в Англию. Пожалуй, это был не самый благоразумный план, и в скором времени его сорвали разногласия в среде английских повстанцев, а также целая орда шпионов, готовых раскрыть все секреты, лишь бы на этом заработать. Разумеется, все расстроилось. Епископ

Рочестерский вскоре был арестован и отправлен в ссылку.

Уолпол знал, что этот заговор не представлял серьезной угрозы, однако он не мог упустить своего шанса. Онслоу заметил, что раскрытие якобитского заговора «стало самым удачным и решающим стечением обстоятельств в жизни Уолпола». Теперь король был связан со своим первым министром навсегда. Из-за тайного сговора с якобитами тори были повержены, многие из них вскоре навсегда исчезли из общественной жизни. Восстановление в правах их партии в обозримом будущем едва ли представлялось возможным. Летом 1723 года правительство его величества постановило: «Всем и каждому, достигшему возраста 18 лет, надлежит принести присягу правящему монарху».

В то же время Роберт Уолпол с благородством и благодарностью отказался от предложенного ему титула пэра, прекрасно понимая, что его главная сила состоит в том, чтобы руководить палатой общин. Его решение, удивившее многих, было ярким свидетельством того, что парламент действительно стал независимым государственным органом, который имел свою сферу ответственности и обязанности, существенно выходившие

за пределы ведения монарха. Парламент превратился теперь в последнюю инстанцию, вершившую судьбы английских свобод, которые более нельзя было оставлять на милость даже самого доброжелательного короля Ганноверской династии. Парламент стал ареной, на которой самые противоречивые политические взгляды и непримиримые политические партии могли высказываться, не встречая сопротивления. Парламент давал каждому возможность выразить свое недовольство. Именно поэтому тридцать лет спустя, в 1757 году, толпа в Линкольншире, протестующая против плана по сокращению численности наемных солдат, пришла к единодушному мнению: «Если нельзя доверять парламенту, то все пропало».

Однако не успел Уолпол освоить все хитрости и расставить противовесы в административном аппарате, как из политической игры внезапно выбыл ключевой игрок. В начале июня 1727 года Георг I отправился в Германию, чтобы повидаться с многочисленными родственниками. Спустя семь дней путешествия он начал жаловаться на боли в желудке, вызванные злоупотреблением клубникой и апельсинами. Многие монаршие особы страдали от переедания. Георг I стал бле-

ден и немощен, то и дело терял сознание, которое возвращалось к нему лишь после щедрой порции нюхательной соли. Затем он заснул тяжелым и беспокойным сном, который перешел в летаргию и беспамятство. У него достало сил, чтобы поднять руку и поприветствовать свой старый замок в Оснабрюке, где прошло его детство, однако уже следующей ночью король скончался.

Это было тяжелым, если не смертельным ударом для Роберта Уолпола. Он был близок со старым королем и имел на него влияние. Отношения же с сыном и наследником престола едва ли были отмечены и малой долей той же солидарности и понимания; действительно, наследник относился к премьер-министру с крайней настороженностью. Однако судьба преподнесла щедрый подарок новому королю в лице его супруги Каролины Ансбахской, которая была куда более проницательна и хорошо понимала роли ведущих игроков в государственных делах. Когда Уолполу удалось обеспечить Георгу II цивильный лист, гарантировавший королю существенно более высокую сумму на содержание, чем была у его отца, положение первого министра было спасено, он сохранил свое влияние.

Трудно оценить наследие Георга I, учитывая,

что построенное на отрицании положение всегда труднодоказуемо. Георг I обеспечил стабильность Ганноверской династии, а его семейные узы и заключенные по его инициативе союзы примирили Великобританию с Европой, в которой непрестанно менялись лидеры и расстановка сил. В своих начинаниях он заручился поддержкой Уолпола, который больше всего на свете ненавидел войну. Она плохо влияла на торговлю и разрушала экономику.

Голландский дипломат при дворе Георга I говорил о нем так: «Он очень озабочен своей репутацией, однако его нельзя назвать чрезмерно честолюбивым; он обладает бесспорным талантом в государственных делах, в упорядочивании экономики, имеет трезвый ум и суждения… он всегда думает о справедливости, при этом добросердечен». Столь избитые и обезличенные фразы зачастую используют, чтобы завуалировать посредственность или, как минимум, описать тех монархов, которые во время своего правления счастливо избежали катастроф. К этому стоит добавить, что страна жила, фонтанировала идеями и развивалась без ведома короля. Георг I редко был в курсе последних новостей и не предпринимал никаких шагов, чтобы узнавать об успехах

королевства первым.

10
Незримая рука

Последние десять лет своей жизни Даниель Дефо посвятил работе над произведением, которое было опубликовано в период с 1724 по 1726 год. Это панегирик в трех томах, посвященный родной стране, под названием «Путешествие по всему острову Великобритания» (A Tour through the Whole Island of Great Britain). Неясно, путешествовал ли автор в реальном времени или ностальгировал, странствуя по просторам Туманного Альбиона лишь в воспоминаниях. Также трудно сказать, прибегал ли Дефо к услугам наблюдателей на местах или полагался на память, сохранившую мельчайшие подробности его прошлых путешествий. Дефо и правда был одарен феноменальной памятью и умением замечать даже самые незначительные детали, поэтому мы можем снисходительно отнестись к некоторым вольностям повествования, благодаря которым произведение только выигрывает в живости и яркости. Книга обрела популярность и не утратила актуальности по сей день, поскольку очень

точно передает дух времени.

Это был дух энергии и прогресса, постоянного стремления к «усовершенствованию мануфактур, торговли и мореходства». «Современность» была идеалом для писателя. Пока весь культурный и не очень мир лихорадило от азартных игр, рабочий и торговый люд брал максимум от беспрецедентных возможностей, появлявшихся в стремительно развивающейся стране, которую Дефо описывает как «самую процветающую и богатую в мире», которая совершила невероятный прогресс как в «культуре», так и в «коммерции», заметно разрослась как в плане «населения», так и «зданий». К примеру, говоря о Девоншире, Дефо отмечает, что «все люди там трудятся на местных мануфактурах».

Даже когда «мануфактуры» еще не ассоциировались с грядущей промышленной революцией, их производительность и повсеместность не могли не удивлять. В солидных домах зажиточных горожан можно было встретить ткани из Малмсбери, ножи из Шеффилда и стеклянную посуду из Ноттингема. Всем двигала торговля, этот великий двигатель прогресса. Дефо полагал, что торговля — это «неосушимый поток, который не только наполняет пруд и препятствует его высыханию,

но и постоянно переливается через край, питая другие водоемы и землю вокруг».

Города являлись оплотом торговли. Различные ремесла, зарождавшиеся в мелких и крупных городах, «считались среди местных жителей панацеей от всех бед». Разве можно было представить, к примеру, Лидс без текстильной промышленности, Ньюкасл-на-Тайне — без торговли углем, Ярмут — без сельди, а Халл — без сливочного масла? Дефо приходит в восхищение от Нориджа, где «все жители заняты на мануфактурах и коротают дни в мастерских или, как они называют их сами, чесальнях, за ткацкими станками». Работа находилась для всех. Дефо с удовольствием отмечает, что в Тонтоне и его окрестностях «не было ни одного ребенка старше пяти лет, за исключением беспризорников и невежд, чьи родители забросили их воспитание, который бы не мог заработать себе на хлеб».

Любители древностей предыдущего столетия, к примеру антиквар Элиас Эшмол и археолог

Уильям Кемден[74], по запаху выискивали следы старины, словно она составляла основу парфюмерного букета Англии. В отличие от них Дефо воспринимал старинные диковины лишь как пережиток прошлого, а средневековый городок Вустер казался ему «старым и тесным, а дома в нем стоят слишком близко друг к другу». Другое дело деревня Стратфорд в окрестностях Лондона, «где каждое пустое место немедленно застраивается новыми зданиями», при этом «стоимость жилья и арендная плата растут даже в отношении домов, построенных давно».

Вопреки религиозным и политическим взглядам того времени торговля стала восприниматься как дело государственной важности. В конце XVII — начале XVIII века появился целый ряд новых книг, среди которых «Два трактата о государственных доходах и торговле Англии» (Two Discourses on the Public Revenues and Trade

---

[74] Примечания: 74

Эшмол Элиас — английский антиквар, алхимик и астролог. После смерти он завещал свою коллекцию редкостей Оксфордскому университету, при котором в 1683 г. открылся Эшмолеанский музей искусства и археологии (музей Эшмола). Кемден Уильям — английский историк и археолог, который посвятил свою жизнь сбору материалов по истории, географии и археологии родной страны. В 1586 г. он опубликовал труд *Britannia, sive florentissimorum regnorum Angliae, Scotiae, Hiberniae et Insularum adjacentium ex intima antiquitate chorographica Descriptio.* Впоследствии это произведение было переведено на английский язык.

of England) Чарльза Давенанта, «Историко-хронологическое рассуждение о происхождении торговли» (Chronological Deduction of the Origin of Commerce) Адама Андерсона, «Анналы торговли» (Annals of Commerce) Дэвида Макферсона (1746–1816), «Британский купец» (The British Merchant) Чарльза Кинга, «Исследование торговли» (Survey of Trade) Уильяма Вуда. И разумеется, было бы большим упущением не упомянуть собственное сочинение Даниеля Дефо «Образцовый английский купец» (The Complete English Tradesman).

«Национальная торговля — это наша главная опора, — заявил лорд Картерет, выступая перед палатой лордов, — и поэтому мы должны подчинить все прочие стремления ее сохранению». Если раньше англичане ратовали за чистоту своей веры или гордились сбалансированностью неписаной конституции, то теперь они ликовали по случаю небывалого подъема торговли. Вряд ли бы кто-то не согласился с тем, что Англия была крупнейшей торговой державой в мире. Кто мог конкурировать с ней? Какая еще страна могла похвастаться столь мощным флотом? В одном из

«Философских писем»[75] (Letters Concerning the English Nation) под названием «О торговле» (On Trade) французский философ и историк Вольтер заметил, что Англия стала «столь могущественной торговой державой, что смогла отправить одновременно три флотилии в три разные, далекие части света».

В сущности, торговля гарантировала власть без кровопролития. Джон Гей удачно выразил это в стихах:

> *Коль торговлю делом жизни сделать смог,*
>
> *То весь мир иметь ты будешь у своих ног*[76].

Разумеется, все происходившее означало масштабные социальные преобразования. Купец и торговец, ранее находившиеся на нижних ступенях социальной иерархии, теперь по статусу не уступали священнослужителям и юристам. В том же письме Вольтер отмечает, что брат первого

---

[75] Примечания: 75

Это сочинение Вольтера первоначально было опубликовано в Лондоне в 1733 г. под названием «Письма об английской нации». И только через год появилось французское издание под заголовком «Философские письма».

[76] Примечания: 76

Be commerce, then, thy sole design; / Keep that, and all the world is thine.

министра лорда Таунсенда был торговцем в Сити, а сын графа Оксфорда — купцом в Алеппо. Роберт Уолпол женился на дочери лесопромышленника. Торговля теперь означала не только свободу, но и престиж. Поэтому виги — покровители и мастера торговли — имели явное преимущество перед тори. Теперь торговля рождала джентльменов, даже если их происхождение не позволяло им войти в высшие круги аристократии.

Теперь купцов воспринимали как людей, способных принести ощутимую пользу и увеличить благосостояние страны. Томас Тернер, местный лавочник из поселка Ист-Хоатли, неподалеку от Льюиса, в период с 1754 по 1765 год вел дневник, в одной из записей он восклицает: «Как хороша торговля, когда она полноводным потоком устремляется в нужное русло. Она словно вдыхает жизнь и душу в действия человека». Торговля была столь же необходима для страны, сколь необходима кровь, бегущая по венам человека. Торговля стала метафорой нации.

Два крупнейших события века в области топографии оказались теснейшим образом связаны друг с другом — разрастание Лондона и развитие небольших городов. Объединение Англии и Шотландии позволило создать обширную зону

свободной торговли: финансовая жизнь Лондона оказалась тесно переплетена с торговлей Ливерпуля, угледобывающей промышленностью Центральной Англии и текстильной промышленностью на севере страны. Все отрасли развивались сообща будто по мановению незримой руки и в соответствии с основными законами бытия.

Между тем статистика говорит сама за себя. Импорт и экспорт в течение XVIII века выросли в пять раз, тогда как реэкспорт — в девять. В период с 1726 по 1728 год импорт увеличился на 22 %, экспорт — на 27 %, а реэкспорт — на 57 %. Термин «реэкспорт» использовался для нейтрального обозначения товаров, которые производили в колониях и по закону должны были сначала доставлять в Великобританию и лишь оттуда в континентальную Европу. Таким образом, англичане получали максимум прибыли, покупая товар по низкой цене и продавая его втридорога. Столь выгодная деятельность позволяла получать самые востребованные европейские товары.

Ткани, поставляемые Ост-Индской торговой компанией, сахар из Вест-Индии, табак из Виргинии и Мэриленда, а также чай, ром и специи из различных уголков земного шара существенно

изменили образ жизни англичан. В результате произошли глобальные культурные, социальные и коммерческие изменения. Стоило экзотическим товарам, модным веяниям и роскоши хлынуть в страну, как рост торговли и таможенных сборов не заставил себя ждать.

В «Путешествии» Дефо отмечает внезапный, неожиданный рост английских городов. Город Фрум на северо-востоке графства Сомерсет «так разросся за последние два или три десятилетия, что там построили новую церковь и множество новых улиц и домов, которые немедленно заполнились жителями». Население Галифакса «за последние сорок лет, то есть со времен последней [«Славной»] революции, выросло по меньшей мере на четверть». Что касается Ливерпуля, о нем Дефо пишет следующее: «Думаю, я не совру, если скажу, что в третий приезд сюда я был немало удивлен обликом города — с тех пор как я побывал здесь во второй раз, Ливерпуль разросся больше чем вдвое; и говорят, что его благосостояние, население, торговля и застройка продолжают расти; не представляю, до каких размеров он может вырасти в будущем».

В 1700 году Норидж был единственным провинциальным городом в Англии с населением

более 25 000 человек; к 1820 году таких городов стало уже пятнадцать. За тот же период население таких городов, как Халл и Ноттингем, Лидс и Лестер, выросло в пять раз. Число жителей Ливерпуля, Бирмингема и Манчестера увеличилось в двадцать раз. В 1700 году в городах проживало меньше четверти всего населения страны; столетие спустя этот показатель вырос и в среднем составлял от одной трети до двух пятых. Медленно, но верно Англия, в отличие от Германии, Франции или Италии, становилась сплоченной городской нацией.

Едва ли в то время нашелся бы город, который не перестраивали. Первоначально выстроенные из глины, дуба или другого дерева, все они переживали второе рождение в кирпиче. Вскоре для отделки гостиных и ванных комнат подоспел мрамор. Впрочем, кирпич оставался основным материалом строительства домов для зарождавшегося среднего класса. Более состоятельные горожане оснащали свои жилища из кирпича большими окнами; такие дома считались классическими с точки зрения пропорций и строились с использованием разнообразных традиционных форм. Прямоугольные и круглые площади, сводчатые галереи и полумесяц считались про-

явлением изысканного архитектурного вкуса.

Образцом для подражания в организации массовой перестройки и реставрации стал Лондон. Во время одного из своих путешествий Селия Файнс, говоря о Ноттингеме, отметила: «Это самый чистый и изысканный город, выстроенный из камня, который я когда-либо видела, его широкие, длинные улицы напоминают Лондон, а дома сплошь величественны и добротны. Рыночная площадь необычайно просторна, а от нее начинается широкая улица, напоминающая Холборн[77], однако обрамляющие ее здания прекрасны». Главный акцент в Ноттингеме делался на создании ощущения свободы и простора. Облик нового городка должен был отличаться от тесных и зловонных кварталов Лондона времен правления Якова I и Стюартов. В таких районах ютилась исключительно городская беднота и рабочие с заводов и фабрик. В течение XVIII века население неуклонно росло, и чем острее ощущалась необходимость в свободном пространстве, тем больше состоятельных граждан стремилось в специально созданные анклавы вроде Старой площади в Бирмингеме, которая не сохранилась

[77] Примечания: 77

Холборн — старинная улица в Лондоне, которая проходит через Сити, Кэмден и Вестминстер.

до наших дней.

По всей стране начался подъем провинциальных городов. Теперь это были не просто мелкие поселки или рыночные города, а оживленные центры, в которых бурлила жизнь зарождающегося провинциального общества, на каждом углу предлагались различные товары и услуги, кипела торговля, проводились собрания и придумывались развлечения. Спрос на бытовые и профессиональные услуги возрос как никогда; понадобились светлые и чистые улицы. К 1730-м годам масляные фонари были установлены на главных улицах в шестнадцати провинциальных городах. Кофейни и концерты, балы и литературные кружки перестали быть прерогативой столицы.

Архитектура того периода характеризуется гармонией и сдержанностью. Максимализм готики, равно как и претенциозность маньеризма были не в чести. Идеалы нового времени нашли отражение и в обществе — в поведении мужчин и женщин бал правила сдержанность и благовоспитанность. Точность и гармония лежали в основе пропорций сооружений, а соблюдение золотого правила симметрии было необходимым условием при проектировании окон и сдер-

жанном декорировании. Это, в свою очередь, влияло на соблюдение пропорций при проектировании улиц, скверов и площадей, транслируя идеи гражданского единства в новых или обновленных городах страны. Эпоха не благоволила чрезмерной оригинальности, индивидуализму и вычурности. В воздухе витала непривычная беспечность, вытесняя мрачность и тягостные воспоминания недавнего прошлого. Цветом современности был белый. Однако не служили ли эти белоснежные дома и административные здания с дорическими колоннами и пилястрами прикрытием ханжества и лицемерия? Тесные рамки приличий легко могли сыграть злую шутку, опустошая ум и изматывая чувства — это стало очевидно на примере таких местечек, как Бат или Танбридж-Уэллс, жизнь в которых шла по строгим правилам и в чрезмерной сдержанности. Если по какой-то причине человек с беспокойным сердцем и бунтарским нравом попадал туда, то белоснежные холодные стены этих мест были для него сродни открытой тюрьме.

Интерьеры домов среднего класса в 1740-х и 1750-х годах отмечены печатью благопристойности и гармонии. Чай из бело-голубой чашки изысканного фарфора считался признаком со-

вершенного вкуса. Поставить ее можно было на чайный столик орехового или красного дерева, до блеска отполированный и покрытый лаком. Дуб вышел из моды, поскольку слишком сильно напоминал о временах Стюартов. Неотъемлемую часть сервировки составляли серебряные чайные приборы и льняные салфетки. В приличном доме картину дополняли шторы на окнах, а на стенах непременно висели часы, зеркало, репродукция или гравюра. Для полов уже не подходили простые грубые деревянные доски, вместо них использовалась обработанная еловая или сосновая доска, а сверху расстилался ковер. Старинные каменные камины ушли в прошлое, им на смену пришли мраморные. В интерьерах часто присутствовали письменный и карточный столы. Порой встречались даже книжные шкафы. Незамысловатую и кряжистую мебель предыдущего столетия сменили более легкие стулья и софы с причудливыми изгибами. По словам Хогарта, кривая вилась серпантином. В рекламных объявлениях в качестве главных достоинств новомодных предметов домашнего обихода прежде всего указывались изящность и добротность изготовления.

О более скромных жилищах нам известно

гораздо меньше. Лачуги чернорабочих, меблированные комнаты клерков, домишки лавочников и комнатушки ремесленников были стерты с лица земли или преобразились до неузнаваемости. Мелкие дома и хибары отправлялись под снос или уничтожались природой — ветрами и дождем. В них было не найти чайного сервиза из веджвудского фарфора или нарядных обоев; обычно меблировку составляли кровать, стол и два или три стула, сделанные так грубо, что они вряд ли могли стать экспонатом даже самого захудалого провинциального музея.

Жилища более зажиточных англичан состояли из трех-семи комнат и предназначались для семьи примерно из пяти человек и двух или трех слуг. Как правило, в число домашней прислуги входили две женщины и мальчик-посыльный. Расположение комнат отныне изменилось. Если раньше случайный посетитель мог по ошибке решить, что вся жизнь в доме сосредоточивалась в одной или двух комнатах, то к началу XVIII века в зажиточных домах за каждым помещением закрепились четкие функции. Гостиную использовали теперь только для ведения бесед, в будуарах дамы могли уединиться, спальни и детские всегда располагались на втором этаже,

а прислуге приходилось довольствоваться задней частью дома. В менее обеспеченных семьях кабинет использовали в качестве гостиной, а в еще более ограниченных условиях жизнь по-прежнему вращалась вокруг кухни. Подобные особенности быта сохранялись вплоть до XX века.

Лучшим свидетельством роста благосостояния страны служит превращение провинциальных городов в центры общественной жизни. Как только население начало планомерно покорять крупные и малые города, национальная культура тотчас усвоила новый городской стиль, который ранее встречался лишь в Лондоне и нескольких других крупных городах страны. Значимую роль в этом сыграло соперничество — этот вечный двигатель общественных изменений. Каждую неделю в городок приезжал почтовый дилижанс, привозя с собой самые модные товары из Лондона, а каждый хоть сколько-нибудь преуспевающий домовладелец стремился совершить ежегодную поездку в столицу. Лондонские актеры выступали на подмостках Нового театра в Норидже или театра Лидса на Ханслет-Лейн; книги из Лондона попадали на полки общественных библиотек, откуда их можно было брать на

дом на определенный срок. В ежегодном политическом альманахе Annual Register 1761 года отмечалось, что «в деревне и городе пьют те же вина, играют в те же игры, работают в одно и то же время, имеют одинаковый жизненный уклад… Мужчины и женщины хотят думать и говорить, есть и пить, одеваться и жить так же, как жители Лондона». И вот каким-то чудесным образом даже в маленьких городках появились сады, пешеходные улицы, увеселительные сады, или воксалы[78], театры, концертные площадки, библиотеки и книжные лавки.

Гулять можно было по мощеным пешеходным дорожкам, аллеям, окаймленным деревьями, или бульварам с газонами. Леди и джентльмены могли прохаживаться там, не опасаясь нежелательного общения с низшими слоями населения, без лишнего шума и запахов, способных оскорбить их эстетические чувства. Такие променады помогали поддерживать общественный порядок и служили отличным поводом для встреч, во время которых светского или знатного человека можно было приветствовать учтивым поклоном. Пока рабочие усердно трудились, для высшего

[78] Примечания: 78

Воксал — старинный увеселительный сад или зал, в котором организовывались гулянья, танцы, маскарады и т. д.

и среднего сословий выйти на прогулку было в порядке вещей. Безусловно, это позволяло избегать нежелательных встреч. Пожалуй, подобные городские прогулки в условиях стремительно развивавшейся культуры потребления можно смело назвать предвестниками таких явлений, как праздное шатание по магазинам или рассматривание витрин.

Члены так называемого светского общества были завсегдатаями тех мест, где можно было себя показать и на других посмотреть. Трудно придумать что-либо более чванливое, чем английский провинциальный город XVIII века, пусть и в новом облике. Там была своя мода на то, как следует одеваться, приветствовать знакомых, пить кофе, беседовать или танцевать. Местные театры в некотором смысле служили школами хороших манер, которые пришли на смену куртуазной литературе прошлого. Заботы о благоустройстве, которые играли столь важную роль в вопросах торговли и механизированного производства, теперь перекинулись и на быт. В течение всей истории человечества город традиционно считался символом политической и культурной жизни; в таком случае можно предположить, что в XVIII веке Великобритания начала эксперимент

по внедрению городской эстетики в масштабах страны.

Профессии множились, создавая совершенно новую прослойку среднего класса. Городское джентри обеспечивало рабочие места для служителей церкви, адвокатов в судах общего права и юристов Канцлерского суда[79]. Новый статус приобрели врачи и хирурги-фармацевты, поскольку в стране стали открываться благотворительные больницы, в которых бедных больных принимали на безвозмездной основе. Число государственных чиновников неуклонно росло, создавая крепкий бюрократический аппарат, представители которого неплохо поднаторели в самых разных вопросах, связанных с управлением страной. К началу 1714 года во главе восемнадцати различных ведомств с хорошо укомплектованным штатом сотрудников находилось 113 уполномоченных лиц. К 1720-м годам на постоянной основе на благо государства

[79] Примечания: 79

Канцлерский суд, или Суд справедливости (англ. *Court of Equity, Court of Chancery*) — высший судебный орган, появившийся в Англии в качестве альтернативы судам, которые руководствовались различными источниками права. Канцлерский суд, в котором председательствовал лорд-канцлер, должен был руководствоваться только правом справедливости. В 1850-х гг. была предпринята попытка ввести Канцлерский суд под юрисдикцию судов общего права, однако в 1873 г. он был отменен.

трудилось уже 12 000 госслужащих. XVIII век ознаменовался появлением правительства в том виде, в котором мы знаем его сегодня.

Общественные учреждения, в том числе администрация города, биржа зерна, ратуша, здание суда, резиденция лорд-мэра, финансовая биржа примерили на себя новый и более солидный образ, отличительными чертами которого были любезность и открытость. Моде следовали даже в благотворительности: новые, более просторные помещения получали школы, за ними — больницы, а затем тюрьмы. Воспитанный человек был прежде всего человеком общительным, а значит, милосердным. Рост числа благотворительных фондов пришелся на период, когда светское общество обрело имя и призвание. С 1735 по 1783 год в стране открылись 24 больницы, девять из которых основаны в 1740-х и 1750-х годах. Общественные учреждения того времени, будь то тюрьма или школа, были детищем добровольческих благотворительных организаций и никак не связаны с центральной властью. Так появилось Морское, Филантропическое, Королевское гуманистическое и многие другие общества, каждое из которых было увековечено в виде каменных зданий; большинство из них сохранилось до

наших дней. Воспитанность означала этичное отношение ко всему.

Если общественные учреждения, появившиеся в провинциальных городах, символизировали дух благоустройства, то еще один феномен того времени служил примером вошедшей в моду общительности. Залы для собраний представляли собой просторные помещения, в которых люди могли собираться и заниматься самыми разными вещами. Залы для собраний были абсолютно новым явлением, имевшим несравнимо больше преимуществ, чем встречи на судебных заседаниях или на конных ярмарках. Впрочем, в своем «Путешествии» Дефо резко критикует «новую моду на собрания, которые проводятся теперь так часто и с таким успехом». Возможно, он говорил о том, что на собраниях мужчины и женщины могли общаться довольно свободно, однако кодекс поведения оставался очень строгим.

Зал собраний в Йорке представлял собой подобие галереи огромного дворца, по которой неспешно прохаживались гости, кто поодиночке, а кто парами или целыми группами. К более изысканным развлечениям относились чайный салон или салон для игры в карты; однако самым впечатляющим помещением был бальный зал с

тремя рядами сидений, с которых зрители могли любоваться танцами, нарядами и драгоценностями.

Балы и танцевальные вечера проводились, как правило, еженедельно; годовой абонемент или билет открывал двери в блистающий мир восковых свечей, роскошных люстр, причудливых канделябров и сверкавших огнями подсвечников. Под звуки живой музыки в исполнении нескольких десятков музыкантов пары танцевали менуэт, а затем более энергичные деревенские танцы. Друг за другом всегда пристально наблюдали; незнакомцев придирчиво разглядывали и критиковали; неожиданные встречи и предпочтения в выборе партнеров моментально становились темой для пересудов. Как бы то ни было, провинция оставалась провинцией.

Все это было крайне неестественно и утомительно, особенно для мужского пола, однако выпивка несомненно помогала преодолеть усталость. В глазах беспристрастного наблюдателя балы напоминали своего рода брачные танцы, во время которых представители обоих полов искали и, если везло, находили перспективного партнера для жизни. На балах присутствовал элемент притворства, где под личиной строгих

порядков и благопристойности скрывались куда более традиционные занятия; впрочем, этим грешили не только балы, но и многие другие общественные начинания XVIII века.

Другим важным новшеством эпохи были так называемые увеселительные сады — прямые потомки кафе на открытом воздухе XVII века, которые, как правило, располагались рядом с гостиницей в сельской местности. Что касается увеселительных садов, они организовывались с куда большим размахом и могли похвастаться музыкальными представлениями, балами и прогулками по окаймленным деревьями аллеям; нередко там разыгрывались пьесы. Идиллическую картину дополняли статуи, декоративные украшения, художественные полотна, фрески и архитектурные затеи.

Самыми известными увеселительными садами были Воксхолл-Гарденз к югу от Темзы и Рейнлаг-Гарденз в Челси, которые вскоре после открытия уже привлекали тысячи посетителей, щедро угощали их чаем, ликером и бутербродами с ветчиной, нарезанной так тонко, что этот факт стал предметом многочисленных шуток. Знающие люди утверждали, что опытный официант мог покрыть 11 акров Воксхолла ломтиками всего

лишь от одного куска ветчины.

Ночью сады освещались тысячами огней, создавая иллюзию арабской ночи и сказок Шахерезады, однако вскоре увеселительные сады стали площадкой для куда менее пристойного общения, чему только помогала темнота. Пожалуй, превращение возвышенных, культурных устремлений в увеселения для непритязательной публики было неизбежным. Говорили, что проституток в садах имелось больше, чем официантов. Подобные детали бесспорно помогают составить представление об Англии XVIII века.

Еще одним развлечением той эпохи было спа — яркий пример здорового и полезного времяпрепровождения. По популярности спа-процедуры не уступали даже занятиям физической культурой или выходам в свет, чрезвычайно популярным в приморских городах. Считалось полезным и даже необходимым на время вырываться из «разросшегося и уродливого» Лондона с его вечным сонмом болезней и испорченности. Спа-процедуры берут начало в целебных и святых источниках, появившихся спустя сотни или даже тысячи лет проведения религиозных обрядов. Однако теперь религию позабыли. Римская богиня Минерва, она же кельтская богиня

Сулис[80], покровительница минеральных вод Бата, безмолвствовала. Деву Марию, заступницу многих учреждений Средневековья, не было слышно. Святого Чеда[81], покровителя целебных источников, словно вычеркнули из памяти. Вместо них мы встречаем человека по имени Бо Нэш — распорядителя церемоний в Бате. У него в руках — тонкая трость, а на голове — белая касторовая шляпа. Он ввел режим, который можно описать так — сладостный целительный плен со всеми прелестями увеселительных программ: постановками, концертами, играми, скачками, картами, книжными магазинами и прочими составляющими георгианской культуры.

За звание самого популярного курорта боролись сразу несколько городов, однако пальма первенства неизменно принадлежала Бату. Сюда стекались стареющие или хворающие политики, уставшие от вечного давления Вестминстера, в

[80] Примечания: 80

Сулис — богиня-покровительница целебного источника в английском курортном городе Бате. Римляне, вторгшиеся в Британию, превратили целебный источник в Бате в бани, воздвигли там храм, а богиню Сулис стали называть Минервой, хотя источник почитался кельтами как священное место задолго до появления римлян.

[81] Примечания: 81

Чед Мерсийский — один из четырех братьев, среди которых был и святой Седд Мерсийский. Согласно записям Беды Достопочтенного, в 653 г. Седд служил священником, а Чед именуется его преемником.

поисках лекарства, которое впоследствии оказывалось слабым или вовсе неэффективным. Любого выдающегося гостя здесь встречали колокольным звоном, раздающимся из Батского аббатства, и сладостной серенадой у входа в их жилище. В этом мире не существовало анонимности; суть курорта состояла в том, чтобы быть узнанным и признанным в обществе. Одно из многих правил, действовавших в Бате, запрещало использование ширм, «дабы не изолировать людей, что противоречит основному принципу подобных заведений». Высшей ценностью было само общество и непрерывное общение.

Первую строчку в распорядке дня занимали водные процедуры; затем мужчины отправлялись в кофейни, а женщины в лавки с лакомствами; время до полудня отводилось под концерты, лекции или более возвышенный досуг. Два или три часа до ужина посвящалось пикникам, променадам и карточным играм, после чего все в обязательном порядке следовали в питьевую галерею. Большие пространства отводились для общественных мероприятий, лишний раз подчеркивая благотворность и пользу социализации.

Жизнь приморских городов была, пожалуй, менее размеренной, учитывая непостоянство

ветра и волн, мешавших местным благородным собраниям. В то время в обществе еще отсутствовало устоявшееся представление о природе, было разве что расплывчатое понимание ее живописности и ресурсов, которые в правильных руках можно «облагородить». Но если окультурить сады и укротить местные водоемы казалось возможным, то море не мог подчинить себе никто, кроме бывалых моряков, о которых, несмотря на недавние триумфы, все еще шла дурная слава. Впрочем, для обладателей железного здоровья имелись пособия, например «Трактат о пользе купаний в море» (Dissertation upon the Use of Sea-Bathing) Ричарда Рассела, изданный в 1749 году, однако тогда для этого занятия едва ли находились желающие. Куда приятнее и безопаснее было прогуливаться вдоль побережья.

Цивилизованность подразумевала культуру общения; на спа-курортах и в приморских городах был свой заведенный порядок и нормы общения, которые регламентировали жестикуляцию при встрече и приветствии, все стадии беседы, правила официального представления, манеру входа в помещение или открывание двери перед дамой. Общительный человек был образцом для подражания. Именно он — ученый,

воспитанный и культурный — олицетворял дух времени. Бурный поток общественной жизни, в том виде, в котором ее описывали, смягчал и корректировал поведение и характер человека. Энтони Эшли-Купер, 3-й граф Шефтсбери, в книге «Характеристики людей, нравов, мнений, времен» (Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times; 1737) писал: «Мы шлифуем друг друга, скругляя углы и смягчая грубые стороны нашей натуры во время дружеского общения». Таким образом, и мужчину, и женщину можно было назвать благовоспитанными и любезными, если они следовали духу и веяниям времени. Делалось это не ради того, чтобы казаться веселыми и энергичными. Нельзя не вспомнить замечание Тацита о поведении коренных англичан, оказавшихся во власти римлян: «То, что было ступенью к дальнейшему порабощению, именовалось ими, неискушенными и простодушными, образованностью и просвещенностью»[82]. Люди XVIII века, поглощенные земными интересами, были раба-

[82] Примечания: 82

Цит. по: *Корнелий Тацит*. Жизнеописание Юлия Агриколы, 21: Сочинения в 2 томах. Т. I. Анналы. Малые произведения. М.: Ладомир, 1993. Издание подготовили А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко. Перевод А. С. Бобовича (редакторы переводов — Я. М. Боровский и М. Е. Сергеенко). Общая редакция издания — С. Л. Утченко. — *Прим. науч. ред.*

ми ложных богов честолюбивого среднего класса в лице мелкого джентри, представителей свободных профессий и зажиточных купцов, которые слепо подражали театральным позам элиты.

Сэмюэл Джонсон в февральском номере газеты Adventurer 1754 года писал, что плохо воспитанный и невежливый человек — тот, кто «отрицает общественное мнение, пренебрегает критическими оценками и ставит под сомнение всеобщие законы, предпочитая им собственное суждение»; другими словами, это антиобщественный человек. Другой крайностью, приводившей в ужас «истинных» джентльменов, была женоподобная манера кивать, кланяться и гримасничать. К признакам женоподобности относилось посещение итальянской оперы и чаепития — новомодные веяния эпохи, которые рассматривались как угроза для старинной патриархальной культуры времен Стюартов и Елизаветы. Особенно порицалась новая мода на поцелуи между мужчинами при встрече. В комедии Колли Сиббера «Любовь определяет мужчину, или Счастье щеголя» (Love Makes a Man; or, The Fop's Fortune; 1700) один из актеров поздравляет другого такими словами: «Сэр, вы приятно целуетесь. Мне нравится целовать мужчину. В Париже мы только и делаем,

что целуемся».

Важнейшим инструментом общественной жизни была беседа, которая умело объединяла общие суждения и личный вкус; считалось, что усваивать ценности цивилизации и общепризнанные истины проще всего через социальные связи и диалог. История так бы и не узнала Сэмюэла Джонсона, если бы не беседы с близкими по духу людьми, которые снижали градус накала его беспокойного ума; эти беседы помогали ему осознавать, что существует огромный мир, где есть место и для него и где нет молчаливого ужаса и оцепенения, которые так страшили его[83]. В январском номере журнала Rambler за 1752 год он писал: «Стремление выделиться благодаря искусству беседы — это самое распространенное и при этом наименее постыдное желание, продиктованное тщеславием». Возможно, для Исаака Ньютона или Уильяма Блейка это не казалось столь очевидным, однако для представителей середины XVIII века это было ясно как день. Человек был создан для беседы.

В этой связи стало появляться множество

[83] Примечания: 83

Сэмюэл Джонсон страдал синдромом Туррета, генетическим расстройством центральной нервной системы, при котором наблюдаются нервные тики.

клубов, служивших площадкой для обмена мнениями и бесед; среди них выделялся Разговорный клуб, который собирался раз в неделю в приятных местах. «Что полезнее для человечества: изучение натурфилософии или светской истории?» «Должны ли родители прививать ребенка, чтобы сохранить ему жизнь?» Клубы имели целью взрастить жизнерадостность и открытость, дружелюбие и взаимопонимание, словно в неосознанной попытке противопоставить их политическим и религиозным разногласиям предыдущего столетия.

Клубы теперь встречались повсюду. Некоторые из них прочно обосновались в тавернах, например клубы Эссекс-Хед, Айви-Лейн и Теркс-Хед; все они так или иначе были связаны с именем Сэмюэла Джонсона. В «Заметках о нравах и характерах при дворе королевы Анны» (Remarks on the Characters of the Court of Queen Anne; 1732) Джон Маки писал: «Практически в каждом [лондонском] приходе есть собственный клуб, куда жители могут прийти после тяжелого рабочего дня, который они проводят кто в торговой лавке, кто на бирже, и поделиться своими мыслями перед сном». Один из корифеев английской литературы XVIII века Джозеф Аддисон заметил,

что «человек — животное общительное», однако, по всей видимости, его высказывание не распространялось на женский пол, поскольку упоминания о женских клубах того времени полностью отсутствуют.

Клубы по интересам теперь объединяли представителей различных отраслей промышленности, ремесел, поборников традиций, искусства, спорта и прочих устремлений. В Лондоне насчитывалось около 3000 клубов, в Бристоле — порядка 250. Едва ли в течение дня находилось мгновение, когда житель Лондона мог побыть наедине с собой. Возможно, именно поэтому радости одиночества были ключевыми ценностями, которые транслировал зарождавшийся романтизм начала XIX века. И все же вторая половина XVIII века располагала к уединению тех, кто действительно этого желал; укромные церкви и таверны были не менее частым явлением, чем открытые пространства. Известна история мужчины, который исправно ходил обедать в одну и ту же таверну на протяжении четверти века. За все это время он и человек за соседним столиком, отделенным перегородкой, ни разу не заговорили. Наконец он набрался смелости и воскликнул:

— Сэр, вот уже двадцать пять лет мы соседствуем за ужином, но ни разу не сказали друг другу и слова. Могу я узнать ваше имя, сэр?

— Сэр, да вы наглец.

Чисто английский диалог.

Ходить в клуб означало собираться для получения взаимной выгоды, создавать общий капитал или преследовать общую цель, становиться партнерами или сколачивать состояние. В этой связи многие клубы походили на торговые организации и разделялись по видам деятельности: клуб углевозов и ткачей шелка, клуб извозчиков и башмачников, клуб часовщиков и постижеров, клуб кузнецов и пряничных пекарей.

Создавались клубы по искусству, музыке, философии и литературе; клуб пивных баров и клуб охотников на лис. Члены клуба ужасов, встречавшиеся в Тауэре в полночь по первым понедельникам месяца, должны были разделывать мясо при помощи штыка и пить смесь бренди и китайского зеленого чая *ганпаудер* (черный порох). Некоторые клубы были слишком таинственными, чтобы воспринимать их всерьез. В клубе ленивых участники должны были являться на собрания в пижамах, а в клубе молчания запрещалось говорить. Клуб уродливых

лиц принимал в свои ряды лишь контингент, соответствующий названию клуба. Стоит ли говорить, что членами клуба каланчей, клуба ворчунов и клуба пердунов могли стать лишь обладатели вышеперечисленных неоценимых качеств? Некоторые участники клуба «Кит-Кэт», увековеченные на холсте Годфри Неллером, все еще украшают стены Национальной портретной галереи Лондона. Глядя на изображения Аддисона, Ванбру, Конгрива и Стила, посетитель может сформировать свое впечатление о представителях XVIII века, оставивших глубокий след в английском обществе, культуре, а теперь уже и истории.

11
Страсти потребительства

Считается, что ярмарки и рынки, зародившиеся в Средневековье и переживавшие расцвет в елизаветинской Англии, стали постепенно терять популярность и в конце концов полностью исчезли. Строго говоря, все было не совсем так. Стоило появиться возможности заработать, как торговая палатка или разборный стол вместо прилавка тут же, как по волшебству, вырастали у двери любого дома. Ярмарки и рынки продолжали обслуживать местное население в пределах небольшого района — точно так же, как это происходит сейчас. Однако, как и многое другое, торговые ряды нуждались в благоустройстве. Открытые рынки ушли в прошлое, а торговлю на перекрестках отменили, объяснив тем, что это создает помехи для дорожного движения. Во вновь отстроенных торговых павильонах товары размещались вольготно, каждый на своем месте.

Появилось и еще кое-что, повлиявшее на природу розничной торговли в стране. К середине XVIII века в каждом селе был магазин. Именно

по его наличию или отсутствию село отличали от деревни. Толчком к появлению магазинов стал Лондон — колыбель и оплот торговли. Еще в эпоху римского завоевания столица изобиловала товарами и славилась многонациональностью. Со временем мало что изменилось. К примеру, конкуренцию Королевской бирже в Сити, построенной в 1567 году, составила Новая биржа[84] на улице Стрэнд, возведенная спустя сорок два года. Это были поистине лондонские заведения. Еще в XVII веке торговля, как правило, велась в палатках, на раскладных прилавках или даже в подвалах. Однако Великий пожар 1666 года позволил торговцам развернуться и дышать свободнее.

Специально под магазины стали отводить первые этажи или целые здания, а вскоре началось повальное увлечение витринами. Стеклянные окна были все еще слишком дорогим удовольствием для торговцев средней руки, однако они выходили из положения, днем открывая витри-

[84] Примечания: 84

Новая биржа (англ. *Britain's Bourse, New Exchange*) — торговый пассаж, расположенный на улице Стрэнд в Лондоне. Была открыта Яковом I в 1609 г., снесена в 1737 г. Там продавалась модная женская одежда и шляпки, а также украшения, предметы мебели и книги. Наряду с Королевской биржей это был один из крупнейших торговых центров в Лондоне, особенно после Великого пожара 1666 г.

ны настежь, а на ночь закрывая их ставнями. В период, когда праздное шатание и разглядывание окружающих составляло неотъемлемую часть повседневной жизни, неудивительно, что крупные магазины превращались в настоящие «театры вкуса». Они переняли функции Королевской и Новой биржи, сочетая в себе склады, галереи, аукционные залы и базар. Вскоре на смену подъемным окнам пришли эркерные окна, позволявшие выставлять лучшие товары и деликатесы в самом выигрышном свете.

«Магазины напоминают украшенные позолотой театры, — писали в журнале Female Tatler в 1709 году, — шелка изумительной выделки, захватывающие декорации, а торговцы шелками — сущие оперные певцы… “Мадам, это очаровательно. Мадам, этот шелк так необычен. А это, мадам, лучшие образцы! Как чудно они смотрятся”». Все это напоминало нескончаемый кукольный спектакль, в котором торговля превращалась в игру или возводилась в ранг искусства. В 1786 году Мария София фон ла Рош[85] писала в дневнике: «За огромными стеклянными

[85] Примечания: 85

Рош Мария София фон ла (1730–1807) — немецкая писательница эпохи Просвещения, писавшая сентиментальные романы, хозяйка литературного салона.

окнами аккуратно и заманчиво разложено все, о чем можно только мечтать, причем в таком количестве, что в ком угодно проснется жадность». Так зародилось явление, получившее название «покупки в удовольствие». Дама заходила «к часовщику, затем в магазин шелка или вееров, потом в лавку серебряных изделий, фарфора или стекла». Все это предвестники таких магазинов, как Heal's, Swan & Edgar и Fortnum & Mason[86], которые появились в конце XVIII — начале XIX века.

Вспоминая об этих событиях, часто говорят о «коммерческой революции», однако в чем именно состояла ее суть? Интерьеры в домах зажиточных семейств дают некоторое представление о модных тенденциях и веяниях того времени. В описи имущества мистера Кроули, состоятельного купца из Сити, сделанной в 1728 году, значились «две пары синих камчатных штор из Индии… камчатные драпри, отделанные холстиной, шесть резных посеребренных стульев, отделанных золотой и серебряной пар-

[86] Примечания: 86

Heal's — мебельный магазин в Лондоне; Swan & Edgar — универмаг в историческом центре Лондона, основанный Уильямом Эдгаром и Джорджем Суоном в начале XIX в.; Fortnum & Mason — элитный универмаг на площади Пикадилли в Лондоне.

чой… диван-канапе и два квадратных табурета… персидский ковер, резной посеребренный каркас для чайного столика и такая же подставка для чайника… маленький шкафчик, инкрустированный слоновой костью…». Список включает в себя и другие, не менее ценные предметы. По меркам того времени такие вещи могли украшать не только дорогие особняки, хотя в более ранние периоды подобный интерьер сочли бы крайним расточительством. Миссис Форт, вдова богатого бакалейщика, окружила себя мебелью красного дерева: туалетный столик, кровать, комод, кресло-бержерка и еще 14 стульев из дерева той же породы. К 1725 году — за какие-то тридцать лет — число домов, где в обиходе появились чашки для горячих напитков, увеличилось на 55 %, что дает представление о скорости распространения моды и ее размахе.

Предметы обихода от известного производителя Boulton & Fothergill дополняют картину эпохи: «Табакерки, футляры для инструментов, коробочки для зубочисток и прочие безделушки из позолоченного или обычного стекла и металла, серебряные филигранные шкатулки, книжечки-игольники и другие всевозможные апплике вроде чайников для кипятка, пивных кружек,

чашек, кофейников, сливочников, подсвечников, соусников, посуды для деликатесов…». К 1702 году в моду стали входить обои, и, как гласила реклама того времени, «только на бумажном складе Aldermanbury (и больше нигде) можно приобрести настоящие узорные обои; некоторые из них продаются отрезами длиной 12 ярдов (11 м), а другие не отличить от настоящих гобеленов». На следующий год магазины уже предлагали обои «с имитацией позолоченной кожи». Часы, картины, эстампы, зеркала — все это теперь можно было лицезреть в витринах элитных магазинов.

Однако стоило свернуть со Стрэнда на Кэтрин-стрит или с Хай-Холборн в переулки неподалеку от Друри-Лейн, как облик потребителей кардинально менялся. Здесь не было места роскоши, лишь все необходимое, чтобы выжить. Здесь отсутствовали броские вывески с названиями магазинов — вместо них лишь подобие указателей. Вместо витрин — открытые двери, ведущие в слабо освещенные помещения. На картине Уильяма Хогарта «Полдень»[87] маленькая девочка с радостью хватает из сточной канавы кусок выброшенного развалившегося пирога.

---

[87] Примечания: 87

«Полдень» — одна из картин цикла «Четыре времени суток» Уильяма Хогарта, где главным персонажем выступает Лондон.

Считается, что в окрестностях улицы Холборн было порядка 3000 магазинов, а в районе Саутуарк в центре Лондона — около 2500. В Сити примерно на 6500 магазинов приходилось по 22 покупателя; в Кларкенуэлле соотношение составляло 30:1.

Большинство магазинов представляло собой захудалые лавчонки, или «грошовые магазины». Как и в сельских лавках, на которые они походили больше всего, здесь можно было купить набор основных продуктов, включая чай, сахар, сыр, соль и сливочное масло. Время от времени появлялись и другие товары, однако завозились они в ограниченном количестве; к ним относились хозяйственное мыло, специи, сушеные фрукты, орехи, патока, свечи и мука. Продукты покупали на ежедневной основе в количестве, необходимом ровно на один день. Часто покупки совершались в кредит. Порой лавочники были немногим богаче, чем сами покупатели, вынужденно придерживаясь той же строгой диеты.

В более благополучных районах предвидеть высокие запросы капризного потребителя было крайне сложно. В эпоху, когда вкус и мода неожиданно стали диктовать свои сумасбродные условия, привычкам потребления стали уделять более пристальное внимание. В 1675 году о фар-

форе еще ничего не знали, однако уже в 1715 году он стал настолько популярен, что превратился в объект сатиры. На рубеже веков производство мебели стало одним из главных ремесел, и плетеные кресла, пусть и недолго, задавали тон во многих гостиных. Книги и часы, становясь важным элементом стиля в английском интерьере, предполагали вдумчивый и основательный подход со стороны тех, кто разбогател совсем недавно, заставляя их разбираться в вопросе и соответствовать предъявляемым «ожиданиям». В январском выпуске газеты Weekly Review 1708 года Дефо писал о набивных хлопковых тканях: «Сначала они прокрались в наши дома, гардеробные и спальни; шторы, подушки, стулья, а наконец, и сами кровати — все было сделано из хлопка-калико[88] или других индийских тканей».

Подражание друг другу рождает конкуренцию. Как писали в British Magazine в 1763 году, «нынешний бум на имитацию манер высшего общества так захватил представителей менее благородных сословий, что через пару лет едва ли удастся сыскать простого человека». Экономист и политолог

[88] Примечания: 88

Калико — яркоокрашенный индийский ситец, произведенный из неотбеленного хлопка.

Натаниэль Форстер, изучавший английское общество, в труде под названием «Исследование причин дороговизны товаров» (An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions) 1767 года писал: «Некоторые социальные слои в Англии так тесно переплетаются между собой, что незаметно переходят друг в друга, и дух равенства красной нитью пронизывает всю их структуру. Подражание друг другу в тех или иных ситуациях провоцирует дух борьбы и соперничества; и постоянное, неусыпное дерзание нижестоящих вознестись до более высокого уровня есть в каждом, кто ныне занимает более низкое положение. При таком государственном устроении мода начинает безраздельно господствовать над умами людей. А щегольская роскошь поражает их, словно заразная болезнь».

Общественные «классы» не могут жить в бесконечной вражде — эта идея не приходила в голову никому, кроме диггеров и левеллеров[89]

[89] Примечания: 89

Диггеры (англ. *diggers* — «копатели») — движение крестьян, возникшее в период английской революции в середине XVII в. Крестьяне, называвшие себя «истинными левеллерами — уравнителями» (англ. *true levellers*), выступали против частной собственности, в первую очередь против частной собственности на землю. Левеллеры (англ. *Leveller* — «уравнители») — радикальное политическое течение времен английской революции. Левеллеры были решительными противниками монархии и аристократии.

предыдущего столетия, однако существовало множество групп, каждая из которых стремилась превзойти другую в гонке за благосостояние.

Подтверждение тому, что новые приоритеты имели влияние и на трудящихся бедняков, можно найти во множестве исследований, иллюстрирующих рост доходов в первой половине века. В книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» (An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations) Адам Смит отметил, что рост заработной платы привел к следующим последствиям: «Реальное вознаграждение труда, то есть действительное количество предметов необходимости и жизненных удобств, которое оно может доставить рабочему, возросло на протяжении текущего столетия, пожалуй, еще значительнее, чем денежная цена труда». Зерно заметно подешевело. Цена на картофель снизилась в два раза. Брюкву и кабачки можно было купить за бесценок. Некоторые напрашивающиеся выводы можно было бы принять за попытку выдать желаемое за действительное или списать все на некорректные вычисления и ошибочные наблюдения, однако общая суета и деловитость эпохи указывали на общее повышение экономической активности.

Достаточно взглянуть на печатную рекламу — новое слово в культуре Англии. К примеру, в прессе появилось 60 различных рекламных объявлений очистителя для бритв и пасты для бритья Джорджа Пэквуда; целитель Джеймс Грэм рекламировал свою «божественную, лечебную, магнетически-притягательную, музыкальную, электрическую кровать». Изобретатель утверждал: «В моей божественной кровати нет ни единого пера… вместо них пружинный матрас с наполнителем из конского волоса… Для удовлетворения самых важных потребностей, которые могут появиться у клиента, я потратил немалые деньги, чтобы отобрать для матрасов самый упругий волос с хвостов английских жеребцов»[90]. Хокин и Данн предлагали «кофе, приготовляемый за одну минуту», а Джаспер Тейлор — ассортимент готовых соусов, например «эпикурейский соус». Появилась реклама «божественного бальзама» или «прозрачного грушевого мыла». Объявления поскромнее рекламировали пилюли от разлития желчи Диксона, укрепляющий зубной порошок

[90] Примечания: 90

В середине XVIII в. доктор Джеймс Грэм представил серию электрических изобретений под названием «Храм Здоровья и Гименея». Идея этих устройств, в числе которых была и «Божественная кровать», состояла в том, чтобы «взбодрить» электрическими разрядами супругов, утративших интерес друг к другу.

Батлера, растительный бальзам против астмы Годболда и средство от песка и камней в почках Хэкмана. «Дутая реклама», как ее часто называли, размещалась на стенах, окнах, а также в журналах и других периодических изданиях. Общество и впрямь становилось похожим на зрителя в предвкушении начинающегося спектакля, что существенно отличалось от картины XVI века, когда на почтовых ящиках сиротливо трепетали на ветру лишь наскоро приклеенные счета на оплату.

Возможно, успехи рекламы были несколько преувеличены, однако доктор Джонсон признавал, что «искусство рекламы теперь так близко к совершенству, что едва ли его можно превзойти». Изображения кувшинов и туфель, шляп и тарелок, мисок, пелерин и стекла встречались повсюду. Несколько объявлений, рекламирующих продукцию керамиста Джозайи Веджвуда, сделал сам поэт вечности — Уильям Блейк, произнеся, пожалуй, одну из величайших фраз: «Вечность и та влюблена в сиюминутные дары времени»[91].

Само понятие «потребитель» в маркетинговом смысле впервые появилось в 1720-х годах как

[91] Примечания: 91

Строчка из поэмы Блейка «Бракосочетание ада и рая». Ср. перевод В. Чухно: «Вечность обожает творения бесконечного времени».

запоздалое признание набирающего обороты феномена. В пьесе Уильяма Конгрива «Старый холостяк» (The Old Bachelor), вышедшей в свет в 1693 году, Белинда рассказывает: «Папаша взял рог для пороха, календарь и футляр для гребешка; мать — высоченный чепец с оборками и ожерелье из крупного янтаря; дочки лишь изорвали по паре лайковых перчаток, тщетно силясь их примерить…»[92] Белинда описывает сельского сквайра и его семью во время визита в модный лондонский магазин.

Без сомнения, это было их первое посещение подобного места. Семейство относилось к числу недавно разбогатевших людей, которые могли себе позволить приехать в столицу в экипаже или, по крайней мере, в дилижансе. Нет сомнений в том, что они возвращались в дом, уже устланный коврами, уставленный ширмами и задрапированный шторами на окнах. Первоначальное значение слова «потребитель» в Оксфордском словаре английского языка звучит как «тот, кто уничтожает, тратит или разрушает».

Все делалось во имя моды, этого столичного божка. Производитель хлопка из Ланкашира

---

[92] Примечания: 92
Перевод П. В. Мелковой.

Сэмюэл Олдноу как-то заявил: «Модниц радуют лишь новые вещи». В начале 1712 года один из корреспондентов журнала Spectator услышал, как одна дама, сидевшая на соседней скамье в приходской церкви, шептала своей знакомой, что «видела мадемуазель, одетую с иголочки по последней парижской моде, в пабе “Семь звезд” (Seven Stars) на Кинг-стрит в районе Ковент-Гардена». Мадемуазель оказалась куклой, разряженной в пух и прах. Спустя месяц другой корреспондент Spectator сетовал, что его жена поменяла всю мебель и обстановку в доме три раза за последние семь лет. С 1770 по 1800 год в стране было издано порядка трех десятков альманахов или иллюстрированных ежегодных изданий для модниц, содержавших целый арсенал рекламных объявлений и заманчивых картинок. Светская дама не могла позволить себе «не следовать моде». Не отставали и мужчины, которых портные уговаривали «произвести фурор» новым костюмом, сшитым по последнему писку моды.

Романист и лондонский судья Генри Филдинг, известный своими колкостями, однажды едко заметил, что рост торговли полностью изменил лицо нации, особенно ее «низших слоев»; насколько он мог судить, они стали жадными,

хитрыми и тщеславными. Торговля способствовала установлению равенства между покупателями и продавцами; единственным знаком отличия были наличные деньги. Старым принципам почтительного отношения к власти, догмам и традициям не было места на активно развивавшемся рынке. Если на пути к солидной прибыли вставал вопрос религиозного долга, его попросту сбрасывали со счетов. В целом в обществе не было единого понимания «справедливой цены». Старая традиция ценообразования еще какое-то время сохранялась в отношении продуктов первой необходимости, например хлеба, однако в том, что касалось других категорий товаров, все когда-либо существовавшие обязательства рухнули. Прежний общинный мир, объединенный, в частности, духовными ценностями, теперь становился исключительно светским и индивидуалистическим. Постепенно ценовые ограничения и управление рабочей силой отходили на второй план. Авторитет старых гильдий, диктовавших условия и принципы трудоустройства, серьезно пошатнулся.

Новый коммерциализированный мир, безусловно, влиял и на другие сферы. Сэр Джон Хокинс, друг Сэмюэла Джонсона и историк му-

зыки, писал: «Дух роскоши свирепствует здесь с куда большей силой, чем раньше… сверхвостребованными товарами стали предметы роскоши, декоративные тарелки, игрушки, парфюмерия, дамские шляпки, эстампы и музыка». Сам Джонсон был не вполне согласен с мнением своего друга, поскольку, как и многие другие внимательные обозреватели XVIII века, полагал, что благодаря возросшему спросу на товары люксового сегмента повышался и уровень занятости трудолюбивых бедняков. «Правда в том, — говорил он, — что роскошь приносит и много хорошего». И действительно, излишества и роскошества вроде венецианских зеркал, турецких ковров, японских ширм, фламандских кружев, китайских ваз и итальянских статуэток словно жизненными соками питали торговлю.

Любопытно, что скромная чашка или чайник чая, впервые прибывшего в Англию в середине XVII века, вызвали целую бурю протестов из-за депрессивного и угнетающего действия напитка на потребителя. Многие сочли чай опасным, коварным и сильнодействующим отваром. Ни о какой питательности и пользе и речи не было. Считалось, что чай расстраивал нервы и мешал здоровому сну.

Впрочем, к 1717 году зеленый чай стал самым распространенным напитком в стране. Его употребляли представители всех классов, а любая попытка запретить его была обречена на провал. В среднем ежегодный импорт чая в 1690-х годах составлял 20 000 фунтов (ок. 10 тонн); к 1760 году этот показатель достиг 5 миллионов фунтов (ок. 2300 тонн). Потребление сахара, который использовали, чтобы подсластить горький травяной отвар, за сто лет увеличилось в 15 раз. Социальные издержки явления, которое фактически представляло собой эксплуатацию колониальных народов, мы еще обсудим в следующей главе. За каждой ложкой сахара стоял тяжелейший труд раба. Аболиционистка[93] и социальная активистка конца XVIII века Элизабет Хейрик писала: «Может быть, законодатели нашей страны и подносят к нашим губам сахарный тростник, обагренный кровью наших собратьев; однако они не могут заставить нас принять это мерзкое зелье». Ирония, правда, заключается в том, что благодаря ежедневному употреблению сладкого чая английские рабочие могли исправно получать приличную зарплату.

---

[93] Примечания: 93

Аболиционизм — движение за отмену рабства и освобождение рабов.

Путь к роскоши и моде неизменно пролегал через Этрурию[94]. Полноправным хозяином тех мест был, разумеется, Джозайя Веджвуд, торговец, который ярче, чем кто бы то ни было, олицетворял культуру торговли при Ганноверах. Он родился летом 1730 года в Бёрслеме, графство Стаффордшир, — самом сердце гончарного дела страны, и вскоре местное ремесло стало для него источником вдохновения. Веджвуд оказался настоящим самородком. О его детстве известно мало, однако очевидно, что в довольно юном возрасте он взялся за исследования. Он стал экспериментировать с глазурью и цветами, одновременно осваивая промышленный дизайн, родоначальником которого считается. Веджвуд твердо вознамерился создать лучший кремовый фарфор в мире. «Я увидел, что поле для деятельности огромно, — писал он, — а почва столь благодатна, что сполна воздаст по заслугам тому, кто усердно и терпеливо ее возделывает».

С самого начала Веджвуд понимал, что свое ремесло ему следует ориентировать на растущий «средний класс, который, писал он деловому

[94] Примечания: 94

Этрурия — здесь: мануфактура по производству керамики, основанная Джозайей Веджвудом в 1769 г., впоследствии целый городок в пригороде Сток-он-Трента, графство Стаффордшир.

партнеру Томасу Бентли в 1772 году, как мы знаем, по численности намного, если не сказать бесконечно, превосходит сильных мира сего». Эти слова можно считать манифестом нового общества потребления. Керамист понимал первостепенную роль моды в таком предприятии. «Мода, — писал он, — опережает *добродетель* во многих смыслах». Его слова не в последнюю очередь обусловлены головокружительным успехом фаянса теплого кремового оттенка, вытеснившего фарфор и получившего впоследствии название «королевский фаянс». И вновь Веджвуд писал Бентли: «Поразительно, как быстро он распространился по всему земному шару и как он полюбился всем и каждому». Однако затем он задает коллеге вопрос: «В какой мере мы обязаны признанием и успехом тому, как этот продукт был представлен, а в какой мере — его истинной пользе и красоте?» Это уместный вопрос, однако ответа на него как не было, так и нет.

Впрочем, то, «как продукт был представлен» широкому кругу потребителей, было для Веджвуда и его помощников вопросом первостепенной важности. Он использовал такие методы, как элегантное оформление витрин и повсеместная реклама; он первым начал издавать каталоги

и размещать на изделиях фабричные марки, чтобы его продукцию легче было узнать. Если на некоторые виды керамики можно было нанести имя заказчика — тем лучше. Веджвуд открыл большой магазин в Лондоне и выставочные площадки, где с товаром обращались так, словно это были экспонаты музея или галереи. Когда он открыл новый магазин-салон на углу Сент-Мартинс-Лейн и Грейт-Ньюпорт-стрит, то сделал все, чтобы новый адрес напечатали в газете St James Chronicle, которую, как правило, читали «модники или театралы, не пропускавшие ни одной новой постановки».

Веджвуд нанял коммивояжеров и озаботился тем, чтобы поставлять свою продукцию королевским и знатным семьям по всей Европе. Он мечтал стать «главным создателем ваз во Вселенной» — и стал им. И коль скоро мы называем Веджвуда одним из основателей коммерциализированного общества, то, без сомнения, он заслужил звание основоположника нового индустриального общества. Немало посетителей приходило на его фабрику посмотреть на то, как сотрудники соблюдали жесткую дисциплину и выполняли те или иные рабочие операции с особой скрупулезностью и аккуратностью, отчего с

конвейера выходили хорошие чашки и миски. На самом деле фабрика представляла собой три больших цеха длиной 150 ярдов (137 м), тянувшихся вдоль канала Гранд-Транк. Там же находилось несколько внутренних двориков и башни, где располагались печи для обжига и сушильни. Заморский конкурент Веджвуда художник по фарфору Луи-Виктор Жерверо описывал фабрику как «огромное сооружение, чуть ли не маленький город… чудо организации». Мы еще встретим немало подобных описаний английских фабрик, когда подробно поговорим о промышленной революции. Предприятие Веджвуда предназначалось для массового производства изделий на конвейере впервые в истории гончарной промышленности.

Веджвуд разделил процесс производства керамики на два этапа: шликерное литье[95] и печать методом перевода изображения. На каждом этапе уникальные специалисты работали в унисон. Веджвуд преследовал цель «создать из *людей* такие *машины*, которые бы не ошибались»; только так можно было добиться стабильного и беспе-

[95] Примечания: 95

Шликерное литье — метод изготовления гончарных изделий путем литья в форму, без использования гончарного круга или ручной формовки.

ребойного производства. Все это напоминало скорее «1984» Джорджа Оруэлла, нежели 1769 год. Веджвуд нетерпимо относился к любому производственному браку. Он носил ножной протез после перенесенной в детстве болезни и, по словам очевидцев, мог вдребезги разбить любое керамическое изделие о свою деревянную ногу, если оно было ненадлежащего качества. По его указанию в 5:45 утра звучал фабричный колокол. Веджвуд ввел правило отмечать время прихода на работу, что впоследствии стало распространенной практикой на многих фабриках и заводах.

В мире английской торговли всё от начала и до конца рабочего дня жило и дышало благодаря активности рынка. Если перефразировать слова Гермеса Трисмегиста[96] о природе божественного, рынок — это сфера, центр которой везде, а

[96] Примечания: 96

Гермес Трисмегист — синкретическое божество, сочетающее в себе черты древнеегипетского бога Тота и древнегреческого бога Гермеса. В христианской традиции считается родоначальником всех знаний и наук Древнего Египта, который открыл людям существование Пресвятой Троицы и единого Бога. Автор учения под названием герметизм.

окружность — периферия — нигде[97]. Концепция рынка в современном понимании на самом деле сформировалась уже тогда. Две первые отсылки к ней мы встречаем у Адама Смита в «Исследовании о природе и причинах богатства народов». Этот труд можно назвать основополагающим текстом современной экономики. Когда Смит писал о торговле в отношении конкретной услуги или продукта, он называл это рынком.

Смит полагал, что торговля должна быть свободной, сбросить оковы ограничений, уходящих корнями в средневековую систему. В торговых отношениях не должно быть места контролю заработных плат, рабочего времени, процентных ставок и цен на товары. Мобильность трудовых ресурсов и движение капитала должны быть саморегулируемыми системами. Протекционизм во всех его формах должен прекратиться. На смену традиционным патерналистским ценностям должна прийти стройная система, основанная на соотношении спроса и предложения.

Разумеется, такой подход имел разветвленные

[97] Примечания: 97

Гермес Трисмегист писал: «Божество — это сфера, центр которой везде, а окружность — периферия — нигде». Цит. по: *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2015.

последствия. Ричард Прайс в труде о гражданской свободе, опубликованном в 1776 году, как раз когда Смит завершил работу над «Богатством народов», писал, что «любая власть, даже в рамках государства, становится тиранической, поскольку является бесполезным и бессмысленным проявлением силы, или распространяет свое влияние за рамками дозволенного, чтобы сохранить мир или обеспечить безопасность государства». Обязанность правительства состоит в том, чтобы обеспечивать справедливость внутри страны и защищать граждан от внешнего врага. И только. Таким образом, естественный баланс спроса и предложения был бы выгоден для всех; а лучшим из возможных рынков был бы тот, который способен регулировать сам себя.

В сущности, торговля считалась делом хорошим, а ее основной принцип — покупать дешево, а продавать дорого — вскоре стал поистине первостепенным. Рыночные связи, если можно их так назвать, охватывали весь спектр социально-культурных отношений: от свадьбы до оформления лицензии на наемный экипаж. Молль Флендерс, героиня одноименного романа Дефо, замечает, что «нынче рынок устроен

не в пользу женщин»[98]. Рост популярности либеральных идей в экономической мысли послужил возникновению доктрины *laissez-fair,* или принципа невмешательства, который получил широкое распространение в 1750-х годах.

Считалось, что предприниматели и частные инвесторы должны финансировать строительство мостов и дорог без участия власти, а развитие новых технологий и науки отдавалось на откуп аристократам-покровителям и научным обществам. Стоит ли говорить, что этот принцип, правда уже с удвоенной силой, применялся и к финансово-экономической сфере? Постепенно новые взгляды стали просачиваться в палату общин, и в 1796 году премьер-министр Уильям Питт Младший уже сетовал на то, что «вмешательство властей заковало промышленность в кандалы». Он утверждал, что «торговля, производство и товарообмен будут всегда развиваться своим путем и неизбежно страдать от законов, нарушающих их естественный прогресс и нивелирующих их истинный эффект».

Таковы были необратимые последствия «Богатства народов». Сам Смит едва ли подходил на роль

[98] Примечания: 98

Ср. перевод А. Франковского: «…нынче наш пол ценят дешево». Но в оригинале речь о другом.

пророка; в детстве его из родного Керколди похитили цыгане, и вполне возможно, что некоторые его странности во взрослом возрасте — результат того незапланированного путешествия. У Смита была привычка улыбаться самому себе и разговаривать с самим собой, прогуливаясь по улицам Эдинбурга, при этом его манера перемещаться чем-то напоминала движения червя; у него был грубый голос, а зубы походили на могильные плиты. Однажды, рассуждая о разделении труда перед коллегами, он внезапно упал в яму для дубления кожи, наполненную жиром и известняком; домой его пришлось переправлять на носилках, и все это время он горько жаловался на жизнь.

Смит полагал, что каждый человек должен идти своим путем, руководствуясь верой в то, что «естественное стремление каждого человека улучшить свое положение, если ему обеспечена возможность свободно и беспрепятственно проявлять себя, представляет собой столь могущественное начало, что одно оно не только способно без всякого содействия со стороны довести общество до богатства и процветания»[99].

---

[99] Примечания: 99

Эта и следующие две цитаты даются по: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 393, 446, 28. — *Прим. науч. ред.*

Когда человек сам заботится о преумножении своего благосостояния, его ведет «невидимая рука», позволяя достичь той цели, о которой он даже не помышлял и которую можно описать как общее благо. Именно Смит, а не Наполеон называл Англию «нацией лавочников», тем самым не без основания заявляя, что торговля — главная опора государства. Во второй главе «Богатства народов» Смит высказывает предположение: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов». Это высказывание породило представления, которые легли в основу социально-экономической теории, просуществовавшей более ста лет. В сущности, это была одна из непреложных истин XVIII века.

12
«Как это у вас называется?»

Старый король умер, махнув рукой на прощание любимому немецкому замку в Оснабрюке, однако до королевской резиденции Ричмонд-Лодж новости дошли лишь три дня спустя[100]. Роберт Уолпол на правах премьер-министра обязан был сообщить известия наследнику Георгу II, который немедленно приказал главе кабинета проинформировать Спенсера Комптона, графа Уилмингтона. Комптон служил казначеем нового королевского двора[101] и, казалось, намеревался взять власть в свои руки. Однако этому не суждено было сбыться. Те, кто предвкушал отставку Уолпола, сильно недооценивали его влияние.

Отношения Уолпола с супругой Георга II, королевой Каролиной, были ровными и благоже-

---

[100] Примечания: 100

В заглавие вынесено название драмы Джона Гея 1715 г.

[101] Примечания: 101

Казначей королевского двора (англ. *Treasurer of the Household*) — должность при королевском дворе британского монарха, которую, как правило, занимает помощник главного организатора палаты общин. Казначей отвечает за координацию хозяйственной деятельности королевского двора.

лательными. Кроме того, стало ясно, что министр пользовался беспрецедентным авторитетом в палате общин. Бесспорно, Уолпол был самым знающим и уважаемым человеком в стране — этот факт не мог игнорировать даже король. Новый монарх говорил по-английски, однако с сильнейшим гортанным немецким акцентом, поэтому периодически ему требовалась ненавязчивая помощь переводчика.

Тем не менее Георг II прожил в Англии достаточно долго, чтобы обзавестись полезными связями и знакомствами с самыми могущественными и влиятельными людьми государства, и, казалось, с самого начала решил править по-своему, иначе, чем его отец. Потенциальные перемены поначалу вселяли надежду в представителей партии тори, которых при Георге I систематически отлучали от власти. Они хлынули ко двору. Однако порой даже самые благие намерения рушатся по вине непредвиденных обстоятельств. Могущественные силы, выступавшие против тори, закрыли перед ними все двери. Дело в том, что их подозревали в пособничестве якобитам. Кроме того, тори выступали против войны на континенте, в которой участвовала Ганноверская династия, а значит, и в этом вопро-

се им не следовало доверять в полной мере.

Новоиспеченный король едва ли отличался величественной наружностью. Он был очень невысокого роста и, чтобы подчеркнуть немногочисленные положительные черты своей внешности, носил парики и высокие каблуки. Придворные льстецы отмечали, что у монарха были ярко-голубые глаза и благородный римский профиль; враги же видели в нем исключительно слабость интеллекта и характера. Он был скован в манерах, при этом отличался крайним упрямством и вздорным нравом. Поговаривали, что его министрам приходилось «выносить… столько сквернословия, сколько ни один джентльмен не потерпел бы от другого». Его речи неизменно сводились к хвастовству, насмешкам и угрозам. Один из разговоров короля с супругой записал вице-камергер[102] королевского двора Джон Херви: «Королева не сказала и половины из того, что имела сказать, как король перебил ее, заявив, что отчего-то ей нравится говорить о подобной ерунде и вещах, в которых она ничего не смыслит…

[102] Примечания: 102

Лорд-камергер, или лорд-гофмейстер (англ. *Lord Chamberlain of the Household*) — высшая придворная должность. В его ведении находится вся хозяйственная деятельность королевского двора. Вице-камергер (англ. *Vice-Chamberlain*) — заместитель лорда-камергера.

что она вечно спрашивает какого-нибудь глупца, что ей делать; и только глупцу придет в голову спрашивать совета глупца».

Как и у любого монарха, у Георга II было обостренное чувство собственного величия, но на своих пэров он не производил особого впечатления. На карикатурах того времени короля нередко изображали с ногой, занесенной для пинка; он частенько бил слуг и бывал резким и даже грубым по отношению к обычным посетителям. Впрочем, его упрямство имело скорее внешний, нежели внутренний характер. Придворный Джордж Бабб Додингтон, 1-й барон Мелкомб, писал в дневнике, что король «мог брызгать слюной и устраивать шум, однако стоило объяснить ему, что предложение было в его интересах», как он соглашался и повиновался. Может, и не по природе, но по долгу службы он был прагматиком.

Георг II понимал, что английские подданные вряд ли будут боготворить и обожать монарха Ганноверской династии, поэтому стремился проявлять осторожность и не подчеркивать нарочито свой статус. Он одевался строго, в полной мере следуя этикету, держался надменно, даже слишком. Ему нравился показной и пышный королевский мир. Король знал, что подданных не

так легко обмануть, поэтому не претендовал на обладание полубожественными способностями, не излечивал золотуху наложением рук и пресекал любые попытки создания культа монарха, не желая позировать для парадных портретов или скульптур, призванных увековечить его политический образ.

На самом деле Георг II любил своих подданных не больше, чем они его. По воспоминаниям лорда Херви, король любил поговорить о недостатках и сумасбродствах англичан: «Ни один повар-англичанин или даже француз не может накрыть приличный ужин; ни один английский кондитер не может приготовить сносный десерт; ни один английский актер не умеет играть; ни один английский кучер не способен умело править экипажем, а английский жокей — скакать на лошади, а сами английские лошади не приспособлены возить экипажи и негодны для верховой езды; ни один англичанин не знает, как правильно войти в зал, а английские дамы лишены вкуса и не умеют одеваться…» Разумеется, пальма первенства в любом деле неизменно принадлежала немецким соотечественникам короля. Столь неприкрытый фаворитизм провоцировал серьезные проблемы. Министры опасались, что

Георг II может изменить внешнеполитический курс страны, поставив интересы Ганноверской династии превыше всего и забыв об интересах своего народа. Что общего, к примеру, могло быть между Вестминстером и Россией или Швецией, кроме торговли древесиной? Во время правления отца Георгу запрещалось бывать в Ганновере, однако после восшествия на престол он часто и подолгу проводил там время среди своих подданных. Георг II был Вельфом[103], представителем одной из древнейших династий в Европе, и имел более широкий взгляд на все происходившее на континенте, нежели его министры.

К своим обязанностям король относился с особой педантичностью. Он был не из тех монархов, которые, увлекшись охотой, забывают обо всех заботах государства. Георг II внимательно читал все, что ему приносили, и тратил на те или иные вопросы строго отведенное время в течение дня. Даже дела сердечные были четко регламентированы. Свою фаворитку Генриетту Говард он навещал ровно в семь часов вечера. Если он

[103] Примечания: 103

Вельфы — одна из старейших европейских династий франкского происхождения, представители которой занимали престолы множества европейских государств, в частности России и Великобритании. Иоанн VI, коронованный младенец, занимавший российский престол в 1740–1741 гг., по отцу принадлежал к брауншвейгской ветви Вельфов.

приходил чуть раньше, то ходил взад-вперед у входа в ее покои, отсчитывая время по часам в ожидании волнительного момента.

Уолпол, казалось, быстро раскусил нового короля. В беседе с Херви он заявил, что «его величество полагает, будто ему предстоит немало дел, которые ему позволят довести до конца, ведь поначалу с ним никто не спорит. Он думает, будто он дьявольски упрям и никому никогда не удастся подчинить его волю или заставить изменить мнение; однако на деле он не выражает ни воли, ни мнения, даже в тех случаях, когда, по моему разумению, это было бы необходимо». Уолпол подводит итог: «Он, невзирая на всю свою храбрость, самый трусливый из политиков, когда-либо носивших корону, который больше, чем кто бы то ни было, боится ее потерять». Премьер-министр дает дельный совет: «Если вы производите впечатление человека, способного ему что-то дать, у вас есть все шансы быть услышанным».

Итак, Уолполу приходилось не только искусно режиссировать события на дворцовой сцене, но и заниматься декорированием подмостков. Система сдержек и противовесов казалась все еще не вполне однозначной, поэтому премьер-министру

следовало осторожно ступать на зыбкую почву. Разумеется, в самом Вестминстере, а также в различных правительственных учреждениях, которые впоследствии прозвали коридорами власти, могущество Уолпола было огромно. Его власть над людьми и полномочия в парламенте оставались безграничными. Всю переднюю скамью в палате общин занимали его ставленники, и он знал, как тронуть «тайные струны» человеческой души, напомнив о преданности в обмен на продвижение по службе или ненавязчивое повышение жалованья. Он обещал Георгу тихую жизнь — о большем монарх не мог и мечтать. «Посудите сами, сэр Роберт, — скорее всего, сказал ему однажды Георг, — то, что упрощает жизнь мне, идет на пользу и вам». Они были обречены стать лучшими друзьями.

Поскольку сам король не слишком активно участвовал в делах государства, его репутация крепла. В 1728 году французский посол отметил, что «нынешний король куда более популярен, чем Георг I. И он старается изо всех сил прославиться еще больше». Не последнюю роль в этом играла королева Каролина, которая привносила приятную легкость и игривость в жизнь двора, который иначе был бы чересчур чопорным. Ра-

зумеется, критика короля в адрес англичан не выходила за пределы дворца и не достигала ушей публики. Рост заработных плат и подъем торговли, о которых говорилось в предыдущей главе, не могли не упрочить статус нового монарха.

Разумеется, у Уолпола было множество самых разных противников; и полная фигура первого министра служила легкой мишенью для критики со стороны любого, кому не нравилось действующее правительство. Большое число несогласных вигов считали его своим врагом: он не только не допускал их до власти, но и постепенно насаждал тиранию в залах Вестминстера. Тори, руководствуясь своими политическими убеждениями и интуицией, вставали в оппозицию любому правителю-вигу, особенно когда в его руках оказывалась торговля и другие, не менее важные сферы жизни. Среди противников Уолпола были и якобиты, с надеждой ждавшие того дня, когда король за морем вернется в Великобританию и займет свой законный трон. Вся эта разношерстная толпа оппонентов могла объединиться и сместить Уолпола, однако на деле им недоставало сплоченности — они никак не могли найти компромисс и выработать сбалансированный и конструктивный политический курс.

Уолпола критиковали и многочисленные периодические издания. Особенно рьяно против него выступала газета Craftsman (*англ.*, «ремесленник»), название которой говорило о том, что главными ее героями становились люди, владевшие ремеслом или смекалкой. В первом выпуске, опубликованном в конце 1726 года, говорилось, что «секрет искусного управления государством состоит в том, чтобы бесконечно обманывать и мошенничать, торговать своими убеждениями и бесчинствовать под разными личинами и с таким размахом, что кажется, будто найден неистощимый кладезь или вечный источник поводов для сатиры и порицания». Так началась травля Уолпола и его присных.

Через месяц в той же газете Craftsman появилась весьма едкая статья о первом министре. Там, в частности, говорилось: «Этот человек, привыкший одеваться просто и незамысловато, всегда держал под рукой туго набитый золотом кошель. Он врывался в комнаты с хулиганским, грубоватым видом. На его губах постоянно блуждала улыбка, или, лучше сказать, ухмылка. Физиономия светилась самоуверенностью. А глаза горели лукавством и злобой». В следующем номере последовали обличения более общего характера.

«Коррупция — это яд, который вскоре просочится везде, пропитает все слои общества; особенно если идет она из самого первоисточника власти. Дух подлости, продажности и бесчестия воцарится повсюду».

В печати даже появилась целая серия сатирических песенок под названием «История распорядителя из Норфолка»:

История о Робине, который
Не стоил и единого гроша,
Но сколотил большие капиталы
Политикой обманной торгаша…[104]

К травле примкнули и другие издания во главе с такими видными публицистами, как Свифт и Поуп, однако вряд ли что-то могло сравниться по силе обличения с лондонским мюзиклом.

Летом 1716 года Свифт отправил письмо своему другу и товарищу по клубу Мартина Писаки Джону Гею с предложением сочинить «пастораль, действие которой разворачивалось бы в Ньюгейтской тюрьме, а героями стали бы шлюхи и воры». Этой мысли суждено было воплотиться в

[104] Примечания: 104

A story concerning one Robin / Who, from not worth one groat / A vast fortune has got / By politics, Bubbles and Jobbing…

жизнь спустя одиннадцать лет — так появилась самая известная и успешная музыкальная комедия XVIII века. Как только не называли «Оперу нищего» (The Beggar's Opera) — и комической оперой, и балладной оперой, и бурлеском, и сатирой, и мюзиклом — как известно, у победы сотня отцов[105]. Однако никто не мог однозначно сказать, чем же это произведение было на самом деле. На протяжении столетия в одних театрах ставили балаганное представление, в других — сентиментальную трагедию. Обе трактовки верны и одновременно ошибочны. Здесь в одной строке сквозил пафос, а в другой правила пантомима, цинизм с легкостью сменялся лиризмом; в некоторых отрывках интонации и стили были так перемешаны, что провести грань между ними казалось невозможно. Все это приводило читателя — в зависимости от его предпочтений — в замешательство или восторг.

Анализируя «Дунсиаду» Поупа, «Тристрама Шенди» Стерна и «Путешествия Гулливера» Свифта, нельзя не заметить некоторое сходство. Все они были написаны в эпоху сомнений и неоднозначности, справиться с которыми помогали

[105] Примечания: 105

Аллюзия на знаменитую фразу Джона Ф. Кеннеди: «У победы сотня отцов, а поражение всегда сирота».

громкий смех и сатира. «Опера нищего» объединила в себе все популярные формы и жанры того времени — от уличной баллады до фарса и народной песни. Произведение стало квинтэссенцией пестрой жизни улиц и выражением негласного протеста против правящей верхушки страны.

XVIII век вряд ли можно считать периодом расцвета драмы. «Серьезные» трагедии, изобилующие нравоучительным морализаторством и сентиментальным благочестием, к примеру, погубили Джона Драйдена[106]. Однако «Опера нищего» удивляла и радовала зрителей лондонских театров, поскольку была написана, по словам газеты Daily Journal, «в совершенно иной манере». Она не утратила актуальности и новизны даже в 1928 году, когда Бертольт Брехт превратил ее в «Трехгрошовую оперу».

Премьера «Оперы нищего» состоялась 29 января 1729 года в Королевском театре в Линкольнс-

[106] Примечания: 106

Драйден Джон (1631–1700) — английский поэт, драматург. Он утвердил александрийский стих в качестве основного размера английской поэзии, способствовал развитию эстетики классицизма. Период с 1660 по 1700 г. в истории английской литературы получил название «век Драйдена».

Инн-Филдс[107] (не путать с Королевским театром на Друри-Лейн). Постановка вызвала небывалый общественный резонанс: спектакли шли 62 вечера подряд, в то время как другие пьесы, как правило, показывали не больше недели. Сюжет оперы состоит в том, что две молодые женщины влюблены и даже считают себя женами одного и того же находчивого проходимца по имени Макхит (что означает «сын вересковой пустоши»). Полли Пичем, дочь торговца краденым, и Люси Локит, дочь надзирателя Ньюгейтской тюрьмы, борются за его любовь. Действие пьесы разворачивается среди таверн и камер Ньюгейта, в которых полно воров, сутенеров, проституток и прочих представителей низших слоев общества. Отовсюду слышны лишь бранные слова и выражения грубых чувств, а сетования влюбленных приправлены двусмысленностями и сатирой. Пьеса производила неизгладимое впечатление, она была глотком свежего воздуха (если это выражение уместно в отношении столь тлетворной обстановки) в эпоху скучных до боли постановок с ходульным морализаторством во главе.

---

[107] Примечания: 107

Линкольнс-Инн-Филдс (англ. *Lincoln's Inn Fields*) — площадь-парк на границе лондонских округов Вестминстер и Кэмден, самая большая площадь в Лондоне.

Тот факт, что основные события повествования разворачиваются в Ньюгейтской тюрьме, лишний раз подтверждает, насколько важное место она занимала в сознании британцев XVIII века. Ее знал каждый — если не по виду и запаху, то уж точно из-за ее репутации. Название Ньюгейтской тюрьмы стало нарицательным и обозначало любое место заключения, а «ньюгейтская птаха» (Newgate bird) — любого уголовника. Здание, пусть и в разных ипостасях, простояло на одном месте шестьсот лет и было перестроено лишь в 1770 году. К тому времени оно вдохновило авторов на создание стольких стихов и пьес, сколькими не могло похвастаться ни одно другое здание в Англии. Все персонажи «Оперы нищего» вращаются вокруг тюрьмы, словно это их черное солнце. Неудивительно, ведь самые известные личности Лондона XVIII века прочно ассоциировались с этим местом.

Так, например, персонаж отца Полли, Пичем, списан с Джонатана Уайльда. Это был скупщик краденого и знаменитый «охотник на воров», который имел обыкновение сдавать властям ненужных, неумелых или покалеченных членов своей банды за символическую плату 40 фунтов. Он организовывал кражи, а затем размещал объ-

явления об украденных вещах в газетах, получая, таким образом, вознаграждение за собственное преступление. Такая практика была довольно распространенной в то время, однако Уайльд стал в ней настоящим виртуозом. Его повесили в 1725 году, однако его слава была так велика, что спустя восемнадцать лет Генри Филдинг написал его предполагаемую биографию под названием «История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого» (The Life of Mr Jonathan Wild the Great). Уайльд был хитрым и жестоким, а время пошлым и безжалостным. Его фамилия — Уайльд (англ. *wild* — «дикий») — в полной мере отражала его характер. Сам Филдинг отзывался о Лондоне XVIII века как о диком месте, сравнивая его с «бескрайним лесом, в котором вор мог укрыться так же надежно, как дикий зверь в пустынях Аравии или Африки».

Главный герой или, скорее, антигерой оперы по имени Макхит — пройдоха и бандит. Это была, пожалуй, одна из самых распространенных профессий в XVIII веке. И хотя Гей изображает Макхита жалким существом, полностью зависимым от бутылки, сам по себе образ разбойника и проходимца зачастую ассоциировался с рыцарем-авантюристом, джентльменом с большой

дороги и даже человеком слова и чести. Своих жертв он выбирал среди тех, на кого указывали хозяева гостиниц или бармены — «на кого стоит посмотреть» или с кем «стоит поговорить».

В дневнике Хорас Уолпол вспоминал, как однажды «всадник в черном» остановил почтовую карету, в которой писатель ехал с некоей леди Браун. Разбойник потребовал у дамы кошелек, успокоив ее при этом: «Не бойтесь. Я не причиню вам вреда. — И добавил: — Даю слово, что я вас не трону». Получив желаемое, грабитель перед тем, как ускакать прочь, сказал: «Премного благодарен. Спокойной ночи». Пожалуй, так выглядело типичное ограбление XVIII века, хотя нарушителей закона все равно ждала виселица. Гей приложил руку к тому, чтобы обелить репутацию воров и проституток. Один из современников как-то заметил: «Грабители и продажные женщины нашего городка — это отнюдь не романтические фигуры, однако поэт придал этим мужчинам живость и благообразие, а женщинам — красоту и привлекательность. Кроме того, он напустил такой флер романтики и сентиментальности, что даже Ньюгейт стал похож на лучший курорт со всеми удовольствиями». Однако лишь звон монет и шелест купюр

могли доставить истинную радость.

Это был мир денег, ценных бумаг, экономических пузырей, золотых слитков и банкнот, впервые выпущенных Банком Англии в 1694 году. Гею легко давался язык торговли и финансов, специальных пояснений не требовалось. Поэт без труда вводил его в повествование, отвечая духу времени. Слова «предприятие», «счет», «процентная ставка», «доход», «долг» и «кредит» нередко упоминались в самых разных контекстах, однако своим появлением в пьесе они обязаны надувшемуся экономическому пузырю. Это был мир алчности и наживы. Культура тогдашнего общества позволяла купить или продать человека так же просто, как тарелку. Причиной всему служила корысть. Она словно гигантский ключ открывала огромные ворота самой Ньюгейтской тюрьмы. Даже слово «честь» оказалось лишено всякого смысла, когда карманники называли друг друга «людьми чести».

Кто же были эти истинные джентльмены эпохи? Локита, к примеру, называли «премьер-министром Ньюгейтской тюрьмы», а о Джонатане Уайльде Филдинг писал, что «тот имел все задатки стать великим». Вот они — подлинные правители Лондона и его окрестностей, добив-

шиеся куда больших успехов, чем обитатели Вестминстера, номинально числившиеся хозяевами положения.

Когда Пичем перечисляет имена членов своей банды, среди них появляется «Робин Хапуга, он же Образина, он же Грубиян Боб, он же Чирей, он же Боб Рвач»[108]. С тех пор Уолпола часто называли «Бобом Рвачом» или «Грубияном Бобом». Первый министр присутствовал на премьере и с завидным хладнокровием аплодировал этим отсылкам к собственной персоне, и даже вызывал актеров на бис. Однако эти аллюзии могли трактоваться и в более широком смысле. Как говорил Локит:

Коль бичуешь порок,
Так бичуй, чтоб упрек
Не задел сильных мира сего,
Чтоб на взятки намек
Счесть придворный не мог
Обвинением в адрес его[109].

---

[108] Примечания: 108

Здесь и далее цитаты из «Оперы нищего» приводятся в переводе П. В. Мелковой.

[109] Примечания: 109

Lest the Courtiers offended should be: / If you mention Vice or Bribe, / 'Tis so pat to all the Tribe; / Each crys — That was levell'd at me.

Итальянская опера была относительно новым веянием. Первая постановка на лондонской сцене состоялась в 1705 году. Музыкальные спектакли и балладные оперы существовали еще со времен мираклей и мистерий Средневековья. Герои произведений Шекспира начинают петь при любом удобном случае, а пьесу «Буря» вообще можно назвать английской оперой. Однако итальянский оперный стиль с неизменными речитативами и ариями, маскарадными декорациями и невероятными сюжетами, певцами-кастратами и примадоннами захватил умы англичан XVIII века. В «Опере нищего» Гей высмеивает традиционные счастливые развязки, а также присущий этим произведениям мелодраматизм, однако, по всей видимости, нарочитая избыточность ему по душе. Моралисты и критики-современники (порой между ними не было явных различий) вынесли приговор итальянской опере, назвав ее безнравственной, безжизненной и излишне сентиментальной. Гей в корне не согласен с ними и охотно заимствует из опер неизменное напряжение и веселье.

Когда сопрано двух соперничавших певиц сталкивались на подмостках Оперного театра на улице Хеймаркет, поклонники каждой из актрис

вносили свою лепту, издавая звуки, которые один очевидец описал так: «Кошачье мяуканье, завывания, шипение и прочие оскорбительные выражения чувств», в результате «вечер заканчивался одним общим шумным дебошем». Именно одну из таких сцен Гей воспроизвел в своей опере, когда разъяренные Люси Локит и Полли Пичем выясняли отношения в порыве ревности.

В качестве музыкальной основы для оперы Гей брал куплеты и баллады, которые напевали повсюду; некоторые песенки не имели автора и считались народными, другие заимствованы из модных опер и популярных песен. Их могла напевать прачка или насвистывать привратник. Мелодии постоянно витали в воздухе — только лови.

Джон Гей был родом из графства Девоншир, родился и вырос в городке Барнстапл, где посещал местную гимназию. Когда ему было семнадцать лет, он в очередной раз отправился в Лондон, где устроился помощником торговца тканями. В то время такую работу незаслуженно считали уделом чересчур изнеженных людей, но следует иметь в виду, что Гей был крайне робок, неуверен и практически невидим. Однажды он написал: «Полагаю, мир так мало обращает на

меня внимания, что мне следует отвечать ему тем же». Оставив работу подмастерьем, Гей стал литературным поденщиком. Свои небольшие прозаические произведения он печатал в газете British Apollo or Curious Amusements for the Ingenious («Британский Аполлон, или Занимательные развлечения для оригиналов»). Публика хорошо принимала его стихи и памфлеты, и вскоре Гей обрел заслуженную славу.

Затем начался долгий и трудный поиск покровителей. Они были еще более гнусными и непостоянными, чем обитатели Граб-стрит. Тем не менее без покровителей нищим писателям некуда было податься. В те времена публикации не приносили большого дохода. С добродушной усмешкой Свифт описывает начинающих писателей в памфлете «Сказка бочки» (A Tale of a Tub): «Они писали, зубоскалили, подбирали рифмы, пели; говорили, ничего не высказывая; пили, дрались, распутничали, спали, ругались и нюхали табак; ходили в театры на первые представления; слонялись по кондитерским»[110].

Гей брался за все, что было модно. Он писал фарсы, сатиры, героические трагедии, попробовал

---

[110] Примечания: 110
Перевод А. А. Франковского.

ироикомический жанр и даже странное смешение настроений и стилей, которые увековечены в названиях его произведений: «Любопытные факты, или Искусство гуляния по улицам Лондона» (Trivia or The Art of Walking the Streets of London), «Будуар» (The Toilette) и «Как это у вас называется?» (The What D'Ye Call It?). Вероятно, он уже отчаялся получить литературное бессмертие, однако ему удалось обеспечить себе жизнь на ближайшее будущее, заняв должность уполномоченного по делам государственной лотереи с казенным жильем на улице Уайтхолл. Жалованье было скромным, но все же лучше, чем ничего. Гей по-прежнему ворчал, преисполненный тревог и разочарований, однако ему удалось закрепиться в придворном мире, который подпитывался сплетнями и злословием. Он успокаивал себя тем, что настоящие поэты эпохи были банкирами и спекулянтами, которые сколачивали состояния из воздуха и строили дивные дворцы, не имея первоначального капитала. Гей, как и многие другие дерзающие люди того времени, был движим честолюбием и в то же время оказывался зависимым, раболепствовал, рассчитывая на милости властей предержащих, надеялся на очередной головокружительный рывок, однако

его нередко обходили вниманием или попросту игнорировали.

Все изменилось после премьеры, которая состоялась поздним январским вечером 1729 года. Никто раньше не видел ничего подобного, и вскоре сюжеты из «Оперы нищего» украшали каминные решетки, веера и игральные карты. Управляющий театром Джон Рич продавал столько билетов, что театр был забит до отказа. К примеру, вечером 23 марта 98 зрителей пришлось разместить прямо на сцене. Уильям Хогарт написал шесть вариантов кульминационной сцены в тюрьме. Поуп писал Свифту: «Джон Гей теперь так занят в возвышенных сферах оперного искусства… что я едва ли рассчитываю получить от него четкий ответ хоть на один поставленный вопрос».

Актриса Лавиния Фентон, игравшая роль Полли Пичем, была окружена поклонниками всюду, куда бы она ни направлялась, и вынуждена ездить домой после каждого представления в сопровождении охраны. Один из современников вспоминал: «Публике передается ее страстность и воодушевление. Занавес падает. Раздается шквал аплодисментов и возгласы: “Полли! Полли!” Поклон, воздушный поцелуй, и вот она уже бежит

со сцены… мимо декораций, вон из театра, в стоящую у выхода карету, запряженную четверкой лошадей, и мчится прочь по грязным улицам Лондона». Поэт Эдвард Юнг заметил однажды, что она «подняла себе цену с одной гинеи до ста, хотя едва ли стала более искусной шлюхой, чем была, и уж тем более не стала моложе». Тем не менее она сумела не упустить свой шанс в лице герцога и вскоре стала герцогиней Болтонской. Так смешивались общество, мир театра и мир финансов.

«Опера нищего» стала настоящей притчей во языцех. Гей спровоцировал бесконечные рассуждения о предполагаемых объектах его сатиры. На самом деле их было множество: придворные, торговцы, охотники на воров, политики и чудаковатые ценители искусства, истерично влюбленные в оперу и оперных див. Однако главным объектом высмеивания была человеческая испорченность. Локит говорит: «Из всех хищных животных общителен только человек. Каждый из нас грабит соседа, но кормимся мы все вместе». В «камере приговоренных» Макхит поет жалост-

ную песнь на мотив «Зеленых рукавов»[111]:

Законы для всех создают короли.
Так почему же вельмож обошли
И мне компаньонов меж них не нашли,
Достойных петли?[112]

В целом «Опера нищего» была очень смешной — это не сложная, искусственная комедия Ричарда Шеридана или Оливера Голдсмита, а уморительное представление народных театров. По популярности она превзошла такие ключевые жанры эпохи, как сентиментальная комедия и героическая трагедия, благодаря самобытному смешению бурлеска, карнавала, непристойностей и игры слов. В постановке 1782 года Полли Пичем играл актер-мужчина, переодетый в женское платье; после спектакля одна из зрительниц «зашлась в истерике, которая продолжалась без остановки вплоть до утра пятницы, после чего несчастная скончалась». Этот эпизод как нельзя

[111] Примечания: 111
«Зеленые рукава» — английская фольклорная песня, известная с XVI в. Дважды упоминается в произведениях Уильяма Шекспира, в том числе в комедии «Виндзорские насмешницы».

[112] Примечания: 112
Since Laws were made for ev'ry Degree / To curb Vice in others, as well as me, / I wonder we han't better Company / Upon Tyburn Tree!

лучше иллюстрирует эпитафию, которую Джон Гей написал сам себе:

> *Какая шутка – наша жизнь земная!*
>
> *Так раньше думал я. Теперь я это знаю*[113].

[113] Примечания: 113

Цитируется в переводе С. Я. Маршака. Life is a jest; and all things show it, / I thought so once; but now I know it.

13
Отрезанное ухо

Сэр Роберт Уолпол отомстил Джону Гею с некоторым опозданием. В 1737 году первый министр выдвинул законопроект о театральной цензуре с целью ограничения свободы театральных постановок. Теперь все пьесы за 14 дней до премьеры следовало направлять на рассмотрение лорду-камергеру, который выполнял обязанности главного цензора. Разумеется, гнусные инсинуации на сцене в адрес Боба-Рвача тотчас прекратились. Акт о театральных лицензиях (Licensing Act) просуществовал вплоть до 1968 года, а значит, инициатива Уолпола оказала влияние не на одно поколение драматургов.

При этом любопытно, были ли намеки, порочащие репутацию Уолпола, обоснованными? Он всегда рьяно отстаивал свою позицию, обвиняя оппонентов в том, что они «псевдопатриоты, не имеющие ни чести, ни достоинства, чей антагонизм опирается лишь на зависть и злобу». Уолпол крепко держался за свое место в правительстве, не желая выпускать из рук бразды правления.

Неудивительно, что были те, кто считал себя несправедливо обделенными и отлученными от власти. Разумеется, обидами дело не ограничивалось. Взятки в палате общин были явлением столь же обычным, что и заседания; довольно часто те, кто принимают законы, свято верят в то, что сами они стоят выше таких условностей.

Во времена Уолпола обычный подкуп был не редкостью, однако порой коррупция принимала и более изощренные формы. Предоставление пособий, распределение наград, назначение на должность, предложение синекуры — все это считалось приемлемым, если требовалось заручиться поддержкой того или иного члена парламента. Во времена, когда работа парламентариев не оплачивалась, грань между покровительством и взяточничеством была достаточно тонкой. Едва ли, имея в распоряжении лишь положенное ему жалованье, Уолпол сумел бы отстроить великолепный особняк Хоутон-холл[114]. Впрочем, злопыхателям стоит почитать Энтони Троллопа, чтобы убедиться, что те же ухищрения и приемы широко использовались и в 1860-х годах. В более скрытых формах они существуют и по сей

[114] Примечания: 114

Хоутон-холл — резиденция Роберта Уолпола в Норфолке, построенная ведущими архитекторами того времени.

день. Одной из главных наград власти являются деньги.

Но даже Роберт Уолпол, несмотря на все свое могущество и влияние, не мог подкупить палату общин целиком. Не у каждого человека есть цена. Многие парламентарии по-прежнему голосовали по совести, руководствуясь внутренними нравственными принципами. Ярким примером подобной независимости стали события 1733 года, когда Уолпол абсолютно неверно уловил настроения членов парламента. Он хотел избавить порт Лондона от множества проволочек, связанных с таможенным контролем и таможенниками, которые создавали немалые помехи для ведения торговли. Премьер-министр предложил размещать импортируемый табак на таможенном складе за символическую плату. Товары, предназначенные на реэкспорт, могли с лихвой компенсировать складские расходы, а за табак, ввезенный для внутреннего пользования, необходимо было дополнительно заплатить условный акцизный сбор в размере четырех пенсов за фунт. Акцизный сбор предлагалось ввести и в отношении импортируемого вина. Такой способ позволял ускорить экспортную торговлю, сократить масштабы контрабанды и упростить

работу таможенных служб в порту Лондона.

К несчастью, предложенный Уолполом законопроект приняли в штыки. Акцизный сбор сочли ненужным и возмутительным налогом на товары первой необходимости. Тонкости схемы просто проигнорировали или неправильно истолковали, и вот уже в воображении парламентариев возникла картинка, как целые толпы акцизных чиновников рыщут по стране в поисках нарушителей, не заплативших налоги. Противники Уолпола быстро пустили слух, что премьер-министр намеревается обложить акцизным сбором продукты питания и другие предметы первой необходимости, а значит, британские свободы падут на алтарь амбиций Уолпола, при этом страна будет развиваться по пути некоторых европейских государств, которые оказались зажатыми в тисках административного аппарата и придавлены неподъемным налоговым бременем. Чистокровные англичане рисковали уподобиться французским крестьянам.

В памфлете «Письмо члена парламента от городка на западе» (A Letter from a Member of Parliament for a Borough in the West) рассказывалось, как «маленькие листовки тысячами распространяли по Сити и всей стране, их вруча-

ли людям на улицах и дорогах, клали под дверь и забрасывали в окна; в них утверждалось, что акцизные чиновники намеревались (словно чужаки) захватить страну и поработить население…». Как и в большинстве случаев, начавшаяся паника была совершенно беспочвенной, однако произвела ощутимый эффект.

Уолпол быстро понял, что план его обречен на провал. Его изображения жгли на рынках под звуки взрывающихся петард, люди разжигали костры и надевали кокарды с надписью «Да свободе и собственности, нет акцизам». Виги все еще ассоциировались у народа с массовыми поборами на войну и махинациями финансистов, заправлявших в лондонском Сити. Вполне естественно, что население настороженно относилось к новым способам сбора денег. Отужинав на Даунинг-стрит и дождавшись, когда прислуга покинет комнату, Уолпол заявил коллегам: «Эта свистопляска больше не может продолжаться, завтра я намерен отступить». От своих взглядов он не отказался, однако «шумиха и протесты», вызванные слухами об акцизном сборе, заставили его покинуть пост «из соображений благоразумия». После голосования в парламенте, отклонившего законопроект, Уолпол, выйдя на улицу, столкнул-

ся с разбушевавшейся толпой. В сопровождении телохранителя он нырял из одной кофейни в другую, прежде чем ему удалось выбраться из центра города.

Уолпол просчитался. Его врожденный оптимизм взял верх над природной осторожностью. Граф Эгмонт писал в дневнике: «Можно с уверенностью сказать, что влияние сэра Роберта в палате уже не будет прежним». И хотя король отчаянно держался за премьер-министра, опасаясь худшего, оппозиция крепла с каждым днем. Выборы, состоявшиеся весной 1734 года, позволили министру несколько реабилитироваться. Его партия или, как их называли, министерские виги набрали 347 голосов, в то время как объединенная оппозиция тори и несогласных вигов — 232 голоса. Теперь требовалось приложить немало усилий, чтобы сохранить порядок и спокойствие, особенно с учетом того, что виги-оппозиционеры, к которым относилась и группа, которую Уолпол называл «мальчиками-патриотами» или «молодняком», были готовы захватить власть любой ценой. Они были сыты по горло так называемой старой бандой или старой гвардией (такие оскорбительные эпитеты употребляли «мальчики-патриоты» в отношении Уолпола и

его ближайших соратников). Что обо всем этом думал Георг II, не вполне ясно; эпистолярному жанру он предпочитал беседы в королевских покоях, однако, по-видимому, симпатии короля оставались на стороне Уолпола.

Если и был некий принцип, которым Уолпол неизменно руководствовался в рамках своей политики, то это было настойчивое желание избежать войны. Он питал отвращение к конфликтам. Это была пустая трата людей и денег. Война создавала ощущение неуверенности и провоцировала раздоры внутри государства. Еще в 1726 году, за год до смерти старого короля, появились слухи, что Великобритания готовится к войне с Испанией, чтобы отомстить за нападения на британские корабли. Однако вялая осада Портобело — испанского форта и военно-морской базы у побережья Панамы, завершилась ничем. Последовали переговоры, лучше которых, по мысли Уолпола, мог быть только мир.

В 1733 году Уолполу удалось избежать участия

в Войне за польское наследство[115]. Это был один из тех континентальных конфликтов с участием нескольких государств, когда враждующие стороны делят земли, словно куски пирога. Правда, именно эта кампания поставила под угрозу соблюдение международных обязательств и договоренностей о ранее заключенных союзах. Война продолжалась пять лет, до 1738 года, и все это время Уолпол соблюдал нейтралитет. Многие в то время желали перевести конфликт в активную фазу, потому что Франция и Испания ограничивали доступ британских судов на зарубежные рынки. Ничто не могло привести англичан в бóльшую ярость, чем утрата рынков сбыта. Утверждали, что Уолпол относится к Испании слишком снисходительно. В парламент направляли многочисленные петиции, в которых прямым текстом говорилось о непрерывных нападениях испанских судов на английские корабли, несмотря на «соглашение», которого добился Уолпол. Некий олдермен Уилмот, не упомянутый в других исторических источниках,

---

[115] Примечания: 115

Война за польское наследство (1733–1735) — война России, Австрии и Саксонии против Франции за право наследования польского престола после смерти Августа II. Антифранцузская коалиция одержала победу, и в соответствии с Венским миром польский трон перешел сыну покойного короля Августу III.

сетовал на то, что «70 наших смелых моряков сейчас закованы в кандалы в Испании! Наши соотечественники в кандалах, в рабстве у испанцев! Разве этого недостаточно, чтобы разжечь пламя даже в самых холодных сердцах? Разве этого недостаточно, чтобы отомстить за оскорбление национального духа!».

Предшествовавший этому инцидент еще больше накалил обстановку. В 1738 году капитан Роберт Дженкинс[116] явился на заседание палаты общин, держа в руках бутыль с заспиртованным ухом. Дженкинс заявил, что лишился уха семью годами ранее, в 1731 году во время высадки на испанские территории. Его изувечил испанский офицер. С тех пор прошло много лет, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что ухо действительно принадлежало Дженкинсу, однако случившееся послужило отличным предлогом, чтобы спровоцировать общественное негодование. Нельзя исключать вероятность, что капитан потерял ухо при совершенно иных обстоятельствах. Сморщенный кусочек кожи вполне мог

[116] Примечания: 116

Дженкинс Роберт (?–1745) — английский купец и моряк, лишившийся уха в результате нападения испанцев на его корабль. Этот инцидент послужил формальным поводом к войне за торговое господство в Новом Свете.

быть позаимствован в лондонской больнице или найден на улице. Кого это волновало? Разве кто-то хотел знать правду? Главное, что за отрезанное ухо можно было с чистой совестью дать сдачи и развязать войну.

Испанцам конфликт был совсем не по душе, между тем Уолпол продолжал медленное, словно в танце, движение в сторону мира. В результате, чтобы устранить все разногласия, наскоро была составлена «конвенция». Ее приняли неохотно, особенно в палате общин. Два с половиной часа Уолпол уговаривал парламент поддержать это соглашение, однако затем слово взял молодой человек, пожелавший высказаться против фальшивого мирного договора: «Неужели мы больше не государство?..» [Неужели мы должны] и дальше слушать рассказы о целесообразности заключения рискованного, бестолкового, бесславного мира с Испанией? Почти в каждой строке этого документа — обман или неприкрытое подчинение».

Речь Уильяма Питта дала своего рода первый словесный залп, с которого началась военная кампания, получившая ироничное название «Война за ухо Дженкинса». Нужно было быть поистине политическим пророком, чтобы предвидеть в

тот момент, что этот тридцатилетний молодой человек будет определять политический курс Великобритании в течение последующих сорока лет. Уильям Питт, 1-й граф Чатам, впоследствии, благодаря «подвигам» своего сына получивший прозвище Старший, происходил из семьи нуворишей, обогатившихся на индийских сокровищах. Его деда звали «алмазный» Питт. Следуя семейной традиции, молодой человек окончил Итонскую частную школу, а затем Оксфорд, после чего в 1731 году вступил в 1-й драгунский гвардейский полк. Спустя еще четыре года он стал членом парламента. Это был судьбоносный поворот.

В юности Питт Старший выступал в оппозиции правительству Уолпола и принадлежал к группе «мальчиков-патриотов». Он примкнул к Фредерику, принцу Уэльскому[117], который противостоял своему отцу Георгу II, а значит, и премьер-министру. Королева Каролина так отзывалась о старшем сыне: «Мой дорогой первенец — это редкостный осел, редкостный лжец, редкостный каналья и величайшее чудовище

[117] Примечания: 117

Фредерик Луис, принц Уэльский (1707–1751) — наследник британского престола, старший сын короля Георга II и Каролины Бранденбург-Ансбахской; отец короля Георга III.

на свете; и я от всей души желаю не иметь с ним ничего общего». Тем не менее Питт разместился в штабе принца в Лестер-хаусе и со временем стал его камердинером. Уже тогда Уолпол причислил его к своим врагам. Пламенная речь Питта против мира с Испанией стала лишь очередным проявлением их вражды.

Своими рассуждениями он мог нанести болезненный удар. Хорас Уолпол, сын первого министра, однажды заметил: «Как велико его красноречие; словно долго сдерживаемый ураган, оно вырвалось на волю, преисполненное властной решимости! …Заносчивый, дерзкий, осознающий, какой ущерб он может нанести и какими способностями обладает». Многие полагали, что Питт никогда заранее не знал, о чем будет говорить, до тех самых пор, пока не вставал со скамьи, и тогда экспромт рождался сам собой.

Завороженным слушателям Питта порой непросто было вспомнить, что именно он говорил. Парламентарий Генри Граттан вспоминал, что Питт говорил о «великих вещах, великих империях, великих личностях, блестящих идеях и классических иллюстрациях». Питт был большим поклонником Шекспира и читал самые яркие отрывки из его произведений вслух своей семье;

для декламаций он выбирал исключительно трагедии, оставляя комедии для других. Это было одним из проявлений его актерского таланта. Если взглянуть на его выдающихся современников, можно без труда убедиться, что практически все политики того времени были блестящими актерами. Лорд Шелберн, один из соратников Питта в более поздний период, отзывался о нем как «о насквозь фальшивом человеке». «Он словно всегда играл какую-то роль, — говорит Шелберн, — всегда вел себя нарочито, неестественно, пребывая в состоянии непрерывного напряжения; он не был способен на дружбу или иное проявление чувств, все время был начеку и никогда не расслаблялся». Это был человек, получивший прозвище Великий Общинник.

Шелберн описывает внешность Питта: «Высокий рост… ястребиный взор, маленькая голова, худое лицо, длинный орлиный нос, необычайно подтянутая фигура». На сохранившихся портретах мы видим несколько испуганное лицо, внимательный и усталый взгляд. Уже в Итонской школе Питт начал испытывать недомогания, которые медицина того времени называла подагрой. В последующие годы от «подагры» страдали различные части его тела, из-за чего

Питт выглядел худым и болезненным инвалидом. Когда же Питта стали мучить приступы одержимости и депрессии, ему диагностировали «подагру мозга».

Постоянно испытывавший боль и утомленный докучливостью просителей и коллег, Питт держался отчужденно. Он был холоден и сдержан и мог расслабиться лишь в компании немногих близких ему людей. Его можно было направить или переубедить, однако никто не смел ему указывать или диктовать. Отчасти поэтому он имел репутацию неподкупного чиновника, хотя в действительности отличался честолюбием и стремлением к выгоде. У Питта был особый талант быстро менять свои убеждения, если того требовали обстоятельства. При этом он как-то упомянул чувство чести, «которое превращает честолюбие в благодетель». Думается, едва ли найдется общественный деятель, в котором не сталкивались бы противоречия. Впрочем, можно с уверенностью сказать, что в начале политической карьеры Питт преследовал две главные цели: он стремился обеспечить господство Англии на море и над своими соседями.

Питт был одним из тех, кто беспрестанно обрушивал на Уолпола аргументы в пользу необ-

ходимости войны. Он призвал на помощь своего политического союзника Фредерика, принца Уэльского, в качестве покровителя морской мощи Англии и защитника национальной торговли. Свободу морям! Свобода и собственность! Процветание Сити! Таковы были лозунги Питта и его молодых сторонников. Адам Смит назвал конфликт с Испанией «колониальной войной», призванной обеспечить безопасность в открытом море, а также защитить заморские владения Великобритании. Хорас Уолпол осуждал воинственное давление, которое оказывалось на «недовольных и раздосадованных» членов парламента, а также на тех, кто принадлежал двору принца Уэльского и желал превратить его в принца-воина по образцу средневекового монарха. «Боже мой, — говорила королева Каролина, — меня всегда подташнивало от известности; однако от известности Фредерика меня вот-вот вырвет».

И все же общественное мнение подпитывалось агрессивно настроенными партиями, упорно подталкивающими Уолпола к войне, которой тот всячески пытался избежать. В довершение всего многие бывшие сторонники Уолпола теперь обвиняли первого министра в попустительстве, считая, что он допустил разжигание конфлик-

та. Когда в конце концов в октябре 1739 года он объявил войну, общество взорвалось возгласами ликования. «Сейчас они звонят в колокола от радости, — заметил он в одном из своих неуклюжих высказываний, — но скоро в те же колокола они будут бить тревогу».

Казалось, все начиналось хорошо. В ноябре 1739 года адмирал Эдвард Вернон одержал первую победу, захватив испанскую базу Портобело в Южной Америке. Это событие встретили с большим восторгом, а на следующий год, когда Вернон готовился к следующему наступлению, патриотическую песнь «Правь, Британия» (Rule Brittania) впервые исполнили в загородной резиденции принца Уэльского в Кливдене. В больших и малых городах Англии проводились фестивали в честь «бессмертного Вернона», а его имя встало в один ряд с Фрэнсисом Дрейком и Уолтером Рэли. Оглушительный успех на море послужил причиной гневных упреков в адрес Уолпола и тех министров, которые предпочитали менее агрессивную политику.

Однако война никогда не идет по заранее написанному сценарию, и Уолпол знал об этом не понаслышке. Портобело удерживали не более трех недель, а уже летом следующего года

адмиралы Николас Хэддок и Джон Норрис не смогли помешать испанскому и французскому флоту войти в воды Карибского моря. Еще одна прописная истина войны заключается в том, что один конфликт может с легкостью перейти в другой, при этом участники не всегда будут полностью это осознавать. Таким образом, словно по волшебству, как в сказочном балете, декорации сменились, и война против Испании неожиданно превратилась в Войну за австрийское наследство.

Вот как это произошло. Император Священной Римской империи Карл VI не имел наследника, поэтому было решено, что он с согласия других европейских держав передаст по наследству все владения Габсбургов (включая Австрию, Венгрию, Богемию, Нидерланды и часть Италии) своей старшей дочери Марии-Терезии. Однако едва император отошел в мир иной, как различные заинтересованные круги стали претендовать на его наследство. У воров, даже если они — монархи, отсутствуют представления о чести и достоинстве; они слетелись словно стервятники, почуяв запах крови. Фридрих II Прусский вторгся в габсбургскую провинцию Силезия, поскольку, по его собственным словам, честолюбие, интерес,

желание, чтобы люди говорили о нем, взяли верх, и он решил начать войну. По крайней мере, он был откровенен. Испания и Франция выступали в роли двух других агрессоров, а поскольку страны давно и непримиримо враждовали с Англией, она и сама в 1740 году оказалась волей-неволей втянута в европейский конфликт. В Европе было слишком много монархов и слишком мало тронов, чтобы их хватило на всех. Новые танцоры вышли на сцену под оглушительные раскаты грома и вспышки молний.

В сентябре 1741 года Георг II привел в изумление министров и народ, объявив о нейтралитете Ганновера. В каком-то смысле это понятно. Его земли находились в окружении более крупных держав, которым было явно мало имевшихся территорий. Тем не менее Георг II вышел из спора, в котором Англия по-прежнему принимала активное участие. На самом деле у короля было два внешнеполитических курса: мирный и военный. Двуликий Янус не может править воюющим государством, и многие полагали, что внешнеполитические интересы Великобритании подчинены интересам Ганноверский династии. Особенно усердно так называемых ганноверцев-паразитов громил Питт, своими

оскорбительными эпитетами упрочивая давнюю неприязнь к себе со стороны короля.

Уолпол уже натерпелся достаточно и в январе 1742 года подал в отставку. «Это ваша война, — заявил он своему преемнику[118], вскоре получившему титул герцога Ньюкасла. — Вы уже начали руководить ею. Желаю вам получить удовольствие». Ньюкасл сам по себе заслуживает отдельного упоминания в этой истории, поскольку он безраздельно, всем своим существом принадлежал к XVIII веку. Он словно сошел со страниц книг Смоллетта или с подмостков, на которых разыгрывались театральные постановки по пьесам Конгрива. Это был влиятельный вельможа-виг и непревзойденный мастер тактики выборов, при этом в нем было немало шутовского. В эпоху слез он слыл редкостным плаксой; он отказывался спать в постели, в которой еще никто не спал, не переносил холода и сырости, боялся путешествовать морем и говорил без умолку. Ходили слухи, что если по утрам он вставал на полчаса позже планируемого часа, то проводил остаток дня в попытках наверстать упущенное время. Уильям Эдвард Хартпоул Леки

[118] Примечания: 118

Томас Пелэм-Холлс, 1-й герцог Ньюкасл (1693–1768) — премьер-министр Великобритании с 1754 по 1756 и с 1757 по 1762 г.

в книге «История Англии в XVIII веке» (History of England in the Eighteenth Century) описывает «его запутанную, сбивчивую, бессвязную болтовню, его грубую лесть, его спонтанные обещания, которые он тут же забывал, его детские проявления застенчивости, невежества, раздражительности, растерянности…».

Быстрая, невнятная речь Ньюкасла сопровождалась нервными, судорожными движениями. Он никогда не пребывал в состоянии покоя. Ему больше нравились суета и волнения предпринимательства, нежели разработка политических решений; он занимался делами настолько порывисто и внезапно, что его коллеги зачастую открыто насмехались над ним. Казалось, Ньюкасл не замечал их пренебрежения, однако на любую попытку ограничить его власть реагировал приступом паранойи; он жил в постоянном страхе. Тем не менее он любил роскошные приемы или пышные собрания, на которых, к всеобщему изумлению, обнимал и целовал всех, кто попадался ему на глаза. И он знал тайну политического долголетия — в течение сорока лет он занимал самые высокие государственные посты.

Роберт Уолпол с почетом отправился на покой, удостоившись за свои труды титула графа

Орфорда. Он вернулся в Хоутон-холл, откуда мог наблюдать за плодами своей государственной деятельности. Его уход встретили с величайшей радостью и празднованиями, словно все разочарования войны произошли по его вине.

Однако после ухода Уолпола Великобритания так и не добилась особых успехов на военном поприще. Нерешительность, наблюдавшаяся в начале войны, сохранялась и впредь, народ не имел ни малейшего желания демонстрировать мужество и доблесть. Казалось, военные действия продолжались лишь за счет денежных вливаний и наемной армии. Никого не интересовали победы или перипетии войны. Кто взял Юлих или Берг, Бриг или Волау, для большинства не имело значения. Последние шесть лет конфликта отмечены вероломством и преступностью, двурушничеством и разногласиями, нарушением обязательств и тайными сговорами, ложью и массовыми кровопролитиями. Когда в конце концов в 1748 году в Ахене был подписан мирный договор, стало ясно, что за все время войны не было достигнуто хоть сколько-нибудь значимых результатов. Великий историк шотландского происхождения Томас Карлейль описывал эту кампанию как «невнятное, массовое умоисступ-

ление Англии и заморских стран».

Отставки Уолпола желали все, включая его ближайших соратников, однако на деле его уход мало что изменил. Члены старой команды по-прежнему были у власти, но теперь им приходилось искать поддержки у «новых вигов» или членов партии принца. Вопреки желаниям или предположениям многих, эпохальных перемен не произошло.

В целом в министерствах действительно стало больше вигов различных направлений, которых вместе с тори стали называть «широкозадыми». Они могли усидеть на чем угодно. Теперь виги противостояли вигам, тори — тори, тори и виги совместно враждовали с другими коалициями вигов и тори в жесткой междоусобной борьбе, продолжавшейся по меньшей мере шестнадцать лет. Разумеется, в конце концов это всем наскучило. В 1743 году, спустя год после отставки Уолпола, Джон Далримпл, граф Стэр заметил: «Кажется, Лондон занят исключительно игрой в вист».

Летом 1745 года некоторые волнения вызвала высадка в Шотландии Карла Эдуарда Стюарта, сына Старого претендента. Молодой претендент, более известный потомкам как Красавчик принц Чарли, воспользовался континентальной

войной, чтобы заявить свои права на трон и провернуть небольшую наступательную кампанию. И хотя Великобритания вернула на родину часть войск, участвовавших в военных действиях во Фландрии, принц смог занять Эдинбург и одержать значительную победу над давним врагом у Престонпанса к востоку от города. В Лондоне возникла легкая паника. Не столько реальная угроза вторжения, сколько страх, вызванный такой перспективой, заставил столицу оцепенеть от ужаса. Вырыть ров, чтобы защитить крепость, всегда считалось знаковым событием, особенно во время войны.

Молодой претендент, собрав около 5000 человек, двинулся на юг, к Англии и добрался до Дерби. Паника усилилась. Однако на деле ему вряд ли удалось бы продвинуться дальше. Шотландцы не желали вставать под его знамена, а тори, преданные якобитам, были не готовы на подвиги в его поддержку. Как известно, в стране, где главной заботой является процветание, социальные или политические революции маловероятны. Банк Англии с успехом нивелировал угрозу Стюартов. Карл потребовал от союзников-французов вторгнуться в Великобританию, однако те были слишком заняты кампанией во Фландрии. У Дер-

би генералы-якобиты уже понимали, что игра проиграна, и, несмотря на настойчивые протесты принца, отступили к Шотландскому нагорью. Впрочем, на этом их унижения не закончились.

Карл с советниками решил сразиться с врагом на пустоши Каллоден, и уже через час его войска были наголову разбиты британской армией под командованием герцога Камберлендского[119]. Некоторые шотландцы были готовы дождаться более благоприятных обстоятельств и продолжить сражение, однако их решимость пошатнулась, когда Молодой претендент предпочел вернуться во Францию. Так бесславно завершилась последняя попытка шотландцев силой отстоять свою независимость. Якобитство было уничтожено. Солдаты герцога Камберлендского с особой жестокостью расправились с жителями Шотландского нагорья, не гнушаясь насилием, кровопролитием и грабежами. В результате тяжелейшего поражения шотландские горцы были вынуждены сложить оружие, и теперь любой мужчина или мальчик в «одежде горца» попадал в тюрьму на полгода без права на освобождение

[119] Примечания: 119

Уильям Август, герцог Камберлендский (1721–1765) — третий сын короля Великобритании Георга II и Каролины Бранденбург-Ансбахской, известный военачальник.

под залог. В случае повторного преступления нарушителю грозила каторга. В стране намеренно проводилась политика культурного геноцида.

Возгласов ликования и аплодисментов победителей было достаточно, чтобы заглушить плач и стенания отступников-шотландцев. Стихи «Правь, Британия» положили на музыку пятью годами ранее, а гимн «Боже, храни короля» (God Save the King) был напечатан в Gentleman's Magazine во время высадки Молодого претендента и вскоре обрел широкую популярность.

Молодой принц предпринял еще одно путешествие в Англию, тайно отправившись в Лондон в 1750 году. По всей видимости, он остановился у какого-то убежденного якобита на Теобальдс-роуд и даже принял англиканскую веру, питая пустые надежды однажды взойти на британский престол. Скорее всего, гуляя по улицам Лондона, принц носил маску и костюм; однако в таком виде он как нельзя лучше соответствовал городу, который теперь напоминал одну большую сцену.

14
Мать-женева[120]

Когда Мэтью Брамбл, герой романа Тобайаса Смоллетта «Путешествие Хамфри Клинкера» (The Expedition of Humphry Clinker; 1771), приезжает в Лондон, он чрезвычайно удивляется тому, что «все занятия перемешались: каменщик, мелкий ремесленник, трактирщик, слуга из пивной, лавочник, крючкотвор, горожанин и придворный *наступают друг другу на мозоли*». Распутства и бесчинства «повсюду, они шляются, гарцуют, крутятся, рвутся вперед, толкаются, шумят, трещат, грохочут; все заквашено на гнусных дрожжах тупости и разгула; всюду сумятица и суетня. Можно подумать, что они одержимы каким-то сумасшествием, которое не позволяет им сохранять спокойствие»[121].

Несколькими годами ранее в Лондон при-

---

[120] Примечания: 120

Женева — здесь: адаптированное название джина, пришедшего в Англию из Голландии. Там напиток назывался «женевер» (*голл.* jenever) от слова «можжевельник».

[121] Примечания: 121

Здесь и далее «Путешествие Хамфри Клинкера» Тобайаса Смоллетта цит. в пер. А. В. Кривцовой.

бывает другая неискушенная провинциалка и прямиком из экипажа отправляется во двор гостиницы Белл-инн неподалеку от Вуд-стрит. На гравюре Уильяма Хогарта[122] эта девушка по имени Молл Хэкэбаут изображена в странной обстановке. На перилах балкона проветриваются ночные горшки, там же висит рваное нижнее белье. В дверях с довольной ухмылкой стоит франтоватого вида «гуляка». Предвкушая утехи с молодой проституткой, он уже запустил руку себе в штаны. Пожалуй, самое необычное зрелище представляет пожилая женщина, вся обклеенная старыми, полустертыми мушками. Она встречает девушку, будто это ее кузина, приехавшая в гости из деревни. Имя женщины — матушка Нидем (Элизабет Нидем). Эта небезызвестная хозяйка борделя 1720-х и начала 1730-х годов в конце концов была привязана к позорному столбу и умерла от ран, нанесенных разъяренной толпой.

Обе картины дают куда более правдивое представление о Лондоне XVIII века, чем любое описание из журналов Spectator или Gentleman's

[122] Примечания: 122

Речь идет о серии из шести картин и гравюр Уильяма Хогарта «Карьера проститутки» (A Harlot's Progress). В работах показана история молодой девушки Молл Хэкэбаут, которая приехала в столицу из провинции и стала проституткой.

Magazine. Это отнюдь не карикатуры, а пронзительная реальность. В беллетристике того времени упоминаются аукционные дома и кофейни, читательские кружки и дискуссионные клубы, залы для приемов и танцев, маскарады, балы, танцмейстеры, театры и галереи, лектории и концертные залы. Все это составляло фасад Лондона XVIII века, однако за ним скрывалась глубокая, словно омут, и темная сторона жизни города, которая от века к веку практически не менялась. Никакое «благоустройство» не касалось этого падшего мира. Широкие улицы и открытые мосты, фешенебельные площади и торговые галереи не имели ничего общего с той мрачной тенью, которую всегда отбрасывал Лондон. По соседству с залами, отведенными под «увеселения эпохи», находились комнаты, в которых господствовали нищета, лишения, суровые наказания и боль.

Лондонская вонь чувствовалась за несколько десятков миль. Джордж Чейн, автор трактата 1733 года «Английская болезнь» (The English Malady), приходил в ужас от «клубящихся повсюду костров… облаков зловонного дыхания и телесных испарений, не говоря уже о смраде, который источают больные и увечные, разумные и

неразумные животные, переполненные церкви, погосты и кладбища…». Над всем этим стелился запах конского навоза.

Запах улиц уравнивал всех — ремесленников, остряков, подмастерьев, издателей, гуляк, конторщиков, известных людей, священников, книготорговцев, дам, девушек-служанок, актеров и певцов, политиков и бродяг — одним словом, всех, кто ходил по ним. В то время в ходу была фраза: «Каждый сам по себе уже не пахнет, когда воняют все». Тротуары кишели не только пешеходами, но и кучерами, носильщиками, тут же сновали повозки для вывоза мусора и грязи, почтовые кареты, шныряли собаки, мальчики с подносами с мясом на плечах, попрошайки из бывших солдат, цветочницы, починщики мебели, торговцы подержанной одеждой и продавцы выпечки. На одной улице, как правило, уживались представители разных слоев общества и профессий.

Не имело смысла пытаться избежать всех этих неудобств, взяв экипаж. Улицы были столь узкими и петляющими, а препятствий на них так много, что любая телега или повозка рано или поздно попадала в тупик или пробку. В этом случае кучера начинали хлестать лошадей

встречного экипажа и нередко даже спрыгивали с козел и решали проблему кулаками под возгласы зевак, тут же собиравшихся, чтобы поглазеть на уличную потасовку. Городской воздух сотрясали проклятия, ругань, богохульства и брань. На улицах творился сущий бедлам. Весь этот шум и гам издалека напоминал несмолкающий, пронзительный крик, тысячекратно отражавшийся эхом от небесной тверди. Многим этот гул напоминал звуки извергающегося вулкана.

Таким был старый и жестокий Лондон. Пока не начались мероприятия по благоустройству, город XVIII века служил ареной для публичных повешений и телесных наказаний. Среди «достопримечательностей» города были душевнобольные из психиатрической больницы Бедлам, подвесные клетки для наказания преступников вдоль Эджвер-роуд и истлевающие отрубленные головы на вершине Темпл-Бара[123]. Попрошайки выставляли напоказ язвы, а проститутки тщательно прятали шанкры.

Молл Хэкэбаут стала одной из таких проституток. Ее постигла участь многих, кто приехал в столицу из сельской местности или просто

[123] Примечания: 123

Темпл-Бар — историческое место в Лондоне, где располагались главные западные ворота города.

родился и вырос на улице. В XVIII веке секс был легкодоступным: от дорогой куртизанки с апартаментами в Ковент-Гардене до мальчугана или девчонки, которые были легкой добычей всего за пенни. Доступный и неумеренный секс был скрытым источником энергии Лондона. Обеспеченные горожане или купцы могли позволить себе купить любого, при этом едва ли религиозные соображения того времени могли остановить их. И хотя «благоустройство» должно было коснуться всего, Фрэнсис Плейс, радикальный активист протестного движения, писал в книге под названием «Автобиография» (Autobiography): «Обвисшие груди [проституток], выставленные на всеобщее обозрение, являли крайне отвратительное зрелище, их волосы, зачастую прямые, висели словно крысиные хвосты, заслоняя глаза, и кишели вшами, несметные полчища которых были видны невооруженным глазом…» Женщины были готовы «зайти за угол» за пару пенсов.

Аддисон, описывая это ремесло, оставил куда более сентиментальные воспоминания. Как-то на Сент-Джеймс-стрит к нему обратилась худенькая миловидная девушка лет семнадцати. «Она тщилась привлечь меня неестественной игривостью своего облика и вольностью манер;

однако я сразу заметил, что ею движет голод и холод: взгляд ее белесоватых глаз горел готовностью, тонкое платье отличалось безвкусием, а манера держаться была кроткой и детской». Такие персонажи наводняли улицы Лондона и столетие спустя, заставив журналиста Уильяма Томаса Стеда[124] написать ряд статей под названием «Жертвоприношение девы в современном Вавилоне» (The Maiden Tribute of Modern Babylon; 1885). Складывается впечатление, что некоторые аспекты жизни Лондона неизбывны и вечны.

Преступность и жестокость вросли в твердь лондонских улиц, словно булыжники и камни. Разумеется, полицейский патруль тогда еще не существовал, было лишь некое подобие службы наблюдения, в рамках которой престарелые служащие пили чай или джин в своих крохотных караульных будках. Улицы были темны и коварны, квартиры — мрачны, а трущобы — опасны. По ночам вершился разбой, к которому все оставались глухи. Во времена кризиса группы

[124] Примечания: 124

Стед Уильям Томас (1849–1912) — британский журналист, публицист, общественный деятель, инициировал борьбу с детской проституцией, пропагандировал принцип «Мир через арбитраж», был претендентом на Нобелевскую премию мира 1912 г., а также одним из пионеров журналистских расследований. Погиб во время крушения «Титаника» в апреле 1912 г.

вербовщиков рыскали в поисках призывников, уклонявшихся от службы во флоте. Когда в 1754 году в Лондон прибыл инженер и изобретатель Джеймс Уатт, он боялся даже выйти из дома, опасаясь, что его схватят.

В 1751 году Хорас Уолпол писал: «Даже днем, собираясь в путь, человек словно отправляется в бой». У воров были собственные ночлежные дома, клубы и таверны, в которых они делились на «рода войск» с не меньшей скрупулезностью, чем в настоящей армии. Здесь были и домушники, и карманники, разбойники и грабители с большой дороги. Тем не менее неприятие регулярной армии было настолько велико, что любые попытки увеличить численность полицейских встречали стойкое сопротивление среди горожан, не желавших жить в военном лагере.

В течение XVIII века город разрастался, при этом градус опасности стал постепенно снижаться. Мэтью Брамбл из романа о Хамфри Клинкере в разговоре со знакомым отмечает: «В течение семи лет в одной только части города, в Вестминстере, выстроено 11 000 новых домов, да к сему надо еще прибавить те, которые ежедневно появляются в разных частях сей громоздкой столицы»; изменения настолько «громоздки», что «столица стала

походить на разросшееся чудовище, которое со временем, словно распухшая от водянки голова, лишенная питания и поддержки, отделится от тела». Кирпичи подвозили на строительные площадки неостывшими, что-то строить из них сразу было нельзя, поэтому взору озадаченного путешественника представала отвратительная картина запущенных и недостроенных зданий.

Однако за всем этим безумием скрывалась движущая сила города. Лондон был средоточием власти и денег. Ненасытность города и высокий спрос на продукты питания способствовали преобразованию сельского хозяйства страны. Чай, коноплю и хлопок свозили сюда со всего мира. Сахар «варили» в самой столице. Лондон был крупнейшим промышленным центром. Компактно расположенные фабрики обрамляли оба берега Темзы в восточной части столицы. Там можно было увидеть все — сложные агрегаты, плиты для приготовления еды, мебель и наемные экипажи. Поставки топочного угля шли вдоль восточного берега.

Богословы и моралисты, слушая проклятия и непристойности, доносившиеся из притонов и подвалов, неизменно грозили бесстыдникам Страшным судом. Считалось, что песен, которые

распевали по всему Лондону, было достаточно, чтобы навлечь на себя божественный гнев:

Уверен я – ее ждут муки ада,

Поскольку для нее одна «отрада»,

В часы богослуженья – желать совокупленья…[125]

Не стоит забывать, что лондонцы были до крайности суеверными, словно в полной мере осознавали, что живут в городе грехов. Ходили слухи о фантомах, ведьмах и привидениях, а про самого короля поговаривали, что он верит в вампиров, хотя это, по всей видимости, лишь дань уважения немецким традициям. Не стоило слушать кукушку, если у тебя пустые карманы. Если дорогу переползала змея, полагалось немедленно вернуться домой. Следовало тотчас опустить взгляд, если над головой пролетал ворон. Ушастая сова поутру пророчила день, полный опасностей. У дома на Кок-Лейн собирались толпы, чтобы послушать загадочные стуки и скрипы, которые издавал якобы поселившийся там дух по прозвищу Непоседа Фанни. Суеверный Сэмюэл Джонсон входил в состав специальной

---

[125] Примечания: 125

I'm sure she'll go to Hell, / For she makes me fuck her in church time…

комиссии, созданной для расследования этого феномена. Впоследствии оказалось, что это были проказы старшей дочери хозяина дома. Тем не менее сообщения о привидениях неизменно вызывали сенсацию.

Мэри Тофт из городка Годалминга на юго-востоке Англии начала производить на свет кроликов после выкидыша, случившегося с ней в результате погони за кроликом. Ее привезли в Лондон, и в банях на Лестер-Филдс ее осматривали самые видные врачи того времени. Придворный лорд Херви сообщал, что «всякий житель города, будь то мужчина или женщина, уже поглазел на нее и пощупал: непрерывные волнения, шумы и урчания в ее животе являют собой нечто удивительное; все известные врачи, хирурги и акушеры Лондона дежурят у нее днем и ночью, чтобы не пропустить следующие роды». Все это, как и многое другое, оказалось надувательством, и тем не менее лишь усиливало суеверность и легковерность лондонской толпы.

8 февраля 1750 года под Лондоном и Вестминстером зафиксировали заметное содрогание почвы как при землетрясении. Люди в ужасе выбегали на улицы в ожидании конца света. Месяц спустя, 8 марта, толчки повторились с удвоенной силой,

разрушив фундамент нескольких домов и причинив немалый ущерб некоторым улицам. Никто уже не сомневался, что за «репетицией» последует более мощный удар, который непременно случится 8 апреля и превратит город в руины. Даже в Gentleman's Magazine, отличавшемся своим здравомыслием, писали: «Землетрясение — один из способов, которым Господь карает нечестивцев и мятежников». Грехи Лондона, нарастающие с каждым годом словно снежный ком, казалось, переполнили чашу терпения Всевышнего. Город был слишком черным, отравленным, больным и сладострастным — гнева небес было не миновать. Епископ Лондонский написал пасторское письмо, в котором изобличил «мерзость публичных домов», «похождения самых гнусных падших женщин» и книги деистов и прочих пренебрегающих «великими истинами религии».

За неделю до предполагаемой катастрофы все, кто мог, покинули Лондон. Была отменена премьера оратории Генделя «Иуда Маккавей» (Judas Maccabaeus). Хорас Уолпол насчитал 750 экипажей, которые проезжали через Гайд-парк-корнер по пути из города, дабы укрыться в сельской местности. Лондон накрыла волна страха. Многие перебрались на просторы Северного или Южного

Лондона. Центр, промышленные районы, Сити и Вестминстер опустели. Третьего землетрясения так и не произошло. Бог отдыхал от дел. Однако случившегося, в том числе всеобщей паники, оказалось достаточно, чтобы направить многих, если не всех, на стезю покаяния. Были и те, кто нашел иной источник утешения. Руки матери-женевы были готовы принять в свои объятия всех отчаявшихся.

В 1751 году в своем доме на Лестер-Филдс, на входной двери которого красовалась табличка «Золотая голова» (Golden Head), Уильям Хогарт создал знаменитую гравюру «Переулок джина» (Gin Lane). В тот год увидел свет и памфлет Генри Филдинга «Исследование причин недавнего увеличения числа грабителей» (An Enquiry into the Causes of the late Increase of Robbers), в котором автор предупреждает «о новом виде пьянства, неведомом нашим предкам, причиной которому является яд под названием джин». На гравюре Хогарта ростовщик занят важным делом: он внимательно разглядывает пилу плотника, а изнуренная женщина подсовывает ему чайник и кастрюлю. Под их ногами виден погреб, где хранится джин. Его легко можно узнать по табличке «Королевский джин» (Gin Royal), которая

висит над входом. Это не более чем дыра в стене, темный туннель, ведущий на самое дно. Над ним выведено:

Выпьешь за пенс,

Напьешься за два,

На чистой соломе поспишь задарма[126].

Вряд ли эти слова когда-либо действительно были написаны для лавки, торгующей джином, — их вполне мог придумать и сам Хогарт. В любом случае они стали широко известны по всей стране.

Джин-Лейн, или Переулок джина, не известен ни одному топографу, его не найти ни в одном географическом справочнике, однако Хогарт решил разместить его в приходе собора Святого Эгидия. Эта церковь известна своими попрошайками, калеками, бродягами и нищими. Изображенное на гравюре место теперь находится на северном конце Шафтсбери-авеню[127]. Пьяная женщина с

[126] Примечания: 126
Drunk for a Penny / Dead Drunk for twopence / Clean Straw for Nothing.

[127] Примечания: 127
Шафтсбери-авеню — улица в центре Лондона. Из-за немалого количества расположенных на ней театров получила название «лондонский Бродвей».

одуревшим видом сидит на ступеньках. Кажется, будто время вокруг нее остановилось, а из ее беспомощных и вялых рук на землю падает ребенок. Неподалеку мужчина и собака борются за грязную кость.

Однако в центре этой части композиции находится именно женщина. На ее ногах виднеются признаки сифилиса. Она грязная с головы до ног, а ее одежда превратилась в лохмотья. Скорее всего, она попрошайничает у церкви, чтобы найти деньги для утоления своей страсти. Надпись на гравюре гласит: «Если женщина пристрастится к спиртному, она станет самым жалким и презренным существом на земле». Лучше всяких нравоучений эти слова подтверждает один случай. Джудит Дефур не могла прокормить свою двухлетнюю дочь, поэтому отдала ее в приходской работный дом, где за малышкой лучше ухаживали и прилично одевали. Спустя пару дней мать вернулась, чтобы забрать ребенка. Она отнесла девочку на ближайший пустырь, задушила ее, а тело закопала в канаве, предварительно сняв с него одежду, которую затем продала за один шиллинг. Вырученные деньги были тут же потрачены на джин. Это был вопиющий случай, однако не настолько, чтобы его нельзя было

представить.

В правой части гравюры Хогарта неподалеку от винокурни Килмана изображены две молодые девушки, залпом пьющие джин, несколько попрошаек, дерущихся за глоток спиртного, и молодая мать, заливающая напиток в рот своему ребенку. Знаки смерти видны повсюду: самоубийца, болтающийся в петле на всеобщем обозрении, ребенок, случайно проколовший ногу, макет гроба, раскачивающийся над бюро похоронных услуг, и, наконец, похороны. Вывеска ростовщика висит словно крест над уличной сценой, а в отдалении виднеется церковь Сент-Джордж в Блумсбери со статуей Георга I на башенке. Это единственный монарх, удостоенный в Лондоне таких почестей, однако в данном случае он кажется столь же холодным, отчужденным и безразличным по отношению к своему народу, как и сама церковь. Гравюра Хогарта состоит из множества мелочей, которые в совокупности составляют удручающую картину. Так, например, у двух девушек надеты приходские значки с буквами GS, что означает святой Эгидий (St Giles). Церковные старосты, прихожане и приходские попечители о призрении бедных, изображенные на картине, или ничего не смыслят в своем деле,

или напрочь лишены чувства ответственности.

«Переулок джина» продавался всего за один шиллинг вместе с еще одной гравюрой Хогарта под названием «Пивная улица» (Beer Street). И хотя для бедных это была заоблачная цена, вполне возможно, что эти изображения в качестве сатирических картинок или назидания украшали стены таверн или пивных. В рекламе, опубликованной в газете London Evening Post, отмечалось, что «поскольку действующие лица гравюры задумывались с расчетом на то, чтобы избавить низшее сословие от основных пороков, автор, в надежде на широкое распространение своей гравюры, издал их по минимально возможной цене».

Джиновая лихорадка началась примерно в 1720-х годах, однако сам джин появился в стране несколько раньше, во времена «Славной революции» 1688 года Вильгельм III Оранский привез рецепт этого напитка из предместья Роттердама, и вскоре голландский джин вытеснил французский бренди. Ко всему французскому относились с подозрением, пить французское стало непатриотично. Солдатам армии Вильгельма перед началом сражения полагалось испить «голландской отваги». Спустя два года после вторжения

Вильгельма в парламенте был принят Акт о поощрении перегонки коньяка и спиртов из зерна (Act for encouraging the distilling of brandy and spirits from corn). Настоящей удачей для фермеров и винокуров стало снижение пошлины на алкогольные напитки с шиллинга до пенни за галлон (4,54 л). Лондон издавна славился любовью к крепким напиткам, однако среди лондонской бедноты джину по популярности не было равных. В минуту нужды, боли, холода и отчаяния многие охотно прибегали к проверенному средству. Над котлами винокурен поднимался удушающий чад.

Джин продавался в мастерских ткачей, красильщиков, цирюльников, плотников и сапожников; работные дома, тюрьмы и сумасшедшие дома тоже были в деле. Все точки сбыта делились по степени гнусности и мерзости. В гостиницах имелись комнаты для гостей, а в пивных устраивались так называемые извозчичьи биржи для ремесленного сословия. Винные лавки, или бары, были, как правило, заведениями самого низкого сорта, в которых укрытиями для обильных возлияний служили подвалы, задние комнаты и дыры в стенах. Джин продавали с тележек, самодельных прилавков, в переулках, в задних

комнатах и в дешевых домах гостиничного типа. Его жадно поглощали попрошайки и бродяги, обитатели тюрем или работных домов, молодые и старые жители Лондона — дешевый напиток лился рекой, затапливая городское дно. Бесспорным фаворитом джин был среди женщин: они не жалели напитка, чтобы утихомирить детей, согреться в холода и подавить чувство голода. Джин помогал противостоять этому жестокому миру.

Последствия оказались катастрофическими. Дети исправно собирались в винной лавке и пили до тех пор, пока не могли сдвинуться с места. Мужчины и женщины умирали в сточных канавах после чересчур обильных возлияний. Некоторые пьяницы порой падали замертво. Шатавшиеся по улицам одурманенные люди встречались в любое время дня и ночи. На каждом шагу происходили драки, по неосторожности вспыхивали пожары. Иностранный наблюдатель Сесар Франсуа де Соссюр как-то заметил: «Таверны почти всегда забиты до отказа, мужчины, женщины, а порой даже дети пьют с такой охотой, что едва передвигают ноги после попоек». Так бедняки могли согреться и забыться по крайней мере на час или два.

По словам Уильяма Мейтленда, чей труд «Исто-

рия Лондона» (The History of London) увидел свет в середине XVIII века, в городе работало 8659 винных лавок, основная масса которых была сосредоточена в районе Саутпарка и Уайтчепела. Продажи алкоголя за десять лет увеличились вдвое и в 1735 году достигли 5,5 миллиона галлонов. Женщины были не только потребителями, но и продавцами. По статистике, четверть или треть всех нелицензированных продавцов алкоголя составляли именно женщины. Продажа алкоголя входила в число тех занятий, которые им разрешались, а приток девушек и молодых женщин в столицу давал огромные возможности для их эксплуатации. В памфлете 1736 года «Крепкие спиртные напитки — отрава нации» (Distilled Spirituous Liquors: The Bane of the Nation) говорилось, что в винных лавках работало множество «служанок и работающих жен», чем лишний раз подкреплялось утверждение, что джин в некотором смысле был женским напитком. Его называли «дамская услада», а принятие в 1736 году Акта о джине (Gin Act), по слухам, вызвало «слезы у вдов» и «вопли отчаявшихся матрон».

Предпринимались попытки взять продажи джина под контроль, каждая из которых, правда, имела свои последствия. Закон о джине преду-

сматривал введение пошлины на спиртные напитки в размере 20 шиллингов за галлон, при этом розничные продавцы джина были обязаны приобретать годовую лицензию за 50 фунтов. Это лишь провоцировало незаконную торговлю алкоголем, которая теперь принимала небывалые масштабы. Джин начали продавать под видом медицинских настоек или под такими выдуманными названиями, как «сангари», «шум-гам», «самодел» или «король Теодор Корсиканский». Придумывались изощренные способы продажи напитка. Так, один торговец на Блю-Энкор-элли купил вывеску в виде кошки с раскрытой пастью, повесил ее у окна, а затем прикрепил небольшую свинцовую трубку под одну из лап кошки. С другой стороны трубки была установлена воронка, через которую предприимчивый делец наливал джин. Вскоре пошел слух, что «кошка у окна наливает джин». Первый покупатель не заставил себя ждать — совсем скоро хозяин услышал довольный голос, произнесший: «Киса, налей мне джина на два пенни». Монеты бросали в раскрытую кошачью пасть, а джин наливали по трубе через прикрепленную к ней воронку. Не прошло и пары дней, как у «волшебной кошки» стали собираться толпы, а напиток стали назы-

вать «киса».

Попытки Вестминстера вмешаться в процветающее дело торговли джином спровоцировали мятежи в бедных районах города. Беспорядки были настолько ожесточенными, что некоторые усматривали в них угрозу безопасности государства. Шордич и Спайталфилдс фактически оказались в осаде. Информаторов и доносчиков, сообщавших под присягой, что какое-то заведение незаконно торговало джином, преследовали и избивали. Некоторых забивали до смерти, других топили в Темзе, прудах или канализации. На улицах властвовала разъяренная толпа. Когда женщина на Стрэнде[128] выкрикнула «Доносчик!», толпа схватила уличенного в этом мужчину «и так жестоко обошлась с ним, что тот скончался от синяков и увечий».

Обеспечить соблюдение закона 1736 года уже не представлялось возможным. В свете многочисленных жалоб со стороны общественности его серьезно переработали. Спустя семь лет был составлен новый законопроект, который получил название Акт о пьянстве (Tippling Act), а в 1747 году производители джина отстояли свое право

[128] Примечания: 128

Стрэнд — центральная улица Лондона, которая соединяет Вестминстер и Сити.

продавать продукт в розницу. Спирт — чистый или с добавлением ароматического набора[129], вновь обрел популярность. По статистике, в каждом пятом доме в Холборне продавали джин.

Результаты были предсказуемы и очевидны. В 1751 году управляющий таможней Корбин Моррис отметил падение уровня рождаемости, а также «болезненное состояние новорожденных». Он поделился своими наблюдениями о переполненных больницах, в которых росло число «пациентов, страдавших водянкой и туберкулезом вследствие злоупотребления спиртным». Напиток стойко ассоциировался с сексуальной распущенностью. Как писали в газетах, «юные создания, девушки двенадцати и тринадцати лет, пьют женеву (джин), словно рыбы воду, в результате они оказываются не годны для жизни в трезвых семьях… улица становится их уделом, столь бесстыжими они вырастают». Таков был контекст, в котором возникли гравюра Хогарта и памфлет Филдинга.

Однако в один прекрасный день вкусы англичан необъяснимым образом изменились, и

---

[129] Примечания: 129

В ячменную брагу после перегонки добавляли воду и ароматический набор, в основе которого лежали ягоды можжевельника. После повторной перегонки получался крепкий, душистый напиток — джин.

страсти по джину улеглись. Произошедшие перемены не имели ничего общего с провальными попытками ввести запрет на этот напиток. Во всем был виноват неурожай зерна, в результате чего джин заметно подорожал. Влияние методизма[130] становилось все сильнее, даже среди городской бедноты. И внезапно возникла новая мода на чай.

Одним из известных обозревателей столичной жизни был Уильям Хогарт, который, разумеется, не мог обойти вниманием очередное лондонское сумасшествие. Это было поистине его время. Он был коренным лондонцем, родился в Смитфилде, подрабатывал торговцем, начинал карьеру в качестве гравера по серебру. В первых работах он воспроизводил сцены из «Оперы нищего». Хогарт столь же неотделим от XVIII века, как Сэмюэл Джонсон или Генри Филдинг. Он служил образцом для подражания и вдохновителем нового поколения романистов. «Нужен был карандаш Хогарта, — писал Тобайас Смоллетт в «Приключениях Родрика Рэндома» (The Adventures of Roderick

[130] Примечания: 130

Методизм — протестантская конфессия, которая возникла в XVIII в., отделившись от англиканской церкви с требованием последовательного и методичного соблюдения евангельских предписаний. Методисты проповедуют религиозное смирение и кротость.

Random; 1748), — чтобы изобразить изумление и огорчение Стрэпа при этом известии»[131]. Сэмюэл Ричардсон в книге «Путеводитель ученика» (The Apprentice's Vade Mecum; 1733) высказывает пожелание, чтобы «гениальный мистер Хогарт закончил портрет». В «Истории Тома Джонса, найденыша» (The History of Tom Jones, a Foundling; 1749) Генри Филдинг прерывает повествование восклицанием «О Хогарт, если бы владел я твоей кистью!»[132].

В своем творчестве Хогарт обращается к столь многочисленным и столь разнообразным проблемам XVIII века, что вполне заслуживает звания «верховного божества» того времени. Понимая всю хаотичность и непредсказуемость жизни, он принимает ее во всем многообразии: от случайной встречи до неожиданного события, от падения здания до опрокинувшегося экипажа. Он осознает крайности и соседствующие бок о бок контрасты окружающей действительности: богатые рядом с бедными, здоровые подле больных и умирающих, порок об руку с добродетелью. Хогарт любил скромную жизнь улиц и воспевал

---

[131] Примечания: 131
Перевод А. В. Кривцовой.

[132] Примечания: 132
Перевод А. А. Франковского.

ее в своих работах. Неотъемлемыми чертами эпохи были мелодраматичность и в целом некая театральность, столь же присущие обитателям городского дна, что и актерам, исполнявшим роли в комедии Бенджамина Джонсона «Варфоломеевская ярмарка». «Поэтому будем соотносить темы для художественного изображения, — писал Хогарт, — с темами театральных постановок».

При всем при том Хогарт был ловким и дальновидным предпринимателем. В этом он не знал равных. Художник рекламировал свои гравюры в газетах и продавал их покупателям напрямую, минуя посредников или продавцов гравюр и эстампов; он повесил магазинную вывеску прямо у входа в собственный дом. Кроме того, он разработал и представил на рассмотрение парламента Акт Хогарта (Hogarth's Act), призванный защищать авторские права граверов. Художники всегда получали прибыль от торговли и манипулировали своими покровителями, однако, пожалуй, никто до Хогарта не делал этого столь откровенно и умело. Крепкий морализм, умение обнажить самые низменные страсти общества и финансовая подкованность позволяли Уильяму Хогарту уловить и точно передать дух времени во всех проявлениях своей талантливой натуры.

15
Колода карт

Политическая карьера Уильяма Питта развивалась в условиях войны. С самого начала он презирал политику Роберта Уолпола, который стремился к миру любой ценой. Выступив против Уолпола, Питт одержал победу. Казалось, его время пришло. Его уже приветствовали как военного лидера эпохи, «Великого Общинника», ставшего великим воином. Спустя восемь лет после заключения Ахенского мира между Великобританией, Францией и другими государствами — участниками Войны за австрийское наследство, в отдаленных заморских колониях наметились первые признаки предстоящего кровопролития. Как всегда, противниками оказались Великобритания и Франция. В Северной Америке Франция проводила политику экспансии и агрессии; считалось, что ее цель состояла в установлении «мирового торгового господства». Обосновавшись вдоль реки Сент-Лоуренс к северу и на реке Миссисипи к югу, французы построили полосу оборонительных укреплений и таким

образом получили возможность контролировать все территории к западу от колоний Новой Англии. Если бы британцы лишились возможности расширять свои границы за пределы этой узкой полосы вдоль побережья Атлантического океана, они бы потеряли возможность заниматься прибыльной торговлей мехами. Ситуация усугублялась тем, что Франция состояла в союзе с североамериканскими индейцами из Союза шести племен. В апреле 1754 года французские войска из Канады заняли один из фортов, который потом получил название Питтсбург. В ответ на это Великобритания организовала ряд наступательных операций, которые, впрочем, не дали существенного результата. На тот момент арена боевых действий еще не играла особой роли.

Америка в те времена оставалась еще далекой землей, о которой британцы знали крайне мало. Отрывки новостей из «колоний» появлялись в периодических изданиях под заголовками «Дела Америки» или «Британские плантации», однако искренних родственных чувств или симпатий между двумя мирами не существовало. Америку считали страной фермеров, девственную природу которой разбавляли небольшие фермы и деревни. Впрочем, это было далеко от истины:

к тому времени уже были основаны Гарвардский и Йельский университеты, причем Гарвард — более века назад. Между тем английские торговцы куда лучше представляли истинное положение вещей; они торговали рыбой и лесом, а также пшеницей и другими зерновыми, обильные урожаи которых лились рекой из «хлебных колоний». Кроме того, из Виргинии и Мэриленда везли табак. В конце концов именно эти товары стали главным поводом к войне.

Конфликт между Францией и Англией, усугубившийся из-за событий в Америке, стал приобретать угрожающие масштабы и подступать к границам обеих стран. В марте 1756 года угроза вторжения заставила власти Великобритании направить наемников-ганноверцев охранять морские границы государства. Привлечение немецких войск было беспрецедентным явлением и вызвало бурю негодования со стороны англичан, выступавших против присутствия в стране ганноверцев и гессенцев. Впрочем, повода к испытанию немецких сил на прочность так и не возникло; вполне возможно, что французы не планировали вторжение, совершив лишь ложный выпад в преддверии грядущих столкновений. С уверенностью можно сказать лишь

одно: 18 мая 1756 года была объявлена всеобщая война, которая, по мнению многих, стала продолжением Войны за австрийское наследство. Война была неизменной спутницей политики и торговли.

Сложившаяся система военно-политических союзов оказалась нарушена. Внешнеполитическая переориентация ряда европейских держав началась, когда Англия и Пруссия объединились против Австрии и власти Бурбонов во Франции и Испании. Разгоревшийся конфликт называли по-разному в зависимости от местоположения театра военных действий: в Северной Америке велась Франко-индейская война, в Индии — 3-я Карнатикская война. На Европейском континенте это противостояние получило название Померанская война или 3-я Силезская война. Со временем в Англии устоялось более четкое название — Семилетняя война. Вполне возможно, что никому из участников не приходило в голову, что конфликт продлится так долго.

Еще до объявления войны стало достоверно известно, что французский флот у берегов Тулона готовился к боевым действиям в Средиземноморье. Долгое время французы угрожали острову Менорка, который в 1708 году перешел под бри-

танский флаг, поэтому туда в оборонительных целях с Гибралтара британцы направили флот из десяти судов под командованием адмирала Бинга[133]. Битва была вялой и неубедительной, Бинг проявлял излишнюю осторожность, а состояние его судов было плачевным. Когда стало понятно, что англичане сделали все, что могли, Бинг вернулся на Гибралтар, оставив британский гарнизон, расквартированный на Менорке, без всякой поддержки. Гарнизон сдался в июне 1756 года, спустя лишь месяц после объявления войны. Такое начало никак нельзя назвать удачным.

Адмиралтейство охотно переложило вину за неудачу на незадачливого офицера, и адмирал Бинг предстал перед трибуналом, а в 1757 году был расстрелян прямо на борту линейного корабля Королевского военно-морского флота «Монарх» (Monarch). Вольтер так прокомментировал этот эпизод: «Отличная идея время от времени убивать адмирала просто в назидание другим». Однако подобное жертвоприношение вряд ли могло успокоить английское общество,

[133] Примечания: 133

Бинг Джон (1704–1757) — британский адмирал, который был расстрелян по приговору военного суда, поскольку в сражении при Менорке не предпринял попытки освободить британский гарнизон и отказался от преследования французского флота.

считавшее свою страну признанной властительницей морей. В народе зрело недоверие и гнев в отношении герцога Ньюкасла — все еще первого министра, который уже явно не мог справиться со сложившейся ситуацией в одиночку. Не исключено, что разъяренная толпа сжигала изображения Бинга, однако осмеянию подвергались и другие представители высших эшелонов власти. В сатирической песенке тех дней пелось: «На плаху Ньюкасла, на рею Бинга». Осенью 1756 года Томас Пелэм-Холлс, герцог Ньюкасл, подал в отставку. Все внимание теперь было приковано к Уильяму Питту, которого, к недовольству и даже раздражению короля, считали наиболее вероятным претендентом на пост премьера. Это был тот самый Питт, который высмеивал стремления во что бы то ни стало защищать от посягательств французов ганноверские владения правящего монарха[134]. Однако Питт был уверен в своих силах. Он как-то сказал герцогу Девонширскому: «Я уверен, что никто кроме меня не сможет спасти страну». Отличительная черта той эпохи состояла

[134] Примечания: 134

Уильям Питт Старший выступал против инициативы государственного секретаря Джона Картерета, который ратовал за сохранение ганноверских земель во власти Георгов. За такое противодействие монархии Питт был подвергнут остракизму и не мог рассчитывать на государственные посты.

в том, что одна историческая личность покидала сцену через кулисы, в то время как новый герой уже появлялся у главного входа. Правда, на деле все было не так просто.

Следовало перетасовать все карты. Игроки толпились у стола и встречались по углам. Ремарки из писем политических деятелей того времени довершают картину. «Внутри механизма крутится столько шестеренок, что все они невидимы невооруженным глазом… патриот в понедельник становится придворным во вторник, а придворный в среду становится патриотом в четверг… если по ходу дела он ведет себя хорошо… оппозиция словно школьники — не знают, как вновь засесть за книги после каникул… хорошую игру сливает не один человек… Питт, не жалея лап, таскает каштаны из огня[135]… вы же знаете, что в Англии не существует такого человека, как первый министр, поэтому и вам не следует им притворяться… для него это лишь слова и развлечение… патриотов у нас нет, кругом лишь предвыборные спекуляции».

Повсюду царили обман, ультиматумы, угрозы, сговоры, заговоры, уловки и интриги. *X* хотел

---

[135] Примечания: 135
Аллюзия на басню Жана де Лафонтена «Мартышка и кот».

стать канцлером Казначейства, однако *Y* налагал вето на предложение о назначении *X*, поскольку тогда *Y* мог стать министром, войти в палату общин, а еще получить прибыльный пост казначея. *A* хотел, чтобы *B* продолжал исполнять обязанности лорда-лейтенанта Ирландии, а в случае чрезвычайной ситуации уступил бы этот пост *A*. Политического обозревателя не удивить тем, что во все времена многие политики ставили собственные интересы выше интересов государства.

Впрочем, у Питта на руках были свои козыри: поддержка общества и доверие палаты общин. Таким образом, вопреки оппозиции короля он занял весьма влиятельный пост, став государственным секретарем Южного департамента[136], и позволил герцогу Девонширскому номинально стать первым лордом Казначейства. Тот принял пост в эти смутные времена, хотя Питт не скрывал своего недовольства в связи с «удобной» расправой над адмиралом Бингом. Когда

[136] Примечания: 136

Государственный секретарь Южного департамента — до 1782 г. должность в кабинете министров правительства Великобритании. Обладал более широкими полномочиями по сравнению с государственным секретарем Северного департамента, отвечал за Южную Англию, Уэльс, Ирландию, американские колонии (с 1768 г. они перешли в ведение министра колоний).

младший сын короля герцог Камберлендский отказался принять командование в Германии, новоиспеченный премьер-министр едва ли мог успеть разработать собственный военный курс, за что вскоре поплатился. Георг II не мог упустить такой возможности, и уже в начале апреля 1757 года Питта сместили с должности.

Все было запутанно и непонятно. В течение трех месяцев череда министров сменяла друг друга в попытках выстроить военный курс против Франции, однако никто из них не обладал такой самоуверенностью, как Питт. В мае французская армия вторглась в курфюршество Ганновер, которое входило в курфюршество Георга II, и в сражении при Хастенбеке в июле союзники потерпели поражение. Герцог Камберлендский, командующий побежденной стороны, был вынужден принять условия мирного договора, по которому власть над Ганновером передавалась Франции. Король был вне себя от гнева и переложил всю вину на своего неумелого сына. Вернувшегося герцога он встретил холодным молчанием. «Вот мой сын, — сказал он, обращаясь к придворным, — который уничтожил меня и опозорил себя». Поскольку Камберленд после поражения больше никогда не занимал военные

посты, его неприязнь к Питту уже не имела никакого значения. Даже король, видимо, осознал, что противостоять столь разнообразным врагам можно было, лишь обладая твердостью и силой.

В конце июня возникли опасения, что колеса государственного аппарата могут остановиться, и Питту ничего не оставалось, как согласиться на коалицию с главным ветераном страны — герцогом Ньюкаслом. Питт должен был заниматься военными делами, а Ньюкасл — решать внутриполитические задачи, включая повышение государственных доходов, которых требовал Питт. Союз Питта и Ньюкасла нельзя назвать гармоничным: на деле они презирали друг друга. Их объединяла лишь жажда власти и стремление быть министрами. «Будьте так добры, меньше слов, милорд, — говорил Питт, обращаясь к говорливому Ньюкаслу, — ибо слова ваши уже давно утратили для меня всякий вес». Сомнительная коалиция на деле оказалась одной из самых успешных в истории Великобритании.

Обстоятельства возвращения Питта с трудом можно было назвать благоприятными. Граф Честерфилд писал в то время: «Не важно, кто покинул пост, а кто его занял; я уверен, что мы на краю гибели, дела плохи как внутри страны,

так и за ее пределами; здесь нас губит растущий государственный долг и расходы; за границей — неудачи и наша несостоятельность… Мы как сплоченная нация более не существуем. Никогда еще наши перспективы не были столь мрачными». Осенью 1757 года Джон Уилкс, вскоре ставший виднейшим пропагандистом своего времени, писал: «В стране царит всеобщее недовольство, сильнее которого мне еще не доводилось видеть, и любой, с кем я разговариваю, независимо от его партийной принадлежности, кажется, испытывает неподдельный ужас перед надвигающейся бедой».

Питту предстояло отстаивать честь Великобритании в условиях, которые по меркам того времени можно было назвать мировой войной. От Квебека до Гваделупы, от Сенегала до Восточной Фризии, от Праги до Луизианы две противоборствующих стороны и их союзники сражались за морское и торговое господство. Питт был словно рожден для этой войны. Его комплексная стратегия состояла в том, чтобы открыть максимальное количество «фронтов» против Франции, связать ее по рукам и ногам и по возможности поддержать всех ее противников на поле боя. Для этого Питту требовались суда,

люди и деньги. Средства обеспечил Ньюкасл, введя дополнительные налоги. В палате общин Питт заявил, что ему требуются средства, «чтобы полностью уничтожить торговое господство Франции на море и защитить торговые интересы Великобритании». Другими словами, он стремился обеспечить суверенитет в открытом море. Для этого пришлось вести войну на четыре фронта за пределами континентальной Европы: Питт воевал против Франции в Америке, на островах Карибского моря, на африканском побережье и в Индии.

В эссе, опубликованном в Edinburgh Review в 1834 году, Томас Маколей писал, что Питт допустил ряд серьезных промахов на посту военного министра: «Возможно, в силу собственного невежества мы не можем разглядеть в его действиях глубины мысли или продуманности действий». Возможно, Питту просто везло. Разумеется, в одиночку он не смог бы добиться столь впечатляющих боевых успехов; большая часть славы причитается офицерам Адмиралтейства. Однако с уверенностью можно сказать, что именно Питт держал в своих крепких руках все элементы военной стратегии. Его кураж и энергичность соседствовали с высокомерием и сарказмом в

отношении коллег. Он слабо верил в их способности и редко доверял им важные поручения. Он был эгоистом среди гордецов и деспотом среди слабаков. Тем не менее у него было собственное видение будущего страны и миссии государства: он мечтал раздвинуть узкие рамки Европы и превратить Великобританию в мировую торговую империю, что гарантировало бы его стране торговое и морское господство.

16
Что же мне делать?

Майским вечером 1738 года Джон Уэсли[137] шагал по Олдерсгейт-стрит, направляясь на встречу религиозного общества «Церковь Англии» (Church of England). Стены Лондона в те времена пестрели надписями вроде «Христос — Бог» и «Смерть евреям», а над Уэсли за Олдерсгейт-стрит высился купол недавно возведенного собора Святого Павла. Уэсли обладал всеми необходимыми качествами, чтобы стать основоположником традиционного религиозного общества: он преподавал в Линкольн-колледже в Оксфорде, где вместе с братом Чарльзом Уэсли основал небольшой клуб единоверцев под названием «Святой клуб» (Holy Club). Поздней осенью 1735 года он пересек океан и прибыл в колонию Джорджия — недавно возникшее поселение йоменов, от-

[137] Примечания: 137

Уэсли Джон (1703–1791) — английский протестантский проповедник, который вместе с Джорджем Уайтфилдом основал религиозное движение методизм. Он вошел в историю как вдохновитель ривайвелизма — преобразования жизни; его деятельность была направлена на поднятие духовного и нравственного уровня церкви, а не на перестройку богословского учения.

казавшихся от рабовладения. После неудачного миссионерского служения и начавшегося против него судебного разбирательства он в конце 1737 г. вернулся на родину.

У Джона Уэсли был собрат по духу. Джордж Уайтфилд[138] примкнул к «Святому клубу» братьев Уэсли и вскоре прославился благодаря своему актерскому гению: его скорбные речи доводили собравшихся до беспамятства, а Дэвид Гаррик[139] как-то признался своему другу, что не пожалел бы и 1000 фунтов, чтобы научиться восклицать «О!..», как это делает Уайтфилд. Между тем Уэсли потерял душевный покой, чувствуя себя подавленным и разбитым. Теперь в Джорджию отправился Уайтфилд.

Покинув богослужение моравских братьев[140]

---

[138] Примечания: 138

Уайтфилд Джордж (1714–1770) — английский проповедник, один из основателей и лидеров протестантской церкви методистов. В отличие от Уэсли придерживался учения кальвинизма о предопределении.

[139] Примечания: 139

Гаррик Дэвид (1717–1779) — английский актер, драматург, директор театра на Друри-Лейн.

[140] Примечания: 140

Моравская церковь — деноминация, образованная последователями гуситского движения. Официальное историческое название церкви — Unitas Fratrum (Братское единение), однако в результате обширной миссионерской деятельности стала более известна под именем Моравской церкви, или моравские или чешские братья.

на Олдерсгейт-стрит, Уэсли чувствовал себя духовно преобразившимся. Во время этой встречи читали предисловие Мартина Лютера к Посланию к римлянам, на часах было «приблизительно без четверти девять». Читающий дошел до отрывка, описывающего «перемены, которые Господь творит в сердце через веру в Иисуса Христа». По словам Уэсли, в этот момент он «почувствовал необычайное тепло в сердце». Это стало первым этапом на пути «пробуждения», когда, по словам Уэсли, «Господь начал свое великое дело в Англии» — так зародилось движение методистов.

Слова Лютера утвердили Уэсли в мысли, что все мы «не под законом, но под благодатью»[141]. Благодать эта была великим даром и благословением, о которых он неустанно твердил во время проповедей, обращаясь к пастве, которая никогда прежде не ощущала прикосновения Святого Духа. По возвращении из Джорджии в 1739 году Джордж Уайтфилд молился под открытым небом, что уже само по себе было неслыханной редкостью, перед шахтерами в Кингсвуде, в пригороде Бристоля. Его слова подобно мечу взрезали окаменелое нечувствие толпы, вызывая благочестивый

[141] Примечания: 141

Послание апостола Павла к римлянам (Рим. 6:14) цит. по Синодальному переводу.

трепет и небывалый эмоциональный подъем. «Бедные, заблудшие, падшие грешники, придите ко Христу такими, какие вы есть». Это был призыв к покаянию, положивший начало методизму. Со всех окрестностей стекались люди, чтобы услышать голос, который они считали Божьим гласом. В марте 1739 года Уайтфилд писал Уэсли: «...ты должен приехать сюда, чтобы оросить те семена, что Господь позволил мне посеять». Спустя четыре месяца он писал в дневнике, что «в поведении шахтеров заметны существенные перемены. Они более не изрыгают проклятий, из их уст не слышно ругани, вместо этого они поют гимны в лесах...».

Это был беспрецедентный случай в истории англиканства. «Молитвы в полях» в прошлые века были уделом маргинального меньшинства; доминиканцы[142] имели обыкновение проповедовать на рыночных площадях, а теперь целые общины, ранее не посещавшие церковь, охотно собирались в горах и на открытых пространствах для чтения молитв.

Уайтфилд говорил, что «проповедник, всякий раз поднимаясь на кафедру, должен молиться,

[142] Примечания: 142

Доминиканский орден — католический монашеский орден братьев-проповедников, основанный испанским монахом Домиником.

словно в последний раз, словно это последняя возможность быть услышанным паствой». Он кричал, топал по деревянному настилу кафедры и плакал: «О братья мои, грядет гнев Божий! Грядет гнев Божий!» Сам Уэсли, вспоминая об одном из методистских приходов, писал: «Люди словно полузадушены, они жаждали вдохнуть истинной жизни»; «многие беззвучно плакали; другие словно замертво падали ниц; некоторые устраивали страшный шум и демонстрировали невероятное возбуждение. Один мужчина вновь и вновь кидался на стену, восклицая: «Что же мне делать? Что мне сделать? О, за одну каплю крови Христа!» Говорили, что методистам-проповедникам «платили за стенания прихода».

В предыдущие века официальная церковь, не гнушаясь хитростью и вероломством, обрушила бы весь свой гнев против методистов; лютеране XVI века, квакеры и анабаптисты XVII века в полной мере испытали на себе безжалостность и жар костров традиционной религиозной доктрины. Однако с тех пор церковь растеряла былую силу. Англиканство, если так можно выразиться, дремало. Большинство представителей официальной церкви проявляли терпимость или вовсе равнодушие; они ходили на службу по

воскресеньям, исполняя общественный долг, и не более того.

Акт о веротерпимости 1689 года принес ровно те плоды, что пророчили противники закона: религиозный пыл утих, а местами и вовсе исчез. В «Письмах об английской нации» Вольтер писал: «Если бы в Англии была только одна религия, следовало бы опасаться ее деспотизма; если бы их было две, представители каждой перерезали бы друг другу горло; но их там тридцать, а потому они живут в благодатном мире»[143]. Многочисленные религиозные секты и группы собирались для участия в общественных дебатах, в ходе которых с должной учтивостью обсуждались вопросы благодати и спасения. Разумеется, эти встречи нельзя назвать дурной или пустой болтовней, однако их участники вряд ли могли противостоять ярому благочестию методистов и других евангельских христиан. Особый упор теперь делался на «чистой» и «рациональной» вере, дружелюбной и недогматической. Шотландский философ Дэвид Юм называл ее «самым холодным равнодушием».

Старое диссентерство переживало не лучшие

[143] Примечания: 143

Цит. по: *Вольтер*. Философские сочинения / пер. с фр. С. Я. Шейнман-Топштейн. М.: Наука, 1988.

времена. В некотором роде оно становилось традиционным — уже не таило ничего нового и неожиданного и не оскорбляло ничьих чувств. Даже сверхрадикальное религиозное движение, становясь официальным, обрастает правилами и законами, обычаями и нормами, которые заземляют самые возвышенные помыслы. Адептами старого диссентерства были ремесленники и известные купцы — они стали такой же неотъемлемой частью английского общества, как сквайры и приходские священники. Один из членов общины по имени Филип Додридж объяснял, что его единоверцы не принимают в свои ряды «простых малообразованных людей с дурным вкусом». Что касается католической церкви, то в ее отношении сохранялась все та же льстивая терпимость. Даниель Дефо в путевых очерках «Путешествие по всему острову Великобритания» писал о Дареме: «Это старый город, там немало католиков, которые живут мирно, никого не беспокоят, и никто не беспокоит их; оказавшись там во время праздника, мы видели, как они гурьбой идут на мессу точно так же, как диссентеры в праздники идут на службу в дома собраний». Однако волна народного недовольства и недоверия к католикам вновь поднялась в Лондоне в

1780-х годах.

В 1740 году пути Уэсли и Уайтфилда разошлись. Уайтфилд избрал непроторенную тропу и принял доктрину кальвинистов о предопределении, в основе которой лежала исключительная идея «избранничества» человека Богом; Уэсли же остался верен «Церкви Англии» и догмату о том, что искупление греха возможно для всех, кто ищет душеспасения во Христе. Уэсли был человеком незаурядных административных и организаторских способностей, и иногда его называли «папа Джон». За время своего пасторства он основал 356 методистских церквей и распределил верующих по «классам» и «группам», устраивая для них ежегодные собрания, где лично поддерживал, порицал, поощрял и журил своих последователей.

Уэсли обладал неиссякаемым источником оптимизма и отличался неуемной энергией. «Я не помню, — писал он, будучи уже пожилым человеком, — душевного упадка, который хоть раз, с самого моего рождения, продолжался бы более четверти часа». Энтузиазм сопровождал его на протяжении всех 87 лет жизни. Он вставал задолго до рассвета и проводил первую проповедь в 5 утра. В свои 85 он прочитал 80 проповедей за восемь недель, а в последний год жизни ездил

верхом по 70 миль (113 км) в день. Таков результат преданного служения. Более ортодоксальные представители англиканской церкви (сам Уэсли неустанно утверждал, что был твердым и преданным последователем англиканской церкви) боялись его внутреннего огня. В начале своей проповеднической деятельности он писал в дневнике: «В большой компании на меня агрессивно нападали, называя фанатиком, искусителем и насадителем новых доктрин». Тем не менее он всегда оставался спокойным и дисциплинированным, усмиряя гнев мягкими словами.

Один из критиков Уэсли причислял к его последователям исключительно лудильщиков, цирюльников, сапожников и трубочистов; однако в действительности паства Уэсли была куда шире и включала большую группу ремесленников, а также рабочих, которые зачастую ассоциировались с торговлей и промышленным производством; это были представители профессий, которые стали востребованными совсем недавно, среди них — шахтеры, каменотесы и ткачи. Связь между концепцией духовного пробуждения методизма и началом индустриализации на первый взгляд не так очевидна. Тем не менее методизм, вероятно, предлагал своим адептам сплоченную

социальную общину, основанную на принципах спаянности, в то время как другие социальные связи ослабевали. Интересно отметить, что примерно половину общины методистов составляли женщины, которых традиционная англиканская церковь, по-видимому, исключала из преимущественно мужского сообщества.

Методистское движение распространялось в промышленных районах северо-востока, на севере внутренней части страны и в Гончарнях[144]; членами общины охотно становились жители угледобывающих районов и рыбацких поселков, которые, как правило, стремились держаться подальше от официальных властей. По этой причине Корнуолл и Уэльс были центрами методистской доктрины. Методизм в гораздо большей степени, чем англиканство, проповедовал идею сохранения национальной самобытности. Уэсли, к примеру, поддерживал валлийских проповедников, желавших говорить со своей паствой на валлийском. Методисты отстаивали доктрину о

[144] Примечания: 144

Гончарни — название района на севере графства Стаффордшир, где находятся известные фаянсовые и фарфоровые заводы.

Восхищении Церкви[145], которая импонировала кельтам и другим угнетенным народам. Города в целом были более восприимчивы, чем деревни. Нет ничего удивительного в том, что Уэсли, причислявший себя к тори и преданным последователям англиканской церкви, собрал весьма разношерстную паству, которую в основном составляли радикальные противники официальной власти. Идея личного спасения и духовного возрождения, выходившая за рамки догм официальной церкви, имела куда большее значение, чем фигура того, кто нес данную мысль в мир. В результате некоторых методистов обвиняли в эгалитаризме, демократичности и даже атеизме.

Методизм был источником и средством распространения евангелического фанатизма, что оказало существенное влияние на английскую духовность в 1780-х годах. Нередким явлением на собраниях методистов были приступы плача, истерического смеха, вопли, крики и исповеди. В сущности, это напоминало фанатизм предыдущего столетия, который, правда, искоренили во времена Реставрации. Начало XVIII века отнюдь

[145] Примечания: 145

Восхищение Церкви (термин взят из Синодального перевода Библии) — вознесение Церкви для встречи с Иисусом Христом перед Его вторым пришествием.

нельзя назвать временем избранников Божиих, однако во главе с Уэсли те самые избранники сотнями и тысячами возвращались к Богу. Под влиянием фанатичных ремесленников и городских рабочих старое диссентерство частично уступило дорогу новому. Середина XVIII века стала эпохой религиозных сект, члены которых для молитв отправлялись на все более отдаленные берега. На улицах Лондона середины XVIII века встречались моравские братья, магглетониане, сандеманиане, хатчинсониане, трасситы, салмонисты, сведенборгиане и беменисты[146]. Для молодого Уильяма Блейка это был поистине «золотой город».

Евангелистское возрождение началось, по всей видимости, одновременно с появлением

---

[146] Примечания: 146

Магглетониане — английская секта, основанная Магглетоном. Сандеманиане — английская секта, названная в честь распространителя веры Роберта Сандемана; первоначально шотландская секта гласитов (по имени основателя Джона Гласа). Хатчинсониане — религиозное ответвление, угрожавшее пуританскому религиозному эксперименту в Новой Англии; получило название от имени основательницы — Энн Хатчинсон. Трасситы — секта пуритан-субботствующих. Салмонисты — ответвление протестантского вероисповедания. Сведенборгиане — последователи учения шведского духовидца и теософа Эммануила Сведенборга, основавшие в 1787 г. в Лондоне церковь «Нового Иерусалима», которая получила широкое распространение не только в Великобритании, но и в Америке. Беменисты — протестантская секта, получившая название по имени основателя Якоба Беме.

методизма. Это нельзя назвать неожиданностью, поскольку оба движения имели общие истоки. По мере того как методисты набирали обороты, росла и важность нового англиканства и диссентерства, декларирующих то же желание личного духовного возрождения. Однако евангелисты, как их стали называть, отвергали собрания на открытом воздухе и необузданные проявления фанатизма. Некоторые наиболее известные представители евангелизма, такие как политик и филантроп Уильям Уилберфорс и писательница Ханна Мор, медленно, но верно работали над социальной реформой и внедрением христианской морали. Они боролись против пагубных общественных явлений XVIII века, как то: азартные игры, пьянство и жестокость по отношению к животным, которые они считали безнравственными. Они были строгими субботствующими. Будучи представителями высшего сословия, они могли позволить себе материальные блага и попечительство и, в отличие от методистов, воспринимались как более солидные и высокопоставленные члены общества. Одним из главных достижений Ханны Мор можно считать выход в свет в 1795 году небольшой книжки под названием «Истории для простых людей» (Tales for the

Common People).

Миссионерская деятельность евангелистов в основном заключалась в создании общин и небольших групп единомышленников, таких как, например, секта Клэпхэма, или секта Святых Клэпхэма (Clapham Saints), которая начала собираться в 1790 году. Получили распространение общества по «реформации нравов», в том числе Общество всеобъемлющей Божьей воли, Общество претворения в жизнь прокламации ее величества против греха и безнравственности, Общество распространения Закона Божьего среди молодежи, Общество борьбы с грехом. Впоследствии появилось Общество пропаганды Библии за рубежом, Общество проповедования христианского знания, Лондонское миссионерское общество, Церковное миссионерское общество, Общество религиозной литературы и Британское и зарубежное библейское общество.

Одним из основных результатов евангелистского возрождения был постепенный рост числа воскресных школ в последние годы XVIII века. Общество воскресных школ основано в 1785 году, и за полвека открылось около 17 000 школ для бедных детей, которые теперь могли освоить основы письма и чтения. Однако главной целью

этих учреждений было насаждение религиозных основ морали и нравственности и особенно обучение детей правилам дисциплины и послушания. Многие из учеников этих школ вскоре пополнили ряды детей-рабочих, сыгравших немалую роль в промышленной революции.

17
Победа или смерть

До исполнения мечты Уильяма Питта о мировом господстве, казалось, было рукой подать. Ход Семилетней войны резко изменился после побед короля Пруссии Фридриха II, союзника Англии, который вскоре заработал репутацию протестантского героя Европы. В ноябре 1757 года в битве при Росбахе в Саксонии он одержал победу над союзными войсками Франции и Австрии. Через месяц в сражении при Лейтене в Баварии Фридрих разбил еще более многочисленную австрийскую армию и захватил Силезию. Словно окрыленный этими победами, командующий объединенной армией союзников Пруссии принц Брауншвейгский Фердинанд прогнал французов из Ганновера и оттеснил их на противоположный берег Рейна. Честерфилд, который в прошлом весьма уныло отзывался об этой кампании, признал, что «обстоятельства удивительным образом переменились в лучшую сторону».

Теперь, когда противник отступал, ничто не мешало Питту придерживаться континентальной

стратегии, однако он строил куда более крупные планы. Весной 1758 года объединенные силы захватили французский форт Сен-Луи в Сенегале; основной товар тех мест — рабы — перешел под контроль британской короны. В конце года английская армия захватила Горе — остров у побережья Дакара, на котором спустя тридцать лет появится печально известный Дом рабов[147]. Из факторий на бурлящем и охваченном лихорадкой побережье Западной Африки, охраняемых силами местных вождей, на Карибское побережье или в Англию поставляли рабов и слоновую кость, каучук и золотую пыль.

В том же году стало известно, что Роберт Клайв[148] вышел победителем из битвы при Плесси и захватил Бенгалию с населением 30 миллионов человек в рамках кампании, которую сам Клайв назвал мешаниной из «сражений,

---

[147] Примечания: 147

Дом рабов — рынок, на который прибрежные племена Африки поставляли рабов для европейских колонизаторов в обмен на оружие и различные товары. Рабов выводили через так называемую дверь невозврата, наполняли рабами небольшие лодки и доставляли на большие суда, находившиеся неподалеку.

[148] Примечания: 148

Клайв Роберт (1725–1774) — британский генерал, утвердивший господство Британской Ост-Индской компании в Южной Индии и в Бенгалии, положил начало британской экспансии, что привело к созданию Британской Индии. В 1762 г. за победу при Плесси получил звание пэра и титул барона.

обманных маневров, надувательства, интриг, политики и бог знает чего еще». Победа позволила Великобритании начать колониальную экспансию в Южной Азии и значительно расширить свою имперскую мощь. Однако эти успехи не всем были по душе. Вторжение в столь экзотические и неизведанные земли вызывало в обществе чувство некоторого беспокойства. Казалось, незыблемые основы, на которые можно было опереться, рухнули. Страхи и сомнения рассеялись лишь в XIX веке.

В течение трех лет французам пришлось покинуть Индию. В отсутствие мощного флота они были обречены на поражение. Британская Ост-Индская компания вскоре овладела всеми уловками восточной политики, создала собственную полицию и сформировала армию из местных жителей[149]. Она была словно беспощадный тигр в джунглях, жаждущий крови и наживы. Индия превратилась в арену, на которой активно велась торговля — та же война, лишь под другим названием. И действительно, в поэзии того времени

[149] Примечания: 149

См.: *Фурсов К. А.* Держава-купец: отношения английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 364 с. — *Прим. науч. ред.*

аллюзии на Африку и Индию стали весьма расхожими, пополнив творческие арсеналы многих авторов. И тем не менее об империи говорить было еще рано.

Вест-Индия оказалась прибыльным владением, пусть даже пришлось делить эти земли с французами, испанцами и голландцами. Зимой 1759 года Британия снарядила экспедицию, которая захватила Гваделупу — родину хлопка, сахара и патоки (мелассы). Для Питта сахарный остров был куда более ценным трофеем, чем Канада, — настолько ценились именно торговые, а не территориальные связи. Каждый год с острова отправляли 10 000 тонн сахара в обмен на 5000 рабов. Это считалось честной сделкой. За сто лет, начиная с 1680 года, из своих домов в рабочие лагеря Вест-Индии было насильственно переселено около двух миллионов рабов.

Рабы жили и работали в страшных условиях. Еще один сахарный остров в Индии — Ямайка — описан в книге Эдварда Уорда «Хроники пяти путешествий» (Five Travel Scripts): «…остров полон болезней, словно госпиталь, опасен, словно чума, раскален, словно ад, ужасен, словно дьявол». В таких условиях у рабов не появлялось потомство, поэтому приходилось завозить все

новые и новые партии живого товара. Это малая толика тех мучений, которые приходилось переносить невольникам. Многие заморские колонии Англии фактически были штрафными колониями.

Рабы служили тягловой силой. Их словно распяли на кресте, а гвоздями, пронзающими их конечности, стали три точки трансатлантического маршрута «треугольной торговли»: невольников покупали на западном побережье Африки на средства, вырученные от продажи тканей или алкоголя, а затем переправляли через океан, где продавали плантаторам; купцы-мореходы возвращались обратно с полными трюмами сахара, рома и табака. Проще простого. Порой некоторые проволочки местного характера расстраивали этот отлаженный процесс. Рабов держали на внутренних палубах в страшной тесноте, при этом женщины и дети оказывались вперемежку с мужчинами. Если кораблю грозило пойти ко дну, с рабов снимали оковы и бросали за борт; нередко можно было услышать, как, упав в воду, некоторые из них кричали: «Свобода! Свобода!» Из-за высокой скученности на судне быстро распространялись болезни, вызывающие жуткое зловоние и смрад. На участке из Африки в

Вест-Индию под названием «средний путь» суда воистину превращались в корабли смерти.

Тем не менее по всей Англии радостно звонили в колокола. Пока зловонные и полуживые рабы ступали на ямайскую или барбадосскую землю, в Англии радостно встречали новый, 1759 год, провозглашенный *annus mirabilis*[150]. Захват Гваделупы был лишь предвестником будущих заморских побед, которые обеспечат Англии мировое господство. Хорас Уолпол заметил однажды, что церковные колокола поизносились от непрерывного звона в честь побед, и написал Питту, чтобы «поздравить с тем славным величием», которое тот «подарил этой стране»: «Сэр, не сочтите мои слова за лесть: вы не можете дать мне ничего, что я бы принял от вас; тем более нет ничего, чему я мог бы позавидовать, за исключением, пожалуй, того, что вы едва ли стали бы мне предлагать, — вашу славу». Стремление прославить свою страну всегда считалось главной добродетелью во Франции; *gloire* (*фр.*, «слава») и *le jour de gloire* (*фр.*, «день славы») позже обрели

[150] Примечания: 150

Год чудес (*лат.*) — выражение, используемое для обозначения нескольких лет в истории, в течение которых происходили знаковые, особо примечательные события.

бессмертие во второй строчке «Марсельезы»[151]. Однако в 1759 году французы утратили пресловутое славное величие.

После захвата Гваделупы Доминика заключила с победителями договор о нейтралитете. Следующей на очереди была Канада, или Новая Франция, как ее тогда называли. В июне 1759 года генерал Амхерст захватил форт Ниагара, а через месяц крепость Краун-Пойнт. Осенью пал Квебек, когда генерал-майор Джеймс Вольф, словно вор в ночи, взял Высоты Авраама. Столица французской колонии располагалась на крутой скале у слияния рек Святого Лаврентия и Сен-Шарль. Прежние попытки взять неприступную твердыню штурмом оказались безрезультатными. В депешах Вольф писал: «Нам приходится противостоять чуть ли не всем силам Канады вместе взятым».

Победа или смерть. Вольф планировал высадить армию на берегу реки Сен-Шарль, одолеть крутые высоты, а затем напасть на Квебек со слабо защищенного тыла. Оправившись от неожиданности, которой для французов стал успешный маневр англичан, французская армия ринулись в атаку, однако была отброшена. Командующий

[151] Примечания: 151

Фр. *Allons enfants de la Patrie / Le jour de gloire est arrivé* — Сыны Отечества, вставайте! / [Великой] славы день настал…

французскими силами генерал Луи-Жозеф де Монкальм был убит. Вольф был ранен в голову, а затем в грудь и живот. Однако он умирал победителем. Деморализованная французская армия покинула основную часть Канады и отступила в Монреаль; через год сдался и гарнизон в Монреале, а Канада пополнила список заокеанских территориальных владений Англии.

Невозможно просчитать последствия человеческих поступков. Избавившись от угрозы со стороны французов, британские поселенцы за океаном начали негодовать из-за присутствия там английских солдат. Кому нужна была защита красномундирников, когда враг ушел? Так незначительные события могут иметь значительные последствия. Кампания, которую Вольтер в шутку назвал стычкой «из-за нескольких акров снега», вскоре положила начало формированию Соединенных Штатов Америки.

События, разворачивавшиеся в Европе, сулили англичанам не меньший успех. Угроза французского вторжения была устранена. Сообщения о войсках, готовящихся к вторжению, вкупе с плоскодонными судами, ожидавшими указаний по пришвартовке, заставили Питта сформировать добровольческие отряды для охраны берегов. В

ноябре 1759 года французский флот был захвачен и уничтожен в бухте Киберон, у побережья Южной Бретани. Франция больше не представляла угрозы.

Казалось, этим дело и кончилось. Англия стала владычицей морей и впервые распространила свое влияние на столь обширные территории. Однако внутри страны нарастала экономическая напряженность, причиной которой были многочисленные налоги, вводимые для поддержания военной кампании. Впрочем, если в воздухе и витала усталость от войны, первый министр этого явно не чувствовал. Питту сопутствовал успех в Канаде, Ост-Индии и Вест-Индии, однако он намеревался вершить и судьбы Европы, а также установить монополию на мировую торговлю. Герцог Ньюкасл писал коллеге: «Господина Питта охватила безудержная ярость, когда я сказал, что мы не можем продолжать войну еще целый год; [он сказал], что существует способ сделать мирный договор неосуществимым, при этом продолжая провоцировать врага; что, быть может, мы испытываем трудности, однако он знает, что следует продолжать войну, и мы можем сделать это в тысячу раз лучше, чем французы… короче говоря, разговаривать с ним бесполезно». Питт

знал, что его коллеги выступают за мирные переговоры; для него же это означало пойти на компромисс с Францией. Бездействовать он не намеревался до тех пор, пока ключевые владения не окажутся у него в руках. Впрочем, даже самые тщательно составленные планы не всегда приносят плоды.

Внезапно положение дел изменилось. 15 октября 1760 года Георг II поднялся рано утром, чтобы выпить чашку горячего шоколада; затем он почувствовал, что ему нужно в уборную. По словам Хораса Уолпола, которому, казалось, были известны самые сокровенные тайны королевского двора, вскоре камердинер монарха «услышал шум, куда более громкий, чем дыхание короля, прислушался, услышал что-то вроде стона, вбежал туда» и обнаружил короля лежащим на полу с глубокой раной на лбу. Вскоре Георг II скончался, завещав новому монарху народ, который далеко не всегда с благодарностью принимал милости государя.

18
Альтисты

В январе 1759 года в особняке Монтегю-хаус состоялось официальное открытие Британского музея. Он был спроектирован главным образом для того, чтобы разместить внушительную коллекцию сэра Ганса Слоана[152], который на манер антикваров старой школы собирал книги, рукописи, произведения искусства и предметы естественной истории. Его коллекцию составляли ценные образцы со всего мира, и едва ли можно было найти для них лучший дом, чем Лондон. В числе экспонатов было заостренное кремневое рубило — один из первых артефактов первобытного общества; зеркало Доктора Ди, провидца, который предсказывал расцвет Британской империи во время правления Елизаветы I; несколько райских птичек из Папуа — Новой Гвинеи в качестве напоминания о том,

[152] Примечания: 152

Слоан Ганс (1660–1753) — английский врач, натуралист и коллекционер. Его обширная коллекция книг, рукописей, исторических находок, антикварных ценностей и диковинок согласно его завещанию стала достоянием общественности и была представлена на всеобщее обозрение в специально созданном для этого Британском музее.

что экзотический мир действительно существует — за горизонтом; несколько деревянных ритуальных артефактов с Ямайки, которая в ту пору уже стала кровавым островом; фигурка из слоновой кости китайской богини Си-ван-му, известной как «царица-мать западного рая»; и медная астролябия из Исфахана для определения положения Солнца и других звезд.

В 1768 году была основана Королевская академия художеств, первым президентом которой стал портретный живописец сэр Джошуа Рейнольдс. Для города, в котором десятилетием ранее не было ни одной картинной галереи или выставки, это стало знаменательным событием. Первая выставка открылась в апреле 1760 года в Обществе искусств и ремесел на Стрэнде; давка была такой сильной, что оказалось выбито несколько окон. Однако именно это событие положило начало новым отношениям между искусством и зрителем. Это была новая ниша на рынке. Новый товар. А значит, едва ли можно считать совпадением тот факт, что первое письменное упоминание об «изящных искусствах» появилось в 1767 году, когда пресвитерианский священник Джеймс Фордайс говорил о молодых девицах, что «им… требуется обучение основам

изящного искусства».

В первой половине века существовали общества молодых художников, самым известным среди которых была новая академия на улице Сент-Мартинс-Лейн; ее членом был сам Уильям Хогарт. Участники таких обществ в настоящем или прошлом обучались изобразительному искусству, однако теперь, следуя европейской модели, они искали новые способы самовыражения и особенно интересовались рисованием с натуры. Подающим надежды художникам в прошлом доставались бы лишь потолки, театральные декорации и портреты, однако теперь открывались новые возможности. Живописцы начали интересоваться передачей света и волнообразным изгибом (S-образной линией) — ключевым понятием теории гармонии и композиции, которую Хогарт в трактате «Анализ красоты» (The Analysis of Beauty) назвал «змеевидной линией красоты».

Довольно скоро в романах и пьесах того периода появилась любопытная фигура молодого художника. Это молодой человек, которого нанимали, чтобы давать уроки рисования для юных леди, или приглашали, чтобы писать деревенский дом и его обитателей. Это молодой художник, который недавно переехал в Рим, чтобы изучать

творчество классических мастеров и, возможно, трудиться гидом для англичан и англичанок, отправившихся в гран-тур[153]. Это молодой художник, который поселился в Лондоне, едва сводит концы с концами и слоняется неподалеку от Королевской академии или аукционных домов в надежде найти случайного покупателя. Ценителей, разумеется, интересовали исключительно холсты итальянских мастеров или хоть что-то отдаленно похожее на них. Однако акварели и карандашные зарисовки постепенно приобретали популярность и все чаще появлялись в домах честолюбивых представителей среднего класса. Называть себя «художником» более не считалось чем-то смешным или претенциозным. Появилась новая профессия — художник.

Королевская академия стала знаковым местом для честолюбивых живописцев, для которых членство в столь влиятельной национальной ассоциации служило дополнительным стимулом и источником вдохновения. Искусство стало достоянием общественности. Уильям Блейк поступил в Академию художеств в 1779 году, Джеймс Ги-

[153] Примечания: 153

Гран-тур — путешествие по Франции, Нидерландам и Италии, которое традиционно совершали английские джентльмены в XVIII в., что являлось неотъемлемой частью их образования.

лрей — годом ранее, а Томас Роулендсон — в 1772 году. В 1789 году путешествие в Сомерсет-хаус в качестве студента совершил Джозеф Мэллорд Уильям Тернер. Через год Королевская академия художеств открыла двери для широкой публики. Совершенно новое общенациональное предприятие началось в самых благоприятных обстоятельствах.

Новое лондонское концертное общество под названием Концертное общество старинной музыки (Concert of Ancient Music) открыло свои двери для публики в 1776 году в таверне «Корона и якорь» (Crown & Anchor) на Стрэнде, где вплоть до 1848 года ежегодно устраивались музыкальные концерты. Хотя это место скорее ассоциируется с элем и другими спиртными напитками, в действительности это был «большой зал» с парадными лестницами и холлами. Именно там проходили встречи уважаемых музыкантов, сформировавших утонченный коллектив любителей английской музыки XVI–XVII веков. Вскоре с их легкой руки любая музыка, сочиненная двадцатью годами ранее, стала называться старинной, что, возможно, дает представление о том, как «современность» — все новое и свежее — пронизывала все сферы изящных искусств.

Английское изящное искусство предполагало некую легкость или то, что некогда называлось «приятность». В труде «Эссе о природе и принципах вкуса» (Essays on the Nature and Principles of Taste) священник Арчибальд Элисон писал: «Изящные искусства считаются видами искусства, обращенными прежде всего к воображению и тем удовольствиям, которые они дарят...» Примером изящного искусства могло быть эссе, гравюра, акварельный рисунок, эпиграмма, легкий бриз, китайская ваза — все, что позволяет испытать изысканное удовольствие или, выражаясь словами шотландского философа Генри Хоума, лорда Камеса, удовлетворить потребность в «любви к порядку» и «деликатности чувств».

Члены Концертного общества старинной музыки были независимыми музыкантами, которые более не были связаны обязательствами с королевским двором или церковью. Феодальные отношения изжили себя, и порой это имело неожиданные последствия. Так, Гайдн после строгости двора венгерских князей Эстерхази[154] был потрясен щедростью гонораров в Лондоне: композитор получал заоблачные суммы за кон-

[154] Примечания: 154

До определенного момента все сочинения Гайдна были собственностью семьи Эстерхази.

церты и индивидуальные заказы. Заработав в 1794 году 800 фунтов за концерт, он заметил: «Такое возможно лишь в Англии». В пересчете на современные деньги эта сумма составляет 45 000 фунтов. Это был символ новой музыкальной культуры.

Первая профессиональная серия абонементных концертов состоялась в 1760-х годах — в то же время, что и первые открытые выставки в Лондоне. Уже в 1770-х на Ганновер-сквер был построен концертный зал, а вместе с ним и Пантеон на Оксфорд-стрит, управляющий которым и пригласил Гайдна в Лондон. Наступило время, когда во многих крупных и мелких городах появились свои оркестры.

Еще один символ новой культуры возник в весьма неожиданном месте — в окрестностях Кларкенуэлла, где в Джерусалем-пэсседж угольщик Томас Бриттон организовал серию еженедельных музыкальных, вокальных и инструментальных концертов, которые вскоре стали считаться «лучшими в городе». Томас Бриттон был предпринимателем, над складом он оборудовал музыкальное пространство, где самые выдающиеся композиторы и инструменталисты того времени исполняли концерты для

благодарной публики. Признание и признательность музыкантам выражали зрители всех сословий.

Разумеется, музыка всегда была частью общественной жизни. Англию XVI века называли «гнездом поющих птиц». Однако в XVIII веке музыкальная культура приобрела более формальную структуру. Музыкальные представления перестали быть теми кулуарными импровизированными концертами, в которых участвовал Сэмюэл Пипс[155]. Теперь без музыки не обходились увеселительные и чайные сады, оздоровительные курорты и театры, маскарады и светские собрания. На музыкальных вечерах играли на спинете и клавесине — камерная музыка стала модным развлечением. Музыкальные клубы и залы оказались новой ареной для профессиональных музыкантов; певцы-любители, собиравшиеся вокруг стола в гостиной, уже были не в моде. В XVIII веке музыка составляла естественный и неизбежный аккомпанемент различных общественных собраний. Она дарила удовольствие, заставляя забыть о долге и отвлечься от глубоких размышлений. На концерте,

[155] Примечания: 155

Пипс Сэмюэл (1633–1703) — чиновник Королевского флота, автор дневника о повседневной жизни лондонцев периода Реставрации.

в театре, на балете или во время представления вас неизменно окружали звуки скрипки и альта. Порой они звучали даже в модных магазинах и кофейнях. Сэмюэл Джонсон называл этих музыкантов «альтистами».

19
Призыв к свободе

Восшествие на трон Георга III осенью 1760 года ознаменовалось большими переменами в английской монархии. Это был первый король Ганноверской династии, который родился и получил образование в Англии и не имел сильного немецкого акцента, которым славились его предшественники. Готовясь вступить на престол, в набросках своей речи к парламенту он писал: «Я горжусь тем, что я британец; и наивысшее счастье для меня всегда будет состоять в том, чтобы повышать благосостояние народа, чью преданность и любовь я считаю величайшей и самой надежной гарантией моего правления». Речь, без сомнения написанная секретарем, была исключительно эмоциональной. Вскоре эти слова предстояло подкрепить делом.

Вступление на престол Георга пришлось на пик военной кампании Питта, которая продолжалась четыре года и уже дала Англии неоспоримые преимущества. Однако новый король одинаково ненавидел войну и Питта. И то и другое ассоци-

ировалось у него с дедом — Георгом II, с которым он враждовал едва ли не с тех пор, как научился говорить и аргументировать свою точку зрения. Георг III полагал, что его дед был «королем в оковах», заложником алчных и лживых министров. Новоиспеченный монарх считал, что Питт использовал его деда и отца, Фредерика, принца Уэльского, чтобы пробраться в королевские покои. Георг III называл министра обладателем «самого черного из сердец» и сравнивал его со «змеей в высокой траве». Неудивительно, что Георг пошел своим путем в деле управления государством. Говорят, его мать часто наставляла его: «Георг, будь королем!» И послушный сын не имел ни малейшего желания разочаровывать мать. Чувство долга неотступно преследовало его всю жизнь.

Молодой король, по-видимому, унаследовал упрямое самодовольство от своих предков-ганноверцев; он обладал всеми недостатками ограниченного ума, которому присущи исключительная самоуверенность, обидчивость и угрюмость. Воспитатель короля лорд Джеймс Уолдегрейв в мемуарах описывал его как «щепетильного, обязательного, не ведающего зла и искренне благочестивого человека; при этом его нельзя

было назвать ни щедрым, ни откровенным». В некоторых вопросах он был настоящим фанатиком, строгим блюстителем правил, искренне сожалевшим об отсутствии благопристойности или приличий при дворе. Спустя неделю после восшествия на трон он издал прокламацию «о распространении благочестия и добродетели и о предотвращении и наказании порока, скверны и безнравственности». Он придавал большое значение королевской прерогативе[156] и без сомнения пошел бы на смерть, защищая англиканскую церковь; но, к счастью, прошли те времена, когда от монарха требовалось такое самопожертвование и рвение.

Девизом правления Георга III были порядок и система. Возможно, для острастки, дабы придворные не распускались, он держал на виду коллекцию часов и барометров; хорошая служба не мыслилась без строгости и точности. Король в мельчайших подробностях помнил офицерский состав своей армии и придворный этикет; помнил, какие пуговицы следует носить по тому или иному случаю; знал обязанности каждого

[156] Примечания: 156

Королевская прерогатива — совокупность полномочий, прав и обязанностей, привилегий и иммунитетов, которыми обладает британский монарх.

при дворе — от высокопоставленного посла до мелкого пажа. Георг вставал в шесть утра, брился, одевался, а затем приступал к чтению корреспонденции, полученной ночью. Перед завтраком он ездил верхом, при этом следующий прием пищи был у него не раньше четырех пополудни. Весь день он посвящал делам — государственным и личным, однако неизменно принимал избранных гостей на ужин в десять вечера. Король всегда был умерен в еде и не злоупотреблял спиртным.

И все же ошибочно считать Георга III столь консервативным и сдержанным — в конце концов, настаивая на прерогативах короля, он лишь следовал примеру своих предшественников — наследников Елизаветы и Стюартов. Ничто из сказанного или сделанного им не повергло бы в шок Елизавету I или Карла II, кроме разве что его рассуждений о благочестии. Он любил бывать на свежем воздухе, обожал спорт — верховую езду и охоту; впоследствии из-за любви к земле он получил прозвище «фермер Георг».

В набросках к своему первому официальному обращению к Тайному совету он писал о «кровавой и дорогостоящей войне». Разумеется, Питт не мог допустить подобных высказываний о

конфликте, который он упорно вел к победной развязке. В итоге в опубликованном тексте фраза была переиначена и звучала так: «Дорогостоящая, однако справедливая и нужная война». Некоторые не без оснований полагали, что первый министр угрожал королю или сумел хитростью убедить его изменить формулировку; в дальнейшем, общаясь с министрами, король всегда помнил этот урок. Георг III не сомневался в том, что у него было право на безоговорочную поддержку подданных, он не желал идти на уступки; его не пугали критика и оппозиция, поскольку он был полностью уверен в своей правоте. «Я знаю, что исполняю свой долг, — сказал король однажды, — и посему никогда не захочу отступить»; в этой связи можно вспомнить и другую его ремарку: «Я скорее рискну короной, чем сделаю что-то, что бросит тень на мою честь». Именно из-за такого склада ума Англия потеряла Америку.

Поначалу Георг III наслаждался званием «короля-патриота» и даже заслужил похвалу желчного Хораса Уолпола, который назвал государя «благородным, открытым и честным». Герцогиня Нортумберлендская дополнила этот образ: по ее словам, монарх отличался «светлой кожей и свежестью», имел голубые глаза и белые зубы.

Чего еще желать королю? Кто бы мог подумать, что ему уготованы такие потрясения, как сумасшествие, Великая французская революция, Наполеоновские войны и утрата американских колоний?

У короля довольно быстро сформировался свой взгляд на многие вещи, а такой монарх, как известно, может быть опасен. Он в равной степени ненавидел вигов и тори, презирал цинизм и подковерную борьбу, корысть и позерство, ложь и ханжество. Посему он решил править без поддержки какой-либо партии, вводя в кабинет самых разных министров, если и когда считал нужным. Многие надеялись и верили, что это положит начало новому периоду мира и взаимопонимания, при этом тори рассчитывали на ослабление власти вигов и возвращение королевского расположения. Король вновь стал играть ключевую роль в политической жизни страны. Для Георга это было нечто большее, чем просто политика; это был моральный долг.

Доверенным лицом и помощником Георга III стал Джон Стюарт, граф Бьют. Ему было уже под пятьдесят, король прислушивался к нему с самого детства, кроме того, граф был близким другом его матери, Августы Саксен-Готской. Молодой ко-

роль, не доверявший никому из советников или политиков, которые трудились еще при его деде, полагался на Бьюта во всем. Спустя два дня после восшествия на престол Георг уведомил Питта: «Без него [Бьюта] не состоится ни одна аудиенция у короля». Разумеется, это не могло понравиться Питту, привыкшему решать вопросы по-своему. «Я знаю, — писал он, — что выполнять обязанности министра, когда здесь находится лорд Бьют, для меня невозможно… я не выношу, когда мной командуют, мои политические убеждения — это моя религия. Я не могу взять и переменить их… Я не могу позволить, чтобы мне диктовали, навязывали чужую волю или говорили, что делать…»

Безоговорочное доверие Бьюту и даже некая зависимость от него со стороны короля дают основания полагать, что король все еще оставался слишком скромным, равнодушным или тревожным, а значит, неспособным править с должной уверенностью, которую предполагает его титул. Король всегда был склонен к меланхолии и нервному возбуждению, которые, возможно, сыграли не последнюю роль в приступах безумия, которые случались с ним в более позднем возрасте.

Бьют отвечал на доверие преданностью и благодарностью, однако во всем остальном он

едва ли подходил на столь высокопоставленную должность. Его нельзя назвать популярным политиком. Он родился в Шотландии, а с момента вступления в силу Акта об унии 1707 года отношение англичан к шотландцам, и без того неоднозначное, отныне строилось на гордости и предубеждении. Англичане в целом порицали шотландцев за неряшливость и дурные манеры, обвиняя при этом самых выдающихся представителей братского народа в алчности и чрезмерных амбициях. А тот факт, что его имя для неподготовленных ушей звучало как «лорд Бут» (англ. *boot* — «башмак»), лишь усиливал неприязнь к нему.

Лорд Уолдегрейв отмечал, что Бьют «был неплохим человеком, обладал стройными ногами и отличался театральностью поведения, которое обычно присуще тем, кто ощущает свою исключительную важность… не имело значения, серьезным был предмет разговора или пустячным, он рассуждал о нем с равной напыщенностью, неторопливостью и сентенциозностью». Отец нового короля как-то сказал, что Бьют был бы отличным дипломатом при дворе, в котором ничего не происходит. В обществе он держался скованно, явно испытывая неловкость, при этом свою необщительность он, по всей видимости, с

лихвой компенсировал бесконечными делами. Честерфилд отмечал, что Бьют «брался за все, распоряжался всем и вмешивался всюду».

Политики были в замешательстве, а члены кабинета друг с другом на ножах. Король и Бьют хотели прекратить войну как можно скорее; Питт и Ньюкасл намеревались ее продолжать. В верхах росло недоверие, Питт особенно остро ощущал возникающие проволочки. Тори, дорвавшись до королевского расположения спустя полвека отчуждения, окончательно перестали понимать, кем или чем они были, а виги оказались раздроблены на такое количество фракций, что едва ли всегда узнавали друг друга. Как сказал один из членов парламента, Генри Сеймур Конвей, «казалось, между партиями не только исчезли всякие разногласия, но и сама граница, которая некогда разделяла их».

Воодушевившись позицией короля и Бьюта, чья неприязнь к военной политике Питта была хорошо известна, политическая элита стала дружно выступать за мир. Все понимали, что страна устала от войны, а особенно от налогов, которые на нее собирались. Первый шаг сделал король Франции Людовик XV, полагавший или надеявшийся, что финансовые ресурсы врага

истощены. В конце марта 1761 года он заявил о том, что все переговоры отныне должны вестись в соответствии с территориальными владениями враждующих сторон на текущий момент. Термин для описания достигнутой договоренности — *uti possidetis,* или принцип сохранения существующего положения вещей, — был не более чем дипломатическим ухищрением, которое можно было трактовать как угодно.

По счастливой случайности в этот же период состоялись всеобщие выборы, приковавшие к себе внимание политических обозревателей. Это была сложная и дорогостоящая кампания. Хорас Уолпол писал, что «вестиндцы, завоеватели, набобы и адмиралы» планомерно захватывали округ за округом. Под «вестиндцами» подразумевались владельцы плантаций, а «набобами» называли вернувшихся из Индии в Англию служащих Ост-Индской компании, разбогатевших на службе. Росли взяточничество и коррупция, а избирательный округ Садбери даже выставил свой голос на продажу. С учетом запутанных комбинаций разношерстных союзов, групп, предпочтений, фракций и клик, игнорирующих привычное деление на вигов и тори, было непросто сказать, кто «победил» и победил ли вообще.

Такой расклад неизбежно спровоцировал беспорядки в стране — и это в тот момент, когда королю пришлось столкнуться с доселе невиданными трудностями.

Впрочем, до очередного созыва парламента в октябре 1761 года Питт по-прежнему оставался самым влиятельным министром. Один из парламентариев по имени Ричард Ригби называл его «диктатором», а французский посол Франсуа де Бюсси как-то заметил, что «несмотря на небольшое количество друзей в Совете, едва ли там найдется кто-то достаточно сильный или дерзкий, чтобы сместить Питта». Разумеется, Питт выступал за продолжение войны с Францией, руководствуясь желанием добить давшего слабину врага.

Питт призывал к превентивной войне с Испанией, чтобы у двух держав, в которых правили Бурбоны, не было времени и шансов объединиться против общего врага. Созвав коллег, Питт рассказал им о том, что Франция и Испания действительно заключили семейный пакт. В таких обстоятельствах особое значение приобретал своевременный перехват ежегодного Сереб-

ряного флота[157], следовавшего из Америки и перевозившего на борту несметные сокровища. «Франция — это Испания, — говорил Питт, обращаясь к министрам, — а Испания — это Франция». Его коллеги, однако, не торопились с аналогичными выводами. Как сообщили в лондонском Сити, для продолжения войны не хватало средств; адмирал Джордж Ансон сетовал, что флот еще не готов. Для осторожности и бездействия находилась тысяча веских причин.

На все происходившее Питт реагировал единственным известным ему способом. По его словам, он «ответственен лишь за то, чем управляет лично». Он подал в отставку 5 октября 1761 года, к огромному облегчению Испании, Франции, графа Бьюта и молодого короля. Георг писал: «Я не буду противиться тому, чтобы этот сумасшедший Питт ушел». К огорчению своих сторонников и недоумению противников, Питт принял правительственную пенсию в размере 3000 фунтов в год. Циничный, при этом весьма лаконичный ответ бывшего первого министра

---

[157] Примечания: 157

Серебряный флот (также Золотой флот или флот Индий) — военно-транспортная флотилия Испанской империи, осуществлявшая вывоз серебра с рудников Потоси, а также золота, бриллиантов, пряностей, табака и шелка из американских колоний в Европу.

переполнил чашу общественного терпения. В конце концов, даже величайшего из патриотов можно было подкупить, и теперь отъявленные циники могли рассматривать его беззаветное служение государству в совершенно ином свете. Как сказал Хорас Уолпол: «Увы, увы! Господин Питт любит земные блага не меньше, чем милорд Бат». Обида Питта была столь велика, что его предполагаемая отставка оказалась временной. Он жаждал отомстить клеветникам.

Вскоре пришло время графа Ньюкасла — старого вояки, отдавшего 38 лет государственной службе, — склонить голову перед «новыми людьми» и оставить пост первого лорда Казначейства. Он уже не раз сетовал: «Моего совета или мнения почти не спрашивали, и тем паче *никогда* ему не следовали. Меня держат взаперти, не доверяют и лишают какого бы то ни было общения». Горькие жалобы Ньюкасла наглядно демонстрируют тот факт, что политику государства определяла горстка советников. В первые годы правления Георга III группа влиятельных людей, как правило семь или восемь, но не более тринадцати человек, стала называть себя внутренним кабинетом в противовес более многочисленному внешнему кабинету, объединявшему самых

разных высокопоставленных особ. Выказав недюжинное самомнение, за национальную политику взялся сам граф Бьют. Лорд Шелбурн заметил, что тот демонстрировал «неизменную напыщенность».

В начале 1762 года прогнозы Питта оправдались. Корабли с драгоценностями вошли в испанские гавани, при этом власти, как и задумывалось, отрицали любые обвинения в том, что Испания устраивает провокации для английских судов. Война против Испании была объявлена в январе 1762 года, и вскоре Великобритания продемонстрировала свое превосходство на море, захватив Гавану и Манилы. Казалось, Королевский флот был непобедим на морских просторах от Вест-Индии до Филиппин. Однако стоило дыму от выстрелов рассеяться, как Бьют уже ступил на мирную тропу; через многочисленных посредников Бьют держал связь с дворами Мадрида и Версаля. Вероятнее всего, он действовал в соответствии с общественными настроениями, поскольку в тот год в стране наметился резкий экономический спад, ставший предвестником целого десятилетия засух и неурожаев.

Предварительные статьи мирного договора были подписаны в Фонтенбло в начале ноября.

В суматохе переговоров, которые никак нельзя было назвать простыми, стало ясно, что Англия окажется в выигрыше. Менорка, Новая Шотландия, Канада, Сенегал, Сент-Винсент, Гренада и другие территории отходили ей по праву завоевания. Франция была вынуждена уступить Индию. Однако Питт — человек, который руководил этой войной фактически все семь лет, — был крайне недоволен результатами мирных переговоров. Он пришел в парламент, обернув ноги в шерстяную фланель. Временами его так мучила подагра, что ему разрешалось сидеть во время выступлений. Его речь против предварительных условий мира в парламенте длилась три с половиной часа, в течение которых он описывал Францию как могущественного и опасного врага, не заслуживающего снисхождения. И все же война кончилась.

Парижский мирный договор, подписанный в феврале 1763 года, положил конец военным действиям. После семи лет конфликта страны Европы были истощены. Мало кто получил хоть сколько-нибудь значимую выгоду от кровопролитий и разрушений. Никто не знал, сколько завоеватели ограбили домов, опустошили полей и уничтожили жителей. Им (завоевателям) было все равно. Во всяком случае, в Англии царил

оптимизм, граничащий с самодовольством. Хорас Уолпол писал другу: «Ты не узнаешь свою страну. Ты покидал ее, когда это был небольшой закрытый остров, живущий по средствам. Теперь же это столица мира… По Сент-Джеймс-стрит толпами ходят набобы и вожди американских индейцев, а господина Питта в его сабинском поместье посетили восточные монархи и избиратели из доминиона Бореалия, ожидавшие, пока у него пройдет приступ подагры и он удостоит их аудиенции».

Казалось, что к началу 1760-х годов Великобритания прочно заняла центральное место в стремительно развивавшейся торговой сети, простиравшейся от Канады до Бенгалии. Страну по-прежнему не воспринимали как империю. К империям причисляли такие крупные государства, как Китайская империя Цин, Османская империя или империя Великих Моголов. Европейцы же амбициозностью не отличались, что пытался показать Эдвард Гиббон в труде «История упадка и разрушения Римской империи» (The History of the Decline and Fall of the Roman Empire), изданном тринадцатью годами позднее. Тем не менее завоевания в ходе Семилетней войны свидетельствовали не только о политических,

но и о коммерческих амбициях, и в 1770-х годах об империи стали говорить все чаще. При этом в отношении целого агломерата колоний, территорий, провинций и государств, которые теперь оказались под властью британской короны, не было разработано ни планов, ни стратегии, ни последовательной политики. В осторожных и нерешительных действиях англичан сквозили тревога и неуверенность, наблюдался всплеск религиозного сектантства и апокалиптического морализма в противовес тому, что многие современники называли неорганизованностью и безответственностью. Численность населения небольшого острова была весьма скромной. Однако согласно прогнозам, в течение последующих нескольких лет можно было ожидать, что все больше людей переселится в Северную Америку.

Основной причиной этого выступала торговля. Она повышала благосостояние и независимость, подпитывала национальную мощь. Классическая теория меркантилизма гласила, что количество слитков из драгоценных металлов в мире ограничено и Англия должна взять под контроль большую их часть. По словам политика и публициста Эдмунда Берка, торговлю «можно было расширить и обеспечить ее процветание

с помощью войны». Рабы, сахарный тростник и табак стали ключевыми товарами на новых землях. Последствия наблюдались и внутри страны: непрерывно рос спрос на оружейников и портовых рабочих; литейные цеха и кузни были раскалены докрасна. Современники еще не понимали, что это лишь прелюдия к куда более масштабным событиям.

Усилия, направленные на финансирование мировой войны, длившейся семь лет, на обустройство кораблей, оплату наемных солдат, сбор налогов и получение займов у компаний, повлекли серьезные изменения. Страна более не была закрытой и изолированной, хотя теоретически могла продолжать жить обособленно, полагаясь лишь на собственные силы. Все стремительно менялось — Великобритания превратилась в масштабное предприятие, обладавшее всеми признаками мировой державы, опиравшейся на растущую казну и поддержку финансовой аристократии. Ее авторитет определялся непрерывно растущим числом чиновников, не говоря уже о несчетном количестве сотрудников таможенно-акцизной службы. К 1720-м годам в стране работало 12 000 государственных служащих.

Иностранный наблюдатель отмечал, что «ан-

гличане платят налоги утром на мыло, которым моют руки, в 9 часов — на кофе, чай и сахар, которые употребляют на завтрак; в полдень — на пудру для волос; во время ужина — на соль, которой приправляют мясо, и на пиво, которое подают к нему». Налогами облагалось практически все: кирпичи, из которых строились дома, уголь, с помощью которого они отапливались, свечи и даже окна, которые пропускали дневной свет. Ирония заключалась в том, что народ, который так громко сетовал на непомерные налоги, ссылаясь на всеобщие права и свободы, в конце концов платил их быстро и весьма охотно. Отчасти это объясняет двусмысленное отношение народа к власти, которая провоцировала мятежи, а не революции.

По этим и другим причинам британский государственный аппарат потреблял львиную долю национальных доходов, в отличие от любого другого европейского государства. Военные расходы составляли 83 % бюджетных средств. За тот период времени, который описан в этом томе, — начиная с короля Якова II и заканчивая принцем-регентом Георгом IV, — налоги выросли в 16 раз. За эти годы Англия объявляла войну внешним врагам восемь раз. Фактически пра-

вящая элита превратилась в военную машину, основные силы которой направлены против Бурбонов. Британия была самой агрессивной торговой и военной державой в мире. Понимали ли люди все косвенные последствия столь жесткой политики — другой вопрос. Их представления о величии страны выражались в популярной патриотической песне, звучавшей повсюду — в залах для торжеств и кафе. Ни у кого не вызывали сомнения такие слова:

Правь, Британия, морями!
Бриттам не бывать рабами![158]

Бьют, говоря о Парижском мирном договоре, утверждал, что «не желал иной эпитафии на свою могилу, кроме слов о том, что он был советником при составлении этого мирного договора». Однако спустя два месяца он покинул пост; его гордость имела хрупкую природу, пошатнуть его чувство собственного достоинства с помощью критики оказалось нетрудно. Питт, например, сетовал, что Испания и Франция отделались слишком легко. Бьют всеми силами отстаивал мирный договор, и его тонкая душевная организация, по всей ви-

[158] Примечания: 158
Rule, Britannia! Britannia, rule the waves! / Britons never, ever, ever shall be slaves.

димости, не выдержала жестоких оскорблений. Он уже пережил изрядные потрясения, связанные с введением налога на сидр, вызвавшего массовые бунты на западе страны и не только. И 8 апреля 1763 года он подал в отставку. Бьют не исчез с политической арены полностью. Многие полагали, что он просто «скрылся за кулисами», чтобы тайно давать советы королю еще три года. Именно оттуда ему представилась возможность наблюдать за двумя самыми провокационными событиями в истории Англии и Америки XVIII века.

20
А вот и мы!

Сэмюэла Джонсона называли «ходячим словарем» и «старым слоном», причем первое прозвище было куда более выразительным и точным после выхода в свет весной 1755 года его Словаря английского языка (A Dictionary of the English Language). Это было время правил и научных изысканий; все слишком расплывчатое и неопределенное было обречено; все слишком активное и деятельное укрощалось требованиями строгого порядка. Язык, по словам Джонсона, отличался сложностью, запутанностью и бесчисленным количеством вариантов. При этом сам он проявлял жадный интерес к слову, был библиофилом и антикваром одновременно.

В его словаре не было ничего уникального или необычного. В ту пору их было уже немало. Первым стал Перечень алфавитный (A Table Alphabeticall) Роберта Кодри, увидевший свет в 1604 году. XVIII век вообще был эпохой словарей, за это время были изданы Новый словарь английского языка (A New English Dictionary)

Джона Керси в 1702 году и Универсальный этимологический словарь (An Universal Etymological Dictionary) Натаниэля Бэйли, опубликованный спустя девятнадцать лет.

Первая «Британская энциклопедия», или просто «Британника», была издана в 1768 году. Стремление к порядку глубоко проникло в общественное сознание, вызвав новую волну интереса к происхождению слов, их производным и толкованиям.

Однако книга Джонсона не походила на прошлые труды подобного толка. Сам автор не был ни этимологом, ни лексикографом; он был писателем. Джонсон пустил в ход все свое красноречие и ученость, занявшись анатомией слов, и снабдил книгу многочисленными примерами их употребления, взятыми у самых разных авторов. Так, для определения значения слов «край» (*brim*) и «полный до краев» (*brimful*) он обращается к Бэкону и Крэшо, Свифту и Драйдену, Мильтону и Сидни и т. д., однако он был не просто охотником-собирателем аллюзий. Джонсон называл свой труд «моя книга», он был для него книгой книг, квинтэссенцией языка, историческим справочником и энциклопедией, исследованием и трактатом о морали. В этой работе представлен мир англичан,

портрет эпохи, облеченный в слова.

Джонсон провел детство в книжной лавке отца, на Бредмаркет-стрит в Личфилде, откуда его отправили в начальную школу, которую у себя на дому организовала вдова Энн Оливер, а затем в местную среднюю школу, где он впервые познал священные тайны греческого и латинского языков. В его словаре слово «школа» определяется как «дом дисциплины и обучения». Какое-то время Джонсон посещал Пемброк-колледж в Оксфорде, однако из-за нехватки средств был вынужден вернуться в Личфилд. Карьера школьного учителя в родном городе его не прельщала, и вместе с компаньоном Дэвидом Гарриком он перебрался в Лондон, где подрабатывал журналистом и литературным поденщиком. Лондон стал для Джонсона настоящим домом, который принял его в свои объятия как родного. Словарь был его первой крупной работой.

Джонсон был выдающейся фигурой XVIII века. Едва ли он смог бы достичь аналогичных успехов в другом столетии. Присущая ему меланхоличность не была чем-то новым в обществе тех лет, однако уныние в сочетании с душевным расстройством характерно именно для времени, когда творили Кристофер Смарт, Уильям Купер

и правил Георг III. Как и Купер, Джонсон считал, что ему грозят вечные муки; он принимал опиум в больших дозах, всерьез желал оказаться в заключении и получить наказание розгами за свои прегрешения. Возникшая в те времена мода на литературу о путешествиях стала для Джонсона новым развлечением. Первая изданная им работа в этом жанре — перевод книги португальского католического миссионера Иеронима Лобо «Путешествие в Абиссинию» (A Voyage to Abyssinia). До конца жизни Джонсон сохранял интерес ко всему экзотическому и неизведанному.

По всей видимости, Джонсон ассоциировался с XVIII века в том числе благодаря своей чрезвычайной эксцентричности. Гравюры Хогарта, а также произведения Генри Филдинга и Лоуренса Стерна служат бесспорным доказательством повышенного интереса к подобным странным персонажам. В работах художников и писателей Лондон становится своего рода сценой для пантомим и маскарадов, наводненной гротескными персонажами. Самый известный биограф Джонсона Джеймс Босуэлл[159] пишет о нем: «Ко-

[159] Примечания: 159

Босуэлл Джеймс (1740–1795) — шотландский писатель и мемуарист, автор двухтомной биографии «Жизнь Сэмюэла Джонсона». Эту книгу называют величайшей биографией на английском языке.

гда он разговаривал или просто сидел в кресле, погрузившись в задумчивость, он наклонял голову на правое плечо и слегка потряхивал ею, покачиваясь корпусом взад-вперед и потирая ладонью левое колено сообразно движению тела». В перерывах между репликами «он издавал различные звуки, иногда будто жевал что-то, подобно жвачному животному, или посвистывал, иногда цокал языком, а иногда кудахтал, словно курица-наседка…».

Походка Джонсона напоминала «поступь закованного в кандалы узника; верхом он ездил, отпустив поводья, позволяя лошади под собой нести себя, словно воздушный шар». Во время прогулок он непременно вилял из стороны в сторону, двигаясь зигзагом, и имел навязчивую привычку дотрагиваться до всех почтовых ящиков, которые попадались ему на пути; если он случайно пропускал хотя бы один, то спешил вернуться и похлопать по нему. Он вполне мог остановиться посреди оживленной улицы и вскинуть руки над головой; прежде чем переступить порог, он имел обыкновение крутануться вокруг своей оси и совершить внезапный прыжок. Он с удовольствием катался с гор и лазал по деревьям. У Джонсона было множество глубоких шрамов

от перенесенной в детстве золотухи; он одевался неопрятно, часто грязно и неряшливо. Его можно считать образчиком человеческого характера XVIII века, стремление познать который росло день ото дня.

Это столетие ознаменовалось зарождением подлинного интереса к чтению со стороны новой прослойки грамотных людей, среди которых были и представители рабочего класса. Французский обозреватель Сесар Франсуа де Соссюр писал в 1750-х годах, что «рабочий люд обычно начинает день в кофейне, куда приходит, чтобы прочитать последние новости». В попытке освоить правила хорошего тона, научиться носить платье и грамотно говорить подробнейшим образом изучались всевозможные руководства и даже романы; огромным спросом пользовались образовательные книги по практическим вопросам — торговле и сельскому хозяйству. Спустя два года после окончания работы над словарем Джонсон принялся убеждать руководство газеты London Chronicle печатать обзоры книг. По словам самого Джонсона, это была «эпоха авторов». Он, разумеется, был самым популярным. Отчасти этим объясняется главная причина его легендарности.

Стиль словаря — одновременно высокопарный и безапелляционный — частично объясняет успех книги. Джонсону и самому порой приходилось вести себя «по-джонсоновски». Однажды, говоря о драматической литературе, он заметил, что «для пробуждения сентиментальности в ней недостает остроумия», а затем поправился, добавив, что «ей не хватает живости, чтобы удержаться от морального разложения». Когда он говорил о ком-то: «Эта дама обладает зачатками здравого смысла», эти слова вызывали всеобщий смех, при этом Джонсон приходил в негодование, а затем мрачно продолжал: «Я говорю лишь о том, что эта дама *по сути своей* благоразумна». В XVIII веке можно было не только определить принадлежность высказывания к тому или иному регистру речи, но и научиться воспроизводить тот или иной регистр. Словарь был призван служить как дидактическим, так и творческим целям, что полностью соответствовало духу времени.

Готовясь к работе над словарем, Джонсон непрерывно читал, выбирая книги по наитию. В этом смысле он был совершенно «всеяден»

и порой буквально разрывал новые издания[160], стремясь как можно скорее поглотить их содержание. Когда Джонсону попадалось слово, которое ему нравилось или которое он искал, он подчеркивал его и помечал его контекст. Его небольшая, а порой изрядно потрепанная свита помощников — иногда их было четверо, порой шестеро — занимала комнату на верхнем этаже его дома на Гоу-сквер, где они размещались за столами, словно клерки в счетной конторе. Сам Джонсон сидел в старинном кресле, прислоненном к стене, поскольку у кресла уцелели лишь три ножки и один подлокотник.

Завершив работу, Джонсон передавал книгу одному из своих компаньонов, который принимался переписывать выделенные фрагменты на отдельные листы размером ин-кварто; когда на листе во всю длину появлялся записанный в колонку список источников, его разрезали на отдельные полоски и распределяли по «корзинам». В первом издании законченного труда насчитывалось 40 000 слов и более 110 000 цитат. Метод,

[160] Примечания: 160

В XVIII в. книги по формату походили на разрезные газеты — чтобы приступить к чтению, следовало воспользоваться ножом для разрезания бумаги. Джонсон, по всей видимости, так торопился, что не разрезал, а разрывал склеенные страницы новой книги.

избранный Джонсоном для работы со столь неподатливым материалом, был исключительно прагматичным и явно выигрывал по сравнению с долгими дискуссиями, которые вели ученые мужи Парижа и Флоренции, составляя собственные национальные словари[161]. Кроме того, словарь для Джонсона был делом всей его жизни, которое ограждало его от безделья, а следовательно, и от меланхолии. По его словам, он продолжал писать «в минуты беспокойства и рассеянности, в болезни и в горести», при этом величие этого труда, который занимал все мысли автора, возвышало Джонсона над всеми земными невзгодами.

В рамках подготовки к работе над словарем Джонсон сформулировал «План словаря английского языка» (The Plan of a Dictionary of the English Language), завершенный труд снабдил предисловием, а также написал «Историю английского языка» (History of the English Language). Джонсон верил, что словарь позволит раскрыть «все богатство смыслов» языка, при этом в нем будут

[161] Примечания: 161

Французская академия разрабатывала словарь французского языка (фр. *Dictionnaire de l'Académie française*) в течение более полувека: на его составление ушло 45 лет и еще 18 лет труд редактировали. Академия делла Круска вела работу над словарем итальянского языка (итал. *Vocabolario degli Accademici della Crusca*) более 20 лет. Джонсону же понадобилось всего семь лет.

описаны «принципы науки», «удивительные факты», «законченные процессы», «поучительные наставления» и «красноречивые описания». Однако все это были лишь «мечты поэта, обреченного однажды проснуться лексикографом». Джонсон изучал трансформации языка со времен Филипа Сидни до периода Реставрации, поскольку с середины XVI до середины XVII века «нетронутые богатства английского языка» требовали особенно тщательного изучения и осмысления.

Джонсон на правах хозяина свободно и смело обращался с источниками; порой он цитировал их целиком, однако чаще урезал или сокращал. Так, он намеренно не цитировал Томаса Гоббса, поскольку считал его работы безнравственными; он часто обращался к поэзии Мильтона, хотя лишь раз привел цитату из его прозы, считая, что в этом жанре он слишком радикален и мятежен. Джонсон хотел, чтобы словарь имел не только моральную, но и дидактическую направленность; даже простейшие слова он снабжал религиозными или этическими комментариями. Так, давая определение слова «стол», Джонсон процитировал Джона Локка: «Дети за столом никогда ничего не просят, но довольствуются тем,

что получили». Словарь стал практическим пособием по воспитанию нравственности. Джонсон был набожным и ортодоксальным членом англиканской общины, для которого слова служили фундаментом веры. Первый пример для глагола «учить» был взят им из Книги пророка Исаии и звучал так: «…и научит Он нас Своим путям, и будем ходить по стезям Его»[162].

В ходе исследования Джонсон находил такие слова, которые в более поздний период могли показаться грубыми или странными, однако в то время были частью разговорной речи. Так, в словаре мы встречаем слово «бузотер» (*breedbate*) — человек, разжигающий ссоры, «бронтология» (*brontology*) — наука, изучающая гром, «бруньон» (*brunion*) — фрукт, нечто среднее между сливой и персиком, «баб» (*bub*) — крепкий солодовый напиток, «плут» (*bubbler*) — мошенник, «сиськи» (*bubby*) — женская грудь и «мошна» (*budget*) — сумка. «Лежебокой» (*bedpresser*) называли грузного или ленивого человека, а «пенсион» (*pension*) означало «плату, которую получал госслужащий за измену своей стране».

Джонсон приводит 134 примера употребления

---

[162] Примечания: 162
Книга пророка Исаии (2:3) цит. по Синодальному переводу.

глагола «брать» (*take*), изложенных в 8000 слов на пяти страницах. Однако он знал далеко не все и часто признавался: «Значение слова мне неизвестно». Так, «оборванец» (*tatterdemalion*) он определяет как «босяк и не знаю, кто еще». Упоминая слово «складчатость» (*plication*), Джонсон лишь сообщает, что «оно употребляется где-то в “Клариссе”»[163]. Некоторые слова выходят из обихода, исчезают, появляются новые; другие живут какое-то время, а затем угасают, а есть те, что борются за жизнь и закладывают основу новой системы мышления. В «Плане словаря» Джонсон отмечает, что «любые изменения сами по себе — зло», однако в конце концов признает, что все слова рождаются и умирают, подобно живым существам. В этом смысле его книга является одновременно и очень личной, и очень нужной. Пролистать ее все равно что отправиться в путешествие через весь XVIII век, представленный живо благодаря всполохам молнии, осветившей отдельные, наиболее яркие моменты истории и культуры того времени.

На рассвете 6 сентября 1769 года на берегах

[163] Примечания: 163

«Кларисса, или История молодой леди» (англ. *Clarissa, or, the History of a Young Lady*, 1748) — роман Сэмюэла Ричардсона, написанный в жанре семейно-бытового романа воспитания.

реки Эйвон в городке Стратфорд-на-Эйвоне раздался тройной залп из 17 орудий и 12 мортир, ознаменовав открытие юбилейных торжеств в честь Уильяма Шекспира. Предполагалось, что это будет трехдневный национальный фестиваль, организованный Дэвидом Гарриком в честь величайшего литератора страны. В рамках фестиваля планировались карнавальные шествия, театральные постановки и торжественные процессии, посетить которые намеревались самые видные представители того времени. Герцоги, герцогини, актеры, политики, адмиралы и генералы вышли в свет во всей красе. На празднества прибыл и Джеймс Босуэлл, нарядившийся корсиканцем, чтобы повысить продажи недавно изданного рассказа об острове. По его словам, «поначалу Гаррик наблюдал за мной. Мы смерили друг друга взглядом, а затем сердечно пожали друг другу руки».

Первый день празднования прошел благополучно, однако уже на второй в сценарий торжеств вмешались осенние дожди; булыжные мостовые города оказались затопленными, а уровень воды в Эйвоне поднимался с угрожающей быстротой. Множество мероприятий пришлось отменить, зрителей становилось все меньше, а немногие

оставшиеся промокли до нитки и являли собой жалкое зрелище. В целом фестиваль нельзя назвать триумфом, правильнее было бы сказать, что он получил положительные отзывы критиков. Так зародилась традиция проведения памятных торжеств в честь Шекспира, которые позднее получат полуироничное название «шекспиромания». Фестиваль ознаменовал начало национального чествования английской драматургии, которую стали считать средством выражения национального духа. Драматург был символом растущего культурного самоопределения и патриотизма.

С необычайной чуткостью Босуэлл чувствовал время и место, а драматургия в тот период была формой и содержанием эпохи. Все, от политика до священника, заимствовали реплики со сцены. Услышанные диалоги записывали и разучивали наизусть. Особое внимание привлекали костюмы, особенно наряды актрис. Когда Босуэлл, впервые увидев Гаррика, «смерил его взглядом», то лишь воспроизвел мизансцену, увиденную им во время театральной постановки. Сценические реплики становились крылатыми фразами, а популярные исполнители — объектами пародий и уличных представлений. Весь Лондон превра-

тился в театр, в котором даже попрошайки на улицах «наряжались» для роли; существовал костюм для горничной и торговки рыбой. Когда люди начали одеваться «не по статусу», то спровоцировали социальный хаос. Имена Конгрива, Шеридана и Афры Бен[164] известны всем; однако тогда в сторону сцены с надеждой на заработок смотрел любой бульварный писака и журналист, каждый безработный актер или студент Оксфорда и Кембриджа в надежде, что однажды им улыбнется удача.

Два главных театра в Лондоне — Ковент-Гарден и театр на Друри-Лейн. Именно туда обычно устремлялась разношерстная лондонская толпа. Джентльмены и те, кто считал себя таковыми, были готовы, заплатив три шиллинга, расположиться на скамейках в партере, в непосредственной близости к сцене, в то время как простые горожане и их жены платили по два шиллинга и занимали места на первом ярусе галерки. Низшие слои размещались еще выше на галерке, где свои услуги предлагали торговцы фруктами и проститутки. Известные и состоятельные зрители занимали места в ложах, чтобы насладиться

[164] Примечания: 164

Бен Афра (1640–1689) — первая профессиональная писательница в истории Англии, романистка и драматург.

действием в одиночестве. Эти два театра в Ковент-Гардене и на Друри-Лейн были единственными, кто получил королевскую лицензию и ставил сценическую драму, однако, разумеется, это не мешало другим площадкам веселить публику на свой лад.

Стали возрождаться давно забытые форматы времен Елизаветы и Стюартов. Так, в 1728 году в Старом театральном балагане на Боулинг-Грин-стрит в лондонском районе Саутуарк ставили оперы и устраивали «развлекательные танцевальные представления гротескных персонажей». В том же театре можно было посмотреть увлекательнейшее представление о преступнике и беглеце Джеке Шепарде, а также «драматические оперы» и «музыкальные фарсы». Несколько театральных балаганов располагались во дворе гостиницы «Джордж-инн» на Боро-Хай-стрит и у ворот госпиталя в Смитфилде. В выпуске газеты Daily Advertiser от 22 октября 1776 года сообщалось, что «восхитительный Патагонский театр открыл двери Большого зала в Эксетер-чейндж», представив вниманию публики небольшую комическую оперу «Мидас» (Midas) и пантомиму «Чародей» (Enchanter). Со временем эти театральные площадки потеряли интерес зрителей,

пришли в упадок или сгорели. Однако они напоминают о том, что некогда в Лондоне бурлила театральная жизнь. К началу 1726 года театральные афиши приглашали посмотреть около 36 постановок.

Всем правила конъюнктура; шутки и реплики героев были сплошь на злобу дня, аллюзии — прозрачны и бесхитростны, а объектами сатиры становились такие феномены современности, как методисты или спекулянты, чьи махинации приводили к возникновению экономических пузырей. Люди ходили в театр, чтобы узнать последние новости и собрать сплетни, источником которых служила не только сцена, но и зрители. Для постановок использовались любовные истории, мелодрамы и то, что впоследствии начнут называть «варьете».

Публика привлекала не меньше внимания, чем сами актеры; толки и пересуды в зрительном зале не умолкали ни на минуту, порой на фоне этого гомона актеров было едва слышно. В партере ели сливовые пироги и свистели в свистульки, если не нравилось происходившее на сцене; такие звуки получили название «кошачьи вопли». Театральное представление всегда было событием, на которое жители города приходили,

чтобы хорошенько рассмотреть друг друга, а также узнать о том, как выглядит их мир со стороны, на сцене. Это был поистине коллективный опыт. Освещение в зрительном зале было ярче, чем дневной свет, а зрители несли на себе печать лондонской толпы, демонстрируя многие присущие ей черты — нередко вспыхивали настоящие беспорядки из-за цен на билеты или выступлений зарубежных артистов. Бывало, в помещении театра устраивались погромы, особенно после того, как управляющий выходил на сцену и просил тишины.

В театральном мире XVIII века зритель сам нередко становился актером. Известные завсегдатаи театра были притчей во языцех. Например, один зритель верхнего яруса галерки в знак одобрения действия на сцене стучал дубовой тростью по скамье или стенам, так что его слышал весь театр. По словам Джозефа Аддисона, это был «никому не известный крупный чернокожий мужчина», которого вскоре стали называть «сундучник с верхней галерки». Аддисон упоминает еще одного «красавчика без царя в голове», который имел обыкновение, выбравшись из боковой ложи, запрыгнуть на сцену прежде, чем поднимался занавес; там он нюхал табак, разма-

хивая шпагой, делал несколько выпадов перед занавесом, а затем поворачивался к зрительному залу. «Тут он завладевал вниманием публики, начинал беспорядочно кланяться и улыбаться, демонстрируя свои местами и правда белоснежные зубы. После этого он удалялся за кулисы, однако еще не раз во время представления можно было лицезреть, как он нет-нет да и высовывался на сцену».

Нехватка театров в столице означала, что несколько новых зданий было построено без королевской лицензии. Как известно, спрос рождает предложение. Так появились два театра на улице Хеймаркет: в 1705 году свои двери открыл оперный театр, а в 1766 году — варьете. Третий театральный зал появился на Айлифф-стрит в Уайтчепеле в 1727 году; в 1703 году неподалеку от этого места уже был учрежден театр, который в 1732 году пережил второе рождение. Таким образом, лондонский район Уайтчепел стал вторым домом английской драмы. Театры, не имевшие лицензии, получали неписаное разрешение развлекать публику при одном условии: их тут же закроют, если постановки будут сопровождаться серьезными правонарушениями.

Акт о театральных лицензиях 1737 года (The

Licensing Act), согласно которому все пьесы следовало отправлять на проверку лорду-камергеру, оказал сильное влияние на театр. Со сцены исчезли любые намеки на непристойные шутки или богохульства; о политической сатире теперь тоже можно было забыть. Оказавшийся на грани исчезновения театр XVIII века дал начало морализаторской и сентиментальной драматургии, которая призывала к праведным чувствам и мыслям. Как говорит Дэнгл в пьесе Шеридана «Критик, или Репетиция одной трагедии» (The Critic; 1779): «А по-моему, вся беда в том, что публика стала чересчур щепетильной. Не то что двусмысленной шутки или остроты, даже игривого намека не допускает. Покойникам и то достается — Конгрива и Ванбру берутся исправлять»[165].

Примечательно, что ограничения, введенные Актом о театральных лицензиях, не только привели к возникновению нового нравоучительного театра, но и заставили писателей пробовать себя в новых жанрах, меняя, таким образом, саму природу художественной литературы. Вся изобретательность и энергия, остроумие и дра-

---

[165] Примечания: 165
Перевод М. Богословской и С. Боброва.

матизм перекочевали с театральных подмостков на страницы книг. Акт о театральных лицензиях ознаменовал подъем английского романа — серьезного и глубокого жанра, который вскоре получил блестящее развитие. Раньше художественная литература воспринималась Дефо и его современниками лишь как побочный продукт журналистики; теперь она стала жить собственной независимой жизнью.

Так, раньше Филдинг и Смоллетт писали исключительно для сцены, а Филдинг даже получил прозвище «английский Мольер». Теперь их комедии обрели новый формат. То, что теперь было под запретом на сцене, нашло выражение в «Истории Тома Джонса, найденыша» (The History of Tom Jones, a Foundling) или в «Приключениях Перигрина Пикля» (The Adventures of Peregrine Pickle). Комизм, намеки и двусмысленности, полный драматизма конфликт и мелодраматический поворот сюжета легли в основу художественной литературы.

Шесть томов «Тома Джонса, найденыша» Генри Филдинга были изданы в начале 1749 года, а четыре тома «Приключений Перигрина Пикля» Тобайаса Смоллетта вышли в свет ровно два года спустя. Достойным прологом к этим масштабным

трудам стала «Кларисса, или История молодой леди» Сэмюэла Ричардсона, опубликованная в 1748 году. Эти три выдающихся произведения появились в течение четырех лет. Английский просветительский роман XVIII века следовал негласному принципу, что художественная проза может вобрать в себя весь спектр человеческого опыта и выйти за рамки ограничений, продиктованных особенностями театральной постановки.

XVIII век стал эпохой романистов. С середины и до конца столетия голоса поэтов и драматургов были практически не слышны; все внимание было приковано к новаторским идеям писателей-прозаиков. Сам Филдинг во второй книге «Истории Тома Джонса» называет прозу «новой областью в литературе» и заявляет, что он «волен дать ей какие угодно законы»[166]. Здесь нет необходимости соблюдать «три единства»[167] драматического произведения и следовать законам сценических жанров. В романах XVIII века отсутствует довлеющая и деспотичная структура повествования; главы похожи друг на друга,

[166] Примечания: 166

Перевод А. А. Франковского.

[167] Примечания: 167

Единство времени, места и действия — требование к пьесам классицизма.

каждая, однако, имеет собственные затейливые вариации, которые подогревают интерес читателя.

В предисловии к роману «Приключения графа Фердинанда Фатома» (The Adventures of Ferdinand Count Fathom; 1753) Смоллетт описывает свою книгу как «большое, размытое полотно, на котором натуралистично изображены различные персонажи; они объединяются в группы, оказываются в самых неожиданных обстоятельствах, по-разному проявляют свой характер, и все это делается с целью создать единый план и общую событийную канву, в которой каждый отдельный герой имеет свое предназначение». «Единый план» представлял величайшую истину эпохи, однако он не обязательно играл значимую роль в конкретном произведении. Фактически Смоллетт имел в виду лишь то, что предмет описания романа — человеческая жизнь во всем ее многообразии. И четких правил здесь не было и быть не могло. Так, Филдинг называл «Историю Тома Джонса» «героико-историко-прозаической поэмой», что могло либо дать исчерпывающее представление о произведении, либо оставить читателя в полном недоумении. «Приключения Перигрина Пикля» Смоллетта — еще один пример

соединения нескольких жанров в одном произведении; на страницах этого романа возникают сатира и мелодрама, звучат непристойности и уличная брань, ощущается некая театральность и сентиментальность, соседствуют пафос, реализм и бафос, интрига держит читателя в напряжении, а комедия развлекает. Все, что запрещали на сцене, в том числе и сами персонажи, хлынуло на страницы книг с возгласами: «А вот и мы!»

Несмотря на то что некоторые романисты были родом из провинции — Смоллетт родился в Данбартоншире, а Филдинг — в Сомерсете, — их мировоззрение было чисто лондонским. Роман был городским жанром, который брал свое начало в сатире и журналистике, и совсем не обязательно в рыцарском романе или аллегории. Филдинг говорил, что роман — это «та же газета, слов в которой не меньше, и так ли важно, есть в ней новости или нет». Лондон глубоко укоренился в литературном сознании. Филдинг придерживался философии городского жителя, в нем соединялись пантомима и театральность, выражавшиеся в безудержной энергии и страсти к приключениям, при этом он старательно избегал психологических или нравственных хитросплетений в своих произведениях. В его по-

нимании сложная личность проявлялась прежде всего в шокирующей чудаковатости. Персонажам Смоллетта из «Приключений Родрика Рэндома» также приходилось бороться, чтобы быть услышанными среди «модных развлечений города вроде театральных представлений, оперы, маскарадов, вечеров с танцами, ассамблей и театра марионеток»[168].

Еще одной причиной популярности романа стало его обращение к среднему классу, представители которого теперь составляли большую часть читателей. Герои романа были выходцами из определенной «социальной среды», при этом они могли принадлежать ей по праву или попасть в нее хитростью; в сельской местности это были сквайры или землевладельцы, в городе — леди и джентльмены. Таким образом, роман мог стать руководством или справочником для тех, кто стремился к знатности; пособием по этикету в светском обществе. Персонажи этих произведений добивались благосостояния и положения в обществе благодаря своим добродетелям, к примеру, роман Сэмюэла Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740) считался

[168] Примечания: 168
Перевод А. В. Кривцовой.

произведением, написанным, «чтобы культивировать принципы добродетели и религии в юношеских умах обоих полов». Ричардсон, без сомнения, преследовал эту цель, однако Хогарт и Смоллетт, вероятно, воспринимали его сентиментальность с долей скепсиса. В художественной литературе XVIII века преобладала приподнятая, если не сказать ироничная веселость, а тон задавали комичность, воодушевление и игривость. Однако точнее всего дух художественной литературы того времени можно определить словом *ирония*.

21
Ума палата

Граф Бьют, уязвленный и обескураженный своей непопулярностью в народе, ушел в отставку. Не успели воды забвения сомкнуться над его головой, как спустя восемь дней на политическую арену вышел Джордж Гренвиль. Он был родом из известной семьи и сумел построить блестящую политическую карьеру, объединив усилия с Уильямом Питтом, чью враждебность к Франции искренне разделял. Впрочем, Гренвиль не был фаворитом короля — Георг так и не смирился с вынужденной отставкой своего шотландского поверенного, на место которого пришел ничем не примечательный виг. Король терпеть не мог витиеватую и задиристую манеру речи Гренвиля. «Уж лучше повстречать черта в монарших покоях, — говаривал он, — чем Джорджа Гренвиля». Король вспоминал: «Порой он утомляет меня два часа кряду, а потом смотрит на часы, словно раздумывая, стоит ли мучить меня еще час». И тем не менее уже весной 1763 года этот зануда стал первым министром страны.

Не прошло и месяца на новом посту, как состоялась первая проверка Гренвиля на прочность. На открытии парламентской сессии 19 апреля Георг торжественно заявил, что Парижский мирный договор, подписанный двумя месяцами ранее, — это «честь и гордость короны и благо для народа». Впрочем, польза договора оставалась под вопросом. Годом ранее Джон Уилкс учредил еженедельную газету под названием North Briton («Северный британец»), иронично намекая на шотландца Бьюта. В новом издании Уилкс принялся поносить Гренвиля и короля. Главная фаворитка Людовика XV мадам де Помпадур както поинтересовалась у Уилкса, насколько далеко простирается свобода печати в Англии. «Именно это, — заявил он, — я и пытаюсь выяснить».

В 45-м номере North Briton, вышедшем 23 апреля 1763 года, Уилкс фактически обвинил короля во *лжи*: по его мнению, мир был заключен не из соображений чести и достоинства, а из-за коррупции и слабости. Он писал, что «каждый, кто считает себя другом этой страны, должен горько сожалеть о том, что принца, обладающего столькими выдающимися и похвальными качествами, перед которым благоговеет вся Англия, можно вынудить принять наигнуснейшие меры

и заставить делать столь несправедливые публичные заявления от своего священного имени, находясь во главе государства, которое славится безукоризненной честностью, благородством и незапятнанной добродетелью». Обвинение короля во лжи, пусть и косвенное, приравнивалось к мятежу.

Имя Уилкса было у всех на устах. Его самый известный портрет, на котором он предстает со злодейской усмешкой, создан Уильямом Хогартом. Парик на гравюре удивительным образом напоминает рожки дьявола. Косоглазие Уилкса не художественный вымысел — он был таким от природы. Это лондонский радикал старой формации, сын солодового винокура с Сент-Джон-сквер в Кларкенуэлле — колыбели радикального движения еще со времен Уота Тайлера. В юности Уилкс отличался весьма одиозным поведением, он даже посвятил два или три не самых удачных года службе в парламенте, прежде чем воодушевленно взяться за перо на страницах North Briton.

Протест, поднявшийся в результате нападок на Георга III, имел беспрецедентный размах. Призывы к аресту дерзкого журналиста нельзя назвать непредсказуемыми, однако, по роковому стечению обстоятельств, правительство издало

бланкетный ордер, то есть ордер, который мог быть использован в отношении любого, кто оказывался неугодным власти. Уилкса заключили в Тауэр. В начале мая 1763 г., дважды выступая в Вестминстер-холле, он оба раза назвал ордеры незаконными. Кроме того, на правах члена парламента он требовал выпустить его на свободу. Во втором обращении к суду он заявил, что «свобода всех пэров и джентльменов и, что особенно важно для меня, среднего класса и низших сословий… решится сегодня вместе с моим делом». После этого председательствующий суда снял с Уилкса обвинения в тяжком преступлении и государственной измене и приказал освободить его. Уилкс повел себя как типичный политический радикал: не подчинился общественному мнению, а сформировал его, руководствуясь личными интересами. Он заявил, что он честный гражданин, который оказался замешанным в интригах сильных мира сего и их приспешников. В своем лице он озвучил вопрос большинства: быть ли свободе в Англии «реальностью или лишь тенью». Так возник лозунг, эхом звучавший на улицах Лондона: «Уилкс и свобода!» Многотысячная толпа сопровождала его от Вестминстера до дома. Довольно скоро в избытке появились

листовки, плакаты и памфлеты, рассказывающие о деле Уилкса.

Сразу после освобождения Уилкс предъявил иск статс-секретарю Джорджу Монтегю-Данку, 2-му графу Галифаксу, за то, что тот подписал бланкетный ордер. Уилкс получил моральную компенсацию в размере 1000 фунтов от сочувствующего суда. Фактически Уилкс бросил вызов власти и одержал победу. Для тех, кто считал, что с правящими кругами что-то не так, это стало настоящим подарком.

Однако и власть может поступать подло и коварно. Несколькими годами ранее Уилкс участвовал в написании сатирической пародии на поэму Александра Поупа «Опыт о человеке» (An Essay on Man) под названием «Опыт о женщине» (An Essay on Woman). Эту непристойную элегию недоброжелатели приписывали епископу Вустерскому. Одной из героинь пародии была известная куртизанка Фанни Мюррей, давняя любовница Джона Монтегю, 4-го графа Сэндвича. Поэма открывалась словами: «Проснись, моя Фанни!» — хотя в некоторых источниках встречались нецензурные вариации: «Проснись, моя киска». В довершение всего в этом порнографическом стихотворении Фанни сравнивали с Девой Марией.

Намереваясь безобидно пошутить, Уилкс на деле совершил серьезный промах. Фрагменты стихотворения зачитывали теперь в палате лордов. Благородные джентльмены, не разделявшие взгляды парламентария, который требовал для себя иммунитета от судебного преследования, пришли в ярость от выходки Уилкса, сумевшего перетянуть на свою сторону народ и судей. Виги, имевшие политическое преимущество, воздержались от выражения поддержки. В ноябре 1763 года палата лордов признала поэму «Опыт о женщине» «скандальной, неприличной и нечестивой клеветой». В то же время палата общин заявила, что 45-й номер газеты North Briton полон «грубой, вульгарной и политически опасной лжи», и приказала, чтобы палач публично сжег газету на площади у Королевской биржи. Однако собравшаяся там внушительная толпа лондонцев помешала блюстителям закона предать газету огню.

Палата общин лишила Уилкса неприкосновенности. Отныне ему могли предъявить обвинение в распространении клеветы и подстрекательстве. Во время дуэли с политическим оппонентом он был ранен в живот, однако вовремя выздоровел и успел бежать во Францию в конце 1763 года, из-

бежав неминуемого поражения в суде, которым грозили ему его могущественные оппоненты. Впрочем, Уилкс не утратил чувство юмора. Когда его приглашали за карточный стол, он отказывался, объясняя это тем, что «не может отличить короля от валета».

В отсутствие Уилкса его судили за клевету, признали виновным и приговорили к ссылке. Рассказывали, что в Париже он был счастлив как никогда, наслаждаясь остроумием, культурностью и интеллигентностью французов, заклятых врагов Англии, и на время позабыв о ханжестве и формализме лондонцев. В «Приключении Перигрина Пикля» Тобайас Смоллетт признается, «что во Франции нет недостатка в людях безупречной честности, глубокого ума и самого широкого образования»[169].

Не менее радушный прием ожидал Уилкса и в Северной Америке, где чуть ли не каждый превозносил его как страстного борца за свободу. Некоторые даже утверждали, что Уилкс и Америка либо устоят, либо падут вместе. Во время его заключения в Тауэре колонии всячески поддерживали узника: Виргиния отправляла ему

---

[169] Примечания: 169
Перевод А. В. Кривцовой и Е. Ланна.

табак, а Бостон снабжал черепаховым мясом; Южная Каролина перечислила 1500 фунтов в счет оплаты его долгов, а недавно возникшая американская организация «Сыны свободы»[170] открыто заявила о дружеском отношении и симпатиях к Уилксу. Наравне с ними он вел борьбу против продажных властей.

Как бы то ни было, ситуация в американских колониях оставалась непростой. Некоторые из них уже подверглись нападениям со стороны коренных индейских племен в ходе восстания Понтиака (1763–1766), получившего название по имени его предводителя. Хотя ожесточенные бои, казалось, ограничивались областью Великих озер и территориями Иллинойса и Огайо, паника стремительно распространилась и на другие колонии. Поговаривали, что отряды англичан в отместку за зверства, которые учиняло коренное население, раздавали одеяла, зараженные вирусом оспы. Это маловероятно. В Лондоне решили, что в Северную Америку следует направить постоянный военный контингент не только

[170] Примечания: 170

«Сыны свободы» (англ. *Sons of Liberty*) — патриотическая революционная организация североамериканских колонистов, основанная в 1765 г. и боровшаяся за самоопределение британских колоний. Одной из акций «Сынов свободы» стало «Бостонское чаепитие».

для усмирения коренных племен, но и с целью предотвращения вторжения французов на некогда принадлежавшие им территории. В любом случае Франция по-прежнему владела землями вокруг Нового Орлеана и контролировала устье реки Миссисипи. Восстание Понтиака продолжалось чуть менее двух лет.

Разумеется, на военную кампанию требовалось финансирование, содержание войск обходилась недешево, и единственное здравое решение первый министр Джордж Гренвиль видел в том, чтобы колонисты взяли на себя часть расходов. Король уже обвинил Гренвиля в том, что тот рассуждает как «клерк в счетной конторе». Тем не менее идея введения гербового сбора казалась весьма логичной. Разрабатывая его, министр руководствовался тем, что новый налог не слишком обременительный и не слишком явный. Согласно Акту о гербовом сборе (Stamp Act) 1765 года колонисты должны были покупать у специальных агентов гербовые марки, которые служили подтверждением подлинности официальных документов. Гренвиль великодушно дал колонистам год, в течение которого они могли обращаться к нему с предложениями по взиманию налога. Однако он и представить себе не мог мас-

штаб массовых протестов и волнений, причиной которых стал этот штемпельный сбор, введенный без согласия колоний. Это была не просто провокация, это сочли оскорблением. Американцы, как говорили тогда, были «ревнителями свобод» и считали любое вмешательство Англии в их внутренние дела проявлением тирании.

Джордж Гренвиль ушел в отставку спустя четыре месяца после введения Акта о гербовом сборе. Причиной этому, однако, стал отнюдь не злополучный закон (хотя Акт о гербовом сборе претендовал на звание самой провальной страницы в истории английского законодательства). Гренвиль был вынужден уйти, поскольку слишком часто навлекал на себя гнев короля. Последней каплей стала попытка Гренвиля исключить имя матери короля из Акта о регентстве (Minority of Heir to the Crown Act), который составили в связи с болезнью Георга III. Король отправил Гренвиля в отставку прежде, чем нашел ему достойную замену, и вот колесо Фортуны стало раскручиваться с небывалой скоростью. Имена Бьютов, Рокингемов, Чатамов, Гренвилей, Шелбернов, Фоксов и Нортов вращались на огромном рулеточном столе, и все, затаив дыхание, ждали, кому выпадет золотой шарик. Счастливчиком

оказался Чарльз Уотсон-Уэнтуорт, 2-й маркиз Рокингем, однако его служба продлилась недолго — он пробыл на посту премьер-министра лишь год. Когда семнадцать лет спустя золотой шарик власти выпал ему вновь, смерть смилостивилась над ним, прервав его карьеру через четыре месяца после назначения.

Такое положение вещей не способствовало порядку и последовательности политического курса. Гербовый акт Гренвиля уже вызвал крайнее возмущение и недовольство американцев. Первой в череде протестующих стала Виргиния, выпустив целый ряд резолюций, которые получили название «набат недовольных». Недовольные символически вздернули на дереве портрет чиновника, направленного в Бостон с поручением ввести там гербовый сбор, таким образом полностью дискредитировав его должность. Бунты все чаще вспыхивали и в других колониях, становясь все более и более жестокими: мятежники грабили дома чиновников и жгли судебные протоколы. Британским товарам был объявлен бойкот, все действующие торговые соглашения расторгнуты, что сильно ударило по английской экономике. Восстанием это назвать еще нельзя, однако все к тому шло.

В октябре 1765 года в Нью-Йорке состоялся Конгресс Гербового акта, во время которого представители части британских колоний договорились выступить с петициями, требуя освободить колонии от уплаты налогов, а также заявили, что без представительства в британском парламенте налогообложение незаконно. При этом казалось, что американцы пребывают в не меньшем смущении и недоумении, чем англичане. Одни не скрывали свою ярость по поводу того, что метрополия очевидно намерена ввести систему колониального гнета за счет обеспечения постоянного военного присутствия. Другие поддерживали короля, по-прежнему считая себя верными подданными британской короны. По некоторым данным, лоялисты, то есть преданные сторонники монархии, составляли от одной трети до одной пятой колонистов. В каждой из 13 колоний были своя конституция и судебная практика, что провоцировало еще большую неразбериху.

1 ноября 1765 года, в день вступления в силу Акта о гербовом сборе, над Америкой раздался траурный звон колоколов, а флаги были приспущены. Англичане отнеслись к столь неожиданному протесту неоднозначно: некоторые

министры выступали за компромисс, в то время как другие не желали уступать из принципа. Рокингем, недавно назначенный первым министром, понимал, что худой мир лучше доброй войны; он отдавал себе отчет в том, что британское правительство бессильно в урегулировании проблем по другую сторону Атлантического океана. В марте 1766 года министры и члены парламента подавляющим большинством голосов приняли решение упразднить акт, при этом за проголосовало более ста человек. По мнению Эдмунда Берка, секретаря Рокингема, это событие «вызвало небывалое ликование во всех британских владениях, ничего подобного на нашей памяти еще не бывало». Разумеется, на эту уступку пришлось пойти лишь из-за угрозы применения силы, однако вслед за отменой Акта о гербовом сборе был принят Декларативный акт (Declaratory Act), согласно которому британский парламент имел право «издавать законы и предписания», которые «обязательны к исполнению для колоний и народа Америки, кои являются подданными британской короны, во всех возможных случаях». Другими словами, отказ от Гербового акта был не чем иным, как компромиссом, ситуация становилась все более запутанной,

хотя об этом в то время подозревали немногие. Большинство были полностью удовлетворены отменой ненавистного штемпельного сбора.

Позднее некоторые осознали серьезность конфликта. Борец за независимость Америки Томас Пейн в памфлете 1782 года писал, что Декларативный акт не оставил колонистам «вообще никаких прав; кроме того, он таил в себе зачатки самого деспотичного правления, когда-либо существовавшего на земле». Пейн утверждал, что «он охватывал все сферы жизни, и человек более не принадлежал самому себе… Такова природа любого закона — требовать повиновения, однако этот акт требовал настоящего рабства». Он предчувствовал, что Декларативный акт станет причиной войны 1775 года и поражения Британии[171]. Еще одним поводом к войне мог стать Конгресс Гербового акта, который объединил североамериканские колонии перед лицом общего врага.

Впрочем, Рокингем не успел насладиться плодами своей политической деятельности, поскольку

[171] Примечания: 171

Следует учитывать, что памфлет, на который ссылается П. Акройд, вышел уже после Декларации независимости США 1776 г. и не может подтвердить предчувствия Томаса Пейна: это лишь рассуждения задним числом. — *Прим. науч. ред.*

летом 1766 года ему на смену пришел стареющий Уильям Питт, все еще питавший иллюзии относительно своей избранности. Он принял от короля титул графа, что, по мнению многих, оказалось непростительной ошибкой: новоиспеченный потомственный лорд перестал быть «Великим Общинником», легендой из мира политики. Став графом Чатамом, он был вынужден продвигать свои политические взгляды через палату лордов, в которой он не пользовался авторитетом и не отличался красноречием, прославившими его в нижней палате. В пасквилях и памфлетах высмеивали его претенциозность. «Его яростный патриотизм, подкрепленный уверенными заявлениями, изысканными метафорами, цветистыми сравнениями, дерзкими выпадами, трогательными жалобами, лицемерными обещаниями, которые уже изжили себя, стал разменной монетой и был отдан за бесценок».

Питт решил занять должность лорда — хранителя малой печати[172], а первым лордом Казначейства был назначен малоизвестный Огастес Генри Фицрой, 3-й герцог Графтон. Такая

[172] Примечания: 172

Лорд — хранитель малой печати (англ. *Lord Privy Seal*) — одна из старейших должностей в британском правительстве, отвечает за сохранность личной печати монарха.

диспозиция неизбежно провоцировала неустойчивость власти. Граф Чатам никогда не отличался особым вниманием к вопросам административно-хозяйственного управления, однако в то лето, когда неурожаи привели к хлебным бунтам и массовым акциям протеста, его халатность повлекла за собой роковые последствия. Собранный им кабинет представлял собой довольно разношерстную публику. Берк сравнил их с «мозаичным полом, выложенным без цемента». Члены кабинета происходили из совершенно разных сфер, и неудивительно, что при встрече нередко спрашивали «Ваше имя, сэр?», а первым комментарием служило: «Вы меня знаете, сэр, а я вас нет». Король Пруссии Фридрих II как-то сказал британскому посланнику в Берлине, что с британским правительством невозможно вести дела — оно слишком ненадежно.

Служба Чатама на посту первого лорда Казначейства обернулась полным провалом, и, возможно, он сам это понимал, поскольку в течение нескольких месяцев слег. Вначале его свалила подагра — поголовный недуг того времени. В этой связи Питт был вынужден провести весь октябрь 1766 года на водах в Бате; первые два месяца нового года он продолжал лечение на том

же курорте. Отсутствие первого министра (пусть он и не занимал эту должность официально) всегда пагубно сказывается на государственных делах. К лету состояние Чатама заметно ухудшилось, и один из его современников, бывший канцлер Казначейства лорд Литтелтон, полагал, что тот страдал от «глубочайшей меланхолии, граничащей с безумием». Питт, или «бывший», как его нередко называли, отказывался решать какие-либо административные вопросы, любое официальное письмо вызывало в нем дрожь; он уединялся в затемненной комнате и погружался в молчаливые страдания.

Новым фактическим главой правительства стал герцог Графтон, а Чатам остался не у дел. Чарльз Тауншенд в то время занимал пост канцлера Казначейства и к 1767 году, казалось, забыл тот урок, который преподал властям Гербовый акт. Он разработал несколько законов под названием Акты Тауншенда (Townshend Acts), которые предусматривали таможенные пошлины на ряд товаров широкого потребления, ввозимых в Америку, среди которых значились чай, стекло и бумага. Законодательная инициатива преследовала четкую цель — покрыть расходы по управлению колониями. Деньги предназнача-

лись для губернаторов и армии, они получили бы большую свободу от тех, кого по-прежнему называли колонистами. «Каждый человек в Англии, — писал Бенджамин Франклин, — по всей видимости, считает себя властелином Америки, пытается усесться на трон рядом с королем и рассуждает о *наших* подданных в колониях». В Америке реакция на новый закон была резко отрицательной. Массово уничтожались протоколы судебных заседаний, а купцы отказывались вести дела с Англией.

Но этот закон вызвал менее широкий общественный резонанс, чем Гербовый акт. Экономический подъем и природная сдержанность дипломатов по обеим сторонам Атлантического океана, их стремление к компромиссу объясняют затишье, продлившееся три года. В любом случае на тот момент американский вопрос не слишком занимал Лондон. Куда более интересной и опасной представлялась история, главную роль в которой играл Джон Уилкс.

Он вернулся домой из добровольного изгнания во Францию в феврале 1768 года, и если он рассчитывал учинить скандал своим возвращением, то его ждало глубокое разочарование. Власти не собирались его арестовывать. Это принесло бы

слишком много неприятностей. Однако Уилкс был твердо намерен напомнить о себе и решил баллотироваться на предстоящих парламентских выборах, запланированных на период с марта по май, от округа лондонского Сити; впрочем, он занял последнее место в избирательном списке — поддержки ремесленников и воротил Сити оказалось недостаточно. Уилкс не впал в уныние и не опустил руки, а обратил свой взор на более радикальный Мидлсекс. В этом графстве неподалеку от Лондона обитали купцы и мелкие предприниматели. В результате Уилкс попал в избирательный бюллетень от округа Брентфорд-Баттс. Выборы, состоявшиеся 28 марта, напоминали театральное действо: 250 экипажей со сторонниками Уилкса с голубыми кокардами на шляпах размахивали плакатами с надписью «Уилкс и свобода!», направляясь к месту избрания членов парламента. К ярости короля и восторгу народа, он одержал безоговорочную победу. Горожане были обязаны зажечь свет в окнах по случаю празднования, а те, кто этого не делал, рисковали лишиться стекол. Рассказывали, что буквально на каждой двери от Темпл-Бара до Гайд-парк-корнера была нацарапана цифра 45; семена раздора были посеяны в 45-м выпуске

газеты North Briton. В ежегодном политическом альманахе Annual Register сообщалось, что город охватили «страшные беспорядки».

Уилкс чутко улавливал настроения Лондона еще со времен юности, проведенной в Кларкенуэлле. Ему было легко проникнуться природным радикализмом городской толпы, для которой диссидентство — дело обычное. Радикальные клубы и братства проводили встречи в пивных и тавернах, где звучали громкие призывы к борьбе за свободу и против произвола исполнительной власти. За Уилксом последовали мелкие собственники, городские фригольдеры, торговцы, лавочники, ремесленники и рабочие, формально находившиеся под контролем сильных мира сего — воротил Сити и политической элиты.

Число 45 стало лозунгом улиц и символом борьбы за правое дело. Возможно, неслучайно последнее восстание якобитов произошло в 1745 году. По заказу трактирщика из города Ньюкасл-на-Тайне был изготовлен канделябр с 45 подсвечниками. В газете Newcastle Journal сообщалось, что в апреле 1768 года на праздничном ужине, который Уилкс устроил сразу после выборов, присутствовало 45 гостей, которые «без четверти два выпили 45 четвертей пинты вина и

съели 45 свежеснесенных яиц». Было пять перемен блюд, каждая из которых состояла из девяти кушаний, производное которых давало все то же магическое число, а в центре стола красовалась говяжья вырезка весом ровно 45 фунтов. Этим дело не кончилось. Магия чисел сводила людей с ума: 45 тостов, 45 трубок с табаком, 45 фейерверков, парики с 45 завитками. На флагах, которые сторонники Уилкса несли в Брентфорд на выборах, было написано: «Свобода. Привилегии! Билль о правах. Великая хартия вольностей!» Эти компоненты издревле составляли систему ценностей англичан.

Король потребовал, чтобы этому мятежнику и скандалисту, ведущему подрывную деятельность, помешали занять место в парламенте, в результате возникло множество споров о том, может ли преступник, пусть и приговоренный заочно, участвовать в общественной жизни страны. Вскоре Уилкс взял инициативу в свои руки и заявил, что он сдается властям и готов ожидать приговора в тюрьме суда королевской скамьи в Саутуарке. Тюрьма находилась рядом с пустырем под названием Сент-Джордж-Филдс, где стало собираться все больше и больше народа. Толпа разрасталась с такой скоростью, что 10 мая

1769 года правительство направило туда полк шотландских солдат для охраны общественного порядка. Когда солдаты по ошибке застрелили ни в чем не повинного прохожего, разразился бунт. Акт о бунтах (Riot Act) прошел второе чтение в парламенте, после чего было убито еще пять или шесть человек, среди которых «мистер Уильям Редберн, ткач, который был ранен в бедро и умер в лондонской больнице», и «Мэри Джеффс из городка под названием Сент-Сейвиор, которая продавала апельсины на улице Хеймаркет и скончалась на месте».

В июне на Уилкса был наложен штраф, и его заключили в тюрьму на двадцать два месяца по обвинению в клевете и подстрекательстве; впрочем, его заключение проходило в довольно комфортных условиях благодаря продуктам и деньгам, которые жертвовали Уилксу его состоятельные сторонники. Палата общин попыталась еще сильнее опозорить его, лишив места в парламенте от графства Мидлсекс, что вызвало единичные мятежи в Лондоне, а 2000 фригольдеров Мидлсекса намеревались повторно выдвинуть его кандидатуру на выборах в парламент. Далее началась самая настоящая политическая комедия: Уилкс снова беспрепятственно прошел в

парламент, но был лишен мандата; он решил баллотироваться вновь, одержал победу, однако ее признали недействительной. Избиратели Мидлсекса в очередной раз отдали голоса Уилксу, однако его тут же исключили из предвыборной гонки на основании «невозможности быть избранным». Он пошел на выборы в пятый раз и вновь победил по избирательным бюллетеням, однако палата общин пригласила на его место его оппонента.

Весной следующего года Уилкса освободили из заключения под ликующие возгласы толпы, обращенные к народному герою, который проявил храбрость и изобретательность в нелегком деле противостояния властям. У Уилкса не было как таковой политической программы, и его едва ли можно назвать радикалом и тем более революционером. Уилкс обращался к тем ценностям, которые считались традиционными свободами народа, однако он ясно осознавал, какое влияние на происходившее могла оказать так называемая четвертая власть — пресса. Он дирижировал политическим сознанием нации, умело используя такие инструменты, как высмеивание, сатира и разоблачение. Он был символом непокорности и независимости. Когда Уилкс, будучи на свободе,

набирал сторонников в Мидлсексе, один домовладелец сказал ему: «Я скорее проголосую за дьявола». — «Разумеется, — ответил Уилкс, — но если ваш приятель не пройдет, могу я рассчитывать на вашу поддержку?» Памятник Уилксу стоит сегодня в самом начале улицы Феттер-Лейн и является единственным памятником в Лондоне, страдающим косоглазием.

Власть печатных СМИ неуклонно росла. В середине XVIII века укрепилось понимание важности непредвзятого общественного мнения, выразителем которого была пресса. Газета Morning Chronicle была основана в 1770 году, а Morning Post — двумя годами позднее; к 1777 году в Лондоне издавалось уже 17 газет, семь из которых выходили ежедневно. Год спустя газета Sunday Monitor стала первым воскресным периодическим изданием в Англии.

Как бы то ни было, XVIII век был великой эпохой политических волнений. Постепенное угасание графа Чатама привело к снятию его с должности осенью 1768 года, при этом позиции герцога Графтона укрепились. Именно ему выпало руководить правительством во время мятежей в поддержку Уилкса и американского налогового бунта, однако он не был прирожденным лидером,

и ему приходилось нелегко в эпоху мятежей, петиций и газетных насмешек.

Настоящую сенсацию произвел в прессе один анонимный автор. В периодических изданиях внезапно появился корреспондент, пишущий под псевдонимом Джуниус. У него был талант к грубым шуткам и резким оскорблениям, однако всеобщее возбуждение вызывала именно его анонимность. По словам Сэмюэла Джонсона, «пока он ходит, словно Джек — покоритель великанов, окутанный плащом тьмы, он может без особых усилий натворить немало бед». Возможно, это был министр или экс-министр, исподтишка раскрывавший государственные секреты? Его очерки печатались в газете Public Advertiser с 1769 по 1772 год, то есть в разгар дела Уилкса. Анонимный корреспондент приложил немало усилий, чтобы разжечь пламя общественного негодования. Герцог Графтон, по его описанию, был «редкостным трусливым деспотом», который «растерял всякое человеческое достоинство», а король — «самым злонамеренным и подлым человеком во всем королевстве». Мать короля Августа Саксен-Готская получила прозвище «демон раздоров», который «в приступе пророческой злобы наблюдает за делом рук своих». Когда она

умирала от рака, Джуниус писал, что «ничто не поможет ей выжить, кроме разве что жуткой выжимки из жаб. Подобный пример божественной справедливости обратит в веру даже атеиста». В этих очерках соединялись мрачность и натуралистичность, боль и злость, отлично дополняя моду на политические карикатуры Джеймса Гилрея и других художников 1780-х годов.

Их рисунки обнажали мир ужаса и деградации: политические фигуры Вестминстера, где всем будто правил корыстолюбивый Сизиф, были искажены, обезображены и непропорциональны; огромные обвислые зады исторгали экскременты, а все участники происходящего изображались согбенными уродцами. Так называемые государственные деятели истекали слюной, любуясь своими трофеями, а публика мочилась от возбуждения или страха. Глядя на карикатуры того периода, можно было буквально почувствовать зловонное дыхание их персонажей. Политические оппоненты уничтожали друг друга громом высвобождаемых газов, щедро сдобренных экскрементами или рвотными массами, с которыми выходили их алчность или яд, образуя неудержимый поток омерзительной жижи. На одной карикатуре изображен политик,

на голове которого покоится ночной горшок с мочой, а на другой бюрократ предвкушает порку. В этом иллюстрированном мире царила полная деградация, которую в прошлых столетиях было просто невозможно себе представить, за исключением, пожалуй, обезьян и других персонажей, оживлявших поля средневековых манускриптов (маргиналии). Такова была традиция скабрезного и фривольного английского юмора, доведенного до крайнего абсурда. В реальном мире кипели свои страсти. Герцог Графтон предложил должность лорд-канцлера Чарльзу Йорку; Йорк принял предложение, однако, не сумев справиться с тревогой, перерезал себе горло.

Эпоха мятежей усугублялась шумихой вокруг дела Уилкса и непокорностью американских бунтовщиков. Народное недовольство витало в воздухе. В 1769 году Бенджамин Франклин писал: «В этой стране в течение одного года я был свидетелем бунтов из-за зерна; бунтов из-за выборов; бунтов из-за работных домов; бунтов шахтеров, бунтов ткачей, бунтов возчиков угля, бунтов лесорубов; при мне происходили бунты сторонников Уилкса; бунты председателей правительства; бунты контрабандистов, в ходе которых были убиты служащие таможни и сборщики акцизов

из-за того, что вооруженные суда короля палили по ним». За год до этого в Дептфорде, в Ньюкасле и других крупных портах мятеж подняли торговцы-мореходы, а в Саутуарке, требуя повышения жалованья, на митинг вышли шляпники. Еще годом ранее страну сотрясали голодные бунты, мародерство и народные волнения.

Преимущественно в крупных городах наметился активный рост числа политических клубов и обществ единомышленников. Впрочем, нам почти ничего не известно об их статусе: мы можем лишь предполагать, что свой Кромвель или Хэмпден, поносивший какого-нибудь сквайра, священника или «этих в Вестминстере», был в каждой гостинице и таверне. В период с мая 1769 по январь 1770 года в Сент-Джеймсский дворец были направлены петиции из 13 графств и 12 городских округов, в каждой из которых содержалась просьба или требование о скорейшем роспуске парламента. Впервые в политической жизни страны хаотичные столпотворения или мятежи уступили место общественным собраниям. Летом 1769 года в Вестминстер-холле собралось 7000 человек, чтобы выразить недовольство правительством страны.

Герцог Графтон поддался всеобщему давлению,

и король назначил на его место Фредерика Норта, 2-го графа Гилфорда, который до этого времени взбирался по скользкой лестнице политической карьеры без досадных падений. Последующие поколения считали лорда Норта — именно так его чаще всего называли современники — болваном, который из-за собственной некомпетентности умудрился потерять Америку. Однако в действительности это был прагматичный политик, который своей манерой управлять парламентом напоминал Роберта Уолпола. К несчастью, он обладал незавидной наружностью и скорее походил на карикатуру самого короля: глаза навыкате и обвислые щеки придавали ему, по словам Хораса Уолпола, «вид слепого трубача». Однако, как тогда было принято говорить, он обладал большим умом и хорошим чувством юмора, помогавшим ему сохранять спокойствие и самообладание во времена кризиса. Однажды, когда Норт спал на правительственной скамье в палате общин, на него с критикой обрушился один из парламентариев, порицая первого министра за то, как тот руководит страной, а вернее, губит ее, на что граф Гилфорд, приоткрыв один глаз, заметил: «Эх, если бы это было так». Норт был расчетлив, осторожен, терпелив и методичен. «Он не зря занимает это

кресло», — говорил о нем Джонсон.

Не иначе как политическим чудом можно назвать тот факт, что Норт, несмотря на накаленность обстановки, сумел ввести Англию в состояние дремоты или инертности. «После массовых волнений, — писал Берк, — страну охватила не менее масштабная вялость и апатия». Яростное возбуждение, за которым последовало мрачное безразличие, не так просто объяснить, разве что провести аналогию с особенностями человеческой психики. Разумеется, лорд Норт не имел большого влияния на американские колонии, где его попытки утихомирить народ лишь усугубляли ситуацию.

Став первым министром в 1770 году, Норт принял решение отменить налоги, введенные Тауншендом на все ввозимые в Америку товары, кроме чая. Предполагалось, что эта мера окажет успокаивающее действие, однако на деле она спровоцировала серьезный конфликт. Освобождение от налогов можно было считать волевой победой американцев, если бы не налог на чай, который и послужил поводом для дальнейших действий, ведь он служил символом американского рабства.

5 марта 1770 года толпа бостонцев окружила

английских солдат, которым предписывалось охранять здание таможни в порту; американцы оскорбляли солдат, угрожали им, а затем напали. Был дан приказ стрелять; трое бостонцев умерли на месте, еще двое впоследствии скончались от ран. Англичане срочно снялись с места под градом швыряемых в них камней, однако горожане настояли на том, чтобы те покинули город навсегда. Они требовали, чтобы английские солдаты переместились в Форт-Уильям на одноименном острове в трех милях (4,8 км) от города. Американцы одержали еще одну знаковую победу. Это событие со временем получило название «Бостонская резня» и дало пищу для пафосных речей. В одной из них в память о событии говорилось: «Наши дома объяты пламенем, благополучие наших детей зависит от варварской прихоти рассвирепевшей солдатни; наши прелестные, невинные девушки отданы на растерзание разнузданной похоти…» Этот инцидент так никогда и не был забыт и считается самым значимым поводом к войне за независимость. Впрочем, американцы из других колоний возмущались гораздо меньше, некоторые осуждали животную несдержанность бостонской толпы. В New York Gazette предлагалось «прекратить травлю англичан».

Итак, ход событий был неясен даже тем, кто находился в самой их гуще. Некоторые полагали, что демонстрация силы заставит противника отступить. Американцы кричали «Тирания!», англичане вопили «Предательство!». Стороны имели ложное представление друг о друге, и неудивительно, что полное отсутствие взаимопонимания породило конфликт.

Три небольших инцидента наводят на размышления о причинах вспыхнувшей войны. В 1770 году в Нью-Джерси был избит сборщик таможенных пошлин. В июне 1772 года британское таможенное судно потерпело крушение у побережья Род-Айленда и было немедленно сожжено местными жителями. В марте 1773 года ассамблея Виргинии предложила всем колониальным ассамблеям вести корреспонденцию, на что Бенджамин Франклин заметил, что «это может перерасти в конгресс». Такой конгресс мог представлять общие интересы и обозначать проблемы британских колоний, что крайне встревожило бы министров в Вестминстере. Отныне неумолимый ход истории уже было не остановить.

22
Волшебные машины

В 1719 году два брата, Джон и Томас Ломбе, построили фабрику на одном из островов на реке Дервент. Там размещались машины для прядения шелка, вызывавшие неподдельное любопытство и всеобщее восхищение. Это было «новое изобретение», которое, согласно оригинальному патенту, представляло собой «три станка, которые никогда прежде не изготавливались и не применялись в Великобритании: первый — чтобы перематывать тончайшие нити шелка-сырца, второй — чтобы прясть шелк, и третий — чтобы скручивать его». В заявлении на продление патента, составленном четырнадцатью годами позднее, говорилось о «97 746 колесах, механизмах и отдельных деталях (работавших день и ночь)». В «Универсальном словаре торговли и коммерции» (The Universal Dictionary of Trade and Commerce) Малахий Постлетуэйт писал: «Эта малышка, не более пяти-шести футов (1,5–2 м) в высоту, оснащена двумя рычагами-плечами и имеет такую же производительность, что и куда

более крупные машины».

Чтобы посмотреть на новое чудо техники, светская публика съезжалась на экипажах со всего графства. Источником энергии для фабрики — каменного пятиэтажного сооружения — служило огромное водяное колесо; внутри здания все вращалось, издавая характерное гудение. Один человек отвечал за изготовление 60 нитей. Фабрика была главной достопримечательностью города Дерби, а благодаря многочисленным механизмам, непрерывной работе и специализированному персоналу может считаться прототипом шелкопрядилен и хлопкопрядилен конца XVIII и XIX века. Поговаривали, что братья Ломбе украли идею машины у итальянцев, за что Джон Ломбе был в 1722 году отравлен, однако, без сомнения, эта версия — не более чем выдумки новой эпохи. К началу XIX века фабрика в Дерби, словно какой-нибудь памятник древнего прошлого, уже стала привычным элементом городского ландшафта.

Было немало и других чудес. Спустя год после того, как построили шелкопрядильню, Даниель Дефо писал о «новых начинаниях в торговле; новых изобретениях, станках, фабриках в стране, где нас, теперешних, заставляют двигаться даль-

ше и становиться лучше». Однако в ту пору никто не использовал слово «фабрика» в отношении производственного предприятия; как правило, так называли здания, где размещались иностранные купцы. Со временем эти массивные мрачные сооружения становились неотъемлемой частью социально-экономической жизни страны. В 1769 году Мэттью Болтон закончил строительство мануфактуры Сохо на пустоши Хэндсворт-Хит на северо-востоке Бирмингема; предприятие специализировалось на изготовлении различных безделушек, например галантерейных изделий — пряжек и пуговиц. Основное складское помещение фабрики представляло собой трехэтажное здание, поделенное на 19 зон, фасад был выполнен в палладианском стиле[173]. Однако внешне фабрика скорее напоминала тюрьму, нежели загородный дом. Именно там в 1776 году Джеймс Уатт начал производство паровых двигателей. Семью годами ранее были запатентованы изолированная камера для конденсации Джеймса Уатта и прядильная ватермашина Ричарда

[173] Примечания: 173

Палладиева архитектура — стилевое течение раннего классицизма, основателем которого был итальянский архитектор Андреа Палладио, который следовал композиционным принципам классической храмовой архитектуры Древних Греции и Рима, а также вдохновлялся искусством римского классицизма начала XVI в.

Аркрайта; теперь можно было разрабатывать новые двигатели, приводимые в действие паром, а благодаря ватермашине — получать километры недорогой хлопковой ткани, в результате чего стоимость одежды становилась все ниже и ниже.

В том же 1769 году, когда весь политический мир страны сотрясали лозунги «Уилкс и свобода!», Джозайя Веджвуд открыл масштабное производство керамики на территории площадью 350 акров (1,4 км^2), недалеко от канала между реками Трент и Мерси в Стаффордшире. Мануфактура получила название «Этрурия» в честь древней цивилизации этрусков, что создавало иллюзию живописного прошлого даже несмотря на то, что фабрика была оснащена по последнему слову техники. Фактически Веджвуд открыл эпоху роскошного фарфора в Англии. Именно он привил англичанам вкус к неоклассицизму. Гений британского керамиста во многом определил эстетику промышленных преобразований, которые при этом не требовали внедрения принципиально новых технологий.

Спустя два года после основания Этрурии Ричард Аркрайт открыл крупное прядильное предприятие в Кромфорде, в графстве Дербишир,

и организовал применение недавно изобретенной прядильной машины. Вскоре неподалеку появился поселок, где жили сотни рабочих, в том числе женщины и дети. С помощью ватермашины, состоявшей из тысячи веретен, было создано первое исключительно английское хлопковое полотно. Вскоре хлопок стал ключевым продуктом текстильной промышленности. К началу XIX века хлопок считался королем тканей.

В поэме «Храм природы» (The Temple of Nature) Эразма Дарвина, вышедшей в 1803 году, прославлялись эти глобальные изменения:

Аркрайт же научил с плодов хлопковых
Собирать материал для тканей новых
И, твердой сталью расчесав клубок,
В сребристые одежды мир облек[174].

Если голландцы воздвигли памятник человеку, научившему их мариновать селедку[175], то почему бы не увековечить в камне родоначальника

[174] Примечания: 174

Перевод Н. Холодковского. So Arkwright taught from cotton-pods to cull, / And stretch in lines the vegetable wool; / With teeth of steel, its fibre knots unfurl'd / And with the silver tissue cloth'd the world.

[175] Примечания: 175

В Нидерландах установлен памятник Виллему Якобу Бойкельзону, который в XIV в. изобрел способ маринования и консервирования сельди.

промышленного способа производства и создателя мануфактуры национального значения?

Впрочем, некоторые современники относились к первым фабрикам с большим недоверием, готовые, словно Дон Кихот, вступить в бой с ветряными мельницами. Мануфактуры сравнивали с работными домами, на которые они действительно в каком-то смысле были похожи; работные дома при этом назывались «домами промышленности», а первая фабрика по производству паровых двигателей еще в 1702 году носила название «работный дом». В сознании людей того времени существовала прочная связь между тем, как жестко регулировали жизнь бедноты и обращались с промышленными рабочими. Фабрики нередко сравнивали с казармами, где столь же строго соблюдали режим, порядок и ценили исполнительность.

Новая система промышленного производства, находившаяся в то время лишь на этапе становления, возникла из так называемой первичной промышленности или примитивного капитализма. Суть этого явления составлял надомный труд, при котором сельскохозяйственные рабочие и члены их семей пряли и ткали, не прекращая при этом работать на земле. Даниель Дефо крас-

норечиво писал об этом во время своей поездки по Британии, когда пересекал Пеннинские горы. Он побывал у крупного суконщика и нашел там «дом, полный пышущих здоровьем парней, часть из которых занималась покраской ткани, другие — обрабатывали ее, а третьи — ткали». Неподалеку было множество домиков, «в которых жили занятые на фабрике рабочие, причем их жены и дети также постоянно занимались делом — чесали волокно, пряли и так далее». Каждый ребенок старше четырех лет был трудоустроен и получал оплату.

Это было в буквальном смысле надомное производство, в рамках которого торговец или мелкий капиталист поставлял сырье для прядения или ткачества семьям сельскохозяйственных рабочих, а затем забирал готовую пряжу или ткань в четко установленный срок[176]. Жена фермера и сам фермер проводили за станком каждую свободную минуту; чесать, прясть и ткать приходилось в то же время, что и собирать урожаи пшеницы, гороха и фасоли. Свободные земледельцы продавали носки и сыр, свинину и ткань. Так, в Линкольншире коровий навоз использо-

[176] Примечания: 176

Более привычное название — рассеянная мануфактура. — *Прим. науч. ред.*

вался для производства топлива, а свиной — для отбеливания ткани. Неудивительно, что о Линкольншире сложилась поговорка: «Свиньи там испражняются мылом, а коровы — огнем».

Изготовление ткани представляло собой низкооплачиваемый сезонный труд, которым, как правило, занимались в стесненных и грязных условиях. Кустари работали по ночам, в темноте, поскольку не могли позволить себе освещение. Они работали в мороз и холода, когда отсутствовала возможность прокормиться с полей. Ткачи и портные называли лето «временем огурцов», поскольку это единственное, что они могли позволить себе из еды. Индустриализация на тот момент казалась наименьшим из зол.

Сложно однозначно выделить истоки промышленного подъема, факторов было множество. Некоторые говорят, что все началось с мелких торговцев, которые поначалу предоставляли сырье земледельцам, а затем открывали целые фабрики и запускали по 20–30 ткацких станков. Другие полагают, что непрекращавшийся рост населения вынуждал людей уходить в города и искать работу на производстве. В период с 1760 по 1830 год население Великобритании увеличилось с 6,1 до 13,1 миллиона — другими словами,

оно выросло более чем в два раза. В сельском хозяйстве так много людей не требовалось, поэтому они собирались в городах, где работодатели охотно использовали дешевую рабочую силу на расширяющихся производствах. Неизбежно возникали и другие последствия: требовались новые дома и транспортная инфраструктура.

Некоторые считают, что индустриализация стала результатом технических изменений и инноваций. Это был поступательный процесс, в ходе которого периодически происходили крупные скачки, как, например, изобретение парового двигателя или сложного и высокопроизводительного текстильного оборудования. В этой связи часто утверждают, что британцы — практичная нация, они предпочитают исключительно эмпирический подход, лишены всякого стремления к теоретизированию, которое любят, например, французы или немцы. Таково лишь одно из обобщений, но со временем оно стало общепринятым. Химик Луи Пастер однажды сказал: «Удача благоволит лишь тем, кто к ней готов». В те времена говорилось, что у каждой фабрики есть свой изобретатель.

Другие уверены, что индустриализацию спровоцировали дешевые кредиты, а ее быстрый рост

вызван избытком капитала вкупе с процентной ставкой, не превышавшей 3 %. Англия была богатой страной. Об этом свидетельствовало то, что население охотно покупало акции Банка Англии, а на Королевской бирже возникало несметное число «пузырей». Теперь все желающие могли инвестировать в промышленность, которая, казалось, таила в себе неограниченные возможности и открывала неиссякаемые источники дохода. Дальнейшей индустриализации способствовал и беспрецедентный рост международной торговли во второй половине XVIII века.

Еще один фактор, способствовавший развитию промышленности, заключался в невмешательстве властей: правительство подготовило почву, установив низкую процентную ставку, при этом оно не предпринимало попыток формировать промышленную политику страны. Технологические новшества и достижения не встречали серьезного сопротивления в верхах. Если на пути индустриализации и возникали препятствия, то их, как правило, чинили рабочие, возмущенные тем, что их хлеб отняли машины[177]. Правительство сохраняло нейтралитет.

---

[177] Примечания: 177

Имеется в виду движение луддитов. — *Прим. науч. ред.*

Высокие темпы развития промышленности объяснялись и другими причинами. Англию не раздирали войны; политическая система была крайне гибкой; в отличие от Франции в стране не бушевала революция. И тем не менее политика играла отнюдь не решающую роль. Возникновение фабрик дало экономию на масштабах, то есть она достигалась за счет роста производства, при этом, что особенно важно, усиливалось разделение труда.

Представители деловых коммерческих кругов в то время восхищались мощью науки и рациональными вычислениями. Карманные и стационарные часы и такие точные приборы, как токарные или рейсмусовые станки, были характерной чертой эпохи. Микроскопы и телескопы не только стояли на службе у ученых, но и часто встречались в состоятельных домах; барометр был излюбленной темой светских бесед. С 1675 по 1725 год количество обеспеченных лондонцев, в домах которых имелись часы, возросло с 56 до 88 %. К 1800 году на часовой фабрике в Кларкенуэлле работало 8000 человек, каждый из которых имел собственную узкую специализацию. Джон Гаррисон — изобретатель морского хронометра, в 1759 году решивший проблему определения

долготы, — ввел моду на хронометр, который капитан Кук взял с собой в кругосветное путешествие.

В качестве причины крутых перемен в промышленности нельзя не упомянуть явление, скорее относящееся к духовной сфере. Повальное диссентерство, распространившееся в среде экспериментаторов и изобретателей, растущая роль диссентерских академий, где молодые люди обучались практическим навыкам, — все это заставило многих верить в то, что протестантский дух независимого мышления и эмпирического опыта служил дополнительным фактором промышленного подъема. Католиков же — весьма незаслуженно — считали неспособными к освоению новых горизонтов. Впрочем, было бы глупо выделять одну из этих мнимых причин или предпосылок как наиболее значимую. Перефразируя стих 8:28 из Послания к римлянам, замечу лишь, что все содействует ко благу для тех, кто считает это благом[178].

В попытках осмыслить природу происходив-

[178] Примечания: 178

Послание апостола Павла к римлянам (Рим. 8:28) цитируется по Синодальному переводу. Оригинальный стих из Послания к римлянам звучит так: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по [Его] изволению, все содействует ко благу».

ших изменений предлагались сотни различных трактовок. События второй половины XVIII века сегодня известны под названием «промышленная революция», однако в те годы оно никогда не использовалось. Его придумал французский социалист Луи Огюст Бланки в 1837 году, а спустя несколько лет подхватил Фридрих Энгельс в труде «Положение рабочего класса в Англии» (Die Lage der arbeitenden Klasse in England, 1845). Впоследствии этот термин широко использовал известный английский историк-экономист Арнольд Тойнби, дядя выдающегося философа и культуролога Арнольда Джозефа Тойнби, в «Лекциях о промышленной революции в Англии XVIII века» (Lectures on the Industrial Revolution of the Eighteenth Century in England), которые были изданы после смерти автора в 1884 году. Если это и была революция, то в ней не было ничего неожиданного или ошеломительного. Она явилась закономерной частью цикла, продолжавшегося примерно сто лет. Рост, по всей видимости, начался в 1740-х годах, в 1780-х и 1790-х годах наблюдались стремительные скачки, аналогичная динамика сохранялась в 1830-х годах и далее.

Если в те времена о «промышленной революции» еще не говорили, как же современники

воспринимали тогдашнюю действительность? Осознавали ли они, что вокруг происходит что-то удивительное или весьма необычное? В «Политической арифметике» (Political Arithmetic), изданной в 1774 году, Артур Янг обращается к читателям с просьбой «оценить прогресс, коснувшийся всех сфер жизни Великобритании, за последние 20 лет». Спустя два года к этой мысли обращается Адам Смит в «Исследовании о природе и причинах богатства народов», размышляя над «естественным прогрессом Англии в направлении богатства и процветания». В «Британнике» того периода отмечалось, что «открытия и достижения» эпохи «осеняют славой всю страну, чего не добиться лишь завоеваниями и господством». Были выявлены основополагающие причины столь уверенного и стабильного роста. В 1784 году сообщалось, что «Британия — единственная известная до сей поры страна, в которой пласты угля… железной руды и известняка… часто находят на одних и тех же месторождениях, причем недалеко от моря». Современники хорошо понимали суть принципиальных изменений в стране.

Их непрерывность была очевидна, изобретения следовали одно за другим, являя миру все

новые и новые чудеса эволюции. В предыдущие столетия периоды социальных или технических преобразований сменялись периодами затишья, что создавало определенный баланс; однако в конце XVIII века изобретениям, казалось, не было конца. Историк-марксист Эрик Джон Эрнест Хобсбаум в труде «Промышленность и империя» (Industry and Empire), изданном уже в 1968 году, писал, что «со времен возникновения сельского хозяйства, металлургии и появления городов в эпоху Нового каменного века индустриализация стала самым масштабным изменением в жизни человечества».

В действительности самые глубокие и трудноуловимые преобразования можно увидеть лишь в ретроспективе. Возможно, изобретатели, инженеры или ученые не отдавали себе отчета в том, что они пытались подчинить природу. Тогда это могли счесть богохульством. И тем не менее в руках человека оказалась безграничная власть. Уголь, пришедший на смену древесине, считался в то время неисчерпаемым ресурсом. Земли, на которых раньше росли деревья, теперь можно было использовать под сельскохозяйственные нужды. В прошлом в силу биологических причин восстановление лесов после вырубки требовало

немало времени; теперь же источник энергии находился под землей, а значит, подобных проблем больше не возникало. В результате освоения природных богатств энергоресурсы Британии долгое время существенно превышали ресурсы любой другой европейской экономики. В этом заключалась одна из ключевых причин индустриализации.

По оценке историка промышленной революции Э. А. Ригли, 10 миллионов тонн угля, добытых в 1800 году, обеспечивали энергию, равную той, что можно было получить при сжигании древесины с 10 миллионов акров земли. Отказ от органической экономики означал, в свою очередь, снятие ограничений, сковывавших экономический рост. Времена года больше не имели значения, равно как и приливы и отливы, ветер и вода. Неограниченные запасы черного золота скрывались в бесчисленных кавернах под землей. Когда-то Англию называли страной рощ и лесов; теперь же она стала королевством угля.

Впрочем, прогресс шел медленно и неравномерно. Хотя некоторые отрасли, например металлургия, текстильная и угледобывающая промышленность, развивались стремительно, большинство британских фабрик и заводов про-

должали существовать в рамках традиционной экономики еще целых сто лет. Пекари, мельники, кузнецы и дубильщики словно застыли в середине XVIII века, когда страна уже шагнула в эпоху правления королевы Виктории. А многие мастерские и вовсе продолжали работать как в XVII веке. В ту пору параллельно существовали разные эпохи и уровни квалификации.

Увеличение объемов добычи угля было постепенным, но неизбежным. В течение XVIII века добыча выросла с трех до десяти миллионов тонн, а в период с 1800 по 1850 год был зафиксирован пятикратный рост. В результате английский пейзаж изменился навсегда. Газета Birmingham Mail писала, что «голубое небо скрылось за смрадной завесой черного и серого дыма. Земля превратилась в огромную неприглядную груду мертвого пепла и сажи. Каналы с растворенной в них угольной пылью явственно демонстрируют, какой грязной может быть вода, — и все же она продолжает течь. Ветхие дома, ветхие заводы, накренившиеся черные трубы, изрыгающие огонь печи, неряшливый, почерневший от дыма народ». Аналогичный образ величия и ужаса предстает в описании центральных графств Англии в «Лавке древностей» (The Old Curiosity Shop)

Чарльза Диккенса.

Когда маленькая Нелл с дедушкой идут по тем местам, они видят «черные от шлака дороги и кирпичные строения… сотрясаемые оглушительным гулом и рокотом машин, высокие трубы, клубы черного дыма, который зловонным облаком сгущался над домами и затемнял воздух»[179]. Двое странников попадают на металлургический завод, где среди «чугунных столбов, поддерживающих крышу, стоял оглушительный стук молотов, рев горнов, шипенье в воде раскаленного металла и множество других страшных, непонятных звуков, которые нельзя было бы услышать ни в каком другом месте». Бурная фантазия писателя не менее сильна, чем его наблюдательность, однако в одном он точно не ошибался: земля доселе не слышала звуков, подобных этим, кроме разве что случаев извержения вулкана.

Диккенс сравнивает рабочих с великанами: «И в этом аду, еле различимые среди дыма и вспышек нестерпимо жаркого огня, словно великаны с гигантскими кувалдами в руках, работали люди». Некоторые спали прямо среди пепла и золы, а другие доставали из печей сверкающие листы

[179] Примечания: 179

Здесь и далее «Лавка древностей» Ч. Диккенса цит. в пер. А. Николаевской.

металла, «которые распространяли вокруг невыносимый жар и светились тем багровым светом, что мерцает в глазах дикого зверя».

Однако жар и свет не просто давали представление о тогдашних условиях труда, но и символизировали великие перемены. Теперь уголь использовали не только для формовки металла, но и для создания сплавов. Центром производства стала долина Колбрукдейл в графстве Шропшир. Едва ли где-то нашлось бы место, так мало походившее на долину, описываемую в пасторалях.

Квакер-металлург Абрахам Дарби (первый из плеяды потомственных металлургов Дарби) поселился в Колбрукдейле, где в 1708 году взял в аренду старую доменную печь с кузнями. Не прошло и года, как он стал первым, кто начал производить качественный бабковый чугун, используя при выплавке каменноугольный кокс в качестве добавки к древесному углю. Долина имела ряд неоспоримых преимуществ. Тамошние залежи угля содержали меньше сернистых примесей, а значит, качество производимого металла было выше. Дарби топил печи углем, а затем, добавляя кокс, получал сплав для изготовления плавильных котлов. Вскоре каменноугольный

кокс вытеснил древесный уголь[180]. Металлургическое производство более не зависело от живой природы. Благодаря новому методу в будущем началось строительство мостов, производство паровозов, труб, цилиндров, артиллерийских орудий, картечи и деталей станков, которые вкупе сформировали новую действительность XIX века.

Первые металлические рельсы были изготовлены в Колбрукдейле в 1767 году. Технологии входили в фазу мощного, устойчивого и безостановочного развития. На страницах этого исторического труда нам еще предстоит восхищаться тем, как тесно связаны друг с другом технические решения и изобретения; по-видимому, все слилось воедино, да так, что одно было немыслимо без другого.

Впрочем, значимость происходящих перемен осознали не сразу; сам Абрахам Дарби был по природе скромным и тихим человеком, а его собратья-квакеры, казалось, радовались возможности сохранить новую технологию внутри их религиозной общины. Следует отдать должное семье Дарби, члены которой никогда не

[180] Примечания: 180

Этому способствовала и вырубка лесов для выработки древесного угля. — *Прим. науч. ред.*

патентовали свои изобретения, в отличие от большинства других изобретателей, объясняя это тем, что было бы несправедливо «лишать общество столь ценной находки».

Грани человеческого величия как нельзя лучше изображены на картине Филипа Лютербурга «Колбрукдейл ночью» (Coalbrookdale by Night), на которой чугунолитейный завод изрыгает сернистые всполохи прямо в небо, освещенное лишь тусклым лунным светом. На этом огненном пейзаже единственный источник света — адское пламя, сотворенное руками человека. Одно из названий этого завода было «Бедлам»[181]. Несмотря на религиозные аллюзии, огонь никак не препятствует трактовке изображения на картине в качестве промышленного объекта; на переднем плане лошади тянут переполненную телегу, рядом с которой бежит собака.

На картине Джозефа Тернера «Печь для обжига извести в Колбрукдейле» (Limekiln at Coalbrookdale; ок. 1797) свет также играет важную роль: белые, голубые и оранжевые отсветы притягивают внимание к левой части картины; небольшая полоска света спускается с холма,

[181] Примечания: 181
Бедлам — искаженная форма слова Вифлеем.

освещая двух рабочих с лошадьми, а в печи горит яркий огонь, отбрасывая таинственные тени, и кажется, будто это вход в зачарованный грот. Таковы истоки явления, которое впоследствии стали называть промышленной революцией. Это была эпоха широчайших возможностей, несравнимых с теми, что предлагала магическая алхимия XVI века, когда верили, будто в недрах земной утробы может зародиться новая жизнь. В «Лавке древностей» старик-рабочий, приглядывавший за доменной печью, говорит маленькой Нелл: «Огонь все равно что моя память, — я гляжу на него и вижу всю свою жизнь». И этому огню не суждено было потухнуть.

Планомерный технический прогресс регулировался неписаными законами взаимозависимости. Существуют наглядные примеры изобретений и открытий, сделанных в одно и то же время разными людьми. Так, летом и осенью 1815 года инженер-механик Джордж Стефенсон из Ньюкасла-на-Тайне и химик Гемфри Дэви из Лондона придумали конструкцию безопасной рудничной лампы для шахтеров; один из коллег Стефенсона предположил, что оба исследователя «сами, независимо друг от друга открыли принцип работы такой лампы». Изобретения для

схожих целей возникали в большом количестве в течение нескольких лет или даже месяцев. Технология пудлингования чугуна, благодаря которой появилась возможность получать прутковое железо без использования древесного угля, была в течение нескольких месяцев успешно внедрена в Южном Уэльсе и в Фонтли недалеко от Плимута; изобретатели при этом не знали о существовании друг друга. Счастливое совпадение? Кто знает.

Свидетельства подобного бессознательного взаимодействия видны повсюду. Так, технология расточки пушечных стволов использовалась для изготовления цилиндров паровых двигателей; изобретение коксовой печи позволило производить чугун; производство чугуна, в свою очередь, повлекло за собой изобретение паровой машины Томаса Ньюкомена; а паровая машина обеспечила возможность производства металла в промышленных масштабах. Когда стало ясно, что паровой двигатель обладает слишком высокой мощностью для деревянных станков, их впервые стали заменять железными машинами; в результате появлялось все более и более тяжелое машинное оборудование, которое, в свою очередь, требовало более мощных двигателей. Все процессы были взаимосвязаны, ускоряя

технологический прогресс и меняя его природу. Одни машины использовались для изготовления других — более крупных и производительных. И здесь нельзя не вспомнить историю появления роботов.

Для работы в кузнях и на фабриках требовалось все больше пара, что способствовало созданию более мощных паровых двигателей. Металлические рельсы, по которым сперва перевозили вагонетки с углем, теперь стали использоваться и при строительстве первых железных дорог. Массовое производство канализационных труб на керамических заводах сыграло большую роль в улучшении санитарных условий в Англии XIX века, а кроме того, позволило лучше дренировать поля, что, в свою очередь, повысило урожайность. Увеличение объемов сельскохозяйственной продукции позволяло обеспечивать растущее число занятых в промышленности. На фоне подъема текстильного производства остро встал вопрос изобретения нового способа быстрого отбеливания ткани, и химики обратили взор в сторону купоросного масла или серной кислоты, оставив поиски магического эликсира бессмертия в прошлом.

Использование машинного оборудования на

производстве привело к увеличению объема выпускаемой продукции, а это, в свою очередь, повлекло за собой расширение рынков сбыта. Так возникла известная дихотомия: массовое производство провоцирует большой спрос или массовое потребление вызывает рост производства? Впрочем, возникают и другие вопросы. Как, например, возможно, что две совершенно не связанные между собой отрасли — производство хлопка и металлургия — могли развиваться одновременно и в одинаковом темпе? Словно подчиняясь принципам естественной эволюции, эти станки и машины приобрели биологические характеристики живого организма. Не лишним будет вспомнить теорию Дарвина об органической эволюции, чтобы объяснить этот медленный, постепенный, но стабильный и неотвратимый процесс промышленной революции.

Ничто из вышеперечисленного не было бы возможно без распространения так называемого научного подхода, доставшегося в наследство от самого Исаака Ньютона, который столетием ранее был не только теоретиком, но и практиком и сам создавал для себя необходимый научный инструментарий. В возрасте 26 лет он сконструировал телескоп-рефлектор и собственноручно

изготовил для него вогнутое параболическое зеркало из сплава олова и меди. Будучи президентом Королевского научного общества, он придавал особое значение рациональному подходу и экспериментаторству, которые через сто лет сыграли ключевую роль в эпоху промышленного переворота. В начале XVIII века в Лондоне и других городах страны под эгидой Королевского общества устраивались научные лекции, на которых нередко можно было увидеть «барометры, термометры и другие подобные инструменты, необходимые для проведения экспериментов». Ученик Ньютона лексикограф Джон Харрис читал лекции по математике в кофейне «Марина» (Marine) на улице Бирчин-Лейн «ради общего блага». А британский натурфилософ Джон Теофил Дезагюлье выступал с лекциями по экспериментальной философии, однако включал в них рассуждения о первых паровых двигателях, которые «приносили чрезвычайную пользу для осушения шахт, снабжения водой городов и домов благородного сословия». Уже к 1730-м годам были подробно изучены волшебные свойства электричества.

Одна группа ученых и промышленников создала клуб, в котором они могли беседовать и

делиться своими изысканиями и результатами экспериментальной работы. Лунное общество Бирмингема (Lunar Society of Birmingham) было учреждено в конце 1760-х годов, объединив изобретателей, славившихся своими радикальными воззрениями как в политике и религии, так и в науке. В число членов этого клуба входили ботаники, фабриканты, философы, промышленники, естествоиспытатели и геологи, стремившиеся удовлетворить беспрецедентное человеческое любопытство той поры. Среди членов общества были Мэттью Болтон, Джозайя Веджвуд и Джозеф Пристли. Промышленники, металлурги и ученые обменивались знаниями о новых технологиях, а также о более интеллектуальных и возвышенных предметах. Клуб стал оранжереей, где взращивались планы грядущих изменений, расцветало общее стремление развивать науку. У большинства членов общества были собственные лаборатории, где они могли проводить опыты. Веджвуд, к примеру, проводил минералогический анализ и изучал химию цвета.

Мэттью Болтон в восемнадцать лет придумал технологию инкрустирования стальных пряжек эмалью, однако наряду с этим он культивировал, по его собственным словам, «философский дух»;

в тетради он делал беглые записи о пульсе человека и движении планет. Предпринимательский дух руководил научной жизнью в XVIII веке. Изобретателей интересовали абсолютно все области человеческого знания. Джозеф Пристли получил «Пальмовую ветвь» за открытие «флогистона», или кислорода, и за учение о фотосинтезе; Болтон вдохновил Уатта и помог ему сконструировать паровой двигатель.

В 1754 году было создано Общество искусств, промышленности и торговли (The Society for the Encouragement of Arts, Manufactures and Commerce), что ознаменовало всеобщее признание важности популяризации науки. Как говорилось в уставе общества, оно создавалось с целью «поощрять предпринимательство, развивать науку, совершенствовать искусство, улучшать качество производства и расширять торговлю». Учреждались премии за изобретения в области механики, а также художественного искусства — награды подкрепляли общее стремление к инновациям. Искусство и наука зачастую воспринимались как смежные виды деятельности, и в записях общества существуют наброски исследований свойств синего кобальта и красной (красильной) марены. Эти вещества могли при-

меняться и для промышленной окраски. И вновь мы видим взаимосвязь всех сфер.

Многие усматривали в этих событиях одно из проявлений эпохи Просвещения, хотя в действительности это исключительно европейское движение лишь слегка коснулось берегов Англии. Впрочем, не было сомнений, что в стране, по словам Уолпола, царила «мода на естественную историю». В журнале Spectator порой не без иронии говорилось об ученых или научных обществах, где обсуждались такие вопросы, как анатомия человека. Джонатан Свифт в сатирической форме описал моду того времени в «Путешествии Гулливера в Лапуту, Бальнибарби, Лаггнегг, Глаббдобдриб и Японию» — третьей части «Путешествий Гулливера», написанной между 1706 и 1709 годами. Свифт рассказывает о «Большой Академии в Лагадо», в которой экспериментаторы были заняты тем, что извлекали солнечные лучи из огурцов, превращали лед в порох и превращали «человеческие экскременты в те питательные вещества, из которых они образовались»[182].

Однако в таких отраслях, как механика, ме-

---

[182] Примечания: 182
Перевод Б. М. Энгельгардта.

таллургия и промышленная химия, отрицать новый дух научных изменений было нельзя. Экспериментальная система с применением каменноугольного светильного газа для уличного освещения была готова к 1782 году. Основное внимание всегда уделялось промышленности и торговле, и Адам Смит полагал, что все, кто работают на благо промышленности, являются представителями «великого класса изобретателей»; среди них следует упомянуть химиков, а также новые профессии электриков и инженеров. Позднее шотландский писатель и реформатор Сэмюэл Смайлс писал: «Наши инженеры могут в некоторой степени считаться создателями современной цивилизации».

По тому, сколько было подано и удовлетворено заявок на патенты, можно судить об уровне развития изобретательства в стране. До середины века каждый год выдавалось порядка дюжины патентов; в 1769 году это число составляло уже 36, а в 1783 году — 64. В 1792 году выдали 85 патентов. Спектр изобретений был широчайший: от новой конструкции насоса до получения щелочей из соли. Патентовали средства для бритья, зубные протезы, устройства пожарной сигнализации и стиральные машины, охранные сигнализации и

туалеты. Ожидалось, что в результате внедрения изобретений удастся экономить рабочую силу, а еще важнее — время. Владельцы патентов стремились повысить производительность, точность и обеспечить единообразие. В этом смысле они выражали дух промышленных перемен.

Это время можно назвать эпохой благоустройства, однако у всех на устах было слово «новшество». «Этот век сходит с ума в погоне за новшествами, — говорил Сэмюэл Джонсон, — и любое дело необходимо делать по-новому...» Поэтапные изменения практического характера составляли суть притязаний XVIII века. «Практически у каждого мастера и фабриканта, — писал валлийский священник Джозайя Такер в 1757 году о рабочих Бирмингема, — есть собственное изобретение, и каждый день они работают над тем, чтобы улучшить изобретения других».

Пожалуй, явственнее всего плоды прогресса проявились в сфере транспортной инфраструктуры. Старые дороги были в таком состоянии, что считались поистине национальным позором. Даниель Дефо писал, что одна дама из Льюиса отправилась в церковь в экипаже, запряженном шестью быками, поскольку ни одна лошадь не справилась бы с вязкой и глубокой грязью. Мно-

гие дороги не ремонтировались четырнадцать столетий, то есть с тех пор, как их построили римляне. Главная дорога прихода, как правило, была гужевой, однако грязь там была такой мягкой, что лошади увязали по самое брюхо. Даже дорога из Кенсингтонского дворца в центр Лондона представляла собой коварное месиво с рытвинами, выбоинами и камнями. Поездка из Йорка в Лондон занимала неделю, а один житель города, однажды отправляясь в путь, даже написал завещание. Артур Юнг в «Путешествии на север Англии» (Northern Tour) 1771 года так отзывается о дорогах к северу от Ньюкасла-на-Тайне: «Я бы посоветовал всем путешественникам воспринимать эту страну как море и скорее подумать над тем, чтобы отправиться в путешествие по океану, нежели ездить по этим ужасным дорогам».

Решением этой наболевшей проблемы стало благоустройство дорог на местном уровне, при этом стремление извлечь выгоду из предложенной инициативы было очевидно. Возник целый ряд «дорожных трастов», члены которых делали взносы на строительство и поддержание в надлежащем состоянии определенных участков дороги. Чтобы возместить расходы и погасить займы, им разрешалось взимать дорожную по-

шлину на обоих концах маршрута. Некоторые говорили, что никаких ощутимых перемен не происходило, а другие жаловались на грабительские сборы. И тем не менее, пусть медленно и хаотично, дороги становились лучше. Разумеется, это было бы невозможно без инженеров, таких как, например, Томас Телфорд и Джон Макадам, которые составляли серьезную конкуренцию римлянам и которым, казалось, не было равных в деле дорожного строительства.

В романе Ричарда Грейвса «Колумелла» (Columella) 1779 года герой восклицает: «Кто бы мог подумать, что путешествие из Лондона в Бат будет занимать всего двенадцать часов, а экипажи будут ходить между городами ежедневно, если каких-то двадцать лет назад все знали, что дорога занимает добрых три дня?» В 1763 году между Лондоном и Эксетером курсировало шесть дилижансов; спустя десять лет их количество увеличилось в четыре раза. Реклама гласила: «Как бы удивительно это ни звучало, но этот дилижанс прибудет в пункт назначения (при условии, что не попадет в аварию) спустя четыре с половиной дня после отправления из Манчестера!!» Некоторых пассажиров тошнило от такой скорости; о таких говорили, что их «удилижани-

ло». Почтовое сообщение стало более быстрым и регулярным, подстегнув развитие эпистолярного жанра, в котором писал Сэмюэл Ричардсон. Все вокруг ускорялось — от повозки с зерном или углем до прогресса в сельском хозяйстве.

Совершались и другие прорывы в транспорте. В первые десятилетия XVIII столетия в стране предпринимались координированные шаги по благоустройству рек путем расширения и углубления русла и укрепления берегов. Все реки к середине XVIII века были соединены сетью каналов, образуя одну большую транспортную систему; между 1755 и 1820 годами общая протяженность построенных каналов составила 3000 миль (почти 5000 км). В 1755 году первый промышленный канал под названием Сэнки соединил реку Мерси с городком Сент-Хеленс в графстве Мерсисайд; спустя три года Фрэнсис Эгертон, 3-й герцог Бриджуотер, построил канал между своими угольными шахтами в Уорсли и Манчестером длиной 7 миль (11 км); тот факт, что благодаря каналу стоимость угля в Манчестере снизилась в два раза, заставил многих промышленников призадуматься. В период с 1761 по 1766 год между Манчестером и рекой Мерси, выше Ливерпуля, был вырыт еще один канал. К нача-

лу 1790-х годов Лондон, Бирмингем, Бристоль, Халл и Ливерпуль были соединены друг с другом бесчисленными мелкими пунктами. По искусственным водоемам перевозили уголь, железо, дерево, кирпич и сланец, а также доставляли хлопок, сыр, зерно и масло.

В стране произошли серьезные экономические преобразования. Адам Смит писал, что «хорошие дороги, каналы и судоходные реки, снижая расходы на перевозку, делают ближе даже самые отдаленные районы страны, словно это соседние кварталы одного города». Местные и региональные центры объединились, чтобы создать единый рынок, который, в свою очередь, способствовал выходу британской продукции на международный рынок. Были и другие последствия. Благодаря тому что различные регионы Великобритании теперь становились ближе друг другу, росла и сплоченность нации во времена войн и революций в других странах.

23
Чаепитие

Весной 1773 года правительство лорда Норта вынужденно приняло Акт о чае (Tea Act), в соответствии с которым Ост-Индская компания получила право продавать чай американцам напрямую через собственных агентов, а не через аукционы, как это было прежде. Акт не отменял пошлину в три пенса за фунт, установленную шестью годами ранее. Чай в Америке по-прежнему оставался дешевле, чем в Англии, однако для колонистов закон был равносилен прямым налогам, которые беспрепятственно взимал британский парламент, что наводило на пугающие мысли об имперской диктатуре. Некоторые полагали, что в этом заключалась схема по планомерному уничтожению американских свобод. Boston Gazette, освещавшая события в порту, куда доставляли большую часть чая, в номере от 11 октября призвала отправить товар обратно в Англию в знак того, что «ярмо рабства» сброшено. Первый корабль с чаем под названием «Дартмут» (Dartmouth) прибыл в бостонскую гавань 27 нояб-

ря, а два дня спустя в городе начались массовые протесты и митинги. Радикально настроенные колонисты договорились блокировать разгрузку чая и держать под контролем суда, которые будут заходить в гавань. Активистов из патриотической организации «Сыны свободы» стали называть «костяк».

16 декабря группа бостонцев, переодевшись в индейцев-мохоков, отправились к религиозному дому собраний на Милк-стрит. У дверей здания они издали «боевой клич», на который ответили те, кто находился внутри. Затем протестующие двинулись в бостонский порт, где на тот момент стояли три корабля, доставившие в Америку из Англии 46 тонн чая, и начали планомерно уничтожать груз, выбросив за борт 342 ящика.

Теперь вопрос заключался лишь в том, кто окажется сильнее. Разумеется, вызов, брошенный британскому парламенту, нельзя было проигнорировать. Лорд Норт изложил суть дела в палате общин 7 марта 1774 года и потребовал закрыть бостонский порт. Парламент принял и ряд других мер, чтобы преподать урок мятежным американцам. Эти меры получили название «принудительные» (*coercive acts*) или «невыносимые» акты (*intolerable acts*). Бостонский портовый

акт (Boston Port Act) запрещал судам входить в порт Бостона, пока не будет выплачена компенсация за уничтоженный чай; там закрывалась таможня. Массачусетский правительственный акт (Massachusetts Charter Act) был принят с целью ограничить полномочия законодателей штата. Судебный административный акт (Administration of Justice Act) и Квартирьерский акт (Quartering Act) были призваны установить порядок среди населения. Лорд Норт заявил: «Стоит только убедить колонии, что вы способны управлять ими и не боитесь это делать, как на смену мятежам придет кроткое послушание». Казалось, что население в большинстве своем поддерживало Норта. Эдмунд Берк, к примеру, говорил: «В народе преобладают антиамериканские настроения, говорят об этом как открыто, так и за закрытыми дверями».

Берк — убежденный консерватор и сторонник традиционных взглядов — еще появится в нашем повествовании, ему в скором времени предстояло столкнуться с немалыми трудностями. Он был ирландцем, обладавшим талантом превосходного адвоката, и рьяно отстаивал идеалы прошлого, которые, по его мнению, явствуют из самой «природы вещей, ибо прошли проверку временем, обычаями, преемственностью, накоплением,

преобразованием и улучшением собственности». Традиционные институты и обычаи возводились чуть ли не в ранг священных ценностей в силу продолжительности и непрерывности их существования. Для тех, кто выступал против перемен или боялся их, это была на редкость утешительная доктрина.

Реакция американцев на «невыносимые» акты не заставила себя ждать. В начале сентября 1774 года в Филадельфии прошел конгресс 12 колоний, который вошел в историю под названием Первый Континентальный конгресс (First Continental Congress). Спустя месяц делегаты конгресса представили «Декларацию прав» (Declaration of Rights) с целью закрепить за американскими колониями право и вменить им в обязанность самостоятельно принимать законы обо всех внутренних вопросах без вмешательства английского парламента. Делегаты заявили о правах американцев на «жизнь, свободу и собственность». Джордж Вашингтон писал: «Кризис наступает тогда, когда приходится отстаивать свои права или преклонять голову перед любыми пошлинами, которые нам навязывают». В конце года местные общества или революционные комитеты собирали орудия и порох, одновременно приводя в исполнение так

называемые законы конгресса (*laws of congress*). Импорт из Британии и ее колоний оказался под запретом. Перспективы открытой войны и торговое эмбарго парализовали английскую торговлю, купцы метались между желанием беспрепятственно вести дела и врожденной преданностью монарху.

Призывы к оружию звучали все громче, создавались отряды добровольцев, которых называли «минитмены» (от англ. *minute* — минута) за скорость обращения с оружием. Тем временем на американской земле высадились 10 000 британских солдат. Если бы они нанесли единовременный удар, то потери среди колонистов были бы велики; однако англичане под командованием генерала Томаса Гейджа выжидали. Первый ход в войне предстояло сделать американцам. И этот ход положил начало серьезному противостоянию.

Местные комитеты и наскоро созванные провинциальные конгрессы Америки начали разрабатывать план военных действий, а группа активистов принялась за его реализацию, взяв дело в свои руки. В начале апреля 1775 года командующий английскими войсками в Бостоне получил приказ из Лондона усмирить мятежни-

ков. Основные арсеналы американских патриотов размещались в Конкорде, в 16 милях (25 км) от Бостона, и англичане направились именно туда. В местечке под названием Лексингтон-Грин их остановили местные отряды самообороны; в вооруженном столкновении было убито восемь колонистов. Англичане продолжили движение к Конкорду, однако огонь ополченцев, прятавшихся в домах или скрывавшихся за деревьями и заборами, внес сумятицу в их ряды. В спешке англичане отступили в Бостон, однако к тому времени, как они были в относительной безопасности, их потери составили 273 бойца. Бог войны восстал вновь, требуя крови.

Некоторые колонисты были встревожены резким поворотом событий и настаивали на необходимости проявлять сдержанность в связи с неспокойной обстановкой, другие открыто высказывали недоверие призывам к независимости. Ситуация грозила зайти слишком далеко. Однако более радикально настроенные участники Второго Континентального конгресса (Second Continental Congress), собравшегося в Филадельфии летом 1775 года, оказались в большинстве и заглушили голоса умеренных делегатов съезда. Было принято решение о создании регулярной

армии, в которую бы вошли представители «объединенных» и «конфедеративных» колоний; командование поручено аристократу из Виргинии Джорджу Вашингтону. По натуре он был молчалив, не обладал талантом оратора, однако отличался находчивостью и методичностью. Ему было присуще врожденное чувство собственного достоинства, которое вкупе со сдержанностью и умением владеть собой обеспечивало ему шанс стать хорошим командиром. Он принял командование армией с огромной неохотой, однако чувство долга, честь и внутреннее благородство заставили его взяться за дело. В тот момент он отнюдь не был уверен в победе над английскими красномундирниками, или, как их называли, «лобстерами».

Ночью 16 июня, то есть после завершения первого дня конгресса, отряд американских солдат тайком завладел высотой Бридс-Хилл — возвышенностью в районе Банкер-Хилл, расположенной на Чарльстонском полуострове к северу от реки Чарльз неподалеку от Бостона. Заметив присутствие американцев, батарея на английском судне открыла по ним огонь из шести орудий, а отряд красномундирников перебросили через реку Чарльз, чтобы те образумили колонистов.

Английские войска, пытавшиеся взобраться на Бридс-Хилл, были встречены продолжительным прицельным огнем из окопов; многим пришлось вернуться на лодки. В этот момент генерал Гейдж с группой офицеров пересек реку и заставил отступивших солдат вновь штурмовать высоту. Солдат, как и прежде, встретил шквальный огонь, однако на этот раз то ли нарочитое бесстрашие, то ли удача помогли им продвинуться вперед. Американцы были вынуждены бежать на высоту Банкер-Хилл, однако прежде они сумели нанести англичанам серьезный урон. Британцы потеряли убитыми и ранеными более тысячи солдат и офицеров, в то время как потери колонистов составляли не более нескольких сотен.

Новости о поражении встревожили и шокировали англичан, которые до последнего верили, что мятежники открыто не пойдут войной на метрополию. Случившееся сочли катастрофой, унижением для страны и военным позором. Несколько отрядов добровольцев умудрились превзойти специально обученную и вымуштрованную армию. Появились предположения о том, что победа колонистов в этой битве служит дурным предзнаменованием; Америке пророчили безоговорочный триумф. На смену генералу

Гейджу пришел генерал Уильям Хау, правда, на поверку это означало сменить шило на мыло.

Теперь две стороны открыто противостояли друг другу, шансов на мирный исход не было. Король заявил: «Жребий брошен, колонии должны либо подчиниться, либо победить». В начале 1776 года в Америке стал набирать популярность один памфлет. «Здравый смысл» (Common Sense) Томаса Пейна произвел настоящий переворот в умах людей. Рассказывая историю Американской революции, английский историк и государственный деятель Джордж Отто Тревельян отмечал: «Едва ли удастся назвать хоть одно сочинение, созданное человеком, которое имело бы столь же мгновенный, всеобъемлющий и продолжительный эффект». В сущности, это был сигнал к действию, громогласный призыв, откликнувшись на который Америке следовало заявить о своей независимости от жестких оков иноземной державы, руководствуясь идеей о том, что «путь Америки в большей степени определяет и путь всего человечества». Как мог крохотный остров столь самонадеянно взять на себя управление огромной страной? Америка уже давно служила гаванью для всех народов, а значит, больше не должна принадлежать Англии, которая вос-

принимала колонистов исключительно через призму собственной выгоды и личных интересов. Называть себя «страной-матерью» было вопиющей несправедливостью, ибо какая мать будет так грубо обращаться со своим чадом? Король «показал себя закоренелым врагом свободы и обнаружил жажду неограниченной власти», значит, ему просто необходимо оказать сопротивление. Пейн утверждал: «В нашей власти начать строить мир заново»[183]. Его тон и язык остры и точны, развенчивая иллюзии, десятилетиями существовавшие в рациональном или непоследовательном политическом пространстве.

Призыв Пейна не мог не найти отклика у простого народа. Впоследствии Джон Адамс писал Томасу Эдисону, что «история должна приписать Американскую революцию Томасу Пейну». Историки не верят в совпадения, однако через семь месяцев после публикации «Здравого смысла» Континентальный конгресс провозгласил свою независимость: за проголосовали 12 делегатов, воздержался лишь представитель Нью-Йорка. Решение далось нелегко — оно было принято после долгих колебаний и пререканий с делегатами,

[183] Примечания: 183
Перевод Ф. Ф. Вермеля.

которые боялись, что Декларация независимости (Declaration of Independence) недостаточно проработана, и считали, что для открытой конфронтации необходимо заручиться поддержкой иностранных союзников. Однако окончательный текст документа был принят 4 июля 1776 года. С тех пор этот день отмечается в США как День независимости. Американцы отреклись от верности британской короне и провозгласили себя независимыми государствами (штатами), более не связанными какими-либо узами с Англией, подтвердив свое решение звучным лозунгом «Жизнь, свобода и стремление к счастью»[184]. Берк говорил, что попытки американцев оспорить власть были вполне ожидаемы, однако «мы и подумать не могли, что они смогут взять власть в свои руки».

События тех лет стали называть «войной короля», намекая на то, что все, кто выступал против этого конфликта, были неверными подданными; людей призывали встать на сторону церкви и короны, выступить против мятежников и рево-

[184] Примечания: 184

Составитель черновика декларации Томас Джефферсон первоначально написал более четко — «Жизнь, свобода и собственность», но последнюю заменили более обтекаемым выражением «стремление к счастью». — *Прим. науч. ред.*

люционеров. Георг III, в сущности, был движущей силой войны против американцев, полагая, что его корона и страна не будут в безопасности, если колонистам удастся добиться независимости от британской короны. Однако и в самой Англии были те, кто поддерживал американцев. Принцип «нет налогам без представительства» нашел сторонников среди бесправных слоев населения страны, в которой половина городов не имела представительства в парламенте. Позднее именно этот девиз появился на многих знаменах во время бунтов в Питерлоо и Манчестере.

Многие радикалы полагали, что попытка подавить движение за свободу в тринадцати американских колониях была экспериментом, который при удачном стечении обстоятельств можно повторить и в самой Англии. Предполагалось, что король и его министры намереваются нарушать права индивидуума, ограничивать свободу печати, растрачивать государственные средства и потворствовать неприкрытой и повсеместной коррупции среди членов парламента. Поговаривали даже об учреждении военного правительства. Пусть все эти обвинения были голословными, находились те, кто охотно верил в заговор, который правящий класс якобы готовил

против народа Англии. Так считали сторонники Америки.

Впрочем, те, кто одобрял войну короля, проводили исторические параллели с борьбой, которую в более ранний период вели фанатики-пуритане против монархии и церкви. Сторонники Георга считали, что американцы — неблагодарные предатели и смутьяны, неспособные оценить те блага, которые предоставила им Англия, и не желавшие вносить справедливый вклад в имперскую казну. Были и те, кто просто хотел мира, мира любой ценой, чтобы вести торговлю и поддерживать добрососедские отношения.

Пока Вашингтон снаряжал и тренировал добровольческие отряды, правительство в Лондоне с трудом пополняло ряды армии и флота. В 1776 году прямо на улицах Лондона и в портовых городах шла жестокая «охота» на моряков; в одной лишь столице таким образом было завербовано 800 человек. Треть армии, которой предстояло сражаться с мятежниками, составляли гессенские солдаты, рекрутированные через немецких союзников Георга III. Остальные были англичанами или американцами-роялистами. Кроме того, чтобы укомплектовать армию, из тюрьмы было освобождено немало заключенных.

Несмотря на демонстрацию силы, не вполне ясно, осознавало ли английское правительство серьезность тех трудностей, с которыми им предстояло столкнуться. Каналы снабжения из Англии в Америку имели протяженность порядка 3000 морских миль (свыше 5550 км); оружие, боеприпасы, лошадей, людей и продовольствие предстояло перевозить через Атлантику, а это путешествие занимало, как правило, два-три долгих и тяжелых месяца. Затем предстояло высадиться на океанском побережье несколько сотен миль длиной, население которого было явно негостеприимно настроено к чужакам. Местность в глубине материка была не более приветливой — опытным солдатам, не говоря уже о новобранцах, приходилось нелегко. Английский солдат Джон Хейс, описывая местность, говорил о «землях, испещренных болотами и мелкими речушками, покрытых лесами и кишащих насекомыми, и все это под нестерпимо палящим солнцем». Неудивительно, что многие участники похода заболевали гнилой горячкой.

Летом 1776 года генерал Хау захватил Нью-Йорк, Нью-Джерси и Род-Айленд. Поражение американцев подорвало боевой дух Вашингтона, чьи письма того периода полны жалоб на

самоуправство и недисциплинированность вверенных ему войск. Казалось, англичане имели весомые преимущества, а американцев переполнял страх, что их революция обернется провалом. Однако Хау не сделал ровным счетом ничего, чтобы закрепить свой успех, и зиму англичане провели в полевых укреплениях. «Сумрачная кампания 1776 года» — так Томас Пейн описывал события того времени. В конце года Вашингтон признался, что без подкрепления «игра вот-вот закончится», но уже восемь дней спустя с небольшим отрядом Континентальной армии он отправился в атаку против гессенских солдат, стоявших гарнизоном в Трентоне в Нью-Джерси, и захватил город. Победа была невелика, однако она подняла боевой дух солдат и офицеров.

За океаном в воздухе витали дурные предзнаменования. Генерал Хау потребовал 20 000 человек для военной кампании предстоящего года, однако получил лишь 2500. Парламент был стеснен в средствах, а король — по уши в долгах. Трудности, связанные с организацией военных действий на таком расстоянии, становились все более и более очевидными. Нужна была быстрая победа, но как ее добиться?

Английское командование намеревалось пе-

рехватить инициативу, изолировав мятежные колонии Новой Англии. Английская армия во главе с генералом Джоном Бергойном планировала наступление с севера, со стороны Канады, а армия Хау собиралась атаковать с юга, из Нью-Йорка; встретившись, они должны были заключить колонии в кольцо. Однако не все пошло по плану. Плохо налаженная коммуникация и некомпетентность сыграли роковую роль — две армии разминулись. Хау, вместо того чтобы двигаться навстречу северному фронту Бергойна, решил захватить Филадельфию. Армия Бергойна, отрезанная от подкрепления, была окружена американскими войсками у городка Саратога, который сегодня входит в состав штата Нью-Йорк. Осенью 1777 года Бергойну не оставалось ничего, кроме как капитулировать, а значит, лишить Британию всяких надежд на победу. Полное поражение было лишь вопросом времени.

Разгром английской армии вызвал небывалую радость в Версале, и в начале февраля 1778 года французы, выбрав удобный момент, заключили военный союз с Соединенными Штатами и выступили против Британии. Разумеется, это изменило характер противостояния, которое теперь переросло в международный конфликт.

Именно этого Великобритания опасалась больше всего. Правительство исчерпало все идеи, а одна из армий все еще находилась в плену в Соединенных Штатах. Британцам теперь предстояло защищать свои владения в Индии и Вест-Индии от французов, вместе с тем продолжая войну на недружелюбной североамериканской земле. В следующем году примеру Франции последовала и Испания, явно обозначив свое стремление вернуть Гибралтар и Менорку. Союзников у Англии более не осталось, а значит, для поддержания всех театров военных действий ей приходилось прилагать титанические усилия.

Англичане заявили о готовности пойти на уступки, в том числе отменить столь противоречивый Чайный акт, обещая при этом более не облагать колонистов новыми налогами. Это заявление ошеломило и встревожило верных сторонников правительства, которые теперь осознали, что боролись за замки из песка. Американцы же, почувствовав вкус победы, требовали полной независимости. Они оценили выгоду альянса с французами практически сразу, поскольку британцам пришлось перебросить часть войск и кораблей в Вест-Индию; американцы тем временем продолжили наступление, отвоевы-

вая позиции в Филадельфии и на Род-Айленде. Становилось ясно, что британцы едва ли смогут одержать победу в этом противостоянии.

С лорда Норта было довольно. Его военная кампания потерпела фиаско. Он отдавал приказы, от которых затем под давлением отказывался. Он потерял армию и континент. Ему было сорок шесть лет, однако он чувствовал себя уставшим и постаревшим. В марте 1778 года, когда Франция заключила союз с Америкой, Норт написал королю: «Высшая мера наказания для лорда Норта в его нынешнем положении предпочтительнее гнетущего смятения ума, которое происходит от осознания того, что дальнейшее нахождение на этом посту рушит все дела Вашего Величества». Спустя два месяца он еще раз написал королю: «С каждым часом я все более убеждаюсь в том, что Вашему Величеству необходимо назначить другого человека на должность главы правительства». Однако король был против. Он нуждался в Норте. Георг не доверял большинству своих политических оппонентов и презирал их, при этом понимая, что по-прежнему может положиться на верность первого министра. Как бы то ни было, Норт служил оплотом стабильности в Вестминстере.

Именно здесь, в Вестминстере, свою последнюю речь произнес Питт Старший, граф Чатам. За границей в ту пору поговаривали, что Британии пришло время вывести войска из Америки. Граф был решительно против. Поддерживаемый друзьями, он вошел в зал на костылях, завернувшись во фланель. В глазах некоторых он выглядел как живой труп. Поначалу голос его был слаб, но вскоре окреп в порыве красноречия. «Милорды, я ликую оттого, что еще не сошел в могилу; что я все еще жив и могу высказаться против расчленения нашей древней и преблагородной монархической державы!» Спустя месяц Питта не стало.

В 1779 году ход войны казался неоднозначным, трудно было определить, на чьей стороне преимущество. Внимание британцев было обращено к сопредельным морям, а не к Америке, поскольку риск вторжения объединенных сил Франции и Испании был вполне реален. Однако корабли и пехота требовались и по другую сторону Атлантики. Командующий Королевским флотом сэр Чарльз Харди смог собрать 37 кораблей, в то время как объединенные силы противника располагали 66 судами. Английский флот находился в плачевном состоянии. Не хватало пороха для

орудий. Ситуация была настолько серьезной, что в результате французы и испанцы получили контроль над Ла-Маншем, а член парламента по имени сэр Уильям Мередит писал о «роковой апатии, нависшей, словно ночной кошмар, над всей страной». Тем не менее Харди повезло. Быть может, такова была воля случая или удачное стечение обстоятельств, но начался сезон штормов, матросы франко-испанского флота поголовно страдали от морской болезни. Пока корабли Харди пережидали непогоду в безопасной гавани Спитхед, противник был вынужден отступить и вернуться на базу. Прошло лето, а следующей весной Харди умер от апоплексического удара. Первая же реплика в пьесе «Критик, или Репетиция одной трагедии» Шеридана дает представление об атмосфере той поры. Мистер Дэнгл читает в газете: «“Окончательно подтверждается, что сэр Чарльз Харди…” Черт! Все только про флот да про нацию. Терпеть не могу политики, никакой политики не признаю, кроме театральной!»[185]

Норт вновь погрузился в глубокую депрессию. Он писал: «Едва ли сейчас найдется что-то более

---

[185] Примечания: 185
Перевод М. Богословской и С. Боброва.

жалкое, чем я… все смешалось, ведомства винят друг друга во всех бедах и несчастьях». Коллега Норта, Уильям Иден, в явном раздражении выслушивая бесконечные самоуничижительные жалобы Норта, написал ему: «Если вы не способны призвать на помощь все силы своего разума, вам следует покинуть пост как можно скорее, сообразуясь с обстоятельствами, в которых мы теперь находимся». Тем не менее король стоял на своем. Норт был вынужден продолжать работу на прежнем посту. Главный министр заявил, что его вынудили остаться «силой».

Перспектива затяжной войны без шансов на заключение мира или иной положительный исход вызывала смятение и тревогу среди торговцев, лавочников и налогоплательщиков. Повод радоваться из-за непрекращавшегося спроса на корабли и боеприпасы был, пожалуй, лишь у фабрикантов железных изделий. Ситуация усугублялась еще и тем, что Ирландия, казалось, последовала примеру Америки и стала требовать независимости. Ирландцы вдруг поняли, что Англия не в состоянии защищать их от иностранных флотилий; поэтому для охраны берегов они создали добровольческие союзы. Идею национальной самозащиты поддержали католические

и протестантские диссентеры, сформировав армию, которая обладала большей властью, чем парламент в Дублине.

Добровольцы требовали беспошлинной торговли с Англией, а министры, которые явно не были готовы к мятежам и беспорядкам на соседнем острове, тут же пошли на уступки. Впрочем, ирландцы этим не ограничились, последовав примеру своих собратьев по духу за океаном и потребовав законодательной независимости. В апреле 1780 года ирландский политик Генри Граттан представил резолюцию, согласно которой «ни одна власть на свете, кроме власти короля, лордов и общин Ирландии, не вправе писать законы для Ирландии». Споры относительно резолюции были долгими и громкими, однако в конце концов независимость ирландского парламента была признана официально. В начале 1783 года английское правительство согласилось предоставить «права, которые требовал народ Ирландии; в соответствии с ними ирландцы будут подчиняться лишь законам, принятым Его Величеством королем Ирландии и ирландским парламентом». Граттан встал в зале парламента в Дублине и провозгласил: «Теперь Ирландия — независима».

Противоречия в Ирландии, в свою очередь, оказали влияние на Англию. В этот период зародилось движение «национального возрождения» в ответ на распространявшиеся страхи о том, что парламент идет на поводу коррумпированного правительства. В конце 1779 года после собрания в графстве Йоркшир была учреждена так называемая Йоркширская ассоциация (Yorkshire Association), выступавшая за сокращение сроков полномочий парламента, а также равное представительство отдельных территорий независимо от их размера и снижение налогов. Ассоциацию возглавил священнослужитель и землевладелец Кристофер Уайвилл, который в скором времени проявил себя как отличный организатор и непревзойденный пропагандист. Он составил петицию и убедил другие графства и комитеты графств подписать ее. Уайвилл представлял интересы землевладельцев страны, в то время как лондонская толпа с гиканьем и свистом всюду следовала за Уилксом, привлекая к себе пристальное внимание власть имущих. В ноябре 1779 года газета London Courant напечатала письмо от «вига», который утверждал, что «люди, свободные по естественному праву, будут защищать свою страну, менять парламент

и реформировать королевскую власть… *В Англии каждый человек — политик*». Весной 1780 года было основано Общество конституционной информации (Society for Constitutional Information) с явной целью восстановить «утраченные права» «нашего древнего строя» путем распространения текстовок и памфлетов.

Таков контекст состоявшихся 6 апреля парламентских дебатов, главная тема которых заключалась в следующем: «Влияние монархии усилилось, усиливается, и его необходимо ослабить». За эту инициативу проголосовало 233 парламентария, против — 215, однако, как сказал бы военный наблюдатель, это было гиблое дело. Тот факт, что в парламенте поддержали столь смелый шаг, позволял предположить, что верховная власть была отнюдь не столь могущественна, как ее представляли. В любом случае из этой затеи ничего не вышло, и уже месяц спустя лорд Камден писал: «Приложенные нами усилия, кажется, сходят на нет, и страна погружается в прежнее состояние вялого безразличия». Даже радикально настроенные общества на время пропали из виду и оживились лишь тогда, когда по ту сторону Ла-Манша грянула революция.

В июне 1780 года репутация радикального дви-

жения в масштабах страны или города была сильно подпорчена. Именно тогда Англию охватили бунты — пожалуй, самые ожесточенные в XVIII веке. Член палаты общин Джордж Гордон был прирожденным провокатором и поборником поистине сумасшедших идей. Словно саламандра, он был рожден для жизни в огне. Он называл себя «народным вожаком», в особенности в разоблачении угроз, которые представляла католическая церковь в свете принятия парламентом Акта об облегчении положения католиков (Catholic Relief Act). Гордон был отчасти революционером, отчасти — радикалом, отчасти, говоря анахронизмами, — романтиком. Он стремился присвоить статус и атрибутику тех, кто веками боролся с тиранией, и среди своих последователей стал известен по прозвищу «английский Брут».

Следуя веяниям эпохи, он создал «ассоциацию». Это была Протестантская ассоциация, которая вскоре объединила богачей, ремесленников, лондонских подмастерьев и прочих обитателей города, которых называют *mobile vulgus* (*лат.*, «простой народ»), или попросту толпа. Именно в их сопровождении 2 июня Гордон отправился с петицией в парламент, горя желанием добиться отмены всех недавно сделанных католикам усту-

пок. Антикатолическую кампанию поддержали лишь шесть членов палаты общин, что вызвало среди сторонников петиции нечто сродни разряду молнии, грозившему уничтожить весь Лондон. Около полуночи, когда по городу прокатился крик «Нет папству!», разгневанные толпы наводнили Брод-стрит и Голден-сквер; домовую церковь баварского посла предали огню. Уильям Блейк, вольный или невольный участник бунта, описывая события той ночи, писал, как слышались «вой и свист, вопли и стоны, крики отчаяния».

Пять дней спустя Блейк оказался в беснующейся толпе, которая неслась по улице Холборн в сторону уголовного суда Олд-Бейли с единственным намерением уничтожить расположенную неподалеку Ньюгейтскую тюрьму. Участники беспорядков бросались на огромные ворота тюрьмы, которые порой называли вратами ада, с мечами, топорами и кувалдами, тем временем само здание уже пылало, так как мятежники устроили там поджог. Заключенные вопили от ужаса, рискуя сгореть заживо, а участники бунта взбирались на стены и крышу, пытаясь оторвать шифер и разбить кладку. Узников, все еще закованных в кандалы, вытаскивали из огня,

некоторые вылезали сами. Толпа прокладывала им путь с криками «Дорогу!», «Дорогу!», а затем провожала до первой попавшейся кузни. В те дни были разграблены и сожжены дотла дома зажиточных католиков и сочувствовавших им.

В среду 7 июня — день, который вошел в историю под названием «черная среда», — народные страсти достигли пика. Толпа грозила взять штурмом Банк Англии и раздать все хранившиеся там деньги, выпустить львов из зоопарка в Тауэре, освободить заключенных из всех тюрем, разгромить католические церкви и снести здание психиатрической больницы Бедлам, выпустив всех пациентов на волю. Преподобный О'Донохью видел, как обитатели Бедлама танцуют и кричат «в отблесках бушующего пламени… в окне больничной палаты». Это зрелище наводило ужас. Современник тех событий, житель Лондона Ричард Берк писал: «Столицей овладел разъяренный, неистовый и многоликий враг… Чем закончится эта ночь, известно лишь Всевышнему». Он видел, как мальчик не старше 15 лет забрался на здание на Квин-стрит и принялся выламывать кирпичи и элементы деревянных конструкций, бросая их вниз двум малолетним сообщникам. И все же в городе удалось восста-

новить относительный порядок. Пока во дворе церкви Сент-Эндрюс на улице Холборн бушевал пожар, где впоследствии из-за злоупотребления спиртным окажется немало жертв, караульный исправно ходил по городу с фонарем в руке, объявляя время.

В конце концов отрезвляющие угрозы и расправы, чинимые военными, позволили навести порядок. Многих главарей повесили на том месте, где их застали за преступными злодеяниями. Лорд Джордж Гордон был заключен под стражу, обвинен в государственной измене, но оправдан. Впоследствии он принял иудаизм. Никто и поверить не мог, что подобная отчаянная и фанатичная жестокость могла так легко перевернуть жизненный уклад города XVIII века. Сцены погромов и насилия были будто из другого мира. Лондон изменился навсегда.

Однако дело было совсем не в том, что толпа разгромила дома несчастных католиков и католических священников. Бунт лорда Гордона — это бунт бедных против богатых. Лондонская беднота не нападала на своих. Жертвами антикатолических погромов были сплошь состоятельные джентльмены, адвокаты и торговцы. Эти события стали неприятным сюрпризом для тех, кто

возлагал надежды на народное сопротивление, которое будет бороться с продажной властью. Бунты укрепили в своей правоте тех, кто полагал, что первобытная злость не успела уйти далеко в прошлое. Историк Эдвард Гиббон, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи» (History of the Decline and Fall of the Roman Empire), в одном из писем писал: «Я был свидетелем темного и дьявольского фанатизма, который, как я полагал, более не существует в природе». Гиббон безусловно подразумевал религиозный экстремизм, который считали пережитком прошлого еще в ушедшем столетии. Для многих в столь неспокойное время символом безопасности и олицетворением порядка оставался лорд Норт, который по-прежнему терзался в оковах власти.

Несмотря на победу в Саратоге, успешное наступление в Провиденсе и на Род-Айленде и союз с Францией, Джордж Вашингтон пребывал в унынии. В начале 1781 года он писал: «Я не вижу впереди ничего, кроме надвигающихся бедствий… мы пользовались всеми подручными средствами, пока не исчерпали их». Не было провианта, денег, и неоткуда взять подкрепление. Американцы теперь практически всецело полагались на поддержку союзников, однако

многие члены французского правительства приходили в ужас от растущих расходов на военную кампанию. В свою очередь, в Англии усталость от войны усугублялась страхами радикалов, которые опасались, что перспектива мятежей в Америке и бунт Гордона неизбежно приведут к абсолютизации власти. Те, кто мыслили более прагматично, понимали, что виргинская кампания — лишь бесполезная трата денег.

Таковы были настроения по обеим сторонам океана незадолго до событий в Йорктауне. В конце лета и начале осени 1781 года Континентальная армия Джорджа Вашингтона опередила на марше англичан под командованием генерала Чарльза Корнуоллиса и заняла более выгодные позиции, что вынудило британские войска отступить к Йорктауну, штат Виргиния. Французский флот отрезал Корнуоллису все подходы с моря, на суше осаду Йорктауна вели 8000 французских солдат и 5000 американцев. Оказавшись в безвыходном положении, Корнуоллис был вынужден сдаться. Английские солдаты покидали свои позиции, уныло напевая песенку «Мир перевернулся вверх дном» (The World Turned Upside Down). Столь уверенная победа американцев означала, что до независимости рукой подать.

Незадолго до того, как вести о Йорктауне долетели до Лондона, король написал лорду Норту: «Сейчас на кону вопрос о том, будет ли Англия великой империей или недостойнейшим из европейских государств». Поражение, казалось, поставило точку в этом вопросе. Белый флаг, выброшенный английской армией, вызывал смешанные чувства гнева и печали. Сообщение о поражении достигло Лондона 25 ноября 1781 года, буквально за несколько дней до открытия новой парламентской сессии. Известно, что, получив известия, лорд Норт воскликнул: «О боже! Кончено!» Он понимал, что дни его политической карьеры сочтены.

Однако король, зодчий американской политики, казалось, намеревался продолжать войну. В своей тронной речи перед открытием парламентской сессии он в очередной раз выразил уверенность в справедливости борьбы и отказался жертвовать правами и интересами страны в лихорадочном стремлении к миру. Когда Георг закончил, со своего места поднялся один из самых известных вигов и убежденный сторонник американских патриотов Чарльз Джеймс Фокс. Подтверждая распространенное мнение о том, что речь Георга III написана для него членами

кабинета министров, Фокс обрушился на короля с гневными нападками. По его словам, «деспотичный и бесчувственный монарх втянул рабов — своих подданных — в разорительную и противоестественную войну, чтобы потешить свое самолюбие и утолить жажду мести, а теперь намерен упорно продолжать, несмотря на грозящую катастрофу и знаки судьбы».

Эти жестокие слова в полной мере передавали настроение и характер Фокса. До этого он лишь вскользь упоминался в нашем повествовании, слабо выделяясь в общем хоре голосов, выражавших недовольство политикой короля и его министров. Фокса часто описывают как прирожденного оппозиционера, аристократа, который попал в высшие круги вигов, совершенно не заботясь о вопросах нравственности и морали. Он был пьяницей и развратником, для которого карточная игра значила ничуть не меньше, чем политика. Однако среди политических деятелей XVIII века это не было редкостью. Обаяние Фокса крылось в благодушном и бодром отношении к жизни, которое зачастую сравнивали с детской непосредственностью. По словам Эдмунда Берка, Фокс «был из числа самых простодушных, открытых, искренних и великодушных людей».

Герцогиня Девонширская, знатная гранд-дама и сторонница вигов, восхищалась «его поразительной быстротой восприятия» и добавляла, что «разговор с ним — словно хорошая игра в бильярд: удары идут один за другим, пиф-паф!».

Однако Фоксу было не суждено стать лидером партии или фракции. Он был слишком безалаберным и неорганизованным; его речи в парламенте представляли собой импульсивную импровизацию, а сам он оставался совершенно глух к общественному мнению. Он не предпринимал никаких попыток повести за собой своих последователей. Политика была для него, как и для большинства его современников, азартной игрой в хазард. По словам немецкого историка Карла Филиппа Морица, Фокс был «темноволосым, невысоким, коренастым и, как правило, неряшливым». На его мясистом лице резко выделялись густые, косматые брови, за что он получил прозвище «бровь». Его толстая фигура и неопрятная внешность становились объектами многочисленных карикатур. Он приходил в парламент после ночи возлияний, все еще подшофе, и выступал с двухчасовой речью, которая зачаровывала всех, кто ее слышал. Он был одним из величайших политиков эпохи.

Война с Америкой, против которой так яро выступал Фокс, была скорее «затушена», нежели закончена. 27 февраля 1782 года, через три месяца после того, как новости о событиях в Йорктауне достигли Лондона, палата общин проголосовала против продолжения военных действий за океаном. Это означало безоговорочную капитуляцию. Спустя месяц палата общин вынесла вотум недоверия лорду Норту и его кабинету, однако Норт успел избежать унижения благодаря досрочной отставке. Он писал королю, что «разыгравшаяся буря слишком сильна, чтобы противостоять ей». Он прослужил первым министром двенадцать лет, но теперь, во время войны с Америкой, больше не мог жить в постоянной тревоге и под грузом должностных полномочий. Короля эти слова не слишком впечатлили. Георг придерживался мнения, что Норт оставил его в минуту опасности. «В конце концов, — писал он, — роковой день настал».

Отставка Норта усилила межпартийную вражду и конкуренцию между отдельными политиками, жаждущими получить те преимущества, которые сулила эта должность. Было время, когда король всерьез задумывался об отречении и даже подготовил черновик речи, в которой объявлял о

своем немедленном отъезде в Ганновер. Однако этой речи не суждено было прозвучать. После провала тори в войне с колониями Георг был вынужден обратиться к разношерстному клану вигов, которых объединяло лишь одно — желание мира с Америкой. Даже после формирования кабинета в нем не было единства. Неудивительно, что в следующие два года четверо сменилось на посту премьер-министра. Одним из тех, кто взобрался на вершину власти, был Уильям Петти, 2-й граф Шелберн. Его считали «скользким типом» и «величайшим лжецом», а также чрезвычайно честолюбивым человеком, однако в то время такое описание подходило практически для любого политика. Его вспоминают, если вообще вспоминают, главным образом в контексте переговоров, которыми он руководил с целью заключения мира с Америкой.

Эти переговоры велись не только с американцами. С помощью множества дипломатических уловок были достигнуты договоренности с Францией, Испанией и Голландией, которые выступали против Британии в непростые для нее времена. Предварительные статьи мирного договора с Америкой были подписаны в Париже в январе 1783 года. Главным пунктом этого

документа стало признание Британией независимости, свободы и суверенитета 13 штатов. Американцы не проявили никакого снисхождения к лоялистам, сражавшимся за Британию; их передали на милость Конгресса, что многих в Вестминстере привело в ярость. Что же это был за договор, по которому союзники оказались брошены на произвол судьбы?

В Версале были подписаны договоры с Францией и Испанией. Франция уступала Гренаду, Сент-Винсент и другие острова в обмен на Сенегал в Африке, Пондишерри в Индии и еще несколько островов. Испания отдавала Багамские острова, однако взамен получала Менорку и обе Флориды. Шарж 1783 года назывался «ПодПИСание договора о всеобщем мире» (The General Piss of Peace), на котором все участники событий, включая коренных американцев, мочатся в один горшок:

> *И кто бы мог подумать, господа, тогда,*
>
> *Что мирный договор подпи́сать не составит им труда?*[186]

Так закончилась Американская революция,

---

[186] Примечания: 186

A little time past, sirs, who would have thought this / That they'd so soon come to a general piss?

в результате которой возникло первое в мире новое независимое государство, взявшее на себя всю ответственность за свою судьбу. В ходе войны за свободу, в условиях крайней нужды, Джордж Вашингтон смог создать национальную армию; его примеру последовала и охваченная революцией Франция. Французская революция дала толчок возникновению новых форм ведения войны и новой боевой тактики. Были и другие последствия. Впервые группа единомышленников продвигала национальные идеи без участия короля, аристократии и церкви.

На тот момент британцы искренне полагали, что их империя переживает небывалый упадок, однако на самом деле торговля и мореплавание не пострадали, а в последующие годы даже способствовали еще большему процветанию страны. Последствия участия Франции в Войне за независимость США были неоднозначными, однако очевидно, что помощь американским колонистам спровоцировала тяжелейший финансовый кризис, который достиг пика во время революции 1789 года.

В результате успешного завершения войны пошли в гору внешняя торговля и собственное производство Соединенных Штатов. В Англии

прекращение военных действий также благотворно отразилось на развитии промышленности и торговли, которые приобрели невиданные за прошедшие двадцать лет масштабы. Затраты на армию и флот, к величайшему облегчению налогоплательщиков, были существенно сокращены, при этом выросла и популярность Георга III. Теперь он олицетворял стабильность в стремительно менявшемся мире.

Впрочем, популярность монарха не распространялась на его министров. Резолюция относительно Парижского мирного договора 1783 года, разработанная новоизбранным премьер-министром лордом Шелберном, была представлена на рассмотрение палаты общин лордом Джоном Кавендишем. В ней говорилось, что «уступки, на которые пошла Великобритания… были существеннее, чем того заслуживали ее противники, как с точки зрения их территориальных владений, так и с точки зрения расстановки сил». Атмосфера, пожалуй, не слишком благоприятствовала активным дебатам. Карл Филипп Мориц отмечал: «Нередко можно увидеть члена парламента лежащим на скамье во время дебатов. Кто-то грызет орехи; кто-то ест апельсины».

Резолюцию поддержали лишь 17 членов пар-

ламента, и Шелберн ушел в отставку. Едва ли какой-либо другой политик смог бы договориться о более благоприятных условиях мира, однако именно Шелберн стал жертвой всеобщей неудовлетворенности и усталости. Позднее Бенджамин Дизраэли назвал Шелберна величайшим государственным деятелем XVIII столетия, однако при жизни граф не удостоился благодарности за непопулярный, но попросту необходимый мир.

После ухода Шелберна король оказался в незавидном положении — в окружении презираемых или ненавидимых им людей. Парламентарий Джеймс Гренвиль позднее вспоминал, что Георг III проявлял все признаки тревожности; он отмечал, что «обуревавшие его чувства явственно отражались на его лице и в его жестах». Гренвиль указывал на «быструю походку и хаотичные движения, торопливую манеру говорить, запальчивую и безостановочную речь, в которой не оставалось места ни паузам, ни ответам собеседников, и постоянные отклонения от темы», которые, вероятно, были предзнаменованием грядущего нервного срыва. Впрочем, у короля были все основания испытывать гнев и тревогу.

К всеобщему изумлению и недовольству, лорд Норт и Чарльз Джеймс Фокс сумели договорить-

ся; разгульный виг и уставший лорд в прошлом самозабвенно обменивались оскорблениями. Так, Фокс обвинял Норта в «беспримерном коварстве и лживости», а также в «публичном вероломстве». Однако теперь они были лучшими друзьями, верными союзниками, готовыми сформировать кабинет министров. Карикатурист Джеймс Гилрей запечатлел двух заклятых друзей на карусели под названием «новый государственный аттракцион», а на заднем фоне, прямо за ними воры открыто грабят дом; подпись под рисунком гласила: «Дом бедного Джона Булла грабят посередь бела дня». Объединив усилия, Фокс и Норт получили ощутимый перевес голосов: Фокс заручился поддержкой 90 депутатов, за Норта проголосовали 120 парламентариев, в то время как смешанный министерский альянс набрал лишь 140 голосов. Согласно расхожему выражению того времени, эти двое «вломились в королевскую опочивальню». Особую ненависть король питал к Фоксу, которого презирал как безответственного распутника, а Норт, чей поступок монарх воспринял не иначе как предательство, вызывал у него отвращение. Георг не мог воспрепятствовать этому союзу, однако намеревался сделать все, чтобы усложнить им жизнь. Так, он

лишил их каких-либо источников покровительства, что являлось жизненно важным условием успешного правления. При этом до самого конца король пытался найти альтернативу этому союзу.

Доведенный до крайнего отчаяния, король обратился к Уильяму Питту, сыну «Великого Общинника», который в возрасте двадцати четырех лет уже был канцлером Казначейства. Питт Младший носил известное имя, однако благодаря его политическим заслугам это имя зазвучало еще громче. «Он не просто отпрыск известного отца, — говорил Берк. — Он и сам известный малый». Он вырос в среде политической аристократии и рано получил высокую должность; говорили, что он никогда не был ребенком и ничего не знал о людях или обычаях, кроме того, что видел в кривом зеркале Вестминстера. Его было легко узнать по бледному лицу и скованному, церемонному поклону; высокий и худой, он обладал заносчивостью человека, знавшего о своем предназначении. Он мог быть непреклонным, высокомерным и казаться абсолютно незаинтересованным; по словам лорда Холланда, он «не имел привычки смотреть под ноги». Входя в палату общин, он не поворачивал голову ни направо,

ни налево, а садился на свое место, не удостоив своих соседей ни кивка, ни приветствия.

Таким он был на людях. В компании друзей, после нескольких бокалов портвейна, он становился добродушным и остроумно шутил. Один из его коллег, сэр Уильям Нейпир, вспоминал случай, когда Питт играл с детьми своего знакомого; его лицо было разрисовано жженой пробкой, а сам он самозабвенно кидался подушками. Внезапно ему сообщили, что его хотят видеть два важных министра по срочному делу. Он потребовал умывальник, умыл лицо и спрятал подушки за диваном. Нейпир вспоминал, сколь резкая перемена произошла в нем в тот момент: «Его высокая, неуклюжая, костлявая фигура, казалось, выросла до самого потолка, голова запрокинута назад, взгляд неподвижен». Он выслушал посетителей, ответил в нескольких сжатых фразах, «а затем резким, скованным поклоном, не опуская глаз, дал понять, что аудиенция окончена. Затем, повернувшись к нам со смехом, подхватил подушки и продолжил борьбу». В этом смысле его нельзя было назвать уравновешенным человеком. Про него говорили, что он «всегда или в подвале, или на чердаке».

Когда король обратился к молодому человеку

с предложением стать его первым министром, Питт наотрез отказался. Он понимал, что не сможет управлять большинством и не сработается ни с Фоксом, ни с Нортом. Он терпеливо стоял в стороне, понимая, что кабинет настолько неустойчив и ослаблен внутренними противоречиями, что долго не протянет. Питту оставалось лишь спокойно ждать своего часа. Известный филолог Ричард Порсон емко резюмировал психологические портреты Фокса и Питта: «Мистер Питт обдумывает каждое предложение прежде, чем открыть рот. Мистер Фокс начинает говорить с середины предложения, оставляя на волю Всемогущего возможность остановить его».

В начале 1780-х годов предметом повального увлечения были воздушные шары. Казалось, впервые в истории человек научился летать. Возбужденные толпы в Париже и Лондоне наблюдали за полетами и, по-видимому, на мгновение забывали о невзгодах и горестях этого мира. Это была свобода или, по меньшей мере, надежда на свободу для будущих поколений. Во времена Французской революции политический писатель Этьен Дюмон отмечал, что «жители Парижа будто сами были наполнены легковоспламеняющимся газом, словно эти шары». Весной 1785 года Хорас

Уолпол писал в чуть менее драматическом тоне: «Мистер Уиндхем, член парламента от Нориджа, отправился в путешествие в облака и оказался в опасности, рискуя упасть и разбиться. Сегодня в воздухоплавание отправляются еще три шара; в скором времени у нас будет огромный воздушный флот, неужели на этом фоне потеря владычества на море что-то значит?»

24
Школьник

Первая Британская империя, в состав которой входили тринадцать американских колоний, ушла в прошлое. Впрочем, многие в связи с этим облегченно вздохнули. Распад этой империи был неизбежен. Куда лучше торговать с американцами, нежели пытаться править ими, и этот ценный урок стал единственным базовым принципом, который лег в основу второй Британской империи, в ту пору уже набиравшей силу. Англию не интересовали колонии, разбросанные по всему земному шару; куда важнее было иметь сеть факторий. С их помощью можно создать торговую империю мирового масштаба, коммуникация внутри которой осуществлялась бы с помощью морских торговых путей. Вскоре на защиту колониальных рынков и торговых постов встал флот первой в мире морской державы.

Фактории были основаны на Борнео и Филиппинах; тем временем лорд Джордж Макартни отправился с торговой миссией к императорскому двору в Пекине. Форты и торговые посты

Британии простирались до Пинанга и Малайи, Тринкомали, Кейптауна и Центральной Африки. Разумеется, своими богатствами манил Индостан. Стали говорить о том, что в Англии возродился дух морских приключений времен Тюдоров, и действительно, впервые идея Британской империи возникла именно в период правления Елизаветы. Математик и алхимик Джон Ди предсказал возникновение империи, которая соберет под своей сенью все народы Британии, — поразительно точное пророчество. Разве были земли, куда кораблям и морякам путь закрыт? Греция? Аравия? Черный континент Африка или земли Востока?

Воспоминания о старой империи еще были живы. Британии по-прежнему принадлежали Квебек и Канада. Она превратила в колонию Новый Южный Уэльс, заодно основав там каторжные поселения. Уже совсем скоро Тихий и Индийский океаны станут Меккой для торговцев, которым было что купить и продать. Между тем сущность и природа империи менялись. Первая империя была исключительно английским предприятием, в рамках которого сохранились старые, привычные названия, слегка переделанные на новый лад, например Нью-Йорк или

Новая Англия. Вторая империя по масштабам была поистине британским детищем и включала территории в Бенгалии, а со временем и на всем Индостане, которые охранялись местными отрядами при поддержке шотландских, ирландских и валлийских регулярных войск.

Во многом эта империя напоминала колосс на глиняных ногах: ее соорудили из отдельных областей и соглашений. Пока какие-то земли контролировались в соответствии с неформальными пактами, другие охранялись специальными войсками или регулировались договорами. В разных колониях было разное устройство. Индийские провинции располагались неподалеку от давних торговых постов. При создании второй империи отсутствовали генеральный план и конкретные цели. Возможно, существовало некое общее представление о том, что английская власть пойдет на пользу коренным народам, однако при этом в договоренностях было много лицемерия и алчности. Изначально планировалось, что Англия не будет вмешиваться в политические дела колоний, а лишь внедрит собственную торговую политику, при этом британские губернаторы будут сотрудничать с представителями местной элиты для обеспечения эффективного управле-

ния и процветающей торговли.

Такой формат отличался от старой империи лишь новым названием. Стремление вести торговлю в Индии, к примеру, неизбежно предполагало политику завоевания и контроля здешних территорий через Ост-Индскую торговую компанию. Торговля была неотделима от политики. А политика всегда подпитывалась властью. В результате для гарантии безопасности торговых путей в Индию был аннексирован Цейлон. К 1816 году Британии принадлежали 43 колонии, в то время как в 1792 году — всего 26. Общая площадь территорий составляла 2 миллиона квадратных миль (5 200 000 кв. км), а население — порядка 25 миллионов человек, причем большинство из них имели темный цвет кожи и не исповедовали христианство. Складывалась уникальная ситуация, которая, как быстро поняли министры в Лондоне, требовала немалых усилий и ресурсов: новые земли следовало контролировать и держать в узде. Возник вопрос, как увязать имперские притязания Лондона с традиционными британскими свободами. К проблеме подошли с чрезвычайной осторожностью и присущим англичанам консерватизмом.

Уже в 1782 году, когда Англия и Америка ве-

ли мирные переговоры, король заявил палате общин, что «управление обширными территориями в Азии открывает необозримые горизонты, позволяя проявлять недюжинную мудрость, рассудительность и прозорливость». Главной проблемой для Вестминстера была Азия. Мудрость и рассудительность в данном случае представляли собой слишком слабую альтернативу алчности и хитрости. Казалось, Англия исчерпала все возможности контроля над деятельностью Ост-Индской компании.

Руководство компании стало слишком богатым и слишком могущественным. Для продолжения торговли им требовались: политический порядок на тех территориях, с которыми они вели переговоры; союзы с местными князьями или правителями, освоение тонкостей Корана и индуистского права; армия, в которой в идеале служили бы дружественно настроенные туземцы. Правительство в Вестминстере было не на шутку встревожено, поняв, что его лишают власти, и обеспокоено известиями об эксплуатации и даже случаях насилия и жестокости.

Разумеется, министры мечтали получить свою долю баснословных доходов, которые Ост-Индской компании приносила процветающая

торговля. К «набобам» — англичанам, разбогатевшим во время службы в Индии, — относились с опаской: алчный выскочка и эксплуататор с большими деньгами не вызывал уважения у соотечественников. Набобы стали столь привычным и одновременно презираемым явлением, что постановка пьесы «Набоб» (The Nabob; 1772) Сэмюэла Фута в Королевском театре на улице Хеймаркет имела ошеломительный успех. Один из персонажей комедии сокрушается: «Вместе с богатствами Востока мы обрели и худшие из его пороков. Жуткий расклад!» Набобы сколачивали состояния, «грабя нехристей». В этом заключалась очевидная для всех проблема Ост-Индской компании.

Чарльз Джеймс Фокс, с присущим ему оптимизмом и самоуверенностью, считал, что сможет решить проблемы Индии. Он предложил отказаться от действующего совета директоров, управлявшего компанией, и утвердил семь полномочных представителей. Вскоре стало ясно, что выбранные представители были сплошь сторонниками правительства, в особенности самого Фокса; многие полагали, что Фокс намерен использовать влияние и богатство Ост-Индской компании в корыстных интересах. В конце 1783

года появилась карикатура, на которой Фокс изображен в тюрбане верхом на слоне, попирающем Ост-Индский дом[187] и его управляющих, с подписью «Триумфальный вход Карло Хана на Лиденхолл-стрит».

Репутация Фокса оказалась в опасности — теперь его можно было обвинить в посягательстве на богатства короля. Противники Фокса тут же приготовились к нападению. И хотя сторонники Фокса и Норта все еще могли протащить нужную инициативу через палату общин, 11 декабря 1783 года через посредника король недвусмысленно дал понять, что «любой проголосовавший за билль об Индии не только более не будет считаться другом, но и пополнит ряды недругов короля». С высокой долей вероятности можно предположить, что к делу приложил руку Уильям Питт, поскольку, если бы законопроект провалился, это автоматически означало бы распад коалиции Фокса и Норта. Так и случилось. Парламентарий-тори Томас Орд Паулетт рассказывал, что в ходе дебатов «выражение лица

[187] Примечания: 187

Ост-Индский дом — лондонская штаб-квартира Ост-Индской компании на Лиденхолл-стрит, осуществлявшая управление большей частью Британской Индии до 1858 г., когда правительство Британии взяло владения компании под свой контроль.

Фокса, его мимика и речь были в высшей степени карикатурны и отражали целый спектр эмоций от крайней степени подавленности и ярости до полнейшего отчаяния». Как только 17 декабря палата лордов проголосовала против инициативы Фокса, король потребовал отставки двух главных министров. Они покинули свои посты уже на следующий день. Питт Младший тотчас занял должность премьер-министра. В ту пору ему было лишь двадцать четыре года.

Раздробленность коалиции, беззастенчивое предложение Фокса назначить лояльных ему полномочных представителей, а также растущая непопулярность действующего правительства дали Питту возможность нанести неожиданный удар. Он сделал ставку на то, что сможет противостоять объединенной оппозиции достаточно долго и подготовиться к тому, чтобы распустить парламент и назначить новые выборы. Фокс, напротив, считал, что «мы уничтожим оппозицию на корню». Новое правительство Питта получило насмешливое название «Министерство рождественского пирога» (Mince-Pie Administration). Ожидалось, что оно будет столь же недолговечным, как и сладкий рождественский пирог. В то время в ходу был такой стишок:

Видя такое, соседние страны таращатся от изумления.

Неужто школьнику управлять королевством хватит умения[188].

Новый парламент был созван 12 января 1784 года, а Питт будет занимать свой пост следующие 18 лет.

С самого начала он демонстрировал спокойствие, педантичность и решительность; его цели и методы были ясными, выкладки — неоспоримыми, а руководство палатой общин достойно подражания. Он мог рассчитывать на поддержку и расположение короля, открывшего перед ним гостеприимные двери покровительства; некоторые из его сторонников сразу получили титулы пэров. Питт не чурался лжи, если ему это выгодно. Когда Фокс обвинил новоиспеченного первого министра в том, что его законопроект об Индии был отклонен палатой лордов из-за «тайного влияния на голосовавших», тот ответил, что «ему не известно ни о каком тайном влиянии, а его собственная верность принципам будет служить ему защитой от подобных угроз».

---

[188] Примечания: 188

A sight to make surrounding nations stare; / A kingdom trusted to a school-boy's care.

Впоследствии Питт еще не раз говорил о своей «верности принципам».

Питт Младший решил быть единственным членом возглавляемого им кабинета в палате общин и вскоре продемонстрировал истинное мастерство управления многоуважаемым собранием. Он полагал, что безусловная преданность королю, новые полномочия и покровительство монарха, а также присущая ему стойкость перед лицом невзгод позволят дотянуть до следующих выборов. Медленно, но верно он сокращал число своих оппонентов, сохраняя при этом мрачное и невозмутимое спокойствие.

Помимо естественного желания остаться у власти, Питт намеревался реформировать государственную финансовую систему и расширить национальную торговлю. Таковы были два обязательных условия безопасности и мира. Он разбирался в финансовых вопросах и понимал, что первостепенная задача состоит в том, чтобы погасить или хотя бы уменьшить государственный долг, возникший в результате многолетней военной кампании. Не менее важным, по его мнению, было сокращение расходов за счет осторожной и планомерной ликвидации лишних должностей и кормушек. На что же в таком слу-

чае могли жаловаться Фокс и другие виги? Но они ясно дали понять, что не собираются экономить государственные средства. Речь Питта была четкой, убедительной и аргументированной. По словам одного из его оппонентов, доктора Парра, «Питт знал, о чем говорит»; или, как сказал поэт Сэмюэл Тэйлор Кольридж, он «со сверхъестественной ловкостью и умением, нетипичным для столь юного возраста, складывал слова».

Долгожданные выборы состоялись весной 1784 года; предшествовавшая им кампания длилась пять недель. Вскоре стало ясно, что преимущество на стороне Питта и короля, а не Фокса и его присных. «Мы разбиты наголову, — признавался член парламента Уильям Иден, — а страна помешана на королевской прерогативе». Это было не противостояние между короной и парламентом, а борьба за санкционированный королем парламент или против него. На стороне Питта были землевладельцы и фабриканты, торговцы и духовенство. Все хотели от правительства эффективности, безопасности и, по возможности, честности. Виги потеряли в парламенте больше сотни мест; их стали называть «мученики Фокса» в честь одноименного произведения «Книга мучеников Фокса» (Foxe's Book of Martyrs) Джона

Фокса, изданного еще в XVI веке. Питт сохранил место первого министра и, по сравнению со своими предшественниками, получил невиданное могущество. Позднее Томас Пейн писал, что «мистер Питт ничего не заслужил, однако много обещал».

Питт не питал слабости к призрачным планам или необоснованным решениям; он не продавливал вопросы из принципа, и его совершенно не заботил статус-кво. Главным образом его интересовали практические, административные и фактические вопросы. Трудно сказать, был ли он вигом или тори, однако в его случае это не имело значения. Он был воспитан как виг, однако партия, которая теперь находилась у власти, была по природе скорее консервативного склада. В любом случае Питта нельзя назвать «партийцем». Он слишком дорожил своей независимостью, его круг доверенных лиц был весьма мал. В вопросе Индии Питт проявлял недюжинную прагматичность. Он учредил управляющий комитет, состоящий из шести членов тайного совета, чтобы наблюдать за деятельностью Ост-Индской компании; новый генерал-губернатор Индии граф Корнуоллис был направлен в Индию два года спустя. Идея имперского покровительства

по-прежнему витала в воздухе. Предложения Питта мало чем отличались от инициатив Фокса, однако их считали более честными и открытыми в сравнении с махинациями Фокса и его друзей.

В вопросах финансов Питт чувствовал себя как рыба в воде. Его личный секретарь Джордж Претимен Томлин, обращаясь к палате общин, прочитал проповедь в церкви Святой Маргариты в Вестминстере, где рассказал об опасностях, которыми грозит государственный долг, и о критическом состоянии государства, «особенно с точки зрения доходов». Итак, налоги увеличивались по всей стране. Не Питт придумал налог на окна, но он сделал все, чтобы доход в казну от него был как можно больше. Он обложил пошлинами лошадей и экипажи; взимались налоги на кирпичи, шляпы и духи; Питт увеличил почтовый сбор и налоги на газеты; он придумал наследственные пошлины и налоги на завещания. Все, что могло дать сок, проходило через соковыжималку государственного аппарата. Для госдолга Питт приготовил свежее решение. Сокращение расходов вкупе с увеличением налогового бремени позволило добиться профицита бюджета. Не желая тратить лишнее, Питт издал указ, согласно которому все излишки пошли на формирование

резервного фонда для уплаты госдолга. Использовать средства фонда на какие-либо иные цели запрещалось.

При реализации вышеупомянутых мер Питт полагался на относительное спокойствие внутри страны и за ее пределами. Он не мог позволить себе войну и хотел избежать народных волнений. Он разработал было новый налог на хлопковую промышленность, однако 2000 человек вышли на улицы Манчестера с лозунгами «Даешь процветание торговли!», «Восстановим свободы», «Не дадим уничтожить промышленность». На самом деле Питт разделял чувства протестующих и после жарких обсуждений в парламенте сдался. Начиная с середины 1780-х годов в стране действительно начался подъем в строительной и других отраслях, который перерос в так называемый бум.

Поражения в парламенте, казалось, вовсе не смущали Питта. В каком-то смысле он стоял выше партийных распрей. В отношениях с Европой он выступал миротворцем и дипломатом. Поговаривали, что он либо не интересовался внешнеполитическими вопросами, либо не разбирался в них, однако его кабинет на Даунинг-стрит был увешан четырьмя комплектами географических

карт, а в библиотеке хранилось множество географических справочников и атласов.

Впрочем, Питт Младший действительно верил в развитие дипломатических отношений через торговлю. Осенью 1786 года он заключил торговое соглашение с Францией, которое позволяло странам практически беспрепятственно торговать друг с другом. Учитывая размах английского производства, внешнеторговый баланс был явно в пользу Британии. В течение последующих нескольких лет Питт предпринимал попытки заключить аналогичные договоры с семью другими странами. В газете Public Advertiser писали: «Так организована торговля величайшей в мире державы, обладающей огромной коммерческой мощью». Впрочем, как и многие другие грандиозные начинания, эти попытки ни к чему не привели.

Проблемы империи так и не были полностью устранены, а суд над бывшим генерал-губернатором Бенгалии Уорреном Гастингсом лишний раз продемонстрировал глубокий беспорядок и неразбериху, которые все еще оставались неотъемлемым атрибутом имперского статуса Британии. Фокс уже заявлял в палате общин, что Индия должна управляться, «следуя тем принци-

пам равенства и гуманности, которые живут в наших сердцах». И если в мечтах империя выглядела так, то на деле все обстояло иначе.

После возвращения в Британию Гастингс, который провел большую часть жизни в Индии, был обвинен Эдмундом Берком и другими в совершении преступлений разной степени тяжести. Ему вменяли в вину получение и дачу взяток, предоставление на возмездной основе войск местному деспоту, вымогательство денег у бегум[189] из Ауда и набобов из Варанаси, которые были вынуждены бежать с этих земель. Все эти названия были чужды английскому уху и создавали лишь смутное представление о далеком полуострове, о котором жители метрополии не имели ни малейшего представления. Впрочем, предполагаемых преступлений Гастингса было достаточно, чтобы составить мнение о самой Ост-Индской компании.

В феврале 1787 года политик и драматург Ричард Бринсли Шеридан, близко знакомый с Берком, выступал с речью в палате общин и призывал своих коллег «стереть позор, покрывший имя Британии в Индии, и спасти нацию от

[189] Примечания: 189

Бегум (также бегума) — титул знатной женщины в мусульманских странах Южной Азии.

бесчестья». Многие были недовольны имперскими замашками страны, особенно теперь, когда она перестала играть роль защитницы белого протестантского мира. Нападки на власть использовались и для расшатывания авторитета Георга III и Питта, которым можно было вменить в вину использование доходов компании в собственных интересах. Речь Шеридана длилась пять с половиной часов. По завершении выступления его встретил «всеобщий возглас одобрения».

Привлечение Гастингса к суду было неизбежно, и на несколько месяцев всем неравнодушным представилась возможность наблюдать за тем, как решится вопрос дальнейшего существования империи, ее судьба. Все желающие собрались в Вестминстер-холле, чтобы наблюдать за процессом, который начался 13 февраля 1788 года. Тогда никто не мог предположить, что он затянется на целых семь лет. Судебное разбирательство стало ключевым представлением года. Главные роли в нем исполняли Шеридан, Берк и Фокс, выступавшие с тирадами против старика в синем французском мундире. Томас Маколей писал: «Старые серые каменные стены были завешены пурпуром. Длинные галереи наполнялись толпа-

ми зрителей, которые внушали трепет оратору и горячо благодарили его за красноречие». На процессе присутствовали даже королева и придворные; там же были законодатели мод и самые видные деятели искусства; послы и «общество» во всех его проявлениях. Билет продавался за 50 гиней[190].

Обличительные речи, которые произносились в Вестминстер-холле, могли дать фору монологам, звучавшим со сцен на Хеймаркете или в Ковент-Гардене. Эдмунд Берк открыл слушание речью, которая длилась четыре дня; он вызвал такое возбуждение в зале, что несколько дам в галереях потеряли сознание. Затем слово взял Шеридан; в конце своей финальной речи он упал в обморок, прямо на руки Берка. В тот же миг лишилась чувств и известная актриса Сара Сиддонс. Это был настоящий калейдоскоп обмороков. На следующий день Гиббон навестил Шеридана. «Я был у него этим утром, он прекрасно себя чувствует! Хороший актер!» Сам Берк, кажется, падал в обморок раз пять во время своих выступлений. «Ваши светлости проявят жалость к моей

[190] Примечания: 190

Гинея — английская золотая монета, чеканившаяся с 1663 по 1813 г. Во время процесса Гастингса гинея равнялась 21 шиллингу, т. е. 1 фунту и 1 шиллингу. — *Прим. науч. ред.*

слабости, — говорил он, — ибо я себя не жалел… Более продолжать свою речь я не в силах». Все это было крайне волнующе, однако так ни к чему и не привело.

Спустя семь лет Гастингс был оправдан по всем пунктам обвинения, правда, к тому времени его судьба уже мало кого интересовала. Суд над Гастингсом можно считать приступом сознательности в стране, где по-прежнему отсутствовало единое мнение об имперской роли Британии. Чтобы развеять все сомнения, потребовалась куда большая самоуверенность следующего поколения.

Еще одним источником сомнений и беспокойства для империи было существование и процветание работорговли. В целом этот вопрос особо никого не беспокоил. Считалось, что, если англичане перестанут торговать рабами или обменивать их на товар, французы возьмут верх над Британией. Страна нуждалась в золоте, слоновой кости и рабах. Лондонские, бристольские и ливерпульские купцы отправляли в колонии яркую одежду, шляпы, ром, порох и кремень. В обмен они получали рабов — мужчин, женщин и детей, которые нередко попадали в плен в ходе межплеменных войн. К 1750 году за прошедшее

десятилетие количество рабов достигло 270 000. К 1793 году Ливерпуль контролировал три седьмых рабовладельческого рынка Европы. Кто бы по доброй воле отказался от таких доходов? Благодаря труду рабов в Вест-Индии Англия получала табак, хлопок и сахар. Рабы считались насущным подношением великому богу торговли, который вершил судьбу государства.

Тем не менее небольшая группа упорных противников рабства проявила настойчивость и за время правления Георга III выступила с несколькими петициями в парламенте, требуя полной отмены работорговли или хотя бы более гуманного отношения к рабам в Вест-Индии. Один из основателей Общества отмены работорговли (Society for the Abolition of the Slave Trade) член партии тори Уильям Уилберфорс в речи, обращенной к палате общин, заявил, что в среднем до места назначения доживает лишь половина рабов; некоторые бросаются в море и, по рассказам очевидцев, вскидывают руки, ликуя и наслаждаясь кратким мигом свободы, прежде чем погрузиться в пучину океана.

За его выступлением последовали обсуждения и встречи специальных комитетов, однако первые результаты были достигнуты лишь 21 мая

1788 года, когда сэр Уильям Долбен представил законопроект, предусматривавший контроль над перевозкой пленников, которые содержались в кандалах, страдали от сыпного тифа и не имели возможности двигаться и даже дышать в тесных трюмах. Это была первая инициатива против рабства, представленная на рассмотрение в Вестминстере и позднее облеченная в законодательную форму: отныне количество рабов на судне должно было определяться из расчета один раб на тонну груза. Законопроект получил одобрение подавляющего большинства в обеих палатах. Успешный исход голосования обрадовал всех сторонников этого закона, в особенности самого Уильяма Уилберфорса. Питт выступал со смелыми речами против работорговли, признавая, что «британская торговля в своей извращенной форме несет отнюдь не счастье, а горе для целой четверти земного шара», однако с законодательными мерами не торопился. Занимая пост первого министра, он ориентировался на популярность той или иной общенациональной идеи, прежде чем браться за нее всерьез.

Впрочем, с работорговлей все обстояло иначе. Официально ее отменили лишь спустя 45 лет. Рабы были одной из шестеренок огромного меха-

низма торговли. А некоторые недоумевали: вроде бы и в своей стране рабов более чем достаточно!

25
Паровые машины

Весной и летом 1788 года Георг III посетил фабрику по производству булавок в Глостершире, а также фабрики по производству ковров и фарфора в Вустершире; кроме того, он испытал новый канал, соединивший Темзу и Северн к юго-востоку от Страуда. На следующий год он посетил фабрику по производству ковров в Аксминстере и, по словам ее владельца, «подходил к рабочим и расспрашивал их о принципах и процессах производства». Пожалуй, впервые король лично обратил внимание на промышленность страны, которая в годы его правления развивалась небывалыми темпами. К тому времени уже активно использовались паровые двигатели и механические ткацкие станки. На глазах у изумленной публики была продемонстрирована работа механического молота, способного совершать 150 ударов в минуту. Это зрелище, казалось, олицетворяло собой всю суть разительных перемен.

Все бредили паровыми машинами и говорили только о них. Эразм Дарвин, дед Чарльза Дарвина,

в «Экономии растительности» (The Economy of Vegetation; 1791) — первой части поэмы «Ботанический сад» (The Botanic Garden) — посвятил им несколько хвалебных строк:

> *Непокоренный пар! ты двигать будешь вскоре*
> *Карету на земле иль судно в бурном море*
> *Иль на широких понесешь крылах*
> *Летучую повозку в небесах*[191].

В 1781 году Мэттью Болтон писал Джеймсу Уатту — величайшему изобретателю и первооткрывателю парового двигателя: «Все в Лондоне, Манчестере и Бирмингеме *совершенно помешаны на паровых машинах*». Чарльз Бэббидж, один из первых разработчиков современного компьютера, позднее заявлял: «Богом клянусь, все эти вычисления мог бы сделать пар». Казалось, варианты его применения были бесконечны. С помощью пара раздували доменные печи и штамповали металл, обтачивали изделия на токарном станке и раскатывали железо, поднимали уровень воды и осушали шахты. С помощью

---

[191] Примечания: 191
Перевод Д. Прокофьева.

пара можно было прясть и ткать. Его использовали на мукомольнях, в солододробилках и камнедробилках. Разумеется, пар использовали и для изготовления все новых и новых паровых двигателей. Первый паровой двигатель на ткацкой фабрике был установлен в 1792 году; спустя восемь лет их число выросло уже до 80.

В 1803 году по улицам Лондона впервые проехал экипаж, приводимый в движение паром. Через год свое первое путешествие протяженностью в 10 миль (16 км) совершил первый в истории рельсовый паровоз. Выехав из металлургического завода Пенидаррен в Мертир-Тидвил, он добрался до канала Гламорган. Лорд Джефри писал о паровом двигателе: «Он способен гравировать печати и штампы, плющить твердый, упрямый металл; прясть тонкую как паутина нить и поднимать в воздух, словно воздушный шар, военный корабль». То, для чего раньше требовалась сила воды и ветра, усилия человека или животного, теперь возможно при помощи тепла.

Паровая мукомольная мельница под названием «мельница Альбиона» была построена в 1786 году на южном берегу Темзы недалеко от моста Блэкфрайар с целью ускорения производства муки при помощи пара; это было чудо инженер-

ной мысли, феномен современной жизни, одна из самых мощных машин в мире. Эразм Дарвин назвал паровую мельницу «величайшим успехом человеческих стараний». Впрочем, тут же зазвучали проклятия в адрес «темных фабрик Сатаны»[192] от Уильяма Блейка в стихотворении «Иерусалим»[193] (1804–1810). Спустя три года мельница сгорела при невыясненных обстоятельствах. Мельники танцевали и пели на мосту Блэкфрайар, глядя на пожар. Не все были готовы к эпохе механических чудес.

Всю эту бурную деятельность развел болезненный и меланхоличный инженер и механик по имени Джеймс Уатт, о котором историк Уильям Леки писал: «Медлительный, застенчивый, усидчивый, обращенный внутрь себя молодой человек, страдающий слабым здоровьем, то и дело впадающий в уныние, совершенно не блещущий талантами, однако демонстрирующий природную склонность к механике». Однажды Уатт сказал: «Из всех занятий в жизни самое

---

[192] Примечания: 192
Перевод С. Я. Маршака.

[193] Примечания: 193
«Иерусалим» (*And did those feet in ancient time…*) — стихотворение Уильяма Блейка из предисловия к его поэме «Мильтон» (Milton), впоследствии было положено на музыку и стало неофициальным гимном Англии.

глупое — изобретательство». По другому поводу он добавил: «Я чувствую себя не в своей тарелке, когда мне приходится иметь дело с людьми». Этот угрюмый человек изменил ход истории, поскольку его внезапная догадка о том, что два процесса в двигателе — нагрев и охлаждение — можно разделить, позволила совершить прорыв в технике. Создав отдельный конденсатор, он сумел повысить КПД двигателя и добиться его более стабильной работы. Эта мысль словно вспышка промелькнула у него в голове во время прогулки в парке Колледж-Грин в Глазго, однако вряд ли эта идея оформилась бы в полноценное изобретение, если бы не деятельное участие Мэттью Болтона. Сам Уатт восхищался «активным и сангвиническим нравом» фабриканта и промышленника, который всегда сподвигал его неустанно двигаться вперед.

Именно Болтон сказал Джеймсу Босуэллу во время прогулки по фабрике: «Здесь я продаю, сэр, то, чем хочет обладать весь мир, — энергию». Энергия была источником и первопричиной развитой фабричной сети, которая вскоре охватила все графства средней полосы и севера. Бурный рост числа промышленных предприятий объясняет, почему вся эта территория вскоре стала

восприниматься как одна огромная фабрика. Ланкашир, Дербишир, Йоркшир, Ноттингемшир, Денбишир и Чешир стали колыбелью машин. Позднее экономист Эндрю Юр, автор «Философии фабрик» (The Philosophy of Manufactures; 1835), сравнивал фабрики со «знаменитыми памятниками азиатского, египетского и римского деспотизма». Это значит, что при их строительстве инженеры вдохновлялись величием прошлых цивилизаций, которые, впрочем, несли печать мрачности, ужаса и отчаяния.

Фабрики строили из кирпича или камня, для некоторых сооружали металлический каркас; их строительство требовало не меньшей тщательности и искусства, чем возведение знаменитых соборов, с которыми их порой сравнивали. Предшественники новых фабрик практически всегда были рассчитаны на кустарное производство, а значит, не отличались впечатляющими размерами. Новые многоэтажные заводы с чугунными колоннами и устремленными ввысь окнами формировали новый ландшафт. Казалось, они пытались освободиться от земных оков, словно огромные однопролетные чугунные мосты. В начале нового столетия заводы и фабрики стали первыми общественными зданиями, где

появилось газовое освещение, теперь все их великолепие было видно издалека. Историк Стокпорта Генри Хегинботэм писал, что «извозчики в Лондоне, проезжая мимо мельниц, сбавляли скорость, чтобы рассказать пассажирам в экипаже о тех чудесах, которые там творятся». Однако технический прогресс впечатлял не всех современников. Историк и путешественник того времени Джон Бинг, посетив шелкопрядильни в Дерби, писал в дневнике, что они «привели его в замешательство; столько шума и суеты. Такая жара и вонь!».

Изменения происходили медленно и завершились лишь к середине следующего столетия, однако уже в последние десятилетия XVIII века наблюдался масштабный рост промышленности и производства, вскоре фабрики и заводы стали привычными чертами современности. Многие промышленные центры располагались на некотором удалении от старых городов и традиционных мест размещения профессиональных гильдий, поэтому промышленники могли создавать новые поселения, жители которых обслуживали бы их производство; рядом с заводами строилось жилье, часовни, церкви, школы, возникали огороды и трактиры. Учреждались

благотворительные организации и система элементарного медицинского страхования; поощрялись занятия спортом, а также ежегодные совместные вылазки на природу в живописные места. Когда бунтовщики на фабрике Аркрайта в Кромфорде начали угрожать погромами, Ричард Аркрайт вооружил своих рабочих ружьями и копьями.

Цель создания новых фабрик была очевидна с самого начала. Собрав рабочих под одной крышей, их было проще контролировать и следить за ними, что, в свою очередь, способствовало повышению эффективности: за конкретную часть производственного процесса отвечало несколько «цехов» или рабочих участков. Мощные габаритные двигатели, которые теперь повсеместно внедрялись в производство, могли размещаться и обслуживаться лишь на крупных фабриках. Одного внешнего источника энергии, например реки, было достаточно, чтобы обеспечить работу тысячи машин. Неприступные стены были на страже коммерческой тайны, позволяя промышленникам держать в секрете тонкости и нюансы изготовления той или иной продукции. Высокая численность рабочей силы — мужчин, женщин и даже детей — создавала простор для экспери-

ментов с режимом работы и разделением труда; теперь появилась возможность осуществлять производство не только днем, но и ночью.

Огромным преимуществом того времени была скорость. Все происходило быстрее. Рабочим приходилось быстрее совершать переходы, ускоряя шаг, чтобы поспевать друг за другом, при этом колеса и ремни крутились и вращались все быстрее и быстрее. Устаревшее законодательство гильдий и средневековые распорядки исчезали под натиском новых типов производства; отношения между рабочими и работодателями, а также привычный ритм жизни менялись навсегда. Неудивительно, что бушующая вовсю революция вызвала враждебность среди тех, чей жизненный уклад оказался под угрозой. В здании первой паровой мельницы в Брадфорде под названием Холм-Милл вспыхнули массовые протесты и бунты. На суконной фабрике в деревеньке Ставертон, недалеко от Тотнеса в графстве Девон, саботаж устроили сами рабочие.

Предполагалось, что машины должны экономить рабочую силу, однако огромный поток дешевеющих товаров означал, что рынок растет быстрее, чем число рабочих рук. В свою очередь, относительный дефицит рабочей силы стал

причиной активных попыток повысить эффективность производства и внедрить инновации. В 1816 году крупный фабрикант и филантроп Роберт Оуэн заявил: «На моем предприятии в Нью-Ланарке… за машинами и процессами надзирают около двух тысяч взрослых и подростков… теперь они выполняют столько работы, сколько шестьдесят лет назад выполняло бы все трудоспособное население Шотландии».

Ключевым фактором успеха было правильное разделение труда — эту концепцию Адам Смит превозносил в первой главе «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776). Он рассматривает новую промышленную систему на примере производства булавок: «Один рабочий тянет проволоку, другой выпрямляет ее, третий обрезает, четвертый заостряет конец, пятый обтачивает один конец для насаживания головки; изготовление самой головки требует двух или трех самостоятельных операций; насадка ее составляет особую операцию, полировка булавки — другую; отдельной операцией является даже упаковка готовых булавок; таким образом, сложный процесс изготовления булавок разделен приблизительно на восемнадцать самостоятельных операций…»

Восемнадцать рабочих за несколько секунд могли сделать то, что у одного человека заняло бы целый день. Это, в свою очередь, требовало подбора специализированных рабочих, которые непрерывно стремились бы повысить свои технические навыки; цель состояла в том, чтобы добиться более высокой четкости и точности работы. Однако такое разделение труда требовало усилий многих сотен женщин и детей, которым, как правило, поручали рутинные и монотонные операции. Итак, изменения в национальных отраслях промышленности спровоцировали новое разделение внутри рабочего класса.

Еще одним символом промышленных преобразований была потребность в стандартизации, которая считалась важнейшим условием массового производства и стимулировала стремление к точности, постоянству, эффективности и скорости. Для создания национального рынка была необходима стабильность. И разумеется, для этого требовалась механизация. Шотландский инженер, изобретатель парового молота и гидравлического пресса Джеймс Несмит писал об этом: «…перебои в работе и небрежение рабочих… существенно подстегнули спрос на автоматическое машинное оборудование… Машины никогда

не пьянели; у них не тряслись руки от чрезмерного употребления алкоголя; они всегда были на работе; они не устраивали забастовки, требуя повышения зарплат; они всегда действовали четко, слаженно и бесперебойно, даже когда производили самые хрупкие или самые массивные элементы механических конструкций».

От рабочих по умолчанию ожидали, что они подобно машинам будут вести себя беспристрастно, а работать бесперебойно. В газете Edinburgh Review писали: «Рабочий, подражая машине и прибегая к ее помощи, достигает мастерства, граничащего с совершенством». Но каково было этим мужчинам, женщинам и детям? Решающее слово в этом вопросе еще 2000 лет назад сказал греческий историк Ксенофонт, который в труде «Домострой» (греч. *Oeconomicus*)[194] назвал ремесла зазорным занятием, «ведь ремесло вредит телу и рабочих, и надсмотрщиков, заставляя их вести сидячий образ жизни, без солнца, а при некоторых ремеслах приходится проводить целый день у огня. А когда тело изнеживается, то и

[194] Примечания: 194

Эта книга неоднократно переводилась на русский язык и неоднократно переиздавалась в переводе С. И. Соболевского под названием «Домострой».

душа становится гораздо слабее»[195].

Вполне понятно, что многим из тех, кто работал на фабрике, приходилось соглашаться на каторжный труд — в сущности, это была более напряженная или, по крайней мере, более явная форма рабства. Долгие годы специалисты по истории общества спорили о лишениях, которые испытывали трудящиеся на земле или в господском доме, однако работа на фабрике предполагала куда более жесткое принуждение и строжайшую дисциплину. Личные связи нарушались, а иллюзия независимости человека исчезла. Согласие принять новую форму несвободы, неизбежная необходимость подчиниться миру, в котором царили режим и дисциплина, работать установленное количество часов по четко регламентированному распорядку — все это предполагало глубокие изменения в общем положении вещей. Многие считали, что наемные рабочие утратили права свободно рожденных англичан. В 1765 году историк Адам Фергюсон писал: «Мы создаем нацию рабов, у нас уже не осталось свободных граждан». Мужчины и женщины стали «руками» или инструментами,

[195] Примечания: 195
Перевод С. И. Соболевского.

которые оказались в распоряжении хозяина-промышленника, считавшего их лишь частью своей огромной машины. Учитывая, что некогда таких рабочих называли «душами», изменение словаря весьма показательно. Парламенту сообщалось, что рабочие выражают «крайнее недовольство» четко установленными часами работы и жестким распорядком, ведь все это было противоестественно.

Уильям Хаттон пошел работать на шелкопрядильную фабрику в Дерби в возрасте семи лет. Он вспоминал: «Теперь на протяжении целых семи лет я был вынужден вставать в пять утра и подставлять спину под удары палкой в любое время, когда заблагорассудится хозяину…» На континенте такую фабричную систему называли «английской системой». Как писал современник: «Пока работает машина, должны трудиться и рабочие — мужчины, женщины и дети оказались в одной упряжке с железом и паром и вместе тянут тяжелое фабричное ярмо. Человеческая машина, которая в лучшем случае может просто сломаться и способна испытывать страдания из-за тысячи причин, оказалась прикована к железной машине, которая не знает боли и усталости».

Рабочих постоянно контролировали надзирате-

ли, повсеместно вводилась строгая дисциплина. Любой, кто отлучался со своего рабочего места или разговаривал с другими рабочими, облагался штрафом. Любой ударивший или оскорбивший надзирателя тотчас терял работу. Любого, кто проносил на фабрику алкоголь, штрафовали на два шиллинга. В графстве Дербишир на фабриках производства трикотажных изделий из хлопка Джедедайи Стратта в Белпере в списке проступков значились «безделье и глядение в окно… окликание солдат через окно… мятежи в цехе… катание верхом друг на друге… ложь… швыряние катушек в людей… сквернословие… ссоры… намазывание лица кровью и прогулки по городу с целью запугивания жителей». Употребление крепкого алкоголя запрещалось. К прочим правонарушениям относились «побег… отсутствие на рабочем месте из-за пьянства… походы на ярмарку Дерби… извещение работодателя о плохом самочувствии в случае, когда это не соответствовало действительности».

Мотивы тех, кто сбегал с фабрик, были понятны. Как правило, там царили грязь и зловоние, непрерывно шумела и гудела тяжелая техника; в цехах было темно и тесно, летом рабочие задыхались от жары, а зимой дрожали от холода. Уже

позднее один из современников рассказывал: «Я никогда не видел более грязного или запущенного цеха… Мистер Уоллис запретил мне осматривать детей в его конторе, поскольку, по его словам, там будет такая вонь, что его клиенты не смогут там находиться».

То, с каким тщанием и рвением на производстве блюли время и режим работы, напоминало военную муштру. На фабрике в Тилдесли, недалеко от Уигана и Манчестера, рабочий день длился 14 часов, включая условный час на «обед»; двери фабрики всегда были заперты, за исключением тридцатиминутной паузы на чай; рабочим запрещалось даже просить воды, несмотря на жару внутри помещений. Есть сведения, что в некоторых случаях управляющие фабрикой шли на хитрость и максимально увеличивали время работы, следовательно, рабочим запрещалось носить часы на территории производства. Постепенно в течение столетия продолжительность рабочего дня сократилась с 13,5 часа до 12 часов при шестидневной рабочей неделе. Пришлось забыть о традиции отдыхать в «святой понедельник», когда в более ранние периоды рабочим разрешалось ходить в таверну или на луга. В конце XVIII века угольный газ стали использовать

для освещения, и многим рабочим теперь приходилось работать по ночам. Фабричная система стала миром, где заправляли звонки, колотушки, сирены, гудки и часы.

Казалось, что относительный рост зарплат рабочих выгодно отличал этот вид занятости от труда фермеров или повседневного рабства домашней прислуги, однако многие современники не одобряли изменений. В 1771 году писатель и путешественник Артур Юнг заметил: «Только идиот не знает, что низшие классы должны быть бедными, иначе они не будут трудиться». Избыток наличных средств провоцировал лишь безделье и пьянство. Спустя полтора десятилетия сэр Уильям Темпл сделал аналогичное наблюдение, заявив, что единственный способ заставить рабочих оставаться трезвыми и трудолюбивыми — «вынудить работать постоянно, то есть все время, свободное от еды и сна, чтобы обеспечить себе все необходимое для жизни». Пользу бедности признавали повсеместно; коль скоро благосостояние и власть зависели от труда большой части населения, это население необходимо заставить работать за минимальную плату. Некоторые полагали, что таков был не только человеческий закон, но и закон Божий.

Для некоторых современников феномен фабричной системы стал метафорой самого общества, в котором социальные отношения подчинялись законам повиновения и дисциплины. Неужели таков был путь, уготованный миру? Во многих отношениях да. XVIII век стал эпохой пунктуальности, неуклонно рос спрос на более быстрые и эффективные методы производства. Колеса машин и экипажей крутились быстрее. Сэр Джон Барнард, успешный лондонский торговец и лорд-мэр, в труде «Подарок для подмастерья» (A Present for an Apprentice) 1740 года наставлял читателей: «Превыше всех других вещей учись ценить *время* и относись к каждому мигу так, словно он последний; ибо время вмещает в себя все, чем мы обладаем, все, чему мы радуемся, или все, чего желаем; теряя время, мы теряем и все это».

Отмечалось, что в Лондоне и крупных промышленных городах на улицах появилась характерная торопливая суета, а жители столицы прославились на весь мир благодаря своей пунктуальности. К 1730-м годам часы были у трети жителей Бристоля, а в Лондоне — и мы почти без преувеличения можем это утверждать — они были в жилетном кармане каждого уважающего себя джентльмена. Часы, как правило, размеща-

лись на общественных зданиях, сообщая время многолюдным толпам, сновавшим мимо них. Бенджамин Франклин как нельзя точно ухватил дух времени, произнеся в 1748 году знаменитую фразу: «Время — деньги».

Разумеется, нельзя не признать, что невзгоды и тяготы, которые якобы выпадали на долю рабочих, в некотором смысле преувеличивались теми, кто выступал против новой промышленной системы, однако прямые свидетельства самих рабочих дают основания полагать, что даже в самых мрачных рассказах есть доля истины. Впрочем, бунтов и мятежей не было, поскольку рабочим больше платили, их лучше кормили и одевали. Ученые-теоретики ссылались на Божьи и человеческие законы, однако в конечном счете всем заправляли законы рынка.

Рост промышленности и расширение транспортной системы означали повышение спроса на рабочую силу, удовлетворить который за счет роста населения не представлялось возможным; отовсюду слышались жалобы на крестьян, покидавших землю, и домашнюю прислугу, которая отказывалась от прежней работы, однако только так удавалось компенсировать нехватку рук. Управляющий таможней и экономист Корбин

Моррис в 1750 году отмечал, что фермеры по всему королевству жалуются на «стремительно растущую стоимость труда и невозможность нанять необходимое количество людей за любую плату».

Увеличение доходов означало улучшение качества жизни. По приблизительным оценкам (это единственное, чем мы сегодня располагаем), в 1760-х и 1770-х годах потребление на внутреннем рынке росло быстрее, чем экспорт, а в период между 1784 и 1800 годами спрос на товары массового потребления, например мыло, набивные ткани, табак и пиво, был в два раза выше, чем темп роста населения. Согласно подсчетам, в результате произошедших изменений в начале XIX века выпуск промышленной продукции увеличился в два раза по сравнению с 1770 годом.

Многие рабочие по достоинству оценили дома, школы и больницы, которые руководство предоставляло им на время работы. Однако эти блага предполагали и соблюдение ряда условий. Генри и Эдвард Эшуорты, владельцы завода в Тертоне в графстве Ланкашир, на поступивший запрос властей ответили, что «практикуют контроль или надзор над рабочими для улучшения их морального облика и социального положения…

мы часто, пусть и не систематически, навещаем рабочих без предупреждения». Комнаты следовало содержать в чистоте; в кроватях и у детей не должно было быть вшей; совокупный доход семьи и общие сведения об образе жизни всех ее членов заносились в специальные конторские книги.

Джозайя Веджвуд описывал состояние гончарных мастерских после того, как он «колонизировал» окрестности. В небольшом памфлете «Обращение к молодым обитателям гончарен» (An Address to the Young Inhabitants of the Pottery) он воспевал новые условия, в которых «рабочие зарабатывали в два раза больше, чем прежде, дома были новыми и удобными, а земли, дороги и прочая инфраструктура демонстрировали явные признаки стремительных и приятных улучшений… Родоначальницей этих счастливых перемен была промышленность». Уильям Рэдклифф, автор книги «Происхождение новой системы производства» (Origin of the New System of Manufacture, 1828), в радужных красках описывает ткачей, находившихся под покровительством и контролем хлопкового фабриканта Сэмюэла Олдноу. Рэдклифф упоминает «чистые и аккуратные домики с маленькими садиками, все

члены семьи хорошо одеты, а у каждого мужчины — карманные часы…».

Разумеется, существуют свидетельства, которые рисуют совершенно иную картину. Хирург, к которому обратились с просьбой отобрать рабочих во флот, писал: «Механики, как правило, ниже ростом, слабее и в целом имеют плохие физические показатели. Многие из тех, кто прошел осмотр, имеют искривления позвоночника, в том числе грудного отдела, что свидетельствует о неподвижном положении тела в ограниченном пространстве во время работы». Риск развития заболеваний и недугов был огромен. Гончары Стаффордшира, мужчины и мальчики, которые, по мнению Веджвуда, должны были быть безоблачно счастливы, часто работали по 12 часов при температуре 100 °F (почти 38 °C). Шлифовальщики вилок из Шеффилда во время работы дышали каменной и металлической пылью — легочные заболевания в таких условиях были повальным явлением. Паяльщики, постоянно имевшие дело со свинцом, медленно, но верно отравляли свой организм токсичными парами. Шляпники, использовавшие для работы ртуть, страдали неврастенией. У рабочих хлопкопрядильных фабрик развивался биссиноз — легочный аллергоз,

который возникает как реакция на хлопковую пыль. Кожевенники умирали от сибирской язвы и легочных заболеваний, которые, как правило, поражали и тех, кто работал с шерстью. Сидероз точильщиков и «локоть каменщиков», сидероз гончаров и пневмокониоз шахтеров — лишь неполный список профессиональных заболеваний, которые подрывали здоровье фабричных рабочих. Портные и швеи часто теряли зрение. В 1842 году средняя продолжительность жизни рабочего из Манчестера составляла всего 17 лет, а из Лидса — 19 лет.

Промышленный прогресс и несчастья были неразлучны. Врач и ученый, изучавший естественную историю, Уильям Джордж Мэтон, побывав на производстве меди, писал в своем путевом журнале, что «некоторые несчастные, разливавшие расплавленный в печи металл в формы, скорее напоминали ходячих мертвецов, нежели живых людей».

«Жертвами» промышленности становились и по другим причинам. Ткачи из Ланкашира и других мест, которые работали на ручных ткацких станках, потеряли работу, поскольку с внедрением новых технологий их навыки оказались никому не нужны; в описании ткацких посе-

лений Ангуса Рича говорилось, что их жители «представляли жалкое и безнадежное зрелище». Тяжело приходилось и крестьянам на юге страны, которые прежде могли увеличить свой доход, работая на предприятиях в зимнее время, однако вскоре потеряли эту возможность, когда фабрики на юге закрылись. Сказывались и изменения в сельском хозяйстве, которые способствовали большему огораживанию и более научному подходу к использованию земли.

Доставалось и детям. Те, кто трудился на фабриках и заводах, страдали от крайнего истощения, утомления и деформации тела. Известный историк и эксперт в этом вопросе Фридрих Энгельс так описывал состояние детей: «…боли в спине, бедрах и ногах, отеки в суставах, варикоз и постоянные обширные язвы на голенях и икрах». И если Энгельс кому-то кажется не вполне достоверным источником, мы можем найти подтверждение его слов у доктора из Манчестера, который писал: «Я стоял на Оксфорд-роуд в Манчестере и наблюдал за потоком рабочих, покидавших завод в полдень. Дети почти сплошь выглядели хворыми и хилыми, были небольшого роста, шли босиком в плохонькой одежде. Многим было не больше семи лет. Мужчины, как правило в возрасте от

16 до 24 лет, а иные совсем без возраста, как и дети, казались бледными и худыми… это было удручающее зрелище».

Именно по детям можно было судить о промышленной системе страны. Дитя фабрики и его жизнь стали своеобразным символом эпохи. Рабочий по имени Чарльз Абердин, который начал работать, еще будучи ребенком, рассказывал комитету: «На моих глазах нация мельчала: у меня самого было семеро детей, из которых ни один не прожил и шести недель; моя жена, как, впрочем, и я, имеет слабое здоровье; эта миниатюрная женщина работала на фабрике с самого детства, начав трудиться в еще более раннем возрасте, чем я».

Однако выгоды детского труда казались слишком значительными, чтобы от него отказываться. В конце концов, еще до возникновения фабрик и заводов дети сызмальства работали в полях, мастерских и на домашнем хозяйстве. Тяжелый труд не был им в новинку. Считалось, что он оказывает благотворное влияние, прививая послушание и дисциплину. Кроме того, дети вносили свой вклад в семейный бюджет. Детский труд был выгоден государству и обладал бесконечными преимуществами для самих бедняков.

Во время путешествий по стране Дефо писал, что в Норидже «едва ли найдется ребенок старше пяти лет, который бы не работал». Как гласила поговорка тех мест, «лентяя заставит работать дьявол». Говоря про Норидж, Дефо отмечал, что «дети в возрасте четырех или пяти лет уже могли самостоятельно зарабатывать себе на хлеб». В 1796 году Питт заявил в палате общин: «Наш опыт уже наглядно доказал, сколького можно достичь, используя детский труд». Неудивительно, что эксплуатация даже очень маленьких детей не вызывала протестов; никто не испытывал по этому поводу праведного гнева. Детский труд позволял сдерживать рост зарплат. Работавшие дети поддерживали семьи. Что в этом плохого?

В крупных приходах Лондона было принято отправлять детей из бедных семей на содержание собственникам хлопкопрядильных фабрик в Ланкашире и Йоркшире, фабриканты в этом случае охотно шли навстречу, поскольку получали скидку при уплате налога в пользу бедных. Тем временем детей отправляли целыми вагонами. Нищих детей забирали из работных домов Лондона и Вестминстера и целыми группами отправляли на север. Один лондонский приход заключил с владельцем завода в Ланкашире вы-

годную сделку, договорившись отправить одного слабоумного ребенка вместе с двадцатью здоровыми. При этом было совершенно непонятно, кто кому платит. Вначале власти назначали фабрикантам номинальную сумму за то, что те брали детей на попечение, освобождая государство от лишнего бремени, однако многие владельцы фабрик неоднократно сообщали о том, что это они платили приходам за детей, чей труд по сути можно считать рабским.

У родителей в этом вопросе права голоса не было, поскольку они сами, как правило, получали пособие по бедности от прихода. Детей тем временем отправляли на фабрики, заботясь о них не больше, чем о рабах, перевозимых в Вест-Индию. Когда один рабовладелец из тех мест услышал, что дети на хлопкопрядильной фабрике работали с пяти утра до семи вечера, он заметил: «Мы в Вест-Индии никогда не думали, что люди могут быть настолько жестокими». Детей привлекали к работе даже по ночам, когда спрос на продукцию был особенно высок.

Условия, в которых трудились дети, ужасали. Травмы при работе с машинами были делом повсеместным, и существует немало зафиксированных случаев отрезанных пальцев или

раздробленных конечностей. Мужчина, проработавший на хлопкопрядильной фабрике двадцать лет, так рассказывал о своем опыте: «Меня всего искорежило; колени начали гнуться в обратную сторону, когда мне было 15; вы видите, какие они теперь». Он принадлежал к тем, кого Энгельс называл «толпой калек». Потолки на фабриках были низкие, окна — узкие, при этом большую часть времени их держали закрытыми. В отсутствие вентиляции широко распространялись эпидемические заболевания, а «фабричная лихорадка»[196] была впервые зафиксирована в 1784 году. Еда зачастую была скудной и несвежей, а основу рациона составляли овсянка и черный хлеб. Некоторым детям приходилось рыться на свалках или сражаться со свиньями, чтобы добыть себе пропитание.

В таких условиях основным требованием к рабочим являлась дисциплина. Ничего предосудительного не было в том, чтобы ударить кнутом, палкой или кулаком сонного или слишком медлительного ребенка; если кто-то пытался сбежать, его заковывали в кандалы. За серьезные проступки ребенка могли подвесить в клетке

[196] Примечания: 196

В 1784 году в промышленных районах Англии свирепствовала болезнь, получившая название «фабричная лихорадка» (*factory fever*).

или корзине к потолку. Некоторые надзиратели бесспорно имели садистские наклонности и получали особое наслаждение, причиняя детям боль. В Манчестере одну фабрику называли «Врата ада».

В любом случае дети были крайне полезны. Как правило, они были послушны и не жаловались. Да и кому они могли жаловаться? Они были проворными, подвижными и достаточно миниатюрными, чтобы при необходимости залезть внутрь оборудования. Некоторые машины конструировали с таким расчетом, что на них будут работать именно дети; у прядильной машины «Дженни» имелось горизонтальное колесо, управляться с которым лучше всего могли дети в возрасте от девяти до двенадцати лет. В своих воспоминаниях современник Сэмюэл Шредер рассказывает, как «маленький мальчик доводит листы металла в раскаленной печи докрасна. Другой мальчик отправляет их под штамповочный пресс, один за другим. Третий достает их и специальной щеткой, пропитанной маслом, в перерывах смазывает верхнюю пресс-форму. Все это происходит довольно быстро».

Детский труд стоил чрезвычайно дешево, многие работали за еду и кров. Дети начинали

работать в возрасте четырех или пяти лет. Например, в булавочники брали с пяти лет; считалось, что попасть на булавочную мануфактуру — это все равно что поступить в подготовительную школу. Джедедайя Стратт из Белпера, обращаясь к комитету в палате общин, утверждал, что он готов брать детей с семи лет, однако предпочитал тех, кто постарше — лет одиннадцати или двенадцати. Разумеется, дети на фабриках были наименее привилегированной и защищенной социальной группой в XVIII веке.

Известны случаи, когда мужчина получал работу только при условии, что он отправил на фабрику своих детей. Так возникали целые семьи рабочих. Работа была гарантирована всем — мужу, жене и детям. Считалось, что чисто теоретически так у родителей больше возможностей следить за детьми, при этом их совместные доходы были выше среднего.

Нельзя сбрасывать со счетов естественное свойство человека преувеличивать некоторые факты, и, разумеется, ужасы работных домов коснулись не всех детей. Действительно, большинство содержалось в жутких условиях, однако были и те, кто счастливо избежал этой участи. Некоторые просвещенные работодатели, например Аркрай-

ты и Олдноу, старались смягчить жизненные тяготы детей: создавались школы и специальные «дома подмастерьев»; мальчикам и девочкам (нарочно разделенным по половому признаку) иногда разрешалось вместе играть в полях. Однако это придавало лишь внешний лоск их незавидной участи. Роберт Оуэн в книге «Новый взгляд на общество» (A New View of Society; 1813) объясняет, что Дэвид Дейл, построивший хлопчатобумажные фабрики в Нью-Ланарке, особое внимание уделял здоровью, чистоте и питанию детей. Сообщалось, что «их комнаты весьма просторны, всегда убраны и хорошо проветрены; еды в избытке». Тем не менее дети трудились с шести утра до семи вечера круглый год. Современники отмечали, что «многие из них превратились в гномов — телом и умом, некоторые были сильно изуродованы». В результате стало понятно, что благие намерения Дэвида Дейла «в конечном счете были никчемными».

Еще одним движущим фактором промышленной революции наряду с детьми были женщины. Они отличались кротостью и проворством и обходились работодателю дешевле мужчин. Женщинам требовалось проявлять находчивость в мире, где приходилось трудиться наравне с ма-

шинами, а также зарабатывать на жизнь, трудясь оружейниками, кузнецами, булавочниками или трубочистами. Путешествуя по северу страны в 1741 году, Уильям Хаттон не без иронии заметил, что на некоторых фабриках он наблюдал «женщин без верхнего платья и в не слишком обременительном нижнем туалете, работавших молотом со всей грацией, присущей их полу. Красоту их лица скрывала сажа от наковальни…».

В этих словах есть намек на сексуальную распущенность, которую современники часто называли в числе пороков индустриализации. Один из сторонников реформирования мануфактур, экономист Майкл Сэдлер отмечал: «Я ни разу не слышал, чтобы кто-то отрицал тот факт, что многие фабрики, по крайней мере те, в которых приветствуется работа по ночам… хоть чем-то отличались от борделей». Комиссия по трудоустройству детей (Children's Employment Commission), основанная через несколько лет, в 1842 году, сообщала, что на заводах и фабриках существовала «безнравственная практика, широко распространенная среди обоих полов уже с момента возникновения фабричной системы». Некоторые женщины на производстве жаловались, что мужчины частенько прикладывались

к бутылке и использовали другие стимуляторы, чтобы хоть как-то справляться с усталостью — в условиях жары и монотонной работы последствия были неизбежны. Эпоха индустриализации провоцировала беспорядочные половые связи.

Как правило, женщин нанимали для выполнения тонкой методичной работы, например для росписи керамики или полировки поверхностей перед лакированием. Считалось, что им чуждо мужское поведение и присуща большая сговорчивость в вопросах режима труда и заработной платы. В сущности, молодые женщины на фабриках и заводах являлись большинством. Женщины составляли костяк текстильной промышленности и, как правило, нанимались на работу в тех отраслях, где приветствовались технические инновации. Относительно новую рабочую силу в лице женщин было проще эксплуатировать, обходя при этом традиционные правила и нормы труда.

Описывая ранние этапы индустриализации, мы упустили из виду важную группу людей — собственно самих промышленников. На рассвете индустриализации эти люди были одновременно авантюристами, предпринимателями, продавцами, управленцами и, по возможно-

сти, изобретателями. Некоторые из них были галантерейщиками или лавочниками и принадлежали к среднему классу, который уже тогда стремился обрести голос. Среди них встречались и подмастерья, готовые спекулировать на своем мастерстве. Впрочем, не всем им приходилось прокладывать себе дорогу, опираясь лишь на собственные силы: некоторые из наиболее успешных промышленников относились к потомственным представителям того или иного ремесла, у которых перед глазами был опыт отцов или даже дедов. Однако встречались и сыновья фермеров, йоменов, джентльменов и врачей. Они получали образование в диссентерских академиях, технических или частных школах, специализировавшихся на математике и геометрии, посещали лекции, которые организовывали научные общества по соседству. К тому же в то время в изобилии была техническая литература — от брошюр и справочников до энциклопедий.

Некоторые промышленники начинали как слесари-ремонтники на мануфактурах, занимались разработкой и созданием машинного оборудования. Один из самых известных представителей этой группы, шотландский инженер и промышленник сэр Уильям Фейрберн вспоми-

нал: «Хороший слесарь на фабрике — человек с огромными ресурсами; как правило, он хорошо образован и мог сам сделать чертеж, а затем выточить деталь на станке; он разбирался в заводском оборудовании, знал, как работают насосы и подъемные механизмы, и мог с одинаковой легкостью и искусностью работать за станком или в кузнице». Такой ценный кадр мог легко стать промышленником.

Среди фабрикантов были и купцы, которые видели выгоду в том, чтобы расширять торговлю в своей отрасли. Некоторые получали образование, становясь учеными или инженерами, а затем, сгорая от нетерпения, стремились применить теоретические знания на практике; в то время было мало управляющих фабриками, которые бы не интересовались научно-техническим прогрессом, ведь именно в этом крылся ключ к успеху предприятия. Так, Джозайя Веджвуд основал «экспериментальную компанию», а Мэттью Болтон создал «исследовательскую лабораторию».

Истории успешных промышленников крайне поучительны. Уильям Рэдклифф писал: «Извлекши пользу из изобретений, которые появились, когда я был еще подростком, к моменту женитьбы [в 1784 году, в возрасте двадцати четырех лет],

с небольшими сбережениями и практическими знаниями каждого процесса — от обработки коробочки хлопка до получения готового куска ткани, включая чесание волокна руками или при помощи машины, прядение с помощью ручной прялки или прялки “Дженни”, наматывание и кручение нити, снятие размеров, проборку основы и ткачество — ручное или с помощью механического челнока, — я был готов открыть собственное дело; в 1789 году я уже крепко стоял на ногах и нанял такое количество рабочих — как для прядения, так и для ткачества, — что мог справедливо именоваться мануфактурщиком».

Новичок, имея небольшой капитал, мог мало-помалу стать хозяином фабрики. Таково было человеческое лицо индустриализации.

Питер Стабс из Уоррингтона, которому принадлежала фабрика по производству напильников, когда начинал бизнес, уже владел гостиницей и пивоварней. Раньше ему было непросто нанять молодых людей для работы в своих мастерских. Мать Эдварда Ланселота из Ливерпуля как-то написала ему письмо: «Я надеюсь, вы простите меня за то, что я не отправила к вам моего сына. Дело в том, что у нас попросту не было обуви». Тем не менее Стабсу удалось преуспеть. На раз-

ных этапах своей жизни он продавал чугунные книжные шкафы и стеклянные цилиндры, а также картофель и кокосы. Его компания существует и по сей день, а вплоть до 1960-х годов оставалась в частных руках.

Джедедайя Стратт из Белпера разработал приспособление для чулочно-ткацкого станка, получившее название «рубчатая машина Дерби», благодаря которой удавалось производить чулки в рубчик. Это изобретение принесло предпринимателю известность и процветание. Часть эпитафии, которую Стратт написал для себя, дает хорошее, пусть и несколько идеализированное представление о промышленнике XVIII века, который, «не обладая блестящим умом, имел обычный здравый смысл, не отличаясь гениальностью, получил более верное благословение простого понимания вещей, при практически полном отсутствии гордости презирал любое подлое или примитивное действие…».

Сэмюэл Олдноу из Стокпорта стал первым производителем муслина в Англии. Он основал промышленный центр, включавший в себя фабрику на паровых двигателях, цех для отбеливания, а также цеха для аппретирования тканей и склады; он с большим рвением относился к

организаторской деятельности и решил создать сообщество рабочих прямо на территории завода. На саму фабрику наняли тысячу ткачей, а для выполнения смежных производственных процессов — другую тысячу рабочих. Отличительной особенностью предприятия Олдноу, отражавшей происходившие изменения в промышленности, служит тот факт, что со временем шесть рабочих фабрики основали каждый свое дело.

Тяга к прогрессу по силе напоминала религиозный пыл. Как-то торговец Сэмюэл Солт сказал Олдноу: «В этом деле следует одновременно обладать терпением святого и решимостью мученика». В жестоком мире индустриализации встречались и примеры благотворительности. Однажды механик Лоуренс Эрншо изобрел машину, которая могла скручивать хлопковую нить и одновременно наматывать ее на катушки; однако затем он уничтожил свое изобретение, боясь, что таким образом он лишит бедных куска хлеба.

Впрочем, неплохо ответить на вопрос, какую религию исповедовали промышленники или те, кто имел хоть какое-то отношение к промышленности. В основном это были диссентеры; англиканцев среди них было ничтожно мало, кроме разве что представителей благородно-

го сословия или крупных землевладельцев, занимавшихся предпринимательством. Для обеспечения промышленного прогресса требовалась сама промышленность, а также уверенность в своих силах и настойчивость большого числа диссентеров. Поскольку им отказывали в праве занимать должности на гражданской или военной службе, а также обучаться в английских университетах, диссентеры направляли свою энергию в другое русло. Диссентерские академии служили благодатной почвой для молодых изобретателей и инженеров.

Многие знаменитые фабриканты железных изделий были квакерами — выносливые, уверенные в себе люди, которые прекрасно знали ценность своего клана; они, как правило, стремились «остаться в семье», в результате сложились такие крепкие квакерские династии, как Дарби. Абрахам Дарби I происходил из семьи замочников, живших неподалеку от Дадли, на западе центральной части Англии. Бережливость и аскетизм способствовали накоплению капитала, а расчетливость и усердие позволяли направлять заработанные средства назад в бизнес. Квакерская сеть, без сомнения, позволяла фиксировать цены или, говоря более высокопарно, заключать

торговые соглашения.

В ходе индустриализации, пожалуй, еще более значимую роль играл методизм. Вера в любых проявлениях была неотъемлемой частью промышленных преобразований, которым способствовала миссионерская деятельность среди рабочего класса на севере. В гимнах и проповедях методисты старались вдохновлять тех, кто работал на фабриках, не давая им пасть духом. Стремление к успеху рассматривалось как обязательный долг христианина, а жажда новизны и желание совершенствоваться считались делом благородным.

Пьянство, пустая трата времени, лень и прочие грехи допромышленного периода следовало изгонять, словно бесов. В качестве альтернативы горестям и невзгодам, а также различным способам их утоления методисты организовывали различные мероприятия в рамках общины, что давало верующим чувство общности и сопричастности новому миру промышленных чудес, в котором многие рабочие по-прежнему чувствовали себя чужаками. Отчасти поэтому среди адептов методизма было немало ткачей, для которых это учение означало скорее образ жизни, нежели преданное служение религиозной

доктрине. Летом 1784 года Джон Уэсли «нашел чудесный приход в Стокпорте, тамошняя паства была весьма предана Господу». За общее правило принималось утверждение: «Где торговля идет слабо, там редко возникает религиозный подъем». Поэтому многие считали, что методизм был религиозным орудием промышленной революции. Говоря словами из гимна Чарльза Уэсли:

> *Помоги нам, Господи, помогать друг другу,*
>
> *Так несущему крест свой облегчим дорогу.*
>
> *Позволь каждому постоять за ближнего своего*
>
> *И самому ободриться поддержкой брата его*[197].

Правда, стоит оговориться, что значительное число рабочих обоих полов, измотанное тяжелым трудом на фабриках, могло вовсе не исповедовать какую-либо религию. В конце концов, не Бог строил фабрики и заводы.

Владельцы железоплавильных заводов, как

---

[197] Примечания: 197

Help us to help each other, Lord, / Each other's cross to bear, / Let each his friendly aid afford / And feel his brother's care.

правило, были людьми энергичными и напористыми. Они составили первую четко оформившуюся группу промышленников. Некоторые из них пришли в это ремесло из сельского хозяйства, а другие в прошлом занимались металлообработкой. Имена многих из них заимствованы из Ветхого Завета: Седрах Фокс, Неемия Ллойд, Иов Ролинсон, Иоав Парсонс, Софония Паркер; казалось, все они обладали такой же первобытной силой, что и их ветхозаветные тезки. «Приказы, которые я отдаю, — говорил Амброуз Кроули своим управляющим, — зиждутся на такой твердыне, что, пока я нахожусь в ясном уме, даже Сатане и его приспешникам не под силу повергнуть их в прах». В жилах заводчиков словно текла железная руда. Промышленники могли быть грубыми и даже безжалостными, однако их по-хозяйски интересовала судьба тех, кого они называли «наши люди».

Рабочие на чугунолитейном производстве трудились словно в аду. Печи, пламя, дым, жара, раскаленные добела бруски металла и замысловатый механизм с множеством цепей и шкивов — зрелище, достойное пера Джованни Пиранези или Гюстава Доре. Мерцание печей и отблески пламени в топках освещали непроглядную тьму

ночи, которая окутала всю Центральную Англию, получившую название Черная страна[198]. Огонь печей был столь ярким, что казалось, будто некие прожекторы рассеивают зловещий мрак. Нет ничего удивительного в том, что Амброуз Кроули упоминает имя Сатаны.

История металлургической промышленности поучительна и в другом смысле. Одно великое изобретение изменило саму природу чугунолитейных процессов. С помощью пудлингования — способа получения железа путем плавки и перемешивания расплавленного металла, изобретенного Генри Кортом в 1783 году, для улучшения качества чугуна в чушках и превращения его в более прочное и ковкое железо или прутковое железо стали использовать каменноугольный кокс. Печи становились все больше, а сферы применения чугуна и железа множились. Сначала добывали железную руду, затем плавили металл, после чего его рафинировали, раскатывали в листы и пруты. Рос спрос на железные цепи, трубы, колеса, плиты, решетки, рельсы, орудия, гвозди, котлы, ограды, колонны, здания,

[198] Примечания: 198

Черная страна — промышленный район в центральной части Англии, получивший название из-за выбросов сажи и копоти местными предприятиями тяжелой промышленности.

корабли и дорожные покрытия (чугунные шашки). Это была эпоха чугуна. Чугун можно было производить в относительно неограниченных количествах, и вскоре Англия стала лидером по выплавке чугуна в Европе: на ее долю приходилась половина от общего объема поставок на континенте. Чугунный арочный мост через реку Северн в графстве Шропшир считался одним из чудес света, и драматург и композитор Чарльз Дибдин предсказывал, что «по всей видимости, он простоит века». И действительно, мост стоит по сей день.

В истории развития сталелитейной промышленности есть свои примеры роста и инноваций. Часовщик из Донкастера Бенджамин Гентсман оказался своего рода первопроходцем: испытывая методы повышения качества стали для производства часовых пружин, он наткнулся на способ, при помощи которого он мог, интенсивно нагревая сталь в огнеупорном глиняном тигле достаточно продолжительное время, удалить из нее все примеси. Это изобретение получило название «тигель Гентсмана», а литая сталь стала производиться все в больших и больших количествах. Гентсман не стал оформлять патент на изобретение, однако был намерен сохранить

процесс производства в тайне; впрочем, ее выведал конкурент Сэмюэл Уокер, который зимним вечером переоделся в попрошайку и попросился погреться у печи, где смог беспрепятственно наблюдать за процессом.

В текстильной промышленности, являвшейся предметом национальной гордости англичан, наблюдался рост по всем направлениям, от шелка до шерсти, от хлопка до льна. Ключом к прогрессу было, разумеется, множество машин для чесания, наматывания и скручивания нити, ткачества, трепания волокна, формирования ровницы и целого ряда других операций. Модернизация в одной сфере влекла за собой модернизацию и в других, одно усовершенствование вызывало следующее. Поначалу изобретения применялись исключительно к хлопку, однако вскоре стали использоваться для обработки шерсти и льна.

Этот процесс сопровождался поступательными изменениями; его не планировали на бумаге, а скорее реализовывали на практике: рабочие передавали опыт и знания, рассказывая и показывая, как и что делать. Мужчины, женщины и даже дети обучались на ходу. В этом заключался один из главных двигателей промышленного прогресса конца XVIII века. Практические знания

опытных рабочих были несомненным преимуществом на фоне расцвета изобретательства, учитывая, сколь значительное число молодых механиков и подмастерьев жаждало учиться. Такова была практическая сторона промышленной революции, которая, пожалуй, играла самую важную роль. Гете писал: «Для нас [немцев] открытия и изобретения — это потрясающая вещь, которую мы воспринимаем как личное достояние… однако мудрые англичане с помощью патента по-настоящему присваивают изобретения себе». Это высказывание не слишком справедливо в отношении таких представителей эпохи, как Аркрайт и Дарби, однако в нем есть и рациональное зерно. Английские умельцы славились своей дисциплиной, сосредоточенностью и стремлением к совершенству в своем ремесле.

Так, в процесс производства хлопка было внесено множество мелких изменений, а также предложений, направленных на более эффективную занятость рабочих. В 1760 году, когда на трон вступил Георг III, в страну было завезено 3 миллиона фунтов (ок. 1,4 млн тонн) хлопка-сырца; спустя 29 лет этот показатель составлял уже 32,5 миллиона фунтов (ок. 14,6 млн тонн). Хлопковые вещи подешевели и стали широкодоступными;

в результате повысился общий уровень благополучия англичан. Реформатор-общественник Фрэнсис Плейс отмечал, что новые хлопковые изделия «творили чуть ли не чудеса, благотворно влияя на здоровье и чистоту женщин». Прядильщику-кустарю из Индии требовалось порядка 50 000 часов на изготовление вручную 100 фунтов (45 кг) хлопковой ткани, в то время как на заводе Аркрайта при наличии вальянов и мюль-машины уходило лишь 300 часов. Производство хлопка переместилось с востока на запад. Положение прядильщиков-кустарей в Индии и ткачей, трудившихся за ручными ткацкими станками в Англии, осталось без внимания, и уже в XIX веке они оказались в бедственном положении.

Описывая времена столь кардинальных перемен и инноваций, нельзя обойти вниманием еще две отрасли промышленности. Управляющий пивоварней «Уитбред» (Whitbread) весной 1786 года писал: «В прошлом году мы установили паровой двигатель, чтобы перемалывать солод, в результате увеличили количество производимого алкоголя [воды]»; результаты «и правда впечатляют». Вскоре все пивоварни Лондона, среди которых «Черный орел» (Black Eagle) на Брик-Лейн, «Пивоварня Кареджа» (Courage's Brewery)

недалеко от пристани Батлерс-Уорф, «Якорь» (Anchor) в Саутуарке и «Уитбред» в Финсбери, были полностью механизированы. Сами пивовары богатели, а их влияние росло. Некоторые получали места в парламенте, а другие становились мэрами, мировыми судьями и олдерменами. Это были аристократы среди лондонских предпринимателей.

Пивовары изобрели новое освежающее средство, которое способствовало более грациозному вращению колес промышленного прогресса. В 1722 году в пивоварне в Шордиче сварили первую кружку портера — темного горького пива, содержащего больше хмеля, чем солода. Новый напиток пришелся по вкусу лондонцам, привыкшим к сильным и ярким вкусам. Портер стоил дешевле, чем светлый эль, и стал первым сортом пива, который как нельзя лучше подходил для массового производства. К 1760-м годам продажи портера составляли почти половину всего рынка пива. Еще одним чудом техники, поразившим лондонских гурманов, были консервированный суп и мясные консервы, поступившие в продажу в 1814 году.

И все же центральное место занимала текстильная промышленность. Переработка шерсти,

в отличие от производства хлопка, отставала по степени механизированности процессов, однако со временем ушел в прошлое домашний труд, при котором женщины и дети сортировали, чистили и пряли, а мужчины чесали и ткали. На смену ручному труду пришли механический челнок, прялка «Дженни» и чесальная машина. Новые городские районы, где размещались суконные мануфактуры, разрастались вокруг Лидса, Хаддерсфилда, Брадфорда и Галифакса, а старые города на юго-западе, где некогда процветали суконные промыслы, приходили в упадок. Разумеется, подобные изменения имели серьезные последствия. К примеру, нельзя не упомянуть о событиях 1802 года, вошедших в историю под названием «уилтширские бунты», во время которых стригальщики из Уилтшира громили машины в знак протеста. Неужели лишиться работы и отказаться от прежнего образа жизни справедливо и честно? Новые суконные фабрики воспринимались как огромные адские машины, а главная цель мануфактурщиков якобы состояла в том, чтобы уничтожить привычный, древний уклад, наняв рабочих, не владеющих традиционными ремеслами или, что еще важнее, не разделяющих традиционные ценности. Один

чесальщик шерсти из Нориджа в пылу рабочего спора, обращаясь к своим работодателям, сказал: «Мы существа общественные и не можем жить друг без друга; так зачем же вы уничтожаете общину?» Удовлетворительного ответа на этот вопрос не последовало.

В этой связи неизбежно должны были возникать союзы рабочих для агитации за более удобные и справедливые условия труда в соответствующих отраслях. Разрушение заведенного уклада, а также попытки отменить давнюю практику обучения подмастерьев усугубили и без того неспокойную обстановку. Лестерское сестринское общество прях (Leicester Sisterhood of Female Handspinners) было основано в 1788 году и объединило 18 500 женщин, однако большинство рабочих, которые вступали в первые профсоюзы, были мужчинами, специализировавшимися на металлообработке; их целью выступала борьба с работодателями, стремившимися сократить заработную плату и увеличить рабочее время. Рабочие намеревались создать так называемый закрытый цех, то есть предприятие, куда на работу принимали бы только членов профсоюзов, что позволило бы бороться с нарушением прав трудящихся женщин и детей и искоренять любые

формы дешевой рабочей силы. Когда производители муслина в Глазго попытались снизить цены на свой товар, в ответ начались бойкоты и организованное сопротивление. Уже в 1726 году парламентскому комитету стало известно о существовании клубов ткачей, в которые «допускались лишь представители данной профессии и у которых были собственные эмблемы и флаги, вывешенные у дверей их собраний».

В 1758 году ланкастерский суд присяжных выдал ордер на арест 19 старших ткачей, которых сочли старостами союза, объединявшего несколько тысяч представителей этой профессии. Они договорились собирать деньги «для поддержки тех ткачей, которые по приказу комитета должны были покинуть своих работодателей, а также ввели другие опасные или незаконные правила; старосты оскорбили и побили нескольких ткачей за то, что те отказались поддержать их план и продолжали работать; старосты подбросили несколько провокационных писем с угрозами тем работодателям, которые были против предложенных нововведений». Эти акции не только предвосхитили погромы на суконных фабриках

в 1802 году и протесты луддитов[199] в 1811 году, но и стали предвестницами профессионального и организованного движения профсоюзов XIX века. Даже в последние десятилетия XVIII века рабочие предпринимали попытки нарушить дисциплину, подорвать организацию и ослабить связи в профессиональной среде.

Их примеру следовали и в других отраслях. Шляпники организовали «бессрочное объединение», как его назвал Фрэнсис Плейс. Ткачи объединились в Глостершире и Уилтшире, а чесальщики шерсти — в Лестершире и Йоркшире. К концу века к ним примкнули слесари, плотники, башмачники и маляры. Фабричная система несомненно служила первопричиной протестов и беспорядков; уже тогда она казалась огромной и со временем разрасталась все больше, создавая новый мир нищеты и эксплуатации.

Рабочие, по всей видимости, брали пример со своих работодателей, поскольку уже к середине XVIII века сталепромышленники Бирмингема, мануфактурщики, занимавшиеся производством

[199] Примечания: 199

Луддиты — участники движения рабочих, которые во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. устраивали протесты против растущей безработицы из-за повсеместного внедрения машин, устраивали погромы, уничтожали оборудование.

гвоздей в Глостере, и владельцы булавочных мануфактур в Ноттингеме примкнули к тем фабрикантам, которые сформировали так называемые организации самопомощи, или, говоря без обиняков, объединения для сдерживания роста цен и зарплат.

В XVIII веке мятежи и уничтожение машин были не редкостью. Уже в 1719 году бунтующих шкиперов из города Ньюкасл-на-Тайне встретил отряд солдат и военный корабль. В 1726 году в западной части страны вспыхнули бунты — рабочие громили ткацкие станки, а в 1749 году демонстранты заблокировали работу шелкопрядилен, хлопкопрядилен и чугуноплавильных цехов. В 1768 году разъяренные рабочие уничтожили прялки «Дженни», а спустя десятилетие та же участь постигла и машины Аркрайта. Первый закон, ограничивавший распространение профсоюзов, — Акт о профессиональных объединениях (Combination Act) 1721 года — запрещал квалифицированным портным вступать в «объединения, целью которых является необоснованное повышение заработных плат и сокращение рабочего дня». Созданная правовая база при поддержке работодателей сделала свое дело, и к концу века были приняты еще более

строгие законы в отношении профсоюзов. В труде «Положение рабочего класса в Англии» 1845 года Фридрих Энгельс заметил: «История рабочего класса в Англии начинается со второй половины XVIII века, с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка»[200].

Возможно, Энгельс неправильно истолковал символы социальных перемен в Англии и совершенно точно ошибся, рассматривая их на основе континентальных образцов: британская форма промышленного протеста не имела ничего общего с протосоциалистической резкостью агитаторов во Франции и Германии. В Англии это движение было более формальным, сдержанным и прагматичным; в некоторой степени оно основывалось на юморе и сарказме и подкреплялось глубоким уважением к государственным институтам.

Однако, без сомнения, в стране что-то происходило. Что-то доселе неведомое витало в воздухе промышленных городов и деревень. Один современник по имени Ричард Эйтон, общаясь с «людьми низших классов в Ланкашире», заметил в «Путешествии вокруг Великобритании» (Voyage

---

[200] Примечания: 200

Перевод Г. А. Котляра. Книга Энгельса написана в 1842–1844 гг. во время пребывания его в Англии, в Манчестере.

round Great Britain; 1813), что они «прекрасно осознают важность своего труда». Эйтон отмечал, что они «грубы, вульгарны и дерзки… над ними господствует дух греха и разврата; однако пока рушится их моральный облик, силы ума ведут их вперед; они совершают беззакония, беспринципны, однако вместе с тем быстры, хитры и сообразительны». Неужели таков был новый вид труда, который породили фабричная система и промышленный прогресс?

26
На темной равнине

География британской промышленности XVIII века характеризовалась «медленным оттоком». Этот отток был в основном обусловлен перемещением населения из отдаленных сельских мест в промышленные районы на севере и в центре страны, где отмечался самый высокий спрос на рабочие руки. Действительно, кто согласится трудиться в полях за гроши, когда есть возможность работать на фабриках, получая за это заработную плату, на которую можно достойно жить? Ткацкие станки манили людей в города. Нельзя сказать, что миграция с юго-запада и юго-востока на север была неожиданной или массовой — это был постепенный, нарастающий процесс. Впрочем, незанятые работники охотно перебирались из сельской местности в ближайшие промышленные центры. Фактически процесс переселения представлял собой совокупность небольших перемещений на ограниченной территории. В связи с этим в течение всего XVIII века на время сбора урожая печи и кузни закрывали.

Тем не менее параллельно происходили медленные, но существенные изменения. Чарльз Дибдин в книге «Музыкальное турне господина Дибдина» (Musical Tour of Mr. Dibdin) 1788 года писал: «Мануфактуры, которые поначалу возникали в центральной части королевства, постепенно перемещаются на север, в Йоркшир, а затем на восток и на запад; причем самый масштабный и ошеломительный рост наблюдается на западе. Итак, от Лидса до Ливерпуля, включая такие города, как Брадфорд, Галифакс, Рочдейл, Манчестер, Уоррингтон и Престон, население радует глаз».

Металлообрабатывающая промышленность была сосредоточена в центральных графствах. Конкуренцию ей составляла набирающая обороты текстильная промышленность Ланкашира и Чешира, а также шерстеобрабатывающая промышленность в Уэст-Райдинге в графстве Йоркшир. В общем и целом так выглядела география распространения промыслов. К 1800 году самыми густонаселенными графствами Англии были Ланкашир, Уэст-Райдинг, Стаффордшир и Уорикшир (включая Мидлсекс). В результате в таких сельских районах, как Эссекс, Саффолк, Кент, Суррей, Беркшир и Гэмпшир, по мере исчезновения промышленности все активнее занимались

земледелием.

Редкие промыслы процветали в небольших отдельно взятых районах. Так, Прескот специализировался на изготовлении деталей для часов, Чоубент и Ли — на гвоздях, а Эштон-ин-Мейкерфилд славился замками и петлями. Сырье для изготовления скобяных изделий добывали в различных областях. Олово и медь везли из Корнуолла; свинец был в изобилии в Мендипе, однако богатые залежи этого металла находились еще в Камберленде и Дербишире. Соль прочно ассоциировалась с Чеширом, а сланец испокон веков таился в недрах Камберленда и Северного Уэльса. Портленд служил источником камня. В XVIII веке Англия обладала обширной сокровищницей природных богатств, которые запросто можно было пустить в дело, что, в свою очередь, и стало толчком к промышленному прогрессу.

В результате каждая область и каждый город принципиально отличались друг от друга; в некоторых местах на работу набирали преимущественно женщин, в других ориентировались на циклические «подъемы и спады» в различных отраслях промышленности. Динамика цен зависела сразу от многих переменных. Кустарная промышленность формировалась за счет ремес-

ленного или надомного производства. Когда в 1803 году банкир Оакс из города Бери-Сент-Эдмундс отправился в деловую поездку в Ланкашир, он заметил, что, прибыв в это графство, он будто «оказался в другой стране». Все было непривычным и новым; казалось, что даже люди здесь совсем другие. Историк и путешественник Джон Бинг писал в дневнике, что простой крестьянин из Кромфорда превратился в «нахального механика». Поэт Джозеф Хили, который позднее воспевал сопротивление при Питерлоо[201], в 1777 году писал о рабочих стекольного завода в Стаурбридже, которые выглядели словно «полусгоревшие мертвенно-бледные животные». Это была совершенно новая нация.

Почему социальная революция произошла

[201] Примечания: 201

Питерлоо (Манчестерская бойня) — распространенное наименование кровавых событий 16 августа 1819 г. на Питерсфилде в Манчестере, произошедших во время митинга в поддержку требования избирательной реформы. По распоряжению городских властей на многотысячную безоружную толпу мужчин, женщин и детей (главным образом ткачей Манчестера и соседних городов Ланкашира) напали части регулярной армии, в том числе гусары — участники битвы при Ватерлоо (отсюда — «Питерлоо»). Митинг был разогнан, 15 его участников убиты и свыше 600 ранены; организаторы митинга были арестованы по обвинению в государственной измене. Маловероятно, что Джозеф Хили дожил до событий 1819 г.: по имеющимся данным, он скончался в 1798 г. См.: *Sandy Haynes*. The Mysterious Joseph Heely // The Garden Trust. 17.03.2010. Манчестерская бойня, или инцидент при Питерлоо, воспета в поэме Перси Шелли «Маска анархии» (The Masque of Anarchy) 1819 г. — *Прим. науч. ред.*

именно в Англии, а не во Франции или в Австрии? Ответ на этот вопрос можно найти у Дефо, который считал, что к началу XVIII века Англия стала «самой процветающей и богатой страной в мире». Во Франции, например, запасы сырья были скудными, а возможности инвестирования — ограниченными. Кроме того, в стране традиционно отдавалось предпочтение небольшим предприятиям с такой формой управления, которую более крупные фермеры Англии вскоре вовсе перестали использовать. Более того, в Англии фактически отсутствовал государственный или бюрократический надзор, который регламентировал процесс изменений; вместо этого правительство посредством ряда законодательных актов всячески поддерживало всех стремившихся изменить заведенные порядки, существовавшие в различных отраслях промышленности и производства. Расшатывание устоев, как это называли, на деле означало лишь отказ от старого порядка. Общепринятые традиции были признаны безнравственными, а привычные убеждения язвительно называли суевериями; приятные бонусы, которые рабочие привыкли получать на работе, вроде случайного куска материи или металла, теперь считались кражей.

История патентов, как мы уже видели, иллюстрирует продолжительный период изобретательства и расцвет научной мысли второй половины XVIII века. Такое развитие событий можно объяснить природным прагматизмом англичан. В те времена наука и производство были тесно связаны, а такие объединения, как Лунное общество Бирмингема, позволяли сотрудничать промышленникам, экспериментаторам и ученым. Плодами их совместной работы стали различные машины и оборудование, положившие начало техническому прогрессу. В условиях конкуренции и стремления к прибыли любой предприниматель мог заявить о себе. Современники отмечали, что, в отличие от других наций, в англичанах был силен дух стяжательства, им были свойственны напор и беспощадность в достижении поставленных целей. В совокупности все это производило необходимый эффект.

Отчетливее всего новый порядок проявлялся в промышленных городах. Некоторые из них, например Уиган, Болтон и Престон, называли фабричными. Они резко выделялись на фоне обычных городов. В большинстве случаев там отсутствовала какая-либо инфраструктура, не было церквей и больниц. Такие города со-

здавались в тот момент, когда этому наиболее благоприятствовали промышленные условия, и в некотором смысле напоминали города периода золотой лихорадки 1849 года в Калифорнии. Один из посетителей свинцовоплавильных фабрик в Шеффилде заметил, что дома в городе были «темными и закопченными из-за постоянного дыма из кузниц». О городе Барнсли, известном как «черный Барнсли», писали, что «сам город такой же черный и закопченный, как все кузнецы, живущие там». От Рочдейла до Уигана, от Бери до Престона темное пятно дыма из фабричных труб росло и ширилось. В 1753 году Болтон был небольшой деревушкой с одной улицей, утыканной домишками с соломенными крышами и огородиками; двадцать лет спустя его население выросло до 5000 человек; еще через шестнадцать лет — до 12 000, а к началу XIX века — до 17 000 жителей.

Жилища в фабричных городах в основном строились вплотную друг к другу и имели по одной комнате на этаже; довольно часто в доме жило несколько семей, при этом многие селились в подвале, состоявшем из двух комнат, расположенных под землей и оборудованных маленьким оконцем в потолке. В отсутствие ад-

министративного регулирования в строительной промышленности дома, как правило, были узкими, темными, а условия в них — вредными для здоровья. Даже некогда зажиточные дома превращались в трущобы, а мастерские строили прямо на огородах. Это был мир маленьких внутренних двориков, переулков и многоквартирных домов, имевших, как правило, один туалет на улице на четыре семьи. Новые улицы строились наскоро, без водоотводов, тротуаров или центрального освещения. Все казалось временным, самодельным, случайным и свидетельствовало о тревогах и нестабильности в этом новом рабочем мире.

В медицинском отчете, составленном в 1793 году доктором и исследователем брюшного тифа Джоном Ферриером для полицейского комитета Манчестера, говорилось: «В некоторых частях города подвалы настолько сырые, что, в сущности, непригодны для жизни… Лихорадка там обычное явление». Большой поток людей хлынул в отдельные районы, которые предлагали дешевое и небезопасное жилье. В конце XVIII и начале XIX века в Ланкашире было построено несколько тысяч домов, чтобы разместить 170 000 рабочих. Для преимущественно сельскохозяйственного района это были большие изменения. Ферриер

писал: «Постоялец, только что прибывший сюда из сельской местности, часто вынужден ночевать в постели, пропитанной инфекциями от предыдущего жильца, или в постели, с которой каких-то несколько часов назад убрали тело человека, скончавшегося от лихорадки».

Впрочем, эти суровые условия сближали людей. Со временем жители городка, который еще недавно был трущобным поселком, развивали сильное чувство общности, которое в некотором смысле можно сравнить с «профессиональными объединениями» промышленных рабочих. Люди стремились найти тех, кто был близок им по духу, или хотя бы земляков, которые до переезда жили в деревнях по соседству. Соседи выстраивали глухую линию обороны, сражаясь с болезнями и безработицей; великодушное государство помогать им не собиралось.

В 1807 году поэт-романтик Роберт Саути посетил Бирмингем: «Над городом висело облако дыма… зараза распространялась и множилась. Повсюду вокруг нас… вдалеке виднелась башня какой-то фабрики; она изрыгала в воздух пламя и дым, поражая все вокруг испарениями металла. Народу здесь было не меньше, чем в Лондоне… Я нигде не видел такого количества детей, как

здесь, в том числе и столь несчастных».

Год от года город разрастался с небывалой скоростью. Один из современников вспоминал: «Путешественник, посещающий его [Бирмингем] раз в полгода, полагает, что хорошо знает город; однако, приехав туда, скажем, осенью, он запросто может увидеть застроенную домами улицу на месте, где весной его лошадь щипала траву».

В ходе своей поездки мистер Пиквик[202] посетил и этот «большой фабричный город» со всеми его «картинами и звуками, возвещавшими о жизни и деятельности», где «улицы были запружены рабочим людом. Гул, сопровождавший работу, вырывался из каждого дома, в верхних этажах все окна были освещены, а от шума колес и стука машин дрожали стены». Это была совсем не та привычно резкая музыка лондонских улиц, которую так хорошо знал Диккенс; этот шум был громче и сильнее. Если на улицах Лондона гудела пестрая и разношерстная толпа, то по улицам Бирмингема сновало множество рабочих. Здесь было не найти денди, или актеров, или

---

[202] Примечания: 202

Пиквик — главный персонаж книги Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (The Posthumous Papers of the Pickwick Club). Роман повествует о клубе, члены которого путешествуют по Англии и изучают человеческую природу. Здесь и далее цит. в пер. И. Введенского.

«пытавшихся скрыть свою нищету франтов», или умалишенных, которые так часто появляются в романах Диккенса; всех их сменили трудяги, стремясь в бешеной гонке найти работу и освоить новое ремесло.

Бирмингем стал главной мастерской мира по изготовлению «безделушек». Там производили пряжки, хозяйственные мелочи, стрелковое оружие, замки, пуговицы, щипцы, табакерки и множество других мелких металлических предметов. Сотни мастерских и цехов работали в рамках единого производственного цикла, они независимо друг от друга изготавливали различные мелкие детали, чтобы потом собрать полноценное изделие, цепное колесо здесь, ремень — там. В процессе производства ружья передавались из цеха в цех, и работали с ними на каждом этапе только специально обученные рабочие. В этом и заключалась суть промышленной революции. Завод Мэттью Болтона в Сохо находился в двух милях (3,2 км) от Бирмингема, там трудилось около тысячи человек, которые обеспечивали то самое топливо, которое разжигало огонь торговли. К 1775 году Бирмингем стал вторым крупнейшим промышленным центром после Лондона. Будущее было за железопрокат-

ным станом и паровой роторной машиной.

По словам одного современника, у жителей Бирмингема были грязные лица и не было имен, однако, по крайней мере, некоторые из них горели желанием творить и созидать. Первый официальный историк Бирмингема Уильям Хаттон в 1741 году писал: «Меня поразило место, но еще больше — люди. Им присуща такая живость, которой я никогда прежде не видел. Раньше я находился среди мечтателей, но теперь вижу здравомыслящих людей. Даже то, как они шагают по улице, говорит об их расторопности. Кажется, здесь каждый знает свое дело и с готовностью занимается им». Итак, разрозненные данные помогают сформировать представление о царившей в то время атмосфере, которой правил дух энергичности, упорства, рвения и производственного пыла. Вполне возможно, что именно атмосфера Бирмингема повлияла на то, что здесь были созданы все условия для возникновения диссентерства и радикализма, ставших двумя столпами городской жизни. Диссентеры играли важную роль в жизни города. Неслучайно Лунное общество, славившееся своими вольнодумцами и диссентерами, было основано именно в Бирмингеме. Его членами были зажиточные граждане,

на чьи средства построили муниципалитет, зерновую биржу, театр, а также новое здание рынка и «благоустроили» главную улицу города Ньюстрит. Разумеется, было бы глупо сбрасывать со счетов исключительное упорство и своенравие «разросшейся, нищенствующей, трудившейся за гроши, наглой, развязной, подлой, шумной, тупой бирмингемской толпы». Вскоре они отомстили некоторым представителям диссентерской элиты города.

В период промышленной революции существенно разросся и Манчестер. И вновь Роберт Саути порицал условия жизни людей, которых буквально скармливали машинам и чей «физический и моральный облик был полностью уничтожен; они умирали от болезней, вызванных беспрерывной рабочей нагрузкой, необходимостью находиться в замкнутом пространстве, наполненном нечистотами и спертым воздухом». Один иностранец, прибывший в то время в Манчестер, заметил, что там не светило солнце; яркое небесное светило едва пробивалось сквозь плотное облако дыма. Единственным источником света был Вулкан — бог огня и металлообработки — и его чудовищные печи.

Основой промышленности города было про-

изводство текстиля, особенно из хлопка, однако вместе с тем в Манчестере было 12 чугунолитейных заводов, работали лудильщики, медники и замочники. Другими словами, это был огромный промышленный город. Всплеск строительства жилья начался здесь в 1770-х годах, за десять лет было построено больше трети новых зданий. Спрос на жилье был настолько велик, что многие дома занимали еще до окончания работ.

Новые улицы были узкими и плохо освещенными, если вообще предусматривалась такая роскошь, как газовые фонари; земля была настолько дорогой, что дворики, переулки и проезды тесно жались друг к другу, лишая жителей света и воздуха. В начале XIX века в этом городе с населением почти 100 000 человек не было ни одного городского сквера. Вот что имеют в виду, когда повторяют всем знакомую фразу «Англия превратилась из сельской цивилизации в городскую». Позднее адвокат Джозеф Кей, выступая с речью в Манчестерском статистическом обществе (Manchester Statistical Society), заявил, что «ни одна эпоха и ни один этап жизни страны не помнит подобных событий». Он был недалек от истины. Влияние Манчестера на политическую и экономическую жизнь страны оказалось

огромным.

У других городов была своя история. Ньюкасла-на-Тайне был центром угольной промышленности, а суда с так называемым битумным углем, прибывавшие в Лондон, помогали поддерживать пламя в печах и очагах столицы; дешевое топливо способствовало развитию пивоварения, красильного дела, стекольного производства и мыловарения. Манчестер был четвертым по величине городом Англии и определял экономическую и социальную жизнь северо-востока. Там сосредоточилось печатное дело. В XVIII веке в Манчестере было издано самое большое количество книг, не считая Лондона. В городе издавалось три газеты, функционировало три библиотеки, которые выдавали книги через абонемент, и семь библиотек, стать членом которых можно было по подписке. Предприниматели проявляли живой интерес к общественно-политическим вопросам, и, по разным оценкам, в Манчестере существовало более пятидесяти клубов для вигов или клубов радикальной направленности. Такова была оборотная сторона промышленного прогресса, когда состоятельные и влиятельные люди совсем не обязательно принимали сторону официальной власти и законных правителей.

Франко-американский предприниматель Луи Симон прибыл в Лидс ночью и увидел характерный промышленный ночной пейзаж, где «с высоты, с севера мы увидели множество огней, вырывавшихся, судя по всему, из печей, и созвездия светящихся окон (мануфактур), разбросанные по темной равнине». Более спокойно о «шумном Лидсе» писал Джон Дайер в поэме «Руно» (The Fleece; 1757):

И новые улицы ровной чертой,
Линуют поля по соседству[203].

Пожалуй, самое выразительное художественное описание промышленного города мы встречаем чуть позже у Чарльза Диккенса в романе «Тяжелые времена» (Hard Times), где истинное воплощение находит любовь писателя к темам тьмы и упадка, ошеломляющим контрастам и слегка тронутой огнем реальности. «То был город из красного кирпича, вернее, он был бы из красного кирпича, если бы не копоть и дым; но копоть и дым превратили его в город ненатурально красно-черного цвета — словно размалеванное лицо

[203] Примечания: 203
Some, with even line, / New streets are marking in the neighb'ring fields.

дикаря»[204]. В ужасающей веренице зарисовок угадывается Престон, который недавно посетил сам писатель, однако это описание применимо к любому фабричному городу того времени.

Впрочем, среди мрачности, черноты, сажи и грязи промышленной действительности в адских картинах Диккенса крылось простое человеческое горе. Фабричная система часто означала смертный приговор. В промышленных городах было много бедняков, которые утратили трудоспособность в результате болезни или травмы и ютились в самых бедных районах города. Но даже те рабочие, кто все еще трудился на фабриках, страдали от распухших конечностей или шаткой походки.

И тем не менее картина нескончаемых мучений рабочих, о которых столько писали социальные историки XX века, остается неполной. Могла ли страна, переживавшая столь сильные муки, удержаться от мятежей? Чтобы ответить на этот вопрос, следует оценить и другие преобразования того периода. В начале XIX века заработные платы в промышленных отраслях продолжали расти, и этих средств теперь вполне хватало на

---

[204] Примечания: 204
Перевод В. Топер.

жизнь, а технический прогресс обеспечивал всем необходимым. Больше не было недостатка в одежде из хлопка и шерсти, а рацион рабочих, по многим оценкам, стал намного лучше и разнообразнее. На смену ржи пришла пшеница, а мясо стало основным блюдом. Уголь, который стоил дешево и поставлялся регулярно, обеспечивал тепло в доме. Увеличение семейного дохода и более регулярные выплаты в промышленных районах можно считать существенным преимуществом технического прогресса. В 1830 г. Томас Маколей отмечал: «Рабочий класс этого острова… в целом живет более благополучно с точки зрения материального комфорта по сравнению с жителями столь же крупных стран старого мира… служащий, мастеровой и селянин бесспорно питаются более качественными продуктами, носят лучшую одежду и живут в более комфортной обстановке». В результате, разумеется, примеры страданий и настоящей нищеты «чувствовались более остро и предавались огласке куда громче, чем где бы то ни было».

Сама по себе промышленная система служила символом благоустройства. Полноценная занятость постепенно позволила женщинам добиться социальной и экономической независи-

мости, а скандальные истории об эксплуатации детского труда отныне вызывали такую ярость в обществе, что благотворительные организации начали предпринимать попытки внедрить начальное образование. «Школы для бедных» впервые открыли свои двери в 1818 году, а благотворительные школы Эндрю Белла и Джозефа Ланкастера к тому времени уже запустили «паровой двигатель нравственного мира». Профессиональные объединения рабочих, в свою очередь, привели к созданию обществ взаимопомощи, сберегательных банков, институтов мастеровых и, разумеется, профсоюзов. Тяготы жизни предпочитали лечить, нежели терпеть.

Уже в те времена начались долгие и трудные споры о росте и снижении уровня жизни. Коль скоро единица измерения или параметр, определяющий такое неосязаемое понятие, менялся от спора к спору, вопрос действительно вызывает неподдельный интерес. Так, например, вряд ли можно сравнивать небольшое увеличение заработной платы с откровенно нездоровыми и даже смертельно опасными условиями жизни в новых городах. Разве вспышку холеры можно уравновесить понижением цены на хлеб? Более дешевая одежда не решает проблемы перенаселенности.

Тем не менее существует один статистический критерий, объективность которого вряд ли кто-то станет оспаривать. Средний рост человека уменьшился во второй половине XVIII века и продолжал снижаться в течение первой половины XIX века. Это наиболее наглядно проявлялось в огромной разнице между бедняками и остальным населением; упадок сельского хозяйства и спад промышленности в некоторых регионах привели к формированию класса людей, живших, по словам родоначальника английской школы социологии Чарльза Бута, «за чертой бедности».

Но даже самые вопиющие случаи экономических провалов необходимо рассматривать в контексте снижавшейся смертности. Отсутствие эпидемий чумы и повышенное внимание к санитарно-гигиеническим условиям могут объяснить положительные изменения в данной сфере. Влиятельный лондонский врач Джон Кокли Леттсом как-то заметил: «Люди поняли, что большинство заболеваний можно побороть, обеспечив доступ свежего воздуха, чистоту, а также заботу и поддержку для больного». Впрочем, новые методы были по душе не всем. В 1768 году толпа подожгла городскую больницу в Питерборо, где проводилась вакцинация.

Количество новорожденных, умерших в британском родильном доме в Холборне, снизилось с одного ребенка на 15 новорожденных в 1750-х годах до одного на 118 новорожденных на рубеже XVIII–XIX веков. Во время своих путешествий в 1770-х годах Джон Уэсли наблюдал толпы детей, которые, казалось, и составляли основное население городов и деревень. В 1726 году продолжительность жизни в среднем составляла не более 25 лет; к 1820-м годам этот показатель достиг 41 года. Тем не менее продолжительность жизни оставалась крайне низкой в городах, недавно переживших индустриальный бум.

Пожалуй, невозможно измерить масштаб тех последствий, которые повлекли за собой промышленные трансформации XVIII века. Это комплекс столь разнообразных сил и событий, что его, пожалуй, следует рассматривать как естественный феномен со всеми сопутствующими случайными обстоятельствами, сопровождающими подобное событие. Тем не менее мы можем сделать некоторые предварительные выводы. Согласно Томасу Харди, люди теперь служили дыму и пламени, а не морозу и солнцу. Они привыкли к машинам и часам, работали за зарплату, а не за пропитание и не имели личного интереса в том,

что производили. Природа семьи и домашнего хозяйства претерпела коренные изменения.

Англия перестала быть преимущественно аграрной страной, какой она была на протяжении примерно 10 000 лет. Естественная иерархия власти, основанная на количестве земли, потеряла актуальность; два нераздельных принципа — обычай и уважение к прошлому — сходили на нет. Покровительство сильных мира сего более не имело прежней силы, поскольку средний класс стремился расширить свое политическое и экономическое влияние. Отмена законов о профессиональном обучении ремеслу и отказ от фиксированной цены на хлеб, в результате чего цена на этот продукт определялась конъюнктурой рынка, положили начало экономике, основанной на конкуренции и личной выгоде.

В связи с этим трудовое население, рабочий люд вскоре стали классом отверженных. Смешивать высшее и низшее сословия считалось столь же невозможным, что и растворять масло в воде. Один работодатель, которого Арнольд Тойнби процитировал в лекциях о промышленной революции, сказал: «Между работодателем и работником не может быть согласия, поскольку работодатель заинтересован в том, чтобы

получить максимальный объем работы за минимально возможную плату».

Профессиональные ремесленники перестали ассоциировать себя с ручным трудом и отказались от сотрудничества с рабочими; ранее при налаживании производственных процессов фабрикант, занимавшийся металлическими изделиями, мог проводить вместе с рабочими целый день, надзирая за ними и помогая им, однако теперь подобное сотрудничество уходило в прошлое. Сэмюэл Курто подумывал о карьере гравировщика на семейном заводе по изготовлению шелка, однако отец сказал ему: «Кажется, ты забываешь, что ручной труд — пусть и самого высокого класса — крайне редко ценится так же высоко, как предпринимательство — то есть те виды ремесел или способы производства, которые позволяют нам извлекать прибыль из деятельности, в которой занято много людей».

Те, кто был связан с «простым ручным трудом», теперь перебирались на окраины города, постепенно отделяясь от более благополучного населения. Ремесла, которыми всегда занимались поближе к улице (например, перчатки выставлялись в главной витрине лавки, так было заведено и у отца Шекспира), теперь задвигали в дальние

комнаты, а парадные помещения отводили для сна и еды.

Аналогичные изменения происходили и в сельском хозяйстве. Мелкие фермы уходили в прошлое, а на их месте возникали крупные фермы с огороженной территорией. Мелкий фермер уступал дорогу крупному земледельцу, который, в сущности, являлся аналогом фабриканта в сельских декорациях; он получал огромную прибыль, которая обеспечивалась за счет доступности еды. Когда-то рабочий был членом домохозяйства, садился с фермером за один стол, однако это равенство ушло в прошлое. По словам Арнольда Тойнби, один рабочий жаловался на то, что «фермеры совершенно нас не замечают, словно мы бессловесные твари; они отправляют нас есть корки у канавы». Рабочие на фермах теперь селились в самых настоящих бараках.

Жесткое разделение общества на классы могло иметь опасные последствия. Благодаря внедрению образования, пусть и самого примитивного, молодые рабочие становились более грамотными, а значит, лучше представляли все многообразие возможностей этого мира. В отличие от предыдущего поколения они не проявляли смирения и покорности, их не так-то просто бы-

ло повести за собой или запугать. Новые люди несли новые идеи. Так, например, уже с периода первых профессиональных объединений можно проследить формирование первой организации рабочих, которая ратовала за общее дело. Это движение в конце 1830-х годов повлекло за собой возникновение чартизма[205]. Связи между слоями или классами общества были разорваны, людей все чаще охватывала целеустремленность, нетерпеливое беспокойство или замешательство.

Считается, что в конце XVIII и начале XIX века преступность в Англии выросла до беспрецедентного уровня, особенно в новых урбанизированных и промышленных районах. Возникла необходимость надзирать за людьми с большей строгостью и организованностью. В 1792 году появились магистраты лондонской полиции

[205] Примечания: 205

Чартизм — движение английских рабочих 1836–1848 гг. за реформу избирательного права. Движение получило название от Народной хартии (People's Charter), которая в форме петиции была подана в парламент в 1839 г.

(London Police Magistrates)[206], а вскоре по их образцу в других городах стали появляться оплачиваемые магистраты. Большую часть XVIII века тюрьмы представляли собой большие, кишевшие паразитами темницы, в которых содержались самые разные преступники; к 1789 году врач и тюремный реформатор Джон Говард предложил новую модель «постоянной, строгой дисциплины в исправительных домах»; другими словами, он отстаивал современный формат тюрьмы, которую можно считать плодом промышленной революции.

Горькие жалобы сыпались отовсюду. Некоторые сетовали на изменение ландшафта: в долинах выросли заводы, а там, где некогда высились огромные скалы, теперь на каменоломнях добывали известняк. Как метко заметил Джон Бриттон, земля «завалена собственными потрохами». Уильям Блейк верно усмотрел суть нового порядка и правильно определил его последствия:

---

[206] Примечания: 206

Суд магистратов (в Лондоне — полицейский суд) — первая судебная инстанция, которая проводила предварительное следствие. Магистрат, выполнявший обязанности мирового судьи, был уполномочен рассматривать уголовные дела и в рамках предварительного следствия должен был удостовериться, что предъявлены достаточно веские основания для содержания обвиняемого под арестом.

Кромешный мрак искусства смерти поглотил былой восторг небес…

Хитроумные – взамен искусства жизни – придумали колеса, колеса без колес,

Чтоб принудить трудиться тяжко юных, смутив их дух, к возвышенным предметам устремленный,

Способный дни и ночи для беспредельной вечности связать,

А приземленное и тяжкое искусство тереть за часом час железо, медь,

Не требующее ни ума, ни сердца – для мудрости потерянное время.

Унылый и мучительный процесс за скудный хлеб, и неизбывно бремя[207].

Литературные стенания подхватывали народные песни и уличные баллады. Так, например, случилось со стихотворением поэта из Шеффилда Джозефа Мэзера: он направил свой гнев против владельца фабрики по производству ножей, кото-

[207] Примечания: 207

All the arts of life they chang'd into the arts of death… / And in their stead, intricate wheels invented, wheel without wheel, / To perplex youth in their outgoings, & to bind to labours / Of day & night the myriads of Eternity, that they might file / And polish brass & iron hour after hour, laborious workmanship, / Kept ignorant of the use: that they might spend the days of wisdom / In sorrowful drudgery, to obtain a scanty pittance of bread.

рый считал тринадцать ножей за дюжину, когда платил своим работникам:

> *Смотри, как тишком расплодилось чудовищное угнетение*
>
> *И кости бедняков сбирает по ходу своего движения*[208].

В анонимной популярной песне «Жалобы жены киддерминстерского ткача, поведанные ее чаду» (The Complaint of a Kidderminster Weaver's Wife to her Infant) хозяев мануфактур называют убийцами, тиранами и угнетателями:

> *Не плачь, дитя мое, твой голос слишком слаб.*
>
> *Пусть так – ты не жилец на этом свете,*
>
> *Но хуже было б жить и проклинать,*
>
> *Мучителей своих – хозяев этих*[209].

В сущности, романтизм в определенном смысле можно считать реакцией на эру промышленно-

---

[208] Примечания: 208

That monster oppression behold how he stalks / Keeps picking the bones of the poor as he walks…

[209] Примечания: 209

Hush thee, my babe! thy feeble cry / Tells me that thou ere long wilt die: / I'm glad thou hast not liv'd to curse / Our cruel masters. That were worse.

го прогресса или попыткой сбежать от него. В восьмой книге поэмы «Прогулка» (The Excursion) Уильям Вордсворт поражается тому, что на месте, «где раньше не ступала нога человека», теперь стоит «огромный город». Один из издателей поэта упоминает Мидлсбро, где в 1830 году на берегу реки Тис была лишь ферма, а спустя пятьдесят лет это место превратилось в город с населением более 50 000 человек:

> *Над ним дым незатухающих печей*
>
> *Нависает пеленой непроницаемой,*
>
> *Лишь солнцем в утренних лучах сквозь капли пара озаряемой*[210].

Как и во многих других своих работах, Вордсворт на редкость уклончив и избегает категоричных суждений. По всей видимости, на подсознательном уровне он радуется изменениям, произошедшим благодаря индустриализации, хотя обличительный пафос порой и возникает в его стихах.

1760-е и 1770-е годы вошли в историю под названием «эпоха сентиментальности», которой

---

[210] Примечания: 210

O'er which the smoke of unremitting fires / Hangs permanent, and plentiful as wreaths / Of vapour glittering in the morning sun.

правила «сентиментальная муза». Это было время высоких чувств и нравственной восприимчивости, которые можно считать альтернативой грубому и неумолимому миру промышленности и производства. Все, что было естественным; все, что было свободным; все, что было спонтанным и делалось по зову сердца. Таковы темы поэмы Роберта Блэйра «Могила» (The Grave) 1743 года и поэмы Эдварда Юнга «Ночные мысли» (Night Thoughts) 1745 года. Эти авторы стали предтечей направления, представители которого упорно не замечали заводов и фабричных труб. Поскольку ностальгия, звучавшая в «Могиле» и «Ночных мыслях», была искусственной и ложной, эти стихи не приобрели такую же популярность, как поэмы эпохи романтизма.

Искусство эпохи промышленной революции заслуживает не меньшего, а то и большего внимания, чем поэзия. Уж если человек смог подчинить себе природу, как это сделали некоторые промышленники, ничто не мешало достичь величия и в других сферах. Промышленные пейзажи Джона Мартина полны кипучей жизни, словно вся энергия, сокрытая в земле, наконец нашла свое выражение в огне, дыму и ярком пламени. Особенно сильно его вдохновляли пейзажи Чер-

ной страны, «страшнее которых, — по словам сына Мартина, — он не мог и представить даже в царстве вечных мук. Все, что он писал или пытался писать, не передавало и толики того пугающего величия яростно горящего пламени в печи посреди темноты глубокой ночи». Это полотно, отражавшее великолепие и цветовой контраст. Кажется, в его картинах — яростный крик или протест. Мартин обращался к образам египетской, восточной и греческой эстетики, чтобы передать ощущения величественности и ужаса, которые возникают, если смотреть на непривычные глазу пещеры, руины и пирамиды, словно шепчущие о древних силах, которые вновь вырвались на поверхность земли. Среди заводов и фабрик мог блуждать новый Циклоп. На эстампах он счищал черноту, создавая форму.

В этот период зародилась и более тонкая восприимчивость. Когда профессиональный архитектор и приверженец палладианства Джон Вуд взялся перечислять положительные последствия промышленного прогресса, он упомянул дощатые полы, покрытые коврами, мраморные, а не просто каменные камины, зеркала и безделушки в «китайском» или «восточном» стиле, и мебель орехового или красного дерева. Ины-

ми словами, его внимание было направлено на материальную составляющую жизни, которая в эпоху всеобщей механизации претерпела существенные положительные изменения. «Я отправился посмотреть на отличную шелкопрядильню, которая принадлежит мистеру Фултону и его сыну, — писал отнюдь не поборник индустриализации Уильям Коббет. — Мне никогда не нравилось смотреть на машины, и уж тем более я никогда не предпринимал попыток понять их… как и в случае с солнцем, луной и звездами, мне вполне хватает того, что я наблюдаю за тем, какой эффект они производят». Он написал эти слова в 1833 году, когда уже было сложно поверить в то, что Англия обязана своими успехами и процветанием Аркрайту и Уатту, а не Нельсону и Веллингтону[211].

[211] Примечания: 211

Автор противопоставляет промышленные успехи Англии XVIII в. и ее военные успехи XIX в.: Горацио Нельсон и Артур Веллингтон — известнейшие британские полководцы и видные участники Наполеоновских войн.

27
Огонь и лунный свет

Наука и промышленность были воистину всадниками апокалипсиса XVIII века. Пока металлургические заводы и фабрики меняли английский пейзаж, странствующие экспериментаторы и натурфилософы путешествовали по крупным городам, заглядывали в дома и знакомили жителей с целым ворохом чудес. В тавернах, кофейнях и домах зажиточных граждан они демонстрировали дистилляторы, механические модели Солнечной системы, лунарии и электрические машины, чтобы пролить свет на творения Вселенной перед совершенно неосведомленной аудиторией. Это были волшебники XVIII века и первый этап научной революции.

Для того чтобы ясно понять, что же тогда происходило, требовался, пожалуй, талант художника. Джозеф Райт родился в Дерби в 1734 году, спустя всего тринадцать лет после возведения там первой фабрики. Фабрика братьев Ломбе уже упоминалась на страницах этой книги. Она являла собой одно из чудес новой эпохи и вскоре стала

объектом паломничества для всех желавших посмотреть на новые машины. Коль скоро большая часть работы Райта посвящена феноменам промышленного прогресса, мы не ошибемся, сказав, что он был его почитателем.

Таков контекст, в котором появилось одно из самых известных полотен Райта «Эксперимент с птицей в воздушном насосе» (An Experiment on a Bird in an Air Pump) 1768 года. Странствующий экспериментатор, эффектными движениями напоминающий сказочного волшебника, установил воздушный насос на обозрение состоятельной семье (возможно, семейству торговца из Центральной Англии); в стеклянном куполе приемного резервуара насоса находится белый какаду, который борется за жизнь, с трудом стараясь вдохнуть по мере того, как из резервуара откачивают воздух. Две маленькие девочки не могут смотреть на мучения птицы, однако отец ободряет их; тем временем хорошо одетый мужчина засекает на часах время эксперимента, а на заднем плане молодая пара смотрит друг другу в глаза, не обращая внимания на страдания несчастного попугая. Пожилой мужчина на переднем плане разглядывает стеклянный сосуд и его содержимое — по-видимому, легкие

человека.

Волшебник или ученый смотрит на зрителя слегка безумным взглядом и словно приглашает его в новый мир широким жестом руки. Исход эксперимента неясен, и вопрос, будет ли птица жить или умрет, остается открытым; драматическая картина ответа не дает. На полотне изображен момент наивысшего напряжения, которого художник добивается за счет контраста человеческих фигур. Джозеф Пристли, член Лунного общества и хороший знакомый Райта, утверждал во время публичной лекции в Уоррингтоне, что «истинная история напоминает эксперименты с воздушным насосом, машиной с охлаждением или электрической машиной, которые являют собой волю природы и Бога самой природы». Впрочем, не вполне понятно, что именно иллюстрирует данное полотно: неизбежность смерти или, если клапан в сосуде откроется, благословенность воздуха, данного нам Богом. Сам Райт страдал от жестокой астмы, вероятно в результате нервической меланхолии. Учитывая состояние его здоровья, появление на картине пары легких за стеклом становится особенно символичным. Отчаянное желание художника дышать и восторг от желанного вдоха придают

картине особое напряжение, сулящее беду.

Впрочем, воздушный насос, изображенный на картине, представляет собой курьезную ошибку. Райт заимствовал конструкцию этого устройства у сэра Роберта Бойля, который был изобретателем так называемого пневматического двигателя, или попросту вакуумного насоса. Бойль впервые применил его в конце 1650-х годов. К моменту создания картины стеклянный сосуд насоса был заменен кожаной «тарелкой», на которой размещался стеклянный колпак. Однако Райт сохранил на полотне анахронизм в виде стеклянного купола. Для него этот образ был куда важнее, чем научная точность. Пустой шар или пузырь в то время служил символом бренности и обмана. Стеклянные шары, пустые сферы и мыльные пузыри были привычными элементами живописи в жанре ванитас[212]. Именно поэтому Райт испытывал необычайное душевное волнение, создавая машину-гибрид, в которой сочетался двойной насосный механизм XVIII века и стеклянный купол из предыдущего столетия.

[212] Примечания: 212

Ванитас (*лат.,* «суета, тщеславие») — направление в живописи, призванное напомнить о бренности бытия, быстротечности жизни и неизбежности смерти. На картинах этого жанра традиционно изображали человеческий череп.

Изобразительный, научный и религиозный контексты всегда усиливают друг друга.

В качестве картины-компаньона можно вспомнить другое полотно Райта, законченное им двумя годами ранее, — «Философ, объясняющий модель Солнечной системы, в которой лампа замещает Солнце» (A Philosopher Giving that Lecture on the Orrery, in which a Lamp Is Put in the Place of the Sun). На этом холсте еще один странствующий лектор демонстрирует зрителям механическое устройство, при помощи которого отмечают движение Солнца и планет. Скрытый источник света освещает лица главных зрителей, при этом все остальное помещение погружено во мрак; кольца на инструменте изображены по всем законам геометрии, а лица, внимательно наблюдающие за экспериментом, напоминают планеты, освещенные мимолетным лучом солнца. Пожалуй, это одно из самых завораживающих изображений света знаний и изобретательского пыла, характерного для середины XVIII века.

Последовавшую серию из пяти картин начала 1770-х годов, включая такие работы, как «Мастерская кузнеца» (A Blacksmith's Shop) и «Кузница. Вид снаружи» (An Iron Forge Viewed from Without), стали называть ноктюрнами во многом из-за

того, что Райт постоянно играл на цветовом контрасте, стремясь подчеркнуть качество освещения. Впрочем, эти картины можно отнести и к индустриальным пейзажам, поскольку главный акцент в них сделан на промышленном труде и трудолюбии. Преданность делу отныне воспевается подобно дару Божьему.

На картине «Кузница. Вид снаружи» Райт изображает новое оборудование, стремясь подчеркнуть величие XVIII века. Кузнеца на картине можно сравнить с современным Вулканом, богом огня, которого часто изображали с кузнечным молотом в руках. В раскаленном добела куске металла, выкованном под навесом или в каком-то загоне, где размещаются ясли для скота, можно усмотреть образ младенца Иисуса Христа. Нередко встречается на полотнах, посвященных Рождеству Христову, и «огненное дитя» из одноименной поэмы Роберта Саутвелла. Свет всегда свят. В качестве подписи к картине как нельзя лучше подойдут слова из труда Уильяма Бекфорда «Фрагменты путешествия по Англии» (Fragments of an English Tour), изданного в 1779 году: «Слабый ветер, шелестевший в деревьях, соединяясь с журчанием воды и усиленный звуками кузни, гремел в моих ушах. Слева шаткий мост вел в заросли.

Внутри помещения раскаленная печь, машины, ударяющие по огромным брускам докрасна раскаленного железа, которое время от времени выбрасывает во тьму снопы ярких бесчисленных искр». В этих строках появляются интонации и эмоции романтизма начала XIX века. Во Франции это направление уже переживало апофеоз.

28
Фригийский колпак

Летом 1788 года казалось, что в политических делах наконец-то настал порядок. Первый министр Уильям Питт пользовался неограниченным доверием Георга III, и их крепкое партнерство сулило продолжительный период стабильности. Как говорили в ту пору, Питт был «другом короля». И на то имелась веская причина. В свое время Питт помог решить финансовые вопросы правительства, создав профицит бюджета и уменьшив государственный долг; он снизил объемы контрабанды и увеличил доходы казны. Питт укрепил флот и, заключив тройственный союз с Голландией и Пруссией, восстановил репутацию королевства в Европе и во всем мире. Когда Испания попыталась захватить британские торговые суда у западного побережья Канады, она была вынуждена отказаться от этой затеи и освободить корабли; Франция, союзник Испании, была не в том положении, чтобы помочь ей. Отныне Англия стала носить титул «владычица морей».

Однако осенью того же года все в одночасье изменилось. С королем было явно что-то не так. Питт получил записку от королевского врача, в которой говорилось, что пациент находится в состоянии, «граничащем с умоисступлением». Король всегда говорил быстро и решительно, однако теперь его речь стала путаной и бессвязной и напоминала детский лепет. По-видимому, это были симптомы порфирии, которая отнюдь не означала сумасшествие или психическое расстройство, а свидетельствовала скорее о физическом состоянии, при котором под действием нейротоксинов происходит поражение нервной системы и, соответственно, мозга. Считается, что король унаследовал это заболевание по линии Стюартов. Этот недуг часто называют болезнью королей. Разумеется, в то время никто об этом не знал, и король кричал и завывал словно безумный.

Питт оказался в затруднительном положении. Еще ни один премьер-министр не сталкивался с подобной ситуацией. Король был совершенно недееспособен, при этом прогнозы относительно его психического здоровья были весьма смутными. Трон должен был наследовать принц Уэльский, старший сын короля, однако он нахо-

дился в исключительно плохих отношениях как с монархом, так и с его министрами. Кроме того, принцу импонировала политика Фокса и вигов, а Питта он считал своим злейшим врагом. Неудивительно, что в интересах первого министра было отложить регентство на максимально долгий срок. Питт полагал, что в противном случае безопасность страны и порядок в ней окажутся под угрозой.

30 декабря он представил свои предложения принцу Георгу. В соответствии с ними, у регента не было полномочий производить в пэры или даровать пожизненные титулы; кроме того, ему было отказано в управлении королевским имуществом; все вопросы хозяйства ложились на плечи королевы. Принц остался не в восторге от предложений первого министра. В сущности, его лишали всех привилегий, которые составляли основу могущества правителя.

Он всеми силами стремился добиться личной выгоды; он оскорбил отца и поссорился с матерью, несомненно ожидая, что со дня на день займет трон. Не больше осторожности проявляли и его сторонники. Так, Фокс заявил, что у принца есть прирожденное право наследовать престол. Произнеся эти слова, он фактически отрекся

от парламентских привилегий, на которых так настаивали виги. Ходили слухи, что Питт как-то сказал, что «навсегда лишит Фокса возможности быть вигом». Вскоре Фокс перебрался в Бат, где лечился от дизентерии. Тем временем его коллега по партии Эдмунд Берк избрал более сдержанную и хитрую тактику; он пространно рассуждал о сумасшествии монарха и возможности рецидива его болезни. Когда он заявил, что «посещал жуткие дома, в которых содержались душевнобольные», даже некоторые виги ужаснулись его бесцеремонности и отсутствию такта.

Принца Георга вряд ли можно назвать образцом королевских манер. Он в большей степени руководствовался желанием получать удовольствие, нежели принципами государственного управления. Его политика определялась обществом собутыльников, а не твердостью собственных решений. Его небезосновательно обвиняли в алчности и пьянстве, которые вкупе со страстью к азартным играм и сексуальной распущенностью довершали неутешительную картину. Ходили слухи, будто он вступил в незаконный брак с католичкой Мэри Анной Фитцгерберт; эта женщина не была лишена шарма и имела влияние в обществе, не зря про нее говорили «не про-

мах». Однако, будучи католичкой, она не могла стать законной супругой принца, а ее личность вызывала многочисленные сплетни, толки и пересуды, которые ни в коей мере не способствовали хорошему отношению к принцу в народе. Вскоре он забыл о тайном союзе с Мэри Фитцгерберт и связал себя узами законного брака с Каролиной Брауншвейгской, но женитьба на ней имела поистине катастрофические последствия.

Питт выступал в роли защитника Георга III и конституционной монархии; эта тактика оказалась удачной, поскольку вскоре стало очевидно, что король пошел на поправку. Стремление Питта не допустить вмешательства в государственные дела со стороны принца или его сторонников теперь казалось в высшей степени правильным; к моменту, когда в парламенте должно было состояться слушание законопроекта о регентстве, королевские доктора объявили о полном выздоровлении монарха. По словам современников, корабль выровнялся. 23 февраля 1789 года король, пребывая в здравом уме, писал: «Мне не терпится увидеть мистера Питта в любое время, которое ему будет удобно, завтра утром, поскольку его непреходящее стремление блюсти мои интересы и интересы народа — а они неразделимы

— представляет его в самом выгодном свете». Иллюминация и праздничные костры по случаю счастливого выздоровления короля зажглись по всей стране от Хампстеда до Кенсингтона. Питт тоже был героем дня. Что касается сына короля, то на него посыпались насмешки и обвинения в бессердечности и излишнем честолюбии. Многие полагали, что виги-оппозиционеры должны были по меньшей мере предстать перед судом. Бразды правления попали в руки принца Георга лишь через тридцать один год.

Болезнь короля была предвестницей серьезных потрясений в Европе. В начале лета 1789 года волнения охватили Францию. Страна оказалась на грани банкротства в результате поддержки американских борцов за независимость, а череда неурожаев и суровые зимы существенно снизили численность населения страны. Благодаря превосходству на море Англия к тому времени уже была крупнейшей торговой державой в мире. Казалось, никто и ничто не могло помочь Франции, кроме глубоких преобразований.

На собрании Генеральных штатов 1789 года в Версале широкие слои населения, или третье сословие, получили численное преимущество над дворянством и духовенством; в середине июня

наиболее радикальная группа депутатов третьего сословия стала именоваться Учредительным или Национальным конституционным собранием. Спустя несколько дней они явились в зал заседаний, однако Людовик XVI объявил о временном приостановлении общественных собраний, после чего депутаты отправились в версальский зал для игры в мяч (же-де-пом)[213], где принесли торжественную присягу. Они поклялись, невзирая ни на что, собираться «до тех пор, пока в стране не будет учреждена конституция». «Мы здесь по велению народа, — заявил Оноре Габриэль Рикетти, граф де Мирабо, — и только штыки прогонят нас отсюда». Эта непокорная решимость вдохновила тех, кто в ближайшие месяцы влился в ряды революционеров. Национальное собрание представляло интересы народа, а интересы народа были превыше всего. В Париже и других городах по всей стране множились и процветали патриотические общества и революционные клубы.

14 июля горожане при поддержке французской гвардии штурмом взяли Бастилию; отрубленную голову коменданта крепости в знак победы пронесли по улицам города. Толпа ликовала,

[213] Примечания: 213

Же-де-пом — старинная игра с мячом, которая считается предшественником современного тенниса.

прежний режим не мог выстоять перед натиском народного гнева, народ желал перемен. Очередной неурожайный год спровоцировал голод в столице, люди недоедали и были истощены; народ становился опасен. Говорили, что четверть населения была вынуждена продавать все свое имущество, чтобы купить хлеб. Отчаявшиеся французы жаждали мести и боролись за средства к существованию. Сборщики налогов и помещики, взимавшие феодальную ренту, считались оплотом злодейства тех дней и часто становились жертвами жестокого народного правосудия. В других частях страны условия были не лучше. То и дело вспыхивали мятежи, не прекращались вспышки насилия. Несколько французских городов последовали примеру Парижа, и в окрестных деревнях крестьяне, вооружившись подручными средствами, выступили против бывших хозяев.

Король Людовик XVI чувствовал неизбежность перемен и в попытке успокоить своих подданных надел трехцветную кокарду и обратился с просьбой помочь в формировании нового правительства. Тем не менее ходили слухи, что его торжественные заверения были не вполне искренними; подозревали, что все это время он планировал свергнуть новый порядок и новые

«свободы». «Свобода» была ключевым словом; им можно было прикрываться, оправдывая жестокости и убийства. Это слово родилось в огне. Тем не менее у него было и более благородное призвание. Вновь собранное в августе Национальное собрание приняло «Декларацию прав человека и гражданина» (фр. *Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen*). В первых трех положениях документа говорилось, что люди «рождены свободными и равными в своих правах и остаются таковыми» и что эти права включают в себя «свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению»; третья статья подтверждала, что «источник суверенитета зиждется исключительно в нации. Никакое учреждение, ни один индивид не может обладать властью, которая не исходит явно из этого источника».

5 октября в Париже собралась многотысячная вооруженная толпа и с криками «На Версаль!» отправилась во дворец. К ним присоединились отряды добровольцев, и вместе они вошли в Версаль[214]. В итоге Людовика и королевскую

[214] Примечания: 214

Поход на Версаль (также Поход женщин на Версаль) — массовое шествие парижан к королевской резиденции Людовика XVI в Версале, вызванное нехваткой продовольствия в столице. Народ желал заставить короля одобрить декларацию и санкционировать конституционные порядки.

семью с триумфом перевезли в Париж. Головы многочисленных сторонников короля, вздетые на пики, украшали дорогу в город, где короля еще раз заставили принять новую конституцию. Исторические связи были разрушены, а традиции попраны; обычаи и сложившийся за долгое время уклад потеряли всякое значение. В основе новой идеологии лежали рациональные принципы, воплощение воли «народа» и пылкая преданность отечеству. Духовенство было отстранено от дел, а дворянство оказалось в безвыходном положении; любой аристократ, который хотел выжить, становился предводителем горожан или отрядов народного ополчения. Зарождался новый порядок, во главе которого стояла приверженность идеалам, пусть и весьма туманным; видение реальности было куда важнее, чем сама реальность, а избитые лозунги о свободе и равенстве звучали из уст самых безжалостных и непреклонных людей во власти. Теперь значение имела лишь субъективно воспринимаемая воля народа.

Новости о событиях во Франции потрясли англичан, не ожидавших крушения монархии и разгула мятежей. Некоторые восприняли известия о Французской революции с подозрительностью и тревогой, однако многие с нескры-

ваемой радостью приветствовали поражение деспотизма и восстановление свобод. Многие усматривали сходство со «Славной революцией» 1688 года, когда был свергнут король Яков II из династии Стюартов. Вдобавок многие надеялись, что Франция будет слишком занята внутренними проблемами, а значит, не будет представлять угрозу английским интересам и торговле.

Уильям Питт сохранял осторожность и придерживался политики нейтралитета; он хотел сохранить мир любой ценой, ибо только так можно было обеспечить процветание страны и сократить государственные расходы. Епископ Бейлби Портеус в июле 1789 года писал в дневнике: «Сегодня в Фулхэме мы ужинали с мистером Питтом. Он только что узнал о Французской революции и говорил о ней как о чрезвычайно благоприятном событии для нас, означающем продолжительный мир с Францией. Это исключительно приятный день». Сам Питт отмечал: «Наши соседи во Франции, кажется, дошли до предела», теперь «эта страна заслуживает сочувствия даже от соперника». Отношение к волнениям по ту сторону Ла-Манша было не лишено известной степени самодовольства.

Чарльз Джеймс Фокс, вечный борец за свобо-

ду личности, а в то время еще и носитель идей вигов, отнесся к революции совершенно иначе. Однажды он воскликнул: «Сколь же велико это событие, куда масштабнее, чем все то, что когда-либо происходило в мире, и значительно лучше!» Он вновь выразил свой восторг в палате общин, заявив, что новая конституция Франции — «самая выдающаяся и славная доктрина свободы». От недавно освобожденной страны не стоило ждать подвоха; все, что ей было под силу, — и дальше нести свободу по всему миру. Энтузиазм Фокса разделяли диссентеры и нонконформисты Англии, верившие, что король, придворные и духовенство Франции немногим лучше исчадий ада.

В ежегодном политическом альманахе New Annual Register за 1789 год журналист Уильям Годвин писал: «С этой поры нам следует начать отсчет долгой череды лет, в течение которых Франция и все человечество наконец овладеют своими свободами». Уильям Блейк завершил цикл под названием «Бракосочетание Рая и Ада» (*The* Marriage of Heaven and Hell; 1790–1793) стихотворением «Песнь свободы» (A Song of Liberty):

> *Взгляни, взгляни скорей в небо! О Лондонец, еще более*

укрепись в Своем хладнокровии!..

Разгоняя исписанные проклятиями тучи, дробя в прах

каменные законы,

выпуская лошадей Вечности из подземелий ночи и возглашая:

Империи больше не существует! А теперь придет конец льву и волку![215]

Вспоминая о тех днях, лорд Кокберн писал: «Не только отдельные вещи и явления, а все, абсолютно все было насквозь пропитано духом этого события». Ожидалось, что последствия революции в самой Англии обязательно будут масштабными и положительными. Даже самым дальновидным современникам было невдомек, что из-за революции страна окажется втянутой в войну, которая продлится не одно десятилетие и коренным образом изменит внутреннюю политику государства. В самой Франции на смену монархии пришла представительная демократия, на смену самовольной диктатуре во имя народа — базовые принципы военного государства.

---

[215] Примечания: 215
Перевод В. В. Чухно.

Впрочем, эйфория длилась еще пару месяцев. 9 ноября 1789 года несколько политиков, создав так называемое Революционное общество (The Revolution Society), собрались в лондонской таверне, где составили поздравительное послание в адрес Национального собрания в Париже. Они выразили надежду, что недавние события «послужат вдохновением для других стран, жаждущих отстоять незыблемые права человечества и провести всеобщие преобразования в правительствах Европы». Разумеется, было немало тех, кто не разделял революционный настрой и считал подобные разговоры вредными разглагольствованиями о реформах ради реформ; скептики полагали, что древняя, пусть и неписаная конституция Англии — это надежная защита от надвигающейся тьмы.

Такого мнения придерживался и Эдмунд Берк, парламентарий от партии вигов, которого все больше и больше тревожил революционный настрой Фокса и Шеридана, пытавшихся перещеголять друг друга в горячих рассуждениях о новом миропорядке во Франции. Поначалу Берк пребывал в нерешительности. В письме от 9 августа 1789 года он писал, как «Англия в изумлении взирает на борьбу Франции за свободу,

не понимая, осуждать ее или рукоплескать ей!». Однако уже в феврале 1790 года в палате общин он выступил с критикой «духа новаторства», считая его одним из тех явлений, которые «намеренно способны перевернуть государство с ног на голову, однако при этом совершенно не способны изменить жизнь к лучшему». В том же году он написал трактат «Размышления о революции во Франции» (Reflections on the Revolution in France), который с радостью встретили те, кто страшился случившегося и опасался возможных последствий.

На страницах трактата развернулась грандиозная полемика, в которой Берк подверг суровой критике «тех сынов страны, которые готовы опрометчиво разорвать на части своих престарелых родителей и кинуть их останки в колдовской котел в надежде, что при помощи ядовитых трав и диких заклинаний они смогут возродить конституцию предков». Его враждебность распространялась не только на якобинцев и радикалов, но и на некоторых однопартийцев. Он заявил, что ни один народ и ни одно движение не может опираться на личные мотивы отдельно взятого человека, а должно доверять «историческому опыту и наследию государств». Он

презирал «теоретиков», интеллектуалов, которые рассчитывали возглавить революцию, вооружившись своими принципами и рациональными выкладками. Он верил в исторический опыт, прагматизм и общие знания, передаваемые из поколения в поколение. Он не верил в «мечту сумасшедшего об идеальном правительстве». Берк говорил: «…полдюжины кузнечиков под кустом папоротника наполняют луг назойливой трескотней, пока тысячи коров, улегшись под сенью английского дуба, молча жуют траву; но не воображайте, прошу вас, будто те, кто устраивает весь этот шум, являются единственными обитателями поля; пусть эти создания и многочисленны, на деле это лишь сморщенные, сухие, скачущие туда-сюда насекомые, утомляющие своим стрекотом и доставляющие хлопоты лишь непродолжительное время».

Во время официального приема Георг III подошел к Берку со словами: «Вы были *нам крайне полезны*, это мнение разделяют все».

Томас Пейн, который уже оставил свой след в американской истории, написав трактат «Здравый смысл» (Common Sense), теперь сочинил отповедь Берку, в которой прославлял добродетели революции. Первая часть «Прав человека»

(The Rights of Man) вышла в свет в виде памфлета в феврале 1791 года и имела огромный успех. Труд горячо приветствовали реформаторские общества, ибо находили в нем неоспоримое подтверждение своих идеалов. Сам Пейн позже писал, что «Права человека» стали «самым великим из всех трудов, когда-либо опубликованных на английском языке. Общий тираж в Англии, Шотландии и Ирландии, помимо переводов на иностранные языки, составил от четырехсот до пятисот тысяч экземпляров».

«Права человека» вышли в свет на редкость своевременно. Автор трактата объяснял и отстаивал великое движение эпохи. Революция сочинила грубую и причудливую музыку, для которой Пейн написал либретто. Он ненавидел дворянство и традиционное аристократическое правительство; он считал обращение Берка к традициям и истории не более чем «борьбой отжившей власти за права и свободу ныне живущих»; Берк сочувствовал страданиям прежних правителей Франции, что, по словам Пейна, означало «горевать о перьях, а не о мертвой птице». Разве Берк имел понятие о миллионах голодающих рабочих и крестьян, для которых в этом мире не было места? Правительство должно

отстаивать «интересы общества и общие права человека». В Англии, хваленой стране свобод, всем уже ясно, что «не налоги собирают для ведения войны, а войны начинают для того, чтобы собирать налоги». В своем труде Пейн нанес мощный удар по финансовому и военному режиму Уильяма Питта; публицист утверждал, что война, в сущности, составляла основу государственного строя. По выражению того времени, эти слова открыли людям глаза на мир, а трактат сделался еще популярнее. Позднее президент США Эндрю Джексон заявил, что «“Права человека” переживут все сооружения из мрамора и гранита, которые только может воздвигнуть человек».

Вскоре стало понятно, что большинство парламентариев, включая многих вигов, поддерживали Эдмунда Берка, а не Чарльза Джеймса Фокса и Томаса Пейна. В мае 1792 года произошло знаменательное столкновение двух парламентариев: в палате общин между Берком и Фоксом вспыхнул ожесточенный спор на предмет конституционных прав Канады, когда внезапно они коснулись скользкой темы Франции. Фокс по-прежнему оставался ревностным сторонником революции, но тут поднялся Берк. «Бегите прочь от французской конституции», — сказал он.

Фокс прошептал ему: «От друзей не отказываются».

«Нет, — ответил Берк, — отказываются. Я знаю, какую цену мне придется заплатить за свой поступок. Я исполнил свой долг, принеся в жертву свою дружбу. Ей пришел конец». По свидетельствам присутствовавших, в этот момент Фокс не смог побороть волнение и разрыдался. Это лишь частный пример раскола внутри страны.

Народ Англии теперь выбирал, на чью сторону встать; диссентерам и реформаторам, сочувствовавшим французским революционерам, массово противостояли те, кто поддерживал «церковь и короля». Обращаясь к метафоре Берка, заметим, что кузнечиков в то время было куда меньше, чем коров, однако на тот момент это не было так очевидно. Акт об облегчении положения католиков был принят в 1791 году, отменив некоторые правовые ограничения для всех, кто исповедовал католицизм. Считалось, что после революционного террора, направленного в том числе и против французского духовенства, английские католики определенно займут сторону правительства. Впрочем, народные мятежи по-прежнему вызывали панику, которая в большинстве случаев была реакцией на рост и

развитие «реформаторских обществ», черпавших вдохновение во Французской революции, Войне за независимость в Америке и недавнем народном движении под лозунгом «Уилкс и свобода!». Членами таких обществ могли быть как лавочники, так и мастера, купцы, учителя, несогласные министры или предприниматели, книготорговцы или юристы. Среди представителей среднего класса зрело неуемное желание перемен.

Среди прочего они выступали за парламентскую реформу: в то время в выборах участвовали лишь 17 % избирательных округов, а более 60 % находились под контролем живущих по соседству влиятельных вельмож. В «Правах человека» Пейн писал: «Графство Йоркшир с населением около миллиона человек посылает в парламент двух человек; столько же посылает туда и графство Рутлэнд, в котором не наберется и сотой части этого количества. Старинное местечко Сарум, где не найдется и трех домов, имеет двух депутатов, а городу Манчестеру с населением свыше 60 000 человек не дозволено послать ни одного. Есть во всем этом какой-либо принцип? Содержится здесь хоть какой-то намек на свободу,

мудрость?»[216]

Пейн открыто осуждал приверженность Эдмунда Берка старому порядку. Для многих этот порядок был не более чем коррупция во всех ее проявлениях.

Первое народное реформаторское общество под названием Шеффилдское общество конституционной информации (Sheffield Society for Constitutional Information) было основано в 1791 году. Его членами в основном стали ножовщики и мастера по металлу, что подчеркнуло связь между новым явлением индустриализации и резким недовольством народа. Неудивительно, что Шеффилдское общество напечатало 1600 экземпляров «Прав человека». В конце года было учреждено Лондонское общество конституционной информации (London Society for Constitutional Information).

Впрочем, те, кто верил в неизбежность реформ, получил красноречивое и категорическое предупреждение. 14 июля 1791 года в Бирмингеме в гостинице на Темпл-Роу состоялся «бастильский ужин» в честь второй годовщины взятия Бастилии. У здания, где проходило празднова-

---

[216] Примечания: 216
Перевод Д. Куниной.

ние, собралась разъяренная толпа рабочих и мастеров из Бирмингема; как только напуганные посетители покинули гостиницу, бунтовщики разграбили и перевернули помещение вверх дном. Затем они отправились к домам и мастерским самых известных диссентеров города. В первую очередь их интересовала библиотека и лаборатория Джозефа Пристли. Он был одним из видных членов Лунного общества, в которое входили нонконформисты и вольнодумцы, чьи доктрины были за гранью понимания преданных сторонников «церкви и короля». Пристли был вынужден бежать из Бирмингема, со временем он нашел убежище в Америке. Сам король в ту пору заметил: «Пристли пострадал за доктрины, которые он вместе со своей партией и насаждал».

В первые месяцы 1792 года в стране царила неопределенность, англичане по-прежнему терзались смутными страхами и ужасами, причиной которых были события Французской революции. В феврале вышла в свет вторая часть трактата Томаса Пейна «Права человека», в которой он изложил свои радикальные представления об общественном благосостоянии. Пейн предложил выплачивать по четыре фунта в год на обучение каждому ребенку вплоть до достижения им че-

тырнадцати лет, а также освободить бедных от уплаты налогов. Он разработал схему выплаты пенсий по возрасту «не из соображений благотворительности, а руководствуясь естественным правом». Для властей, которые и представить себе не могли подобное положение вещей, это оказалось слишком, и спустя три месяца была выпущена королевская прокламация, направленная против подстрекательских публикаций; особое внимание в ней уделялось фигуре Томаса Пейна.

Впрочем, ничто не мешало росту народных реформаторских движений, которые преследовали свои цели, не прибегая к оружию и не нарушая конституцию. Лондонское общество конституционной информации, вдохновленное примерами Шеффилда, Манчестера, Нориджа и Мидлсекса, выдвинуло предложение разоблачить замыслы Берка и поддержать доктрины Пейна. Во главе зарождавшегося движения встал священник Джон Хорн Тук, один из первых учеников Джона Уилкса, а также филолог и неутомимый активист, благодаря которому его детище воспринимали как явление национального масштаба; количество членов общества при этом не превышало нескольких тысяч, но никак не десятков тысяч.

Впрочем, их в любом случае нельзя было считать революционерами; общество, членство в котором подкреплялось взносами, составляли землевладельцы, пэры, парламентарии и купцы, выступавшие за конституционную свободу и расширение привилегий и избирательных прав.

В январе 1792 года сапожник с улицы Пикадилли Томас Харди устроил встречу со своими радикально настроенными единомышленниками в таверне «Колокол» (Bell Tavern) на Эксетер-стрит, неподалеку от Стрэнда. Он предложил им организовать общество с членскими взносами в размере одного пенса в неделю. Члены новоиспеченного Лондонского корреспондентского общества (London Corresponding Society) решили, что количество членов будет неограниченным, и вскоре в его состав вошли те, кого Харди называл «торговцами, механиками и лавочниками». Это были мясники и пекари, каменщики и сапожники, которые никогда прежде не участвовали ни в одном политическом движении. В то же время члены общества выражали «отвращение к мятежам и насилию», прежде всего делая ставку на реформы, а не революцию или анархию. Они выступали за избирательное право для всех взрослых мужчин, ежегодные выборы в парла-

мент и снижение судебных издержек.

В Вестминстере не могли не среагировать на такие объединения, и в марте 1792 года группа молодых парламентариев-вигов основала Общество друзей народа (Association of the Friends of the People), которое было призвано заняться рассмотрением вопроса парламентской реформы. Организация вызвала некоторое замешательство среди большинства вигов, которые полагали, что растущее волнение из-за парламентской реформы нежелательно и даже опасно. В то же время молодые люди сторонились более радикальных реформаторов, отказываясь поддерживать требование всеобщего избирательного права для мужчин и ежегодно избираемого парламента. Они оказались где-то посередине, и, вызвав подозрения и антипатию по обеим сторонам баррикад, утратили всякий авторитет.

Весна того года выдалась жаркой — уже в середине марта температура достигла отметки 82 °F (28 °C), — из-за аномальной жары в воздухе витала какая-то лихорадка сродни безумию. Урожай пшеницы в том году был скромным, а сильные ливни в августе и сентябре лишь добавили фермерам хлопот. Дела в сельском хозяйстве всегда влияли на положение народа; в каком-то смысле

земля представляла собой народ в живой и осязаемой форме. Всеобщее процветание предыдущих нескольких лет оказалось в опасности, в воздухе витал страх экономического кризиса.

Опасения усугубились из-за новостей об охвативших Европу мятежах. В июле стало известно, что коалиционные силы Пруссии и Австрии под командованием Карла Вильгельма Фердинанда, герцога Брауншвейгского, перешли французскую границу и приближаются к Парижу — это был контрреволюционный ответ старой европейской аристократии. Готовясь дать отпор, мужское население Франции от мала до велика откликнулось на призыв и устремилось в столицу, а 10 августа 1792 года Национальная ассамблея приняла решение о свержении короля, обвинив его в пособничестве врагу. Когда под натиском вторгшейся армии ключевые французские крепости пали, паника и подозрения удвоились. Опасность грозила всем. В череде событий, получивших название «сентябрьские расправы», были убиты священники и аристократы, многие из которых к тому времени уже были заключены в тюрьму. Теперь Парижем завладели якобинцы во главе с такими лидерами, как Максимилиан Робеспьер и Жан Поль Марат, а тысячи граждан были броше-

ны в тюрьмы и казнены по решению суда. Новой королевой стала гильотина.

Вторжение герцога Брауншвейгского и его армии совсем не обрадовало Уильяма Питта и его коллег. Охваченная революцией Франция, пусть даже вышедшая из-под контроля короля, устраивала англичан куда больше, чем страна в руках Австрии и Пруссии. Французы были в бешенстве, а жестокие республиканцы в рамках недавно созванного Национального конвента настаивали на необходимости немедленной войны.

Считалось, что прекрасно обученным войскам герцога Брауншвейгского не составит труда взять верх над слабо вооруженными революционерами, не отличавшимися строгой дисциплиной. Однако преисполненные революционного пыла граждане (фр. *citoyens*) упорно сопротивлялись; они ни за что не желали уступать врагам данную Богом свободу и, словно почувствовав второе дыхание, организовали национальную оборону страны. 20 сентября армии Австрии и Пруссии потерпели поражение у деревушки Вальми на северо-востоке Франции. События развивались не по заданному сценарию. На самом деле у герцога Брауншвейгского не выдержали нервы; против него выступили тысячи французских

солдат, которые, хотя были не в лучшей форме, пели «Марсельезу» и кричали *Vive le nation!* («Да здравствует нация!»). Ему никогда прежде не доводилось противостоять такой армии, и потому он приказал своим войскам отступить. Сражение при Вальми — не самое знаковое событие в военной истории, однако для мировой истории его значение трудно переоценить. Прекрасно обученные и хорошо снаряженные войска, которые немало воевали, уступили — кому? Сброду? Кучке непрофессиональных солдат? В то время Гете находился в военном лагере пруссаков и пророчески заметил: «С этого дня начинается новая эра в истории мира». Командир полка прусской армии испытывал похожие чувства: «Мы проиграли больше чем битву. Мы потеряли доверие к себе. События 20 сентября облекли мир в новую форму. Это важнейший день столетия». На следующий день была провозглашена Первая Французская республика, а битва при Вальми стала предвестницей войны, которая продлилась целых десять лет.

Воодушевление и радость от победы ощущались по всей Франции. Теперь настало время двигаться вперед к мечте о мировой республике, в которой все народы Европы будут свободны.

По словам французов, они пришли, чтобы свергнуть тиранов и разрушить дворцы, искоренить могущество духовенства, конфисковать собственность церкви и государства, чтобы снизить налоговое бремя для бедняков. К началу ноября французская армия вошла в Монс и Брюссель; были аннексированы Савой и Ницца, Италии и Испании угрожала реальная опасность. «Мы должны сразу прервать сношения со всеми кабинетами Европы, — заявил революционер Жак Пьер Бриссо. — Мы должны разжечь огонь во всех уголках Европы». Зарождался новый миропорядок.

Питт и его коллеги были всерьез обеспокоены чудесным воскрешением Франции. Если французам удастся захватить Австрийские Нидерланды [Бельгию] и настроить Объединенные провинции [Нидерланды] против Оранской династии, Французская республика станет мощной морской державой, угрожающей границам Англии.

Нарастающие призывы к свободе после отступления герцога Брауншвейгского настолько сильно взволновали политических реформаторов Англии, что газета The Times в октябре писала: «Полиции следует внимательнее следить за теми подстрекателями к революции,

которые расклеивают листовки с призывами к мятежу». Тем не менее кабинет Питта казался на удивление апатичным и осторожным. По-видимому, вооруженные силы страны не имели достаточных ресурсов для подавления восстаний в крупных и мелких городах. Безусловно, правительство не собиралось объявлять войну Франции, опасаясь, что народ не потерпит конфликта с новоиспеченной республикой. В ноябре 1792 года в Министерство внутренних дел со всех концов страны стали поступать предупреждения о готовящихся бунтах; сообщалось, что «низшие сословия» объединялись в группы заговорщиков, готовили оружие и прятали его в определенных местах. Когда министерство наконец приняло решение собрать добровольческие отряды в некоторых областях страны, Фокс и его коллеги пришли в ярость. «Признаюсь открыто, — писал Фокс, — если они действительно это сделают, я приду в бешенство и вряд ли сочту, что французские фонари — это слишком суровое наказание». Фонарные столбы использовались в качестве виселицы для жертв террора. В декабре после публикации второй части «Прав человека» Томас Пейн был заочно осужден за распространение клеветы в подрывных целях.

По словам Фокса, правительство делает все, чтобы воскресить воспоминания о гражданской войне, и действительно, страна стояла на пороге всеобщего раскола. Стоило где-то появиться реформаторам, как тут же возникали и лоялисты, некоторую уверенность которым придавали магистраты и полиция. Например, в ноябре 1792 года в Лондоне на встрече в таверне «Корона и якорь» было основано Общество защиты свободы и собственности от республиканцев и уравнителей-левеллеров (Association for Preserving Liberty and Property against Republicans and Levellers). Одним из самых ярких эпизодов деятельности этого общества было «сжигание Пейна», когда чучело, символизировавшее писателя, бросили в костер. В ноябре в городе Челмсфорде в графстве Эссекс толпа сторонников монархии сожгла это чучело. Местная газета сообщала: «Чучело этого бесславного мятежника Тома Пейна было выставлено в городе на всеобщее обозрение; его посадили на стул, который несли на плечах четверо мужчин; в одной руке у него были “Права человека”, а под мышкой зажата пара корсетов [в напоминание о его прежнем ремесле]; голову украшало

подобие фригийского колпака[217], а вокруг шеи намотана веревка. На плакате, который несли перед чучелом Пейна, было написано: “Смотрите на предателя! На того, кто из зависти, корысти и амбиций мог бы потопить эту счастливую страну в крови!”»

Сообщалось, что по всей стране состоялось порядка 400 подобных сожжений.

В том же месяце обстановка накалилась еще сильнее. Национальный конвент в Париже заявил, что французское правительство и народ клянутся в братских чувствах ко всем «подневольным народам», они объявили «все правительства стран врагами, а народы этих стран — друзьями». Это был прямой призыв, обращенный к реформаторам и демократам с целью поднять восстания во всех европейских странах, особенно в Англии и союзнических государствах. Питт с осторожностью начал военные приготовления. Отряды добровольцев перебросили ближе к Лондону, охрану Тауэра усилили. Был установлен более жесткий контроль над радикальными клубами.

---

[217] Примечания: 217

Фригийский (фракийский) колпак — мягкий закругленный колпак красного цвета со свисающим вперед верхом, который носили древние фригийцы. Во времена Великой французской революции этот колпак носили якобинцы, с тех пор он является символом свободы и революции.

Министерство по надзору за иностранцами (Alien Office), в котором служили многочисленные выпускники колледжа Крайст-черч в Оксфорде, внимательно следило за прибывающими в страну французскими беженцами и потенциальными революционерами. Секретная служба Фрэнсиса Уолсингема во времена правления Елизаветы I и Джона Тёрло в годы протектората Кромвеля становилась все более профессиональной.

Страшные вести пришли 21 января 1793 года. В этот день был казнен Людовик XVI. Когда королю отсекли голову, 80 000 солдат разразились радостными возгласами и аплодисментами, а любопытные зеваки, оказавшиеся в самой гуще событий, окунали пальцы или платки в кровь монарха. «А она щедро посолена!» — выкрикнул кто-то из толпы. Губернатор Моррис, посланник Соединенных Штатов в Париже, в разговоре с Томасом Джефферсоном пророчески заметил: «События во Франции повергнут англичан в священный ужас, который в силу присущего им хладнокровного и спокойного нрава им совершенно не свойственен». Лондонские театры закрылись, а все, кто мог позволить себе черное, облачились в траур. Даже Фокс, убежденный франкофил, назвал случившееся «возмутитель-

ным примером жестокости и несправедливости». На каждом углу глашатаи кричали о новых и новых убийствах и бесчинствах во Франции. Когда король Георг III выехал из дворца, толпа встретила его с криками «Война с Францией!». Сообщалось, что Парижем правят тигры.

Желание породило действие. 1 февраля 1793 года Национальный конвент объявил войну Англии; также готовилось наступление на Голландию, и командование уже получило приказ о немедленном вторжении. Начиная военную кампанию, Питт преследовал определенные цели и верил в быстрое завершение конфликта. Свою задачу он видел в финансировании союзников в Европе, тем временем британский флот мог заняться вытеснением Франции из ее колониальных владений. Многие считали, что главной целью Питта была аннексия французских территорий в Вест-Индии. Летом 1793 года первый министр уже направлял финансовую помощь России, Австрии, Пруссии, Сардинии и другим странам — участницам конфликта. Было важно не допустить гегемонии отдельно взятой страны на континенте, поэтому английские войска взяли Северную Францию в кольцо. Было обеспечено так называемое политическое равновесие. Для

подкрепления английской армии прибыли гессенские наемные войска, однако всенародная неприязнь к регулярной армии существенно ограничивала их развертывание. Вопрос государственных целей и задач по-прежнему оставался открытым. Что именно намеревался сделать Питт: покорить Францию в Европе или полностью лишить ее заморских владений? Казалось, никто не знал этого наверняка.

Военные расходы, включая финансирование союзников, уже вызывали серьезную обеспокоенность. В результате в первые месяцы 1793 года произошел обвал кредитного рынка. Начался массовый отток средств из банков с целью размещения их в более надежных местах, количество банкротств за год удвоилось. Промышленник из Уолсолла Стивен Барбер требовал оплаты счета только наличными, «поскольку обстоятельства в стране [графстве] теперь таковы, что у нас совершенно нет наличных средств». Возможно, это простое совпадение, но именно в тот период Питт начал пить намного больше обычного.

Впрочем, теперь его положение на политической арене было прочным как никогда. Более умеренные или менее радикальные в своих взглядах виги не могли и дальше оставаться в

дружеских отношениях с Чарльзом Джеймсом Фоксом, учитывая его нарочито активную поддержку Франции. В военное время подобная дружба выглядела непатриотично. В начале 1793 года один из государственных деятелей-вигов, Уильям Уиндхем, объявил о создании «третьей партии», которая должна была пойти по среднему пути и лавировать между Питтом и Фоксом, поддерживая при этом войну с Францией. Неслучайно подъем «политической середины», вобравшей в себя тех, кого газета Cambridge Intelligencer назвала «средним классом граждан, сотрудничающих с ярыми и оголтелыми защитниками умеренных реформ», должен был сопровождаться активным продвижением нового среднего класса, или среднего сословия.

Казалось, дела на войне шли хорошо. Австрийские Нидерланды удалось избавить от угрозы французского вторжения, в основном благодаря гессенским наемникам, а британский флот сохранил превосходство на море и даже планировал начать кампанию по завоеванию французских колоний. Летом 1793 года группа контррево-

люционеров, базировавшихся в Тулоне[218], захватила порт и передала его англичанам. Однако они недооценили всю силу упорства и ярости французов. К концу года те вернули Тулон, при этом Голландия и Бельгия все еще находились в опасности. Неудача постигла даже морскую экспедицию во французскую Вест-Индию: команду подкосила дизентерия, началась эпидемия. Французская система всеобщей воинской повинности (фр. *levée en masse*), в рамках которой на врага бросают все силы страны, ознаменовала новую технику ведения войны. Французы бросали людей в атаку, не беспокоясь о многочисленности потерь, и жили «на подножном корме» вместо того, чтобы выстраивать цепочки снабжения; бойцы легче приспосабливались и были куда более свирепыми, чем противник. Во многих сражениях англичане с союзниками были близки к победе, однако, не в силах сломить сопротивление врага, начинали затяжное и порой крайне утомительное отступление. Их

[218] Примечания: 218

Осада Тулона — эпизод французских революционных войн. Французские роялисты, собравшись в Тулоне, подняли восстание против республики, однако, не имея шансов на победу, сдали город британскому адмиралу Сэмюэлу Худу. Для взятия Тулона из Парижа был направлен Наполеон Бонапарт, который, организовав осаду города, блестяще справился с поставленной задачей и положил начало своей военной карьере.

принцип можно сформулировать так: не поражение, а отступление. В битве при Ондскоте в сентябре 1793 года герцог Йоркский Фредерик попытался организовать осаду Дюнкерка; однако противник, значительно превосходивший его числом, воспрянул духом — французы пошли в атаку. В конце концов герцог был вынужден оставить свои позиции, у французов же попросту отсутствовали ресурсы для нанесения решающего удара по деморализованной армии англичан. Такой исход мог символизировать ход всей континентальной войны.

21 января 1794 года открылась очередная парламентская сессия, и министры всячески подчеркивали успехи кампании. Герцог Йоркский не взял Дюнкерк, однако Австрийские Нидерланды все еще были свободны. Вест-Индия оставалась во владении Франции, однако был захвачен остров Тобаго. Сардиния и Испания объединили силы. Британский флот по-прежнему властвовал на море, а значит, французские торговые суда подвергались постоянным нападениям. Австрия и Пруссия не предоставляли весь объем военной помощи, который ожидали от них, и смотрели друг на друга с нескрываемым подозрением. Однако на тот момент это оставалось вопросом

будущего.

Куда больше парламентариев интересовали внутриполитические вопросы. 12 мая Томас Харди, Джон Хорн Тук и еще двенадцать человек были арестованы по обвинению в государственной измене. Харди основал Лондонское корреспондентское общество в таверне «Колокол», а Тук помог объединить радикальные общества в единое национальное движение. Харди взяли в его собственной сапожной мастерской на Пикадилли, тем временем были конфискованы все бумаги различных лондонских реформаторских обществ. В отчете от 16 мая нового тайного комитета, учрежденного парламентом, значилось, что все подобные группы «должны рассматриваться как изменнические подпольные организации, действующие с целью свержения существующих законов и конституции, насаждения анархии и учинения беспорядков, которые оказали столь пагубное действие на состояние Франции». Спустя два дня было временно приостановлено действие Хабеас корпус акта[219], а следовательно,

[219] Примечания: 219

Хабеас корпус акт (англ. *Habeas Corpus Act*) — закон, принятый английским парламентом в 1679 г., согласно которому заключение обвиняемого в тюрьму могло производиться только по предъявлении приказа с указанием причины ареста.

политические преступники могли содержаться под стражей без санкции суда. Эта мера была принята во избежание беспорядков, подобных тем, которые охватили Париж.

Суд над Харди и другими фигурантами дела начался 25 сентября в Олд-Бейли и сопровождался многочисленными техническими обсуждениями сути обвинения. Харди был оправдан первым ввиду отсутствия доказательств его вины, и ликующая толпа вынесла его на руках из зала. За процессом следили многочисленные зеваки на улице и взволнованные зрители в зале суда. Следующим на скамье подсудимых оказался Тук, и через восемь минут он также был оправдан. Третьим невиновным признали Джона Телволла, одного из самых радикально настроенных ораторов и лекторов. Затем, к радости толпы, которая наводняла улицы Лондона, обвинения по другим делам также были сняты; обвиняемые признаны невиновными в государственной измене исключительно ввиду отсутствия доказательств, которые могли бы подтвердить совершение особо тяжкого преступления, каравшегося повешением.

Несмотря на провалившийся судебный процесс, сторонники реформ утратили запал. Война

с Францией, в которой теперь, разумеется, видели врага, и кровопролитные события в Париже охладили пыл борцов за революционные идеалы Французской республики. Хотя угроза обвинения в государственной измене ослабла, полностью она не исчезла. Общество конституционной информации более не проводило встреч в Лондоне, а Хорн Тук ушел из политической жизни.

Этот период называют началом «эпохи террора» Питта. Ее кульминация наступила спустя четыре года, когда стали повсеместно арестовывать реформаторов. Порой эти события сравнивают с массовыми казнями, которые устроили в Париже Марат и Робеспьер; впрочем, даже если это так и было, то все происходившее в Англии по накалу страстей не шло ни в какое сравнение с событиями по ту сторону Ла-Манша. Действительно, непрекращавшиеся нападения на членов радикальных обществ многих заставили замолчать. Однако, по статистике, за десять лет было предъявлено лишь двести обвинений, а некоторые из них, как, например, суд над Туком и Телволлом, закончились оправдательными приговорами. Обстановка не выглядела революционной.

Характер нации лучше всего проявился, когда адмирал Ричард Хау нанес поражение француз-

скому флоту в Атлантическом океане в начале лета 1794 года. Это сражение вошло в историю под названием «Славное первое июня». Когда вести о победе достигли Лондона, в Королевском оперном театре был остановлен спектакль, а зал зазвенел голосами зрителей, восклицавших «Правь, Британия!», и звуками национального гимна. В городе устроили праздничную иллюминацию, а король с консортом отправились в Портсмут, чтобы лично приветствовать возвращавшиеся корабли.

В следующем месяце более консервативно настроенные и преданные монарху виги, отказавшись поддерживать Фокса и Шеридана, решили присоединиться к правительству «Питта-патриота», как его иногда называли. Он никогда не причислял себя к тори и называл себя «независимым вигом»; тем не менее все происходившее заложило основы деятельности партии тори в XIX веке. Правительство в тот момент представляло собой мощную силу, сосредоточенную на обеспечении национального единства; политическую сплоченность заметно усилил государственный переворот, произошедший в Париже 27 июля, когда Робеспьер и лидеры якобинского террора встретились с «мадам Гильотиной», или, как ее

еще называли, «мебелью правосудия». Это ни в коем случае не означало, что Франция перестала представлять угрозу. В бригадном генерале Бонапарте уже тогда видели главного распорядителя военных действий.

Тем временем конфликт вошел в фазу безысходности и нерешительности, когда стало ясно, что Англия и ее союзники лишены тех преимуществ на суше, которыми они могли похвастать на море. Английские войска испытывали острую нехватку людей, а предполагаемые союзники Британии начали плести интриги друг против друга. Пруссия не доверяла Австрии, а Англия резко критиковала Голландию, даже когда французская армия вплотную подошла к голландским границам. Пока союзники продолжали, как и прежде, распределять силы своих армий, чтобы оперативно реагировать на изменения обстановки, французские войска множились; кажется, что они одерживали верх не за счет революционного пыла, но благодаря своей многочисленности.

В самой Англии беспримерные бедствия вызывал голод. Это была главная причина волнений. Священник и врач Томас Фуллер еще в 1732 году издал труд «Гномология» (Gnomologia), собрав в нем пословицы и поговорки того времени. «Из

двух зол выбирай меньшее». «В голод все хорошо». «Голод не тетка». «Голодный пес и с пола съест». Голодные мужчины, женщины и дети действительно могли съесть все что угодно. К концу 1795 года цены выросли на 30 % по сравнению с 1790 годом.

Магистраты Спинхемленда, собравшись на постоялом дворе «Пеликан» (англ. *Pelican Inn*) неподалеку от Ньюбери в графстве Беркшир, предприняли попытку облегчить суровые условия и снизить градус народного негодования. На встрече решили, что, если цена на хлеб поднимется выше определенного уровня, бедные получат специальную субсидию из приходского фонда. Такая система социальных пособий казалась чрезвычайно эффективной, поэтому ее быстро переняли другие графства, и вскоре она получила название «закон Спинхемленда». Закон применялся повсеместно от Дорсета до Йоркшира. Впрочем, у него были и критики, полагавшие, что из-за социальных пособий заработные платы искусственно удерживаются на низком уровне; фермеры не видели необходимости платить больше своим работникам, зная, что приход все равно позаботится о доходе бедняков. Некоторым схема казалась деморализующей, а порой поступали

жалобы, что рабочие угрожали смотрителям приходов, требуя увеличения помощи. Так начался извечный спор о зависимости от социального обеспечения, который длится по сей день.

Даже самые щедрые предложения не могли сдержать нарастающую волну гнева реформаторских обществ, переживших «террор» Питта. В конце июня 1795 года многотысячная толпа, собранная Лондонским корреспондентским обществом, пришла на Сент-Джордж-Филдс к югу от Темзы и высказала свои требования: прекратить войну и снизить цены на еду. Звучали и старые требования об избирательном праве для взрослых мужчин и ежегодных выборах в парламент, однако теперь главной темой был лозунг «Хлеба! Хлеба!». Собравшимся раздавали печенье с надписью «Свобода и достаток или рабство и нужда». Продовольственный бунт нельзя приравнивать к якобинству прошлых лет; это было мощное движение в масштабах страны, вобравшее в себя накопившуюся ярость и отчаяние и подпитываемое голодом. Хлебные бунты вспыхнули в Бирмингеме, Ковентри, Ноттингеме и Суссексе. В июле демонстранты разбили окно в резиденции Питта на Даунинг-стрит; в письме к матери он иронично заметил, что это был «всего

лишь камушек». В следующем месяце Шеффилдское конституционное общество организовало митинг на пустоши Крукс-Мур, участники которого хотели, перефразируя слова из Евангелия от Луки, чтобы «когда мы просим хлеба, отец этого народа не подавал нам камень»[220].

С открытием новой сессии парламента 29 октября 1795 года цена на хлеб достигла наивысшей отметки. Экипаж Питта окружила толпа, кричавшая: «Долой Питта! Нет войне! Хлеба! Хлеба! Мира! Мира!» Экипаж короля атаковали недоброжелатели, и в какой-то момент в окно попал то ли камень, то ли пуля. Был арестован торговец текстами уличных песен, продававший за пенс «Права человека» Пейна; толпа тотчас вызволила его и, подхватив на руки, стала чествовать как героя. Питт воспользовался ситуацией и представил законопроект «об усилении охраны королевской особы». Одновременно были приняты Два акта (Two Acts), или Акты о затыкании рта (Gagging Acts), главной целью которых было ограничение права собраний и расширение понятия «государственная измена». Согласно Акту

[220] Примечания: 220

Притча о хорошем отце (Лк. 11:11) цитируется по Синодальному переводу: «Какой из вас отец, когда сын попросит у него хлеба, подаст ему камень?»

об антиправительственных собраниях (Seditious Meetings Act), любые массовые собрания, участие в которых принимало более 50 человек, отныне должны были проходить под надзором местных магистратов; при этом все подробности о собрании, встрече или лекции следовало предоставлять секретарю съезда магистратов заранее в письменном виде. Что касается Акта о государственной измене (Treason Act), смертная казнь ждала тех, кто выступал за тюремное заключение или смерть для короля, и, что более важно, тех, кто пытался изменить его изволение и намерения.

Питт стянул дополнительные отряды добровольцев в Лондон, а в разговоре с Уильямом Уилберфорсом заявил: «Стоит мне уйти в отставку, и через полгода я лишусь головы». Уилберфорс с некоторой сдержанностью прокомментировал эту фразу: «Вижу, он ожидает, что вскоре начнется большая заварушка». Доктор Уолтер Фаркухар, который осматривал Питта, сообщал, что «его желудок крайне слаб, а пищеварение работает со сбоями»; он объяснял это «большим объемом государственных дел и неусыпным вниманием к вопросам, вызывающим тревогу и представляющим особую важность». Питт и не думал шутить;

он всерьез опасался революции.

Был Питт прав в своих суждениях или нет — вопрос остается открытым. Несмотря на очевидную суровость двух актов, они крайне редко применялись, и радикалы по всей стране умудрялись выпутываться из ловушек закона. Когда в ноябре на Копенгаген-Филдс прошла очередная акция протеста, современник писал: «Вы могли прочесть в газетах об огромном скоплении людей во время акции протеста. Однако эту информацию преподнесли в корне неверно. Действительно, в течение дня на Копенгаген-Филдс было несколько тысяч человек, однако они не находились там одновременно. Я был там между двумя и тремя часами и видел не более пятисот человек, а это, насколько я могу судить, было время наибольшего оживления».

Ничего, что напоминало бы поход на Версаль, не происходило. Разумеется, в стране присутствовала революционная прослойка, надеявшаяся воспользоваться всеобщим бедствием; кто-то из Ирландии, кто-то — из Франции, были и доморощенные революционеры. До Министерства внутренних дел доходили сообщения о тайных собраниях и заговорах, однако из этого так ничего и не вышло. В этой связи возникает важный

вопрос о явном иммунитете Англии к революционным беспорядкам. Существует ряд объяснений данного феномена, однако все они верны лишь отчасти. Разумеется, сам факт войны с Францией существенно поумерил пыл англичан; поддерживать республиканские идеалы было все равно что спать с врагом. Скептицизм только усилил природный консерватизм английского народа, привыкшего к заведенному порядку и многовековым традициям. Сам Эдмунд Берк, как можно заметить, в речах и памфлетах обращался к значимости приобретенного опыта и преемственности — это был своего рода трехсторонний контракт, заключенный между ушедшими, живыми и теми, кому еще только предстояло появиться на свет.

Нельзя недооценивать и роль церкви. Ее разветвленная структура позволяла усмирять религиозные волнения и предотвращать раскол. Разумеется, то, что основные религии принимали природу неравенства людей как данность, давало большое преимущество; англиканцы и методисты сходились в понимании таких добродетелей, как верность и послушание. Часто говорят о том, что низшие слои в Англии никогда не восставали сами по себе, не получив соответствующего

импульса от верхов; исключением, пожалуй, являются крестьянское восстание Уота Тайлера 1381 года и восстание луддитов 1811 года, однако в 1790-х годах в Англии действительно не было недовольной аристократии, которая повела бы за собой бедняков, как это было в Париже.

Существуют и менее очевидные объяснения отсутствия революционного запала в Англии. Жители этой страны всегда славились практичностью и прагматизмом. Именно по этой причине они возглавили промышленную революцию. Французы же всегда славились горячим нравом и склонностью к авантюризму; они следовали своим теориям и идеям, словно ведомые *ignes fatui* (*лат.,* «призрачные мечты»), куда бы они их ни вели. В лучшем случае это выглядело карикатурно. Другой вопрос, были ли согласны с этим упрямые крестьяне.

Тем не менее многие англичане в то время полагали, что революция просто вышла из-под контроля, что ее же первопричины и столкнули ее с верного пути. Ярые французские революционеры воспринимали события вокруг себя как некую мистерию, в которой им отводились главные роли. Они отождествляли себя с народом; они отождествляли себя с волей народа; они

отождествляли себя с *Отечеством*. Уильям Питт отмечал, что это была «разновидность тирании, которая еще более усугубляет несчастья своих подданных, ибо устанавливает собственные деспотические правила, называя их гласом народа, и приводит в действие меры подавления и насилия под видом воли народа».

Еще один миф об Англии был в ходу по другую сторону Ла-Манша. Еще со времен «Славной революции», а возможно и раньше, англичане привыкли считать, что они живут в свободной стране. Следы этих убеждений прослеживаются уже в XIII и XVI веках; возможно, эта идея всегда была частью национального самосознания. Тот факт, что данное убеждение никогда в полной мере не соответствовало действительности, нисколько не смущал его сторонников, многие из которых были готовы заявлять об угрозе «английским свободам» при любом удобном случае. Многие англичане едва ли последовали бы за Дантоном, Робеспьером и даже Бонапартом. Народ в своем большинстве поддерживал Георга III и Уильяма Питта, отстаивал полюбовное сосуществование короля и его подданных, пусть даже король сошел с ума, а страна находилась в бедственном положении.

29
Короли-безумцы

Дэвид Гаррик впервые сыграл короля Лира в театре Гудманс-Филдс в районе Уайтчепел весной 1742 года. В ту пору ему было двадцать пять лет — довольно молодой возраст, которому, как известно, присущи излишняя самонадеянность и честолюбие. На заднем ряду партера спектакль смотрели два друга, которые затем предложили Гаррику внести кое-какие изменения в роль. Он внимательно выслушал их и записал советы. Спустя шесть недель он вышел на сцену в той же роли и произвел фурор. Это был настоящий Лир, испуганный и трепещущий, мечущийся между страстным воодушевлением и гневом, отчаянием и горем. Гаррик держал «зал в сильнейшем душевном волнении от нерва, которым было пронизано все действо на сцене… во время спектакля из зала доносились всхлипывания и плач». Слезы были важной частью общественной жизни тех лет. Поэту-сентименталисту Томасу Грею говорили, что читатели плакали над каждой строчкой его «Элегии, написанной на

сельском кладбище» (Elegy Written in a Country Churchyard; 1750). Даже члены парламента порой не могли сдержать рыданий, и после очередной стычки их приходилось в слезах выводить из зала. Рассказывали, как парламентарий Джордж Тирни «рыдал так сильно, что был совершенно не в состоянии говорить; я никогда не видел более трогательной сцены».

Хорас Уолпол вспоминал, как два палача подрались за веревку, чтобы повесить знаменитого разбойника, «и проигравший заплакал». Поэтесса Анна Сьюард, также известная как «лебедь Личфилда», вернувшись в места, где она провела детство, «не могла сдержать слез в течение почти пяти часов, которые провела в столь близкой сердцу деревеньке». Она была настоящей чемпионкой по плачу.

Слова современника, смотревшего спектакль с Гарриком в главной роли, обнаруживают принципиально новую чувствительность XVIII века. Казалось, зрители «съеживаются, словно желая исчезнуть», слушая, как Лир проклинает неблагодарных дочерей. Когда зал разражается аплодисментами, восхитившись художественными находками Гаррика, он шепчет одному из актеров на сцене, Тому Кингу: «Черт возьми,

Том, хватит».

Говорили, что Гаррик, «исполняя трагедию, правдив и естественен». В этом и заключался секрет успеха: актерская игра была настоящей жизнью, а не просто искусством. Это был язык истинного чувства, искусство по-новому шептать, жестикулировать и произносить реплики не заученным тоном. В общем, не так уж и важно, что новаторство того времени кажется современному зрителю комичной стилизацией. Любые представления о естественности и реалистичности меняются и уходят с течением времени. Когда Гаррик играл Макбета, он, обратившись к первому убийце, произнес: «У тебя на лице кровь». Этой реплики не было в пьесе. Актер отпрянул и прикоснулся ладонью к щеке: «Неужто, ей-богу?» Для него сказанное коллегой по сцене прозвучало как реплика обычного человека, а не актера, поэтому он и был до крайности удивлен. Театр неоклассицизма строился на принципах благопристойности, декламации и величавости. Пришедший ему на смену театр романтизма делал ставку на выразительность, действие и реалистичные детали.

Гаррик играл совсем не того Лира, которого задумывал Шекспир. В XVIII веке оригинал ка-

зался слишком грубым и своенравным. Ему не хватало целостности. Во многих отношениях оригинал был безвкусным, а концовка — неудовлетворительной. Пьеса, в которой играл Гаррик, была переписана поэтом и драматургом Наумом Тейтом в 1681 году. Ее считали настоящим «Королем Лиром», приемлемым «Королем Лиром», лишенным всех исходных нелепостей и непристойностей. Сам Тейт считал сцены «старой доброй пьесы» Шекспира «горой необработанных и неотполированных бриллиантов».

В пьесе Тейта нет шута, поскольку тогда считалось, что трагедия и фарс не могут сосуществовать на одной сцене. В новой версии Корделия влюбляется в Эдгара, смягчая общий надрыв действия. Концовка менее драматична: Лир, Эдгар и Корделия воссоединяются и живут долго и счастливо. По словам критика того времени, «“Король Лир” в трактовке Тейта всегда будет более симпатичен зрителю». Любовная линия «не может не вызвать горячих слез, которые возвышает и облагораживает благочестивая радость». В новой интерпретации наглядно показаны главные эмоции того времени. Критик Томас Кук предпочитал версию «Короля Лира» Тейта, «поскольку практически каждое действующее

лицо… являет собой пример благодетели, которая в конце концов вознаграждается по заслугам, и порока, который справедливо наказывается». Он добавлял: «Я прочитал немало проповедей, однако не припомню ни одной, которая могла бы преподнести столь нравоучительный урок, как эта пьеса». Здесь больше нечего добавить. Истинное искусство поверялось этикой, а не эстетикой.

Зрители того времени не вынесли бы трагедии и ужасов шекспировского оригинала. Уж если версия Тейта с Гарриком в главной роли вызывала бурные рыдания, то что бы было, умри Лир в конце спектакля? Ослепление графа Глостера осмотрительно происходило за сценой. Даже суровый издатель Шекспира Сэмюэл Джонсон не мог заставить себя перечитать последние сцены трагедии, пока долг службы не вынудил его сделать это. Казалось, он и его современники боялись сумасшествия и вообще каких-либо глубоких, сильных переживаний. Во многих отношениях тот период нельзя назвать эпохой надежности и порядка. Людям требовались успокоение и утешение.

Гаррик исполнял роль безумного короля на протяжении всей своей актерской карьеры. Он сокращал и менял тексты для различных

спектаклей, порой вновь возвращаясь к тексту Шекспира. Люди часами стояли в очередях за билетами в театры, где он играл. Когда в 1774 году он вновь выступил в своей знаменитой роли, писательница Ханна Мор сказала: «Я думала, что задохнусь от горя: это была не та наигранная печаль, которую зритель может почувствовать в хорошо сыгранном спектакле; это было глубокое, сильное горе, какое бывает от настоящей беды». Последний спектакль «Король Лир» с Дэвидом Гарриком состоялся в июне 1776 года, спустя тридцать четыре года после его первого выступления в театре в Уайтчепеле и за месяц до его ухода со сцены. Он отправился в прощальное турне, во время которого сумел довести эмоции зрителя до наивысшей точки. Сэр Джошуа Рейнольдс пребывал в прострации три дня после спектакля. Готовясь к своему последнему театральному сезону, Гаррик создал новые декорации и великолепные исторические костюмы. Все сошлись во мнении, что овации после спектакля «невозможно описать словами». Выходил ли Гаррик на сцену или уходил с нее, зал неизменно взрывался бурей аплодисментов.

Эмоциональным пиком пьесы была «сцена сумасшествия», когда старый король в исступлении

безумствует на болоте. Друг актера, художник и натурфилософ Бенджамин Уилсон, написал эту сцену в 1762 году, словно в попытке понять магическую или сакральную природу сущего. На полотне Гаррик изображен в полный рост в блузе, панталонах и пурпурной мантии, отороченной горностаем. Несмотря на тусклые краски, это был поистине королевский наряд. Король Лир поднимает правую руку в направлении грозового неба, из которого на него льется свет. Этот жест вошел в репертуар театральных образов; его неоднократно воспроизводили на гравюрах и на фарфоре. Он стал символом безумия, и впоследствии его не раз повторяли в различных произведениях.

Шестнадцать лет спустя более опытный художник исторического жанра Бенджамин Уэст написал ту же сцену, придав ей черты готического кошмара в стиле Генриха Фюсли[221] или Уильяма Блейка. Во многих отношениях его видение короля Лира близко видению Уилсона, однако драматические фигуры и средства выразительности свидетельствуют о колоссальных изменениях в эмоциональной сфере: мир нео-

[221] Примечания: 221

Фюсли Иоганн Генрих (1741–1825) — англо-швейцарский художник, график, теоретик искусства. Его перу принадлежит серия картин «Ночной кошмар» (нем. *Nachtmahr*).

классической сдержанности ушел в прошлое, теперь в искусстве правило неистовство романтизма. В работе Уилсона Лир — типичный герой XVIII века, подверженный сентиментальным настроениям; в трактовке Уэста король вне себя от горя. Он указывает на грозовое небо, словно прося оставить ему там место, при этом лицо его выражает не только страх, но и мольбу. Полотно было размером примерно 12 на 9 футов (3,66 на 2,74 м) и словно довлело над зрителем. Картина вошла в коллекцию Шекспировской галереи, основанной весной 1789 года олдерменом Джоном Бойделлом на улице Пэлл-Мэлл в знак уважения к великому национальному гению и в ответ на новую моду на возвышенную патетику. Пробуждавшиеся чувства вполне естественно перекликались с сильнейшим воодушевлением, с которым несколько десятилетий назад проповедники методистских церквей обращались к своей пастве. Про самого Гаррика говорили, что он создал «новую религию». Эпоха здравого смысла и сатиры одновременно была эпохой экзальтированного восторга.

Нельзя не заметить странное совпадение: в 1788 году, когда Уэст написал эту картину, настоящий король сошел с ума. Георг III вдруг начал

быстро и бессвязно говорить, то и дело впадая в беспамятство. К этому времени Бенджамин Уэст уже хорошо знал короля. В 1772 году Георг III назначил его придворным художником исторического жанра, и тот написал два портрета своего высокопоставленного покровителя. Он наблюдал за королем в течение нескольких лет, поэтому нетрудно поверить, что какие-то черты Георга проявились в исступленной фигуре короля Лира. Осенью 1788 года Уэст представил монарху новый набросок Виндзорского замка, на котором по какой-то причине автор изобразил льва. Король настоял на том, что зверь скорее напоминал собаку, и тотчас нацарапал что-то на изображении, а затем нарисовал собственный рисунок. Все это он делал чрезвычайно энергично, при этом беспрерывно и возбужденно бормоча. Дела шли не лучшим образом.

Вся эпоха была словно охвачена безумием. «Английская болезнь» — так стали называть сумасшествие, которое шло об руку с другим душевным расстройством — меланхолией. Причины болезни усматривали в природной чувствительности и богатой фантазии англичан, которые были обречены жить на острове с духами и привидениями. Про самого Гаррика говорили,

что он нарочно наведывался в психиатрическую больницу Бедлам, чтобы изучать речь и поведение душевнобольных. Он хотел привнести каплю естественности в искусство того времени. Один критик, посмотрев спектакль с его участием, отметил: «Поскольку сумасшествие определяется как здравое суждение, основанное на ложных принципах, в действиях и словах сумасшедшего есть некая последовательность». Гаррику вполне удалось передать это. По воспоминаниям одного современника: «Гаррик мог в совершенстве передать мгновенное переключение от одного сильнейшего чувства, обуревающего человека, к другому: так, он в мгновение переходил от безудержной ярости к невозмутимому спокойствию». Внимательно изучив полотно Уэста, критик Джордж Камберленд предположил, что «безумие короля вызвано скорее нежными чувствами, нежели безудержными страстями; или же это возвышенные чувства, пронизанные безудержностью безумия».

Начались споры об истоках сумасшествия Лира. Было ли оно вызвано шоком от потери власти? Или виной всему гнев на неблагодарных дочерей? Высшие сословия XVIII века были большими поклонниками безумия.

По словам Генриха Фюсли, один врач, посетивший Бедлам, рассказывал, что большая часть его обитателей — женщины, пережившие несчастную любовь, а вторая по численности группа — «кучеры и извозчики», которые в силу постоянной тряски во время езды повредили эпифиз мозга. Однако Гаррик не только посещал Бедлам. Объект изучения нашелся недалеко от его дома. Один джентльмен, друг актера, жил на Леман-стрит, в районе Гудманс-Филдс. Как-то, играя у открытого окна со своей двухлетней дочерью, он нечаянно выронил ее на мощеную мостовую. Девочка тотчас умерла. Мужчина лишился рассудка. Он «так и стоял у окна, крича от мучительной боли утраты». Всю оставшуюся жизнь он подходил к этому злосчастному окну и играл с невидимой девочкой, ронял ее, и вновь раздавался «пронзительный крик горестных страданий». Затем он впадал в молчаливую меланхолию и медленно оглядывал место рокового события, «остановившимся взглядом вперяясь в предметы, иногда он медленно оглядывался вокруг себя, словно ища сочувствия». Гаррик говорил, что именно у него он «научился изображать безумие». По словам одного из зрителей, актер «не совершал резких движений, у него

не было бурной жестикуляции; его движения были медлительными и плавными; вся его наружность выражала страдание; он неторопливо поворачивал голову; взгляд его был устремлен в одну точку, а если он переводил внимание на кого-то подле себя, то делал паузу и начинал неотрывно смотреть на этого человека спустя какое-то время…».

Поскольку сумасшествие тогда считалось излечимым, для борьбы с ним прописывали многочисленные рецепты. Георгу III давали так называемое снадобье от сумасшествия, вызывавшее воспаление, сыпь и жесточайшие расстройства. Доктор Дженнер, разработавший первую в мире вакцину против оспы, лечил умалишенных пациентов, «вызывая рвоту виннокислым антимонил-калием», то есть рвотным камнем и камфарной водой. Целительные свойства приписывали и некоторым курортам. Так, одну умалишенную по имени миссис Джессоп излечили воды курортного городка Бакстона; по словам 1-го графа Эгмонта, «теперь она ведет себя совершенно нормально и даже обзавелась любовником».

Георг III от природы был импульсивен и резок, обременительные государственные дела могли

лишь усугубить его состояние. Он говорил о «тревоге, которую испытывает при подготовке детей к службе на различных постах, а также в вопросе их пользы для общества и оправдания оказанного их семье доверия». Осенью 1788 года король впал в безумие, говорили, что «это безнадежный случай».

Король схватил старшего сына за горло и ударил его об стену, требуя сказать, кто запретил ему шептать. Капитан Джек Пейн, гофмейстер двора принца Уэльского, известил придворных, что король проснулся у себя в постели, «жестикулируя и бредя, как самый настоящий маньяк»; он выл словно собака и бессвязно рассуждал о вопросах религии. Фанни Берни случайно встретила его в феврале 1789 года в ботанических садах Кью; его вывели на прогулку, и, по словам писательницы, король совершенно не контролировал свою речь, повторяя сотни раз слово «Нет!». Он говорил о Генделе и даже пытался петь оратории композитора «голосом столь хриплым, что звук его был просто ужасен». Вскоре монарха пришлось запереть в покоях, на ночь его привязывали к постели. К концу года приступы буйства стали настолько сильными, что на короля пришлось надеть смирительную рубашку. Порой

его избивали палками, что, без сомнения, было пережитком старых поверий о том, что обуревавших его «бесов» можно изгнать розгами и силой. Тем не менее после принудительной жестокой терапии король поправился. Второй приступ произошел уже в 1801 году, однако Георга вскоре вновь признали дееспособным. Правда, отныне он довольно часто впадал в раздражительность и тревожное возбуждение.

Для Георга III, как и для короля Лира, большое значение имела концепция «двух тел», согласно которой король обладает физическим телом, а в противовес ему «телом политическим». Природное, или биологическое, тело было подвержено всем немощам человеческого естества, однако политическое тело не имело недугов или слабостей и не зависело от физического тела. В нем проявлялась воля монарха во плоти. Именно поэтому Гаррик сумел в роли короля Лира продемонстрировать королевское достоинство, изобразив при этом все симптомы душевной болезни.

В XVIII веке для лечения душевнобольных были основаны благотворительные психиатрические лечебницы. Состоятельные граждане особенно радовались возможности передать заботу о своих сумасшедших родственниках в частные руки,

чтобы те, кто выжил из ума, не мозолили глаза. Обитатели таких лечебниц, как правило, содержались как в тюрьме, в ход безнаказанно шли цепи, кандалы, веревки и наручники. Считалось, что одержимые не страдали от физических недугов, поэтому ученый-медик Томас Уиллис в труде «Две беседы о душах дикарей» (Two Discourses Concerning the Soul of Brutes) рекомендовал «суровые методы обращения и дисциплину», игнорируя физическое состояние больных.

Порой лечебницы служили развлечением. Вплоть до 1770 года Бедлам — пожалуй, самая известная больница для душевнобольных — открылся для посетителей. Через год герой типичного романа XVIII века Генри Маккензи «Человек чувства» (The Man of Feeling) отмечает: «Я считаю бесчеловечным выставлять на всеобщее обозрение каждому зеваке-лодырю, который в состоянии заплатить ничтожную плату начальнику лечебницы, величайшее страдание человека, которому подвержено наше естество».

Сумасшествие короля Георга вызвало новую волну слез. После того как лорд-канцлер Эдвард Терлоу навестил сумасшедшего монарха, «по его щекам текли слезы, и он едва стоял на ногах». Королева выплакала все глаза, а придворные «все

сплошь горько рыдали, глядя на монарха». Когда он выздоровел, ситуация стала не многим лучше. Фанни Берни, услышав добрые вести, призналась другу: «Вот вам слово, я плачу по двадцать раз на дню».

Осенью 1810 года, после смерти любимой дочери, король вновь впал в беспамятство, его состояние стало необратимым. Теперь временами он становился «настолько буйным, что его приходилось наказывать и запирать». Один из докторов по имени сэр Генри Хэлфорд заключил, что Георг III «полностью лишился рассудка и разговаривает с вымышленными персонажами». По словам одного из придворных, с королем «более не обращались как с человеком. Он был помещен в хитроумную машину, которая полностью лишала его свободы движения. Иногда его приковывали к столбу. Короля часто били и морили голодом, но лучше всего его усмиряли угрозы и брань». Изысканное блюдо приготовили королю на десерт, не правда ли? Георг III был великим английским монархом второй половины XVIII века. Гравюра, на которой он изображен с длинными волосами и бородой, удивительным образом напоминает короля Лира с полотен Бенджамина Уилсона и Бенджамина Уэста.

30
Зверь и блудница

Главное, благодаря чему Уильям Питт Младший вошел в историю, — война с революционной Францией. Первый министр скептически относился к советам и комитетам; он привык действовать в одиночку. По словам чиновника Адмиралтейства, «мистер Питт собственноручно решает все вопросы у себя в палате, подписывает бумаги, а затем два других лорда ставят на них свои подписи». Сам Питт утверждал, что «во власти не может быть конкуренции и разделения полномочий. Власть возлагается на плечи одного человека — первого министра»; при этом он добавлял, что первый министр обязан нести ответственность за финансы и стратегию государства. На практике такой подход был весьма эффективным. Беспокойный король лишь пару раз столкнулся, по его собственному выражению, с «неприятностями» во взаимоотношениях с правительством.

Военная кампания 1795 года зашла в тупик и завершилась крупным разочарованием. Обста-

новка на континенте постоянно менялась и все более осложнялась из-за взаимных требований, которые Англия и ее союзники предъявляли друг другу; австрийцы, голландцы, пруссаки и другие не смогли удержать преимущество на родных землях. Пруссаки первыми подписали мирный договор с Францией. Голландцы первыми сдались французам, уступив давнему врагу левый берег Рейна; вся Голландия покорилась месяц спустя. На следующий год Испания перешла на сторону врага. Таким образом, на стороне Британии оставалась лишь Австрия; Россию тогда в расчет не принимали. Питт понимал, что в перспективе их ожидала внутриматериковая война, а без опоры на военно-морскую мощь изменить расстановку сил в Европе вряд ли удастся. Как бы то ни было, в распоряжении Франции теперь было три флота: свой, голландский и испанский. Мир перевернулся с ног на голову.

В 1796 году Наполеон, который к тому моменту прославился победой над британцами в Тулоне, произвел еще больший фурор, когда организовал молниеносную Итальянскую кампанию и перебросил французские войска еще севернее, ближе к границам главного врага — Австрии. «Солдаты! — обратился он к войскам у Ниццы,

недалеко от границы с Пьемонтом. — Вы наги и пухнете от голода; правительство обязано вам всем, однако ничего не может дать вам взамен. Терпение и отвага, выказанные вами посреди этих гор, заслуживают восхищения; однако блеск ваших орудий не озарил вас победоносным сиянием. Я поведу вас на плодородные равнины; изобильные провинции и богатые города вскоре станут вашими; там вас ждут щедрые урожаи, почести и слава… Ужель вам не хватит мужества?» Это была типичная речь Бонапарта — сжатая и высокопарная.

Он захватил Пьемонт, основал город-республику Альба, а затем пересек Адду, приток реки По, и разгромил австрийскую армию в сражении при Лоди в Ломбардии. Одержанная победа пополнила пока еще весьма скромный перечень успехов Наполеона на военном поприще, однако, по его словам, именно тогда он впервые задумался о всемирной славе; эта победа стала ее предвестницей.

Англии угрожали со всех сторон. В конце 1796 года французский флот добрался до залива Бантри-Бэй, где планировалось вторжение в знак поддержки Общества объединенных ирландцев

(Society of United Irishmen)[222]. Атакующие надеялись и верили, что смогут собрать под одним знаменем ирландских диссентеров и католиков, которые в равной степени пострадали от протестантского господства и в будущем могли бы стать мощной революционной силой под предводительством французов. Оккупанты даже обеспечили своих ирландских союзников французской военной формой, чтобы те надели ее во время предполагаемого марша на Дублин. Однако сильные штормы и опасное море разметали надежды на успех. Впрочем, сам факт, что французский флот вполне мог пересечь море, прорвавшись через английскую морскую блокаду, заставил Питта и его коллег насторожиться и внимательно следить за дальнейшими перемещениями французов. 25 февраля 1797 года до Лондона дошли вести о том, что французские войска высадились в заливе Фишгард в Пембрукшире; по правде говоря, рассчитывать на то, что солдаты сдадутся местным добровольческим отрядам, не приходилось.

Вторжение спровоцировало слухи, а слухи

[222] Примечания: 222

Общество объединенных ирландцев (ирл. *Cumann na nÉireannach Aontaithe*) — либерально-политическая католическая организация революционеров, которая стремилась к политическим реформам.

— страх, который, в свою очередь, быстро перерос в панику. Наполеон идет! Массовое изъятие средств из банков оказалось роковым, поскольку, лишившись денег, они были не в состоянии выполнять свои обязательства перед клиентами. Банк Англии обязали приостановить выплаты наличными и начать выпуск банкнот достоинством в один и два фунта, получивших законное обращение. В то время в народе ходил такой стишок:

Об Англии и Питте
Без шуток говорят:
Монеты золотые
Бумагой заменят[223].

Перспектива французского вторжения оживила надежды Общества объединенных ирландцев, которые принялись вооружать и муштровать крестьян. Однако угроза восстания внезапно возникла и внутри страны. В середине апреля 1797 года в Спитхеде мятеж поднял Королевский военно-морской флот; моряки на 16 кораблях Флота Пролива под командованием адмира-

[223] Примечания: 223
So of Pitt and of England / Men say without vapour / How he found it of gold / And left it of paper.

ла Александра Худа отказались выйти в море. Они протестовали против низкого жалованья и продолжительных периодов пребывания в море. В течение недели их вполне обоснованные требования были удовлетворены, а адмирала, державшего в руках королевское помилование для всех мятежных экипажей, перевозили на шлюпке с одного корабля на другой. В мае того же года, явно вдохновившись смелостью моряков из Спитхеда, мятеж подняли моряки в Норе. Команда каждого корабля выбрала делегата, а затем всем делегатам было зачитано воинственное послание, в котором говорилось: «Век разума наконец-то вернулся. Мы долго стремились к тому, чтобы стать людьми. И теперь мы считаем себя таковыми. И мы заставим других обращаться с нами как с людьми».

Мятежники в Норе были куда более настойчивыми и опасными, чем моряки Спитхеда, — в какой-то момент они даже заблокировали Темзу; однако восстание было подавлено, а начальник делегатов Ричард Паркер — повешен на рее собственного корабля. Паркер обвинил команду в предательстве и непостоянстве мнений, назвав их «трусливыми, самовлюбленными и неблагодарными». Ходили слухи, что на мятеж

их подбили члены Общества объединенных ирландцев и других революционных групп, однако никаких веских доказательств представлено не было.

Тем временем Наполеон Бонапарт вступил на австрийскую землю. В начале апреля 1797 года он повел войска на север и вскоре дошел до городка Леобена в 90 милях (145 км) от Вены. Там главнокомандующие австрийскими и французскими войсками заключили перемирие, которое легло в основу Кампо-Формийского мирного договора между Францией и Священной Римской империей (главными силами которой теперь были Австрия и Пруссия). Согласно договору каждая из сторон обещала не вмешиваться во внутренние дела другой страны. В соответствии с тайными пунктами договора Австрия сдавала свои владения в Средиземноморье и в Адриатическом море, а также Австрийские Нидерланды, в то время как Бонапарт великодушно отдавал австрийскому императору Венецию, перечеркивая тем самым тысячелетнюю историю независимости этого города на воде. Венецианская республика, или, как ее называли, «Серениссима», так и не оправилась от этого удара.

Это был именно тот мир, которого так жаждал

французский народ. Увы, теперь Англия оказалась единственной в мире страной, которая противостояла Франции. Питт и его министры предприняли несколько попыток заключить некое подобие мирного договора с Парижем, однако Франция наотрез отказывалась от сотрудничества. Первая коалиция против Наполеона с треском провалилась.

На протяжении всей военной карьеры, которую Наполеон начинал в звании капрала, он не был баловнем судьбы. Тем не менее сочетание мастерства, удачи и силы духа помогло ему достичь невиданных высот. Он был умелым стратегом и тактиком. Хорошо известно, что он больше полагался на артиллерию, чем на пехоту и мушкеты; сражение начиналось с массированного и оглушительного артиллерийского обстрела, вслед за которым совершалось несколько коротких атак, а затем в наступление шли кавалерия и пехота. Бонапарт одерживал победы не за счет многочисленности армий, а благодаря духу французских солдат, которые под его командованием действовали как единый слаженный механизм, обладавший недюжинной гибкостью и способностью молниеносно реагировать на меняющиеся обстоятельства. Командование армиями Австрии

и Пруссии велось по старинке, их методы ведения войны казались бесконечно устаревшими на фоне прогрессивной тактики Наполеона.

Бонапарт придерживался нескольких простых правил. Линии снабжения и связи всегда должны быть свободны. Всегда атаковать. Никогда не оставаться на оборонительных позициях. Действия должны быть согласованы во времени. Для каждой битвы у него в голове был готов план, который он разрабатывал в мельчайших подробностях. Он старался ничего не оставлять на волю случая, однако при этом мог импровизировать в опасные моменты. Наполеон был смел и самоуверен — едва ли нашелся бы кто-то самоувереннее его, однако при этом он держал нос по ветру и был способен на решительные действия при благоприятных обстоятельствах. «Случай, шанс, удача — называйте это как угодно, — говорил он. — Случай всегда остается тайной для умов посредственных и только для высших становится реальностью»[224]. Себя он причислял к «высшим умам», которые способны подчинить своей воле весь мир; он работал без устали, и его решительность дополнялась упорством. Очередное

[224] Примечания: 224

Цит. по: *Мережковский Д. С.* Наполеон. М.: Терра — Книжный клуб, 1998.

завоевание или сражение служили лишь подготовкой к следующим; Наполеон всегда двигался вперед, шел в наступление, стремясь расширить свои владения. Он говорил солдатам: «Наша задача состоит не в том, чтобы защищать границы, но чтобы захватывать территории наших врагов». Война грозила длиться бесконечно.

Большие серые глаза Наполеона, казалось, ничего не выражали, однако один старый французский генерал признавался: «Я трепещу, как дитя, когда подхожу к нему». Важнее всего то, что Наполеоном владело безудержное желание победить, которое он передавал своим солдатам. «Разговаривать должно с душой человека», — говорил он. Гегель наблюдал, как Наполеон объезжал улицы Йены накануне сражения: «Самого императора — эту мировую душу[225]… я увидел, когда он выезжал на коне на рекогносцировку»[226].

Пока Бонапарт одерживал победы на суше, Британия делала успехи на море. В феврале 1797 года французский и испанский флот потерпели

---

[225] Примечания: 225

Мировая душа — в философии единая внутренняя природа мира, понимаемая как принцип всей жизни.

[226] Примечания: 226

Цит. по: *Гегель Г. В. Ф.* Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1971.

поражение в битве со Средиземноморским флотом Британии под командованием адмирала сэра Джона Джервиса у мыса Сан-Висенте в Португалии, а спустя еще девять месяцев адмирал Адам Дункан одержал победу над голландцами в сражении при Кампердауне в Северном море. Миссия мира во главе с Джеймсом Харрисом, лордом Малмсбери, дважды отправлялась к французам, и оба раза предложения о мире были отклонены. В Англии всерьез обсуждали возможность прекратить сухопутную кампанию и расширить владычество на море, объединив колониальные богатства и владения там, где это возможно. Однако это попахивало капитулянтством. В стране по-прежнему было сильно желание продолжать борьбу, поэтому после воодушевленного обращения Питта к палате общин с призывом не сдаваться все присутствовавшие, как один, встали и запели «Бейте в цель, британцы!» (Britons, strike home!). В выражениях, которые бы весьма воодушевили Эдмунда Берка, Питт заявил, что ни перемирия, ни мирные договоры не способны укротить «безжалостный дух» Франции «в разрушении каждого государства, в которое она с оружием проникла силой или обманом».

Нескончаемая война продолжалась. Агрес-

сивный и бескомпромиссный дух приводил в смятение тех либерально настроенных вигов, которые по-прежнему находили положительные стороны в революции и революционном настрое. В результате они просто решили отойти в сторону, или, точнее, уйти. Виги-либералы встали со скамей и покинули зал, понимая, что ничто из сказанного или сделанного ими не поможет изменить курс правительства. Теперь, когда Питт заручился поддержкой «умеренных» вигов, он был несокрушим на пути реализации практических задач. Так какой смысл было либералам утруждать себя и ехать в Вестминстер, где их голоса в любом случае не будут услышаны? Возможно, это разумное решение не прибавило симпатий Фоксу и его друзьям в политическом мире: их обвиняли в отсутствии политической смелости и преданности, а также в преследовании собственных интересов в ущерб нормальной работе правительства.

Некоторые из них отходили от дел на неопределенный срок, а сам Фокс в последующие пару лет держал речь три или четыре раза. Отсутствие вигов на политической арене подорвало планы претворения в жизнь общенациональных реформ.

Разумеется, война требовала денег, и все усилия Питта были направлены на обеспечение дохода. Он уже ввел налоги на кирпичи и сахар, алкоголь и чай, однако теперь ему в голову пришло смелое решение разделить всех налогоплательщиков на три категории в зависимости от их платежеспособности. Эта мера получила название «тройное налогообложение» и основывалась на так называемой потребляемой собственности, например часы, экипажи и окна (ранее налог на окна был введен в 1696 году). В сущности, это был налог на расходы, однако существовала еще одна мера, которая таила в себе новые перспективы. Питт намекнул на нее в тексте Акта о тройном налогообложении (Triple Assessment Act), где говорилось, что человек мог выбирать — платить налог с потребляемой собственности или с дохода. Уже на следующий год Питт представил законопроект о прогрессивной шкале налога на доходы свыше 60 фунтов в год, и, несмотря на ожидаемый шквал критики из-за посягательств на свободы людей, закон был принят. Впрочем, просуществовал налог лишь до окончания войны, а после все документы налоговой службы были уничтожены. Англичане негодовали, что государство «сует нос» в их кошельки.

Тень Бонапарта всегда маячила на горизонте. Именно из-за него были введены новые налоги. Зимой 1797 года его армия заняла позиции вдоль французского побережья, твердо намереваясь начать вторжение в Англию. Руководство страны тут же поручило местным властям опросить каждого дееспособного мужчину о возможности и желании взять в руки оружие. Вполне ожидаемо весной 1798 года было задержано несколько членов английских радикальных обществ. Пятерых арестовали в Маргите как раз в тот момент, когда они собирались взойти на корабль, чтобы отправиться во Францию. Уильям Блейк сделал надпись на полях книги: «Защищать Библию в 1798 году может стоить человеку жизни. Зверь и блудница правят безраздельно». Страх вторжения сохранялся всю весну и лето того года, пока наконец не стало ясно, что планы Бонапарта поменялись.

Царившее в воздухе ощущение сильнейшей опасности вынудило Общество объединенных ирландцев предпринять еще одну попытку восстания весной 1798 года. Оно получило название «Великое восстание», однако на деле эту плохо организованную и бестолковую затею быстро усмирили. Однако революционные настроения

некоторых ирландцев и глубокая неудовлетворенность народа заставили английское правительство поверить, что лучшим решением назревшей проблемы станет заключение союза между двумя странами. Несмотря на определенные трудности и подозрения как со стороны короля, так и ирландцев, инициативу активно проталкивали в Вестминстере и Дублине в течение двух лет; все это сопровождалось многочисленными спорами, угрозами и взятками. Акт об унии с Шотландией 1707 года был принят с помощью взяток шотландцам; теперь для заключения унии с Ирландией взятки щедро давали ирландцам. Можно сказать, что Соединенное Королевство родилось в горшке с золотом. Новый союз приветствовали все его участники. Лидер ирландской оппозиции и умеренный виг Генри Граттан, говоря о своей стране, заявил: «Я вижу ее в забытьи, однако она еще жива и, хотя лежит в могиле беспомощная и неподвижная, на ее губах еще играет жизнь, а на щеках светится красота».

Тем временем Бонапарт пустился в плавание, которое обернулось для него серьезными неприятностями. Ранней весной 1798 года он отказался от планов вторжения в Англию и взял курс на Египет. Как оказалось, это решение было крайне

неосмотрительным, однако в то время провинция Османской империи казалась весьма лакомым куском: она могла обеспечить сухопутный путь в Индию, признанную мировую сокровищницу, и бесконечно расширить возможности французской торговли. «Солдаты! — обратился Наполеон к своей армии, отплывая из Тулона. — На вас обращены взоры всей Европы! Вам уготована величайшая миссия».

В погоню за ним отправился адмирал Горацио Нельсон, который под звуки победных фанфар впервые появляется на страницах нашей истории. Он, подобно Наполеону, знал о своем предназначении и чувствовал собственную избранность; он вдоль и поперек избороздил Средиземное море в поисках своей жертвы. Бонапарт захватил Мальту, а затем устремился на восток. Нельсон отправился в Александрию, однако не нашел его там; обыскал Левант, а затем взял курс на запад, на Сицилию. И вновь Наполеона нигде не было. Наконец, спустя несколько недель поисков, Нельсон обнаружил корабли Наполеона в заливе Абукир неподалеку от Александрии, куда французский флот успел тайно вернуться. Был дан сигнал к бою. «Завтра, еще не наступит сей час, — сказал Нельсон с присущим ему тщеслави-

ем и напыщенностью, — а я уже получу пэрство или вечное упокоение в Вестминстерском аббатстве».

В морском сражении в Абукирском заливе близ Нила в начале августа 1798 года французский флот был повержен; спаслись лишь четыре корабля. Три с половиной тысячи французских моряков попали в плен, а две тысячи погибли. Британские корабли не пострадали. Наполеон оказался в бедственном положении — в Египте у него не было ни флота, ни шансов на подкрепление, ни запасов провизии. Британский флот вновь установил господство в Средиземноморье. После победы англичан в битве при Абукире Турция решила вступить в войну против Франции. Новости об успехах Нельсона были встречены в Англии с предсказуемым ликованием. Личный секретарь Питта Джордж Претимен Томлин писал жене: «Мистер Питт теперь уверен, что Бонапарта *до́лжно уничтожить*. О любовь моя, какая радость!»

Шаткий мир просуществовал полтора года, пока ряд стран, среди которых были Россия, Австрия и Англия, не сформировали так называемую вторую коалицию против Бонапарта. В конце лета 1799 года британские войска под командованием

фельдмаршала герцога Йоркского прибыли в Голландию, приняли участие в экспедиции и в ноябре вернулись домой. У их союзников дела обстояли не лучше. Австрийцы и русские погрязли во внутренних конфликтах, а в октябре император Павел I вышел из коалиции. В следующем году австрийцы потерпели сокрушительное поражение. Своим успехам французы главным образом были обязаны Наполеону, который, оставив свою армию в Египте, вернулся в Париж, где организовал переворот и провозгласил себя первым консулом. В глазах армии, оставленной на произвол судьбы в Египте, это выглядело предательством. Генерал Жан Батист Клебер сказал, обращаясь к своим соратникам: «Этот ублюдок оставил нам только свои рейтузы с дерьмом. Мы вернемся в Европу и вытрем их о его морду». Однако для Бонапарта вопросы преданности и чести не имели ровно никакого значения в упорном стремлении к победам и славе.

Если войне с Францией было суждено продолжаться, то требовалось установить жесткую дисциплину внутри страны. Летом 1799 года Уильям Питт представил на рассмотрение законопроект о запрете профессиональных объединений (Workmen's Combination Bill), согласно которому

рабочим запрещалось собираться, чтобы требовать повышения зарплат или сокращения рабочего времени. Нарушение закона каралось тремя месяцами тюремного заключения или двумя месяцами каторжных работ. «Союзы» в то время уже считались незаконными, однако правительство посчитало необходимым ввести дополнительные меры по сдерживанию любых политических волнений. Это могло поставить под угрозу всю военную кампанию.

Важно отметить, что запреты налагались на всех рабочих без исключения, а не на конкретную отрасль промышленности или ремесло; это лишь усугубляло чувство несправедливости и притеснения, которые в основном испытывали труженики мануфактур. Впрочем, в среде работников хлопкообрабатывающей и шерстеобрабатывающей промышленности тотчас стали возникать «тайные» союзы, которые сыграли не последнюю роль в протестах луддитов следующего столетия. Уже в 1799 году стригальщики из Уилтшира начали отправлять письма с угрозами в адрес тех, кто собирался внедрять новые машины. «Мы поставим людей с ружьями или пистолетами, они будут следить за вами». Впрочем, когда дело дошло до исполнения Акта

о профессиональных объединениях (Combination Act), на местах, как всегда, стали возникать проволочки, а магистраты от графства к графству трактовали его по-разному. Как и большинство законов, принимавшихся в Вестминстере, он едва ли мог что-то изменить.

Беспокойство стало нарастать с новой силой, когда очередной год оказался неурожайным. Весной 1800 года чиновник из Бирмингема писал в Министерство внутренних дел: «Тысячи людей, особенно дети, находятся в шаге от голодной смерти». Власти осознавали, что голод дестабилизирует страну, которая ведет войну. Осенью Питт писал: «Не так важен вопрос мира или войны, как проблема дефицита, неизбежно связанная с ним; сейчас я не вижу способа эффективно справиться с напастями и нарастающими угрозами, которые таит в себе эта беда». Он писал это во время бунтов. В сентябре 1800 года зерновую биржу на Марк-Лейн в Лондоне осадили толпы людей после того, как на колонне в память о пожаре 1666 года появились листовки, в которых говорилось: «Хлеб будут продавать по шесть пенсов за четвертинку, если в понедельник люди соберутся на зерновой бирже». На следующий день толпа осадила несколько лавок хлеботор-

говцев в Уайтчепеле; на третий день появилась еще одна листовка с призывом к «голодающим братьям» собраться на Сент-Джордж-Филдс и «защитить свои права. Забудьте о солдатах, жаждущих крови. Они обратятся в бегство…». Бунты вспыхивали по всей стране. По словам Мэттью Болтона, в Бирмингеме было такое количество солдат, что город напоминал военный лагерь.

Само правительство пребывало в замешательстве. Коалиция против Наполеона была шаткой; Пруссия и Россия, Россия и Австрия, Австрия и Пруссия — все боролись за влияние в различных частях Европы. На Англию напасть было нельзя, но и ударить она не могла. Некоторые члены кабинета предпочитали, чтобы в Париже вновь воцарилась династия Бурбонов, однако подобный сценарий едва ли имел шансы на успех; другие полагали, что вести переговоры с Бонапартом было бессмысленно; третьи были уверены, что переговоры — единственный путь к успеху. Возникли разногласия относительно роли союзников в возможных мирных переговорах; стоит ли разрешить им участвовать, или Британия должна вести переговоры единолично?

Впрочем, все хотели мира. Казалось, люди порядком устали от войны, продолжавшейся уже

более семи лет. Желание это усилилось еще больше, когда противник с новыми силами пошел в наступление. Весной 1800 года Бонапарт перебросил войска через Альпы и одержал победу над австрийцами при Маренго. По Люневильскому мирному договору, заключенному 9 февраля 1801 года, Франция получала контроль над немецкими районами на левом берегу Рейна, Бельгией и Люксембургом, а также крупными областями Италии. Как писал один стратег, Бонапарт не сокрушал врага, а обезвреживал его. Британия вновь осталась один на один с Францией.

В этот момент, за пять дней до подписания мирного договора, Уильям Питт решил покинуть свой пост. Его уход стал неожиданностью для всего политического мира, многие с подозрением восприняли эту новость, полагали, что сие очередной «трюк» Питта, преследовавшего свои интересы. Говорили, что он не хотел быть вынужденным посредником при заключении мира с Наполеоном. Предполагали, что он переутомлен. Его здоровье действительно ослабло; он потерял присутствие духа на фоне охватившего страну голода и бунтов; Питт устал примирять всех и искать компромисс между враждующими сторонами. Однако в действительности уход Питта не

имел ничего общего ни с войной, ни с голодом. Дело было в Ирландии.

Во время переговоров об Акте об унии, в ходе которых Генри Граттан сокрушался о спящей красе своей страны, Питт ненароком высказал предположение, намекнул или дал понять, что вскоре последуют послабления для католического населения страны: католики вновь смогут занимать должности в сфере права и политики. Однако он не учел мнение короля, считавшего какие-либо уступки католикам противоречащими духу и букве его коронационной клятвы, в которой он обещал защищать англиканскую церковь. Монарх не мог допустить, чтобы во вверенной ему стране было несколько официальных религий. Георг III был столь же принципиален, сколь и упрям, и в этом вопросе оставался непреклонен. Во время королевского приема он подошел к одному из единомышленников Питта, Генри Дандасу, и довольно громко, чтобы его могли слышать многие из присутствующих, спросил: «Что это за идея, которую вы собираетесь мне навязать? Какая еще эмансипация католиков… Вот что я скажу: в каждом человеке, который будет склонять меня к этому, я буду видеть личного врага. Надеюсь, мои друзья не оставят меня».

Питту стало известно об этом разговоре уже через несколько минут. Он, ставивший свою репутацию превыше всего, счел своим долгом уйти в отставку. Король, зная, что у него есть замена правительству, удовлетворил желание первого министра. Питт покинул пост, уступив место Генри Эддингтону, которого можно было назвать надежным, верным, трудолюбивым и честным человеком; эти качества и определили выбор короля. Кроме того, у Эддингтона было еще одно преимущество, бесспорно подкупившее монарха: он выступал против дарования католикам дополнительных свобод. К сожалению, этих качеств было недостаточно, чтобы превзойти бывшего главу кабинета. С легкой руки молодого министра Джорджа Каннинга стал популярен довольно грубый стишок: «Питт и новый Эддингтон — что Лондон, а в нем — Паддингтон». Нового премьер-министра называли «доктор», поскольку какое-то время он занимался врачебной практикой и лечил состоятельных (и тем не менее нездоровых) людей. Отец Эддингтона также был известным терапевтом, среди пациентов которого, к слову сказать, числился и отец Питта, граф Чатам. Эддингтон не был выдающимся оратором, ему с трудом удавалось контролировать

палату общин, не говоря уже о народе.

Король в состоянии сильнейшего возбуждения, близком к истерии, вновь начал страдать от старой болезни. Как говорили многие, его охватило старое безумие. В своем недуге он обвинял Питта и католический вопрос, в ответ Питт пообещал ему никогда больше не поднимать эту тему. Через месяц король пришел в себя. Питт отошел от дел, однако ни одна партия не последовала его примеру. Он всегда был одиночкой, неудивительно, что многие его министры согласились служить под началом Эддингтона. На новый манер была переставлена лишь пара кресел, однако никаких глобальных изменений не произошло. Впрочем, одна значительная перемена, которая повлияла на политический мир в последующие годы, все же имела место. В отсутствие сильного лидера в лице Питта различные партии, которые ранее составляли единое правительство, теперь начали тянуть одеяло на себя. Питт по-прежнему сидел на правительственной скамье в палате общин, однако вдалеке от членов нового правительства; он ничего не делал для того, чтобы противостоять новой власти. Свой долг он видел в том, чтобы поддерживать новый кабинет, демонстрируя тем самым свою приверженность интересам короля.

Вскоре стало ясно, что Эддингтон жаждет мира любой ценой. Мира хотела и вся страна. Финансовые ресурсы государства были на пределе. Конфликт уже не казался символическим столкновением идеологий, в нем видели привычное состязание с целью установления выгодной расстановки сил на континенте. В начале октября 1801 года правительство объявило предварительные условия мирного договора. Вся сила народного одобрения стала очевидна, когда толпа лондонцев потащила экипаж французского посла по улицам с криками «Да здравствует Бонапарт!».

Однако правящий класс не разделял этой радости. Многие полагали, что из-за своей слабости Эддингтон добился мира слишком высокой ценой. По договору Англия должна была вернуть все захваченные во время войны владения в Средиземноморье и за пределами Европы, а также оставить территории в Вест-Индии и Южной Америке (за исключением Цейлона и Тринидада). Французы, в свою очередь, получали контроль над Нидерландами, Швейцарией и некоторыми областями Северной Италии. Договор, который в конце концов был подписан в Амьене весной 1802 года, санкционировал дальнейшее расширение

«естественных границ» Франции без каких-либо уступок. Эддингтон утверждал, что «это не просто мирный договор, но искреннее примирение двух мировых держав». Другие не были в этом так уверены. Продукты по-прежнему стоили дорого; в торговле царил хаос; пресловутый налог на доход пока не отменили.

Некоторые полагали, что принятое решение было наименьшим из зол. Газета Morning Chronicle, защищавшая интересы Фокса и его либеральных сторонников из партии вигов, утверждала, что «мир привел страну в упадок, хотя и был необходим». Некоторые старые министры из кабинета Питта, покинувшие посты вслед за ним, выражали свою позицию более откровенно. Уильям Уиндхем сказал: «Стране нанесли смертельный удар». Джордж Гренвиль заявил, что «всякая вера в нынешнее правительство полностью и безвозвратно утрачена». Генри Дандас был более осторожен в высказываниях. В разговоре с Питтом он заметил: «Единственное мудрое и дружеское решение с моей стороны — хранить молчание». Сам Питт, несмотря на внутреннюю неудовлетворенность, продолжал публично поддерживать правительство. Многие считали Амьенский мирный договор не более чем пере-

мирием, за время которого удастся восстановить силы, чтобы затем две страны смогли продолжить борьбу. Сам Бонапарт уже строил планы на новые военные кампании, стремясь установить свое господство на всем континенте. Осенью 1802 года он повел свои войска в Швейцарию; на это вопиющее нарушение условий мирного договора Эддингтон отреагировал довольно сдержанно. Начиналась эпоха, вошедшая в историю под названием «Наполеоновские войны».

31
Романтическая история

5 июня 1797 года Сэмюэл Тейлор Кольридж «свернул с большой дороги и, перемахнув через ограждение, приземлился на непроторенное поле, через которое он рассчитывал срезать себе путь». Так Уильям Вордсворт вспоминал одну из первых встреч со своим другом и поэтом, вместе с которым они искали новые средства выразительности и стали родоначальниками так называемого романтического движения в английской поэзии. У них было много общего. Оба сочиняли трагедии, написанные белым стихом, однако ни «Осорио» (Osorio) Кольриджа, ни «Жители пограничья» (The Borderers) Вордсворта не пользовались успехом у антрепренеров. Оба поэта уже издали по два небольших тома собственных сочинений: «Вечерняя прогулка» (An Evening Walk) и «Описательные наброски» (Descriptive Sketches) Вордсворта вышли в свет в 1793 году, а «Стихотворения на разные темы» (Poems on Various Subjects) и «Стихотворения» (Poems) Кольриджа — в 1796 и 1797 годах. К этому

времени поэты уже были знакомы — впервые они встретились в доме торговца сахаром в Бристоле. Кольридж, по его собственным словам, был впечатлен новаторской образностью и живыми красками поэзии Вордсворта, а тот, в свою очередь, восхищался подлинным талантом Кольриджа. Вордсворту было двадцать семь лет, Кольридж был на три года младше.

Восьмью годами ранее, в год начала Великой французской революции, поэты, находясь в самом впечатлительном возрасте, словно пробудились от глубокого духовного забвения. Они с искренним ликованием встретили гибель тирании, уничтожение идолов церкви и короля, традиций и авторитетов. Все казалось (и было) возможным. Кольридж, который еще учился в школе, написал торжественное стихотворение «Взятие Бастилии» (The Destruction of the Bastille). Вордсворт уехал во Францию, вкусил дух радостного возбуждения, а затем покинул страну, оставив там незаконнорожденную дочь. Он по-прежнему вращался в среде так называемых друзей свободы. В начале 1793 года Вордсворт написал открытое письмо, которое так никогда и не было опубликовано. В нем поэт назвал себя республиканцем, а уже через год написал другу:

«Я принадлежу к тому ненавистному классу людей, которые называют себя демократами».

Однако эпоха террора, захлестнувшая Францию в конце 1793 года, и вторжение французов в Швейцарию в 1798 году несколько отрезвили бывших сторонников революции. Кольридж поклялся заглушить в себе «писклявого бунтаря с игрушечной трубой» и вернулся к истокам унитарианства, согласно которому «истина есть Христос». Вордсворт отправился в пеший поход, а затем окончательно осел с сестрой в Дорсете. Пламя революции теперь едва трепетало, а в душе поэта мелькали отблески пантеизма, который лег в основу его более поздней поэзии.

Вордсворта и Кольриджа объединяло увлечение поэтом из Бристоля Томасом Чаттертоном. Молодые люди искренне восхищались им. Со «Сборником поэм» (Miscellanies) Чаттертона Уильяма Вордсворта познакомил его школьный учитель; в 1802 году в стихотворении «Решительность и независимость» (Resolution and Independence) Вордсворт упоминает поэта, называя его «милым мальчиком»[227]. С 13 лет и до самой смерти Кольридж вновь и вновь перепи-

---

[227] Примечания: 227
Перевод А. В. Лукьянова.

сывал свою «Монодию на смерть Чаттертона» (Monody on the Death of Chatterton). Томас Чаттертон олицетворял романтизм в эпоху дурновкусия, его ранний уход из жизни лишь усилил это впечатление. Считается, что он покончил с собой в семнадцать лет, приняв мышьяк в своей маленькой мансарде на Брук-стрит в Холборне; тогда высказывались догадки, что Чаттертон умер от бедности и голода в неравной битве за читателя своей страстной поэзии, которая воскрешала в памяти дух древности. Он писал стихи, выдавая их за творения средневекового монаха Томаса Раули, который в свое время якобы вел хронику героических и военных событий Средневековья. Стихи открывали двери в мир чудес и наслаждений. Словно звуки трубы они будоражили умы молодых Вордсворта и Кольриджа. Поэзия Чаттертона вела в затерянный мир фантазий, сверхъестественных событий и нечеловеческой отваги. Их совсем не смущало то, что эти стихи были мистификацией, ведь в любом случае они имели подлинное звучание.

Самоубийство Чаттертона воспринимали как величественную смерть гения, отвергнутого миром; говоря словами Джона Китса, другого преданного поклонника поэта, Чаттертон был «дитя

нужды и тягостных тревог»[228]. Впоследствии жизнь поэта и его смерть, запечатленная на холсте Генри Уоллиса, стали парадигмой духовной сущности романтизма. «Мрачная агония» Чаттертона, как ее называл поэт и эссеист Перси Шелли, была первой ласточкой в череде романтических страданий, которые в первые десятилетия XIX века составляли основную черту духовной жизни Европы. Чаттертон был одиноким гением *in excelsis* (*лат.*, «в вышних»).

Однако одиночество и гениальность в то время отнюдь не составляли суть приоритетов Вордсворта и Кольриджа. В 1797 году жизнь их оставалась неустроенной, а перспективы — туманными; они находились в поисках средств к существованию или покровителей. Более того, тогда казалось, что они нужны друг другу. Они совершали долгие прогулки по сельским окрестностям Сомерсета, где оба в конце концов и осели — Кольридж с женой и сыном, а Вордсворт с сестрой. Вордсворт всегда ходил по прямой, а маршруты Кольриджа были более витиеваты. В то время они задумались над созданием эпической поэмы под названием «Скитания Каина»

---

[228] Примечания: 228
Перевод В. Левика.

(The Wanderings of Cain), однако этот замысел так и не воплотился в жизнь. Спустя две недели после неудачи, в ноябре, прогуливаясь вдоль побережья Бристольского залива, поэты сочинили план поэмы «Сказание о старом мореходе» (The Rime of The Ancient Mariner). Однако, начав работать над совместным проектом, Вордсворт вдруг осознал, что у них несопоставимый уровень мастерства и его поэзия будет диссонировать с живым и ярким языком Кольриджа. По его словам, жизнь развела поэтов «по разным дорогам». Катализатором в их отношениях была Дороти Кольридж. Ее неподдельный интерес к простым творениям этого мира и искренний восторг, который вызывала у нее природа вокруг, помогли воссоздать пейзажи, среди которых в свое время гуляли друзья-поэты. Душевная простота ее дневников, начатых 20 января 1798 года, символизирует мир чувств и эмоций, в котором расцветали молодые поэты.

Плавность и живость языка Кольриджа не могла не вдохновлять его соратника по перу. В период с ноября 1797 по июнь 1798 года Вордсворт много писал, при этом расцвет его творчества пришелся на март и май. В стихах он поднимал тему нелегкой доли бедняков и рассуждал о становлении сознания поэта. В апреле 1798 года в

письме потенциальному издателю он заметил: «Я довольно быстро пишу и уже существенно приумножил число своих творений». В тот период было создано многое из того, что вскоре вошло в сборник «Лирические баллады» (Lyrical Ballads) 1798 года. Позднее, в «Литературной биографии, или Очерках моей литературной судьбы и размышлениях о литературе» (Biographia Literaria, or Biographical sketches of my literary life and opinions) 1817 года, Кольридж рассказывал, что в беседе с Вордсвортом о новом сборнике они решили включить в него поэзию двух типов. В первую категорию должны были войти стихи о «событиях и людях как минимум сверхъестественных». Поэтому туда попала и поэма «Сказание о старом мореходе». Что касается второй категории, в ней предполагалось осветить «предметы самой обычной жизни; герои и сюжеты должны быть такими, что можно найти в любой деревушке или ее окрестностях». Эгалитаристский революционный запал угас, однако стремление поэтов к равенству и демократии, коллективному человеческому опыту и общим ценностям нашло более безопасное воплощение.

Это стремление, в частности, проявилось в языке. Коль скоро поэты намеревались выбирать

сюжеты и ситуации «из обычной жизни», интуитивно средством выражения стал «язык, на котором действительно говорят обычные люди». Общий тон этих стихов порой был сбивчивым и просторечным, он напоминал популярные в то время уличные песни или шотландские баллады; впрочем, его никак нельзя было назвать искусственным. Язык поэзии и перифраз были делом привычки и традиции, а эти «кандалы, выкованные разумом» рьяно порицал Уильям Блейк.

С очищением языка появились новые смыслы. Реклама книги сулила «правдивое описание человеческих страстей, характеров и сюжетов». Авторы не обязательно предпринимали смелый эксперимент или дерзкую попытку новаторства; поэзия 1790-х годов стремилась к простоте уличных песен, рассказывая истории о сумасшедших матерях или мальчиках-недоумках. По-настоящему новым была живость стиля и эмоций (и именно так она воспринималась большинством). Ключом к успеху служила простота — не наивная и случайная, но продуманная и намеренная, в результате чего вера в «движение и дух», которые «присутствуют во всем», становилась более выразительной и очевидной. В этой поэзии есть место внутренним сомнениям, благодаря которым

язык берет на себя более глубокие психологические задачи, становясь проводником ассоциаций и пристрастий, порой более могущественных, чем сам предмет повествования. Оба поэта переносили величие в плоскость обыденности, облагораживая его сквозь призму изящества и простоты жизни, в которой людей не делили на святых и грешников. В этом заключались истинная свобода, равенство и братство. Именно поэтому в заметке для газеты Edinburgh Review критик и эссеист Фрэнсис Джефри язвительно сравнил «Лирические баллады» с «Правами человека» Томаса Пейна.

И вот наконец осенью 1798 года в свет вышел поэтический том объемом 210 страниц стоимостью пять шиллингов. Из 24 стихотворений книги 19 были написаны Вордсвортом. Перу его коллеги принадлежала поэма «Сказание о старом мореходе» (The Rime of the Ancient Mariner), открывавшая сборник; позднее Вордсворт пожалел об этом решении. В свою очередь, Кольридж считал стихи «единым трудом, если не по манере, то по духу». «Сказание о старом мореходе» можно рассматривать как пример поэтического величия, вполне достойного Вордсворта. В поэме рассматривается истинная значимость человеческого сострадания

в холодном и бездушном мире: старый моряк вынужден вести жизнь изгнанника, одинокого путника в представлении романтиков, при этом в произведении ясно прослеживается призыв к доброте и общности людей.

«Лирические баллады» завершались «Строками, написанными на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства при повторном путешествии на берега реки Уай» (Lines Composed a Few Miles above Tintern Abbey, on Revisiting the Banks of the Wye during a tour). Эти впечатляющие размышления, написанные белым стихом, открыли дверь в великую поэзию зрелого Вордсворта. В тот период он написал «Прелюдию, или Становление сознания поэта» (Prelude or, Growth of a Poet's Mind) и «Прогулку» (The Excursion). «Тинтернское аббатство» (Tintern Abbey) особенно сильно повлияло на формирование обновленного понимания пейзажа и природы, которые для многих приобрели черты священного покрова естественной религии. Некогда лишь воспевали их живописность, теперь в них видели могучую духовную или сверхъестественную силу. Благодаря поэзии Вордсворта природа приобрела божественную значимость великой праматери, защитницы благочестия и мудрости.

Она стала проводником нравственности, добрых и благотворных изменений человеческого сердца. Кольриджа и Вордсворта называли представителями «современной школы поэтов», и, когда Вордсворт в 1799 году переехал в Озерный край[229], сотрудничество поэтов получило название «Озерная школа» (Lake school). Паломники новой «поэтической религии» и поклонники творчества поэтов приезжали в эти места, и Вордсворт даже написал путеводитель для новых пилигримов.

Небольшой томик стихов поначалу не имел особого успеха, однако его значение для будущего английской поэзии сложно переоценить. Со временем книга стала неиссякаемым источником романтической духовности начала XIX века в Англии, которая воспринимается сегодня как неотъемлемая часть течения, охватившего Францию, Германию, Россию, Италию и Испанию.

Однако облака на горизонте озарились странным светом. К концу XIX века лозунги романтического движения превратились в призывы к властям о «великодушии» и мольбу о «человеческой общности» в попытке противостоять

[229] Примечания: 229

Озерный край (англ. *Lake District*) — горный регион и национальный парк на северо-западе Англии, в графстве Камбрия.

тирании политики невмешательства. Однако эта тема заслуживает отдельного исследования.

32
Прелести мирной жизни

Летом 1802 года по итогам конституционного референдума Наполеон был провозглашен пожизненным консулом. Новый проект конституции Французского консулата получил подавляющее большинство голосов (99 %). Революционные идеалы были окончательно похоронены; древо свободы вырвали с корнем, а равенство ценилось лишь на словах. Якобинское республиканство в Англии утратило всякий смысл. «Якобинство повержено и стерто с лица земли, — говорил Шеридан, — и кем? Тем, кого уже нельзя назвать отпрыском и защитником якобинства, — Бонапартом… он по-братски обнял его, а после задушил». Дни поборников свободы и демократии подошли к концу, и в 1801 году Уильям Годвин, автор «Исследования о политической справедливости» (An Enquiry Concerning Political Justice), а в прошлом ярый якобинец, писал: «Даже голодающий трудяга в пивной стал защитником аристократии».

Плачевное состояние якобинства проявилось

в неумелой организации тайных собраний так называемых революционеров во главе с ирландским полковником Эдвардом Деспардом, состоявшим на британской службе. Вместе с единомышленниками он основал тайное общество, кочевавшее из одной лондонской таверны в другую, из «Двух колоколов» (The Two Bells) в Уайтчепеле в «Кровоточащее сердце» (The Bleeding Heart) в Холборне, преследуя четкую цель — «уравнять гражданские, политические и религиозные права». На основании доносов, полученных от информаторов и полицейских-шпионов, Деспарда арестовали. Сорок его соратников задержали в таверне «Щит Окли» (The Oakley Arms) в Ламбете. В ходе судебного слушания утверждалось, что злоумышленники тайно готовили государственный переворот, планировали захват Банка Англии и Тауэра, намеревались освободить заключенных из тюрем и убить или взять в плен короля. Деспарда признали виновным и вздернули на виселице в деревушке Тайберн.

Дело шло к войне. Вскоре в этом не было уже никаких сомнений, поскольку Наполеон даже не собирался соблюдать условия Амьенского мирного договора. Впрочем, и сама Британия была не без греха: англичане не освободили остров

Мальту и не вернули ее ордену святого Иоанна Иерусалимского, как того требовал договор. На приеме в Тюильри 13 марта 1803 года Бонапарт в присутствии других дипломатов сделал выговор английскому посланнику и дипломату лорду Чарльзу Уитворту: «Это вы намерены идти на нас войной; вы вынуждаете меня объявить войну». Бонапарт был не из тех, кто уклонялся от брошенного ему вызова. Он добавил: «Клянусь честью, если вы первыми обнажите шпагу, я вложу свою в ножны последним. Горе тем, кто не чтит мирных договоров»[230]. Последняя шпага будет вложена в ножны лишь спустя тринадцать лет.

Первый консул вовсю готовился к войне. Солдаты взошли на борт французских кораблей в Средиземном море, а французская армия в Бельгии получила приказ двигаться к Дюнкерку и Гавру. Тем временем Георг III в обращении к парламенту призвал ускорить приготовления: во флоте не хватало людей, вербовщики появлялись на лондонских улицах и в тавернах и предлагали денежное вознаграждение тем, кто добровольно соглашался пополнить состав экипажа военного корабля, в противном случае новобранцы при-

[230] Примечания: 230

Цит. по: *Радзинский Э. С.* Наполеон. Исповедь императора. М.: АСТ, 2016.

нуждались к службе силой.

Вскоре стало ясно, что задачи премьер-министра, возложенные на Генри Эддингтона, ему не по плечу. Подписание мирного договора, который большинство считали постыдным и непродуманным, не способствовало укреплению его репутации, а скорее наоборот, утвердило всех во мнении, что Эддингтон слаб и слишком нерешителен для этой должности. Перед лицом угрозы вторжения Наполеона первый министр бездействовал. Чарльз Йорк, который в скором времени должен был стать секретарем Эддингтона, в разговоре с братом заметил, что «кризис, в котором мы оказались, ему не по плечу. Если честно, я считаю, что среди нас есть лишь один человек, который в силах со всем справиться; я имею в виду Питта». Однако Питт был не готов заменить своего преемника; он считал Эддингтона «куда глупее, чем он думал о нем раньше», но проигнорировать желание короля Питт не мог.

Положение действующего правительства стало еще более шатким в результате непродуманной и плохо организованной попытки призвать на службу добровольцев для участия в войне с Наполеоном. Поначалу желающие пополнить ряды английской армии откликались довольно охот-

но, однако вскоре стало ясно, что для подготовки новобранцев не было инструкторов, а для экипировки — оружия. В итоге офицерам на местах пришлось отдать приказ о приостановлении дальнейшего набора, а затем и вовсе прекратить его. Любое действие центральной власти теперь вызывало сомнения и недоверие. Воля и гений Бонапарта позволили ему создать мощные вооруженные силы, тем временем в Англии царило смятение.

16 мая 1803 года Георг III отдал приказ об аресте всех французских судов, а 18 мая между Францией и Англией официально началась война. Британский флот под командованием Уильяма Корнуоллиса направился к Бресту на побережье Атлантического океана, а сухопутные войска были переброшены во французскую колонию Сан-Доминго на острове Гаити. Бонапарт, в свою очередь, занимался активной подготовкой к вторжению в Англию. В Булони, как можно ближе к берегам Англии, был развернут военный лагерь, и, по расчетам, флотилия небольших судов могла пересечь Ла-Манш за одну ночь. Англию охватила паника; несмотря на неудавшуюся попытку организовать добровольцев, в боевой готовности находилось около полумиллиона человек.

Южное побережье было защищено сигнальными башнями и башнями мартелло. Впрочем, французы бездействовали, сознавая свою беззащитность перед мощным английским флотом, и на время Бонапарт оставил планы вторжения в Англию.

В день официального объявления войны Питт сменил Эддингтона на посту первого министра. Однако теперь он был слабее физически и морально, ему пришлось словно из лоскутков собирать правительство из представителей разных политических партий. Питт стал более рассеянным, утратил привычную деловитость и отказывался писать письма или решать какие-либо вопросы после ужина. У него появилась привычка плакать на людях, что не вызывало симпатий у более невозмутимых коллег, которые уже исповедовали *gravitas* (*лат.,* «серьезность») и сдержанность, принятые в XIX веке.

В конце 1804 года Бонапарт милостиво согласился принять титул императора Франции Наполеона I. Став императором, а не просто королем, он законно устранил с политической арены династию Бурбонов и потребовал себе мантию Карла Великого в знак своего безраздельного владычества в Западной Европе. Для проведения официальной церемонии коронации в Париж

был приглашен папа Пий VII, однако Наполеон сам взял корону из рук понтифика и водрузил себе на голову. Пруссаки, русские и австрийцы безмолвно взирали на происходящее.

2 января 1805 года новоиспеченный император направил Георгу III братское письмо, в котором красочно описал все прелести мирной жизни. Неужели после семи лет войны мирное соглашение было невозможно? «Неужто мы упустим момент, сколько еще продлится эта война, которую я, даже приложив все усилия, не могу закончить?» Это письмо представляло собой столь явное нарушение протокола, что на него просто нельзя было ответить. Георг счел его «не заслуживающим внимания», однако сам посыл обращения весьма интересен. Возможно, Бонапартом, считавшим все договоры и соглашения лишь кипой измаранных бумаг, руководили коварство и корысть; однако, вероятно, был в письме и намек на то, что французы сами не вполне уверены, что смогут противостоять потенциальной европейской «конфедерации» или финансовой и морской мощи Британии. Выступая в палате общин, Питт процитировал обращение Цицерона к римскому сенату, в котором тот обвинял Марка Антония: «Так почему же я отказываюсь от мира? Потому

что он постыден, потому что он опасен, потому что он невозможен». Впрочем, он мог бы добавить, что Цицерон предупреждал и о том, что движущей силой войны является нескончаемое финансирование.

Итак, задача Питта состояла в том, чтобы организовать противостояние императору на максимально обширных территориях, поэтому, вместо того чтобы разрабатывать единую континентальную политику, он принялся формировать новую коалицию союзников, объединенных страхом перед Наполеоном. В апреле 1805 года свои силы решили объединить Австрия и Россия. Когда через месяц Наполеон был провозглашен королем Италии и его власти подчинились Генуя и Савойя, союзники создали новый альянс, к которому примкнула и Англия. В состав третьей антифранцузской коалиции вошли Англия, Австрия, Россия, Швеция и, наконец, Пруссия. Однако, как и в случае предыдущих союзов, ему не суждено было просуществовать долго. Уже через год под натиском императора Франции третья коалиция развалилась.

Работая над созданием союза, Питт решил предпринять ряд внезапных атак, которые, по его замыслу, должны были предотвратить вторже-

ние Наполеона в Англию. Осенью предыдущего, 1804 года англичане потопили испанские фрегаты, перевозившие значительные суммы денег и драгоценности. В глазах испанцев это была откровенная провокация и повод для объявления войны, однако Питту уже было известно, что испанцы перешли на сторону Франции, и он лишь хотел завладеть частью испанских богатств.

В ходе подготовки к военной кампании два величайших военачальника на море и на суше — адмирал Нельсон и генерал-майор Артур Уэлсли, вскоре получивший титул виконта, а затем и герцога Веллингтона, случайно встретились в приемной Министерства по делам колоний (Colonial Office) в Уайтхолле. Впоследствии Веллингтон вспоминал: «Нельсон тут же завел со мной разговор, если я могу назвать это разговором, поскольку инициатива была полностью на его стороне, говорил он преимущественно о себе и с таким тщеславием и глупостью, что я был крайне удивлен и даже раздосадован. Полагаю, что, когда мне все-таки удалось вставить слово, он догадался, что я был *некто*». Нельсон на несколько минут покинул приемную, чтобы выяснить, кто же был его неразговорчивый собеседник, а вернувшись, «тотчас позабыл прежний

тон, который я счел шарлатанским, и заговорил… совершенно разумно, со знанием дела о вопросах внутренней и внешней политики, что, в отличие от первой части нашей беседы, меня приятно поразило; со мной говорил офицер и государственный муж».

Это описание дает вполне убедительный портрет эксцентричного адмирала — порой тщеславного и нелепого, но при этом знающего свое дело и умеющего убеждать. Нельсон был честолюбивым и целеустремленным. Его решимость и упорство, хотя и с меньшим рвением, разделял и герцог Веллингтон, которого закалила служба в Индии, поэтому он был сдержанным, а порой даже скрытным. Тем не менее оба знали, как взять верх над Наполеоном.

Главная цель третьей коалиции состояла в том, чтобы ограничить территории Франции теми землями, которыми она владела в 1791 году: это означало, что союзники должны изгнать Наполеона из Ганновера, Голландии, Северной Германии, Швейцарии, Неаполя и Северной Италии. Впрочем, успеху этого широкомасштабного предприятия отнюдь не способствовали корыстные цели и эгоистичные убеждения каждого отдельно взятого участника альянса. Так, Англия

стремилась пресечь притязания Бонапарта на континентальное господство, в то время как Австрия считала имперские замашки Франции оскорбительными для собственного имперского величия. Что касается царя Александра I, то им, по-видимому, руководил дух соперничества, хотя, разумеется, личные мотивы имеют свойство меняться при определенных обстоятельствах.

Для всех противников Франции сухопутная кампания шла не лучшим образом. Наполеон решил уничтожить австрийскую армию, прежде чем русские, выступившие из Польши, успеют прийти своим союзникам на помощь. С 200-тысячной армией Бонапарт совершил марш-бросок от Рейна к Дунаю, где окружил австрийские войска, которые 20 октября 1805 года сдались в битве под Ульмом. Французская Великая армия вновь продемонстрировала большую сноровку и расторопность, когда Наполеон повел ее через долину Дуная, готовясь к захвату Вены. Его «великий поворот», в ходе которого войска внезапно двинулись с Рейна на Дунай, был одним из самых выдающихся военных маневров того времени.

Победу Франции на суше, по крайней мере в глазах англичан, затмили новости с моря. В конце сентября Нельсон на корабле «Победа»

(Victory) присоединился к британскому флоту у испанского порта Кадис. Его воодушевление и возбуждение заставили некоторых офицеров прослезиться. Он желал «не просто победы, но полного уничтожения врага». Нельсон планировал выманить французов из Кадиса в сторону Гибралтара, к острым скалам мыса Трафальгар на востоке. 21 октября, раздавая последние приказы, он произнес знаменитую фразу: «Англия ждет, что каждый исполнит свой долг». Перед тем как был открыт огонь, он отдал еще один приказ: «Сокращайте дистанцию с противником!» Французские корабли выстроились свободно в форме полумесяца, выгнутого вправо в сторону материка, англичане шли в две колонны — адмирал Нельсон на «Победе» слева, контр-адмирал Катберт Коллингвуд на «Ройял Соверене» (Royal Sovereign) справа. Место морской баталии заволокло густым дымом, однако англичане, двигаясь на французов под прямым углом, смогли разорвать строй противника.

Один за другим все французские корабли сдались, однако англичане тоже понесли потери. Самого Нельсона настигла шальная пуля, и, смертельно раненный, он рухнул на палубу. Говорят, что в ту минуту он произнес: «Ну вот добрались и

до меня». Нельсон прожил еще два часа, до трех пополудни, а к пяти часам битва завершилась взрывом французского корабля «Ахилл» (Achille). Отточенная выучка британских моряков и дальновидность их командиров обеспечили победу Королевского флота в Трафальгарской битве.

Из 33 кораблей франко-испанской флотилии 17 были захвачены или потоплены. Британцы не потеряли ни одного судна. Победа утвердила превосходство Британии на море, и с тех пор все разговоры о возможном вторжении Франции прекратились. На банкете у лорд-мэра, состоявшемся в следующем месяце, гости поднимали тосты за Уильяма Питта, называя его «спасителем Европы», на что он довольно скромно заметил: «Я сердечно благодарю вас за столь высокую честь, однако Европу спас не отдельно взятый человек. Англия теперь спасена благодаря собственным стараниям, и я верю, она спасет Европу, вдохновив ее своим примером».

Победа при Трафальгаре навсегда запечатлелась в национальной памяти и триумфально вошла в историю военно-морского дела. Наполеон, находившийся в самом сердце Европы, не сразу узнал о поражении; получив известия, он, по свидетельствам очевидцев, вскочил из-за сто-

ла и воскликнул: «Я не могу быть везде!» Как бы то ни было, он готовился нанести решающий удар по русской и австрийской армиям. 13 ноября он вошел в Вену, где принялся за реорганизацию дел эрцгерцогства, однако к концу месяца Бонапарт уже шел в наступление против объединенных сил противника. Быстро перебросив войска, он встретился с врагом лицом к лицу 2 декабря 1805 года между городами Брно и Аустерлиц, где, умело маневрируя, сумел разделить союзную армию на две части. «Один точный удар, — говорил он, — и война окончена». Изображенная Наполеоном нерешительность сподвигла противника пойти в контратаку, и тут Бонапарт бросил в бой подкрепления, которые до сих пор скрывались в густом тумане. Кавалерия общей численностью 10 000 человек совершила несколько атак — и победа Франции была обеспечена.

Это сражение получило название «битва трех императоров», причем двое из них — царь Александр I и последний император Римской империи Франц II — покидали поле боя в смятении и замешательстве. Их армии обратились в бегство. Очевидец вспоминал: «Под конец уже не было ни полков, ни корпусов, лишь беспорядочные банды мародеров». В битве под Аустерлицем австрий-

цы и русские потеряли около 26 000 человек, французы — порядка 7000. Александр согласился отозвать войска, а Франц был вынужден принять унизительные условия мирного договора. Наполеон стал владыкой Европы.

Говорили, что известия об Аустерлицком сражении фактически убили Питта. Долгие дни и недели он ходил с так называемым «лицом Аустерлица», выражавшим глубокую печаль. Как-то лорд Окленд из партии вигов сказал, что от исхода этого сражения «зависело не только благополучие, но и существование Британской империи». Радость по случаю победы у Трафальгара оказалась преждевременной.

После победы при Аустерлице Наполеон с триумфом вернулся в Париж. Он провозгласил королем Неаполя своего брата Жозефа; другой брат, Луи, стал королем Голландии. А заклятый враг Бонапарта Уильям Питт находился при смерти. Личный секретарь Питта Уильям Дакр Адамс позднее писал, что глаза министра были «почти безжизненными», а голос — «глухим»; его рвало от любой еды, кроме сырого яйца с бренди. В разговоре со своим врачом сэром Уолтером Фаркухаром он однажды сказал: «Во время беседы о важном деле я вдруг почувствовал, словно меня

разрубили пополам». Виной тому могли быть его печень, почки или желудок.

В январе 1806 года, лежа на смертном одре, порой он бормотал «Правильно! Правильно!», словно слушая дебаты в палате общин. По разным источникам, вечером 22 января он воскликнул: «Как я люблю свою страну!» или «Как я покину свою страну?». Ранним утром следующего дня он умер; ему было сорок шесть лет. Двадцать пять лет он был путеводной звездой Вестминстера. Теперь звезда угасла, и, как сказал Фокс, «чего-то стало не хватать в этом мире».

Группа политиков, известная под названием «друзья мистера Питта», пребывала в замешательстве; все они были компетентными людьми, однако среди них не было ни одного, кто мог бы стать новым лидером, и, когда король спросил оставшихся министров, продолжат ли они службу при новом руководстве, они ответили отрицательно. Они не считали возможным, чтобы кто-то из них взялся руководить остальными. Когда король понял, что они не смогут сформировать новое правительство, он обратился к Уильяму Гренвилю, видя в нем возможного кандидата на пост. Отец Гренвиля когда-то был первым министром, а сам он, приходясь двоюродным братом

Питту, служил министром иностранных дел. Он, несомненно, имел большой политический вес, однако его нельзя было назвать питтовцем, он даже близко не был похож на покойного.

Гренвиль, в свою очередь, обратился к Чарльзу Джеймсу Фоксу и его сторонникам-вигам. В итоге правительство, которое было сформировано, не без сарказма называли «правительством всех талантов» (The Ministry of All Talents). Фокс занял пост министра иностранных дел. Те, кого тогда называли гренвильцы, фоксийцы, уиндхемцы, лэнсдаунцы, сидмутцы и эддингтонцы, также вступили в новое правительство. Это свидетельствовало о том, что виги в рамках своей политики отдавали должное роли личности в большой игре Вестминстера. Сам Гренвиль решился возглавить коалиционное правительство, направляя и предостерегая при этом различных независимых министров. Его должность нельзя было назвать стабильной, а его правительство просуществовало немногим больше года. Ярый виг Джон Кэм Хобхаус писал: «Ненависть, которую вызывала эта коалиция, оказалась сильнее их непродолжительной власти». Членов правительства обвиняли в кумовстве и коррупции, в итоге нападки слились в крайне многозначное

понятие «злоупотребление служебным положением». У вигов выдался не лучший год.

Фоксу предстояло ускорить проведение переговоров с Бонапартом и его представителями. В свое время именно Фокс воспевал революцию и рьяно отстаивал французские идеалы даже после того, как от них отступились самые преданные сторонники. Однако теперь он оказался в неудобном положении, осознав, что его давний герой Наполеон Бонапарт был столь же вероломным и опасным политиком, как и все прочие. Безуспешные переговоры с французским министром иностранных дел Талейраном убедили Фокса в том, что достичь мира будет не так просто. Французы по-прежнему проводили политику агрессии и континентальных завоеваний. В разговоре со своим племянником лордом Холландом Фокс заявил: «Их уклончивое и неискреннее поведение наводит на мысли о том, что они ведут нечестную игру». Тем не менее некоторые полагали, что Фокс, в прошлом ярый франкофил, все же заключит мир с Францией на любых условиях;

молодой Пальмерстон[231] писал: «Не понимаю, как в настоящий момент мир может принести нам хоть что-то, кроме бесчестия и поражения». Фоксу не пришлось долго мучиться от тревог и разочарований — осенью 1806 года он умер.

Упорство Наполеона было вполне объяснимо. В начале августа 1806 года некоторые княжества и королевства Южной Германии официально отделились от Священной Римской империи, существование которой подошло к долгожданному концу, и приняли покровительство Наполеона, признав его главой их новой конфедерации. Через месяц после смерти Фокса, в октябре 1806 года, войска Наполеона выдвинулись к границам Пруссии и в битве при Йене нанесли прусской армии сокрушительное поражение. Когда-то пруссаки славились отличной выучкой и грозным командованием, однако со временем их стройная система субординации дала трещину, они растеряли былое военное мастерство и утратили мобильность. Заветы Фридриха Великого были попраны. Гегель считал эту битву «концом

[231] Примечания: 231

Генри Джон Темпл, 3-й виконт Пальмерстон (1784–1865) — британский государственный деятель, возглавлял оборонное ведомство, занимал пост министра иностранных дел, а затем премьер-министра Великобритании.

истории», имея в виду гибель государств, которую он предвидел в свете имперских амбиций Наполеона.

Словно по команде французы оккупировали Пруссию, захватив по пути Берлин. Король Фридрих-Вильгельм III с семьей бежал на восток, чтобы заручиться поддержкой русского царя. Один из первых революционеров, граф де Мирабо говорил: «Прусская монархия такова, что не в состоянии пережить ни одну катастрофу». Так и случилось. Наполеон все чаще обращался в мыслях на восток, предвкушая захват таких обширных территорий, какие ему не доводилось завоевывать прежде. Победу над Пруссией широко праздновали по всей Франции, а один из государственных министров по имени Этьенн Паскье в то время заметил: «Даже подумать было нельзя, как все обернется». Однако радость французов омрачало желание вкусить плоды победы, главным из которых был мир.

Тем временем Наполеон пребывал отнюдь не в миролюбивом настроении. Уютно устроившись в недавно захваченном Берлине, он, по словам Паскье, «стал изъясняться и вести себя как полноправный монарх, который законно распоряжается своими подданными». Прусса-

ки больше не были врагами, превратившись в кучку мятежников, а прусская аристократия — в жалких придворных, которых можно разогнать одним взмахом руки. Все мысли Бонапарта теперь занимала Россия. Он продолжал продвигаться на восток и достиг Польши, которая некогда служила полноценным барьером между Францией и Россией; он захватил Варшаву, а затем отбросил русских на 50 миль (80 км) на восток от города. Он глубоко вжился в роль избавителя, поскольку Польшу долгие годы делили между собой Россия, Пруссия и Австрия. Как-то он сказал: «Это труп, в который надо сначала вдохнуть жизнь, прежде чем я начну думать о том, что с ним делать»[232]. Неудивительно, что некоторые поляки встретили Наполеона как освободителя. Он даже создал независимое государство — так называемое Варшавское герцогство[233], однако ему не было суждено просуществовать долго.

Пока Наполеон был в Берлине, он вновь вспом-

---

[232] Примечания: 232

Цит. по: *Погодин А. Л.* История польского народа в XIX веке. М.: Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1915.

[233] Примечания: 233

Великое герцогство Варшавское (польск. *Księstwo Warszawskie*) — государство, образованное в 1807 г. по Тильзитскому миру из польских территорий, являлось протекторатом наполеоновской Франции, было завоевано войсками шестой коалиции.

нил о старом враге. Коль скоро ему не удавалось победить англичан ни на суше, ни на море, он решил нанести удар по торговле и экономике страны. Торговля играла решающую роль в процветании Британии; стоило отрезать ее от главных коммерческих артерий или ограничить торговую активность, как страна тотчас почувствует это. А если объявить Англии торговую блокаду, то покорить ее не составит труда. По крайней мере, именно на это рассчитывал Наполеон.

В соответствии с Берлинским декретом о всеобщей блокаде Британских островов, составленном в одноименном городе в ноябре 1806 года, странам запрещалось вести торговлю с Британией, а также впускать ее корабли в свои порты. Все зарубежные рынки Британии отныне должны быть закрыты. Несмотря на крайнюю суровость этих мер, континентальная блокада — именно под таким названием она вошла в историю — не имела продолжительного эффекта. Британия была слишком богатой и промышленно развитой, чтобы ее можно было запугать; между тем Европа не обладала достаточными ресурсами, чтобы выжить при таком режиме. Даже солдаты Наполеона носили одежду, ткань для которой

изготавливали на севере Англии. Торговый кризис случился в 1808 году, а затем в 1811 году, и какое-то время стране даже угрожал голод, однако вскоре экономика стабилизировалась. Требования декрета либо игнорировали, либо отменяли в отдельно взятых частях империи, появился черный рынок запрещенных товаров, процветала контрабанда. Вскоре стало ясно, что, чтобы гарантировать соблюдение мер континентальной блокады, Наполеону следовало еще больше воевать и организовать еще больше военных кампаний.

В начале 1807 года Британия ответила на объявление блокады постановлениями от имени короля и Тайного совета о начале контрблокады против Франции. Нейтральным судам запрещалось входить в порты Франции и ее союзников, причем мощь британского флота гарантировала, что этот барьер не так-то легко обойти. Кофе, табак и прочие товары стали настоящей редкостью во французской столице.

Зимой 1806 года Наполеон продолжал наступление. Погода была ужасной, ветер пронизывал насквозь, а снег предательски заметал путь, однако для императора не существовало слова «невозможно». Окруженный армиями России,

Пруссии и Швеции, Наполеон продолжал марш на восток, сзади ему на пятки наступали австрийцы. На время остановить Бонапарта удалось только в битве при Эйлау — самом кровопролитном и бессмысленном сражении войны четвертой коалиции. Вскоре французский император продолжил движение вперед, пока в битве при Фридланде не разбил наголову русскую армию. Летом 1807 года Александр I был вынужден пойти на уступки — императоры встретились на плоту посередине реки Неман в Тильзите, чтобы подписать мирный договор и обсудить перспективы союза. Спустя два дня был подписан отдельный договор с Пруссией, согласно которому эту страну фактически разделили на куски. Теперь всем стало ясно, что Наполеон был бесспорным хозяином континентальной Европы, а при поддержке России он мог со временем уничтожить и Британию. Русский командир заметил: «Два императора пожали друг другу руки. Европа может дрожать от страха». Сам Георг III был убежден, что с Наполеоном придется договариваться.

О чем на самом деле велись разговоры осенью 1807 года? Леди Бессборо, любовница Шеридана и мать писательницы Каролины Лэм, сообщала британскому послу в Санкт-Петербурге о главных

новостях дня. «Война с Россией? Да ну бросьте. С Америкой? Еще более маловероятно. Что есть причина сильнейшего волнения в каждом доме, на каждой улице, в каждой лавке, в каждой мансарде Лондона? Ну конечно же компания “Лайт энд Хит”… Яркий свет, осветивший улицу Пэлл-Мэлл в этом году, горит теперь повсеместно, озаряя все вокруг, словно комета». Улицы Лондона освещались теперь газовыми фонарями, и каждый, кто видел это впервые, был уверен, что улицы вымощены золотом.

Еще весной 1807 года бесславное «правительство всех талантов» ушло в отставку. Провал Уильяма Гренвиля был обусловлен не столько многочисленными победами Наполеона, сколько бесконечной борьбой между королем и министрами по вопросу Ирландии: правительство выступало за уступки для основной части католического населения страны, однако король по-прежнему колебался. Когда Георг настоял на том, чтобы все члены кабинета подписали письменный отказ от дальнейших попыток борьбы за эмансипацию католиков, правительство в знак протеста подало в отставку. Джеймс Гилрей опубликовал карикатуру под названием «Одержимые свиньи, или Широкие зады, бегущие очертя го-

лову в море погибели» (The Pigs Possessed or the Broad bottom'd Litter running headlong into ye Sea of Perdition). Георг, изображенный в виде фермера, поносит свиней, пытающихся перепрыгнуть через пропасть: «Проклятые неблагодарные твари!» «Широкозадые» — так в то время называли разнопартийное правительство.

Впрочем, «правительство всех талантов» за время своей работы все же совершило один поистине героический поступок — добилось отмены работорговли. Время пришло. Весной 1807 года Акт об отмене работорговли (Act for the Abolition of the Slave Trade) был принят в палате общин большинством голосов: 283 парламентария проголосовали за и лишь 16 — против. Эта победа удивила даже Уильяма Уилберфорса, который усмотрел в случившемся волю Провидения. В отличие от работорговли само рабство просуществовало еще двадцать шесть лет.

Когда «все таланты» бывшего правительства потонули в реке забвения, на политической арене появилась новая «свинья» в лице герцога Портлендского[234]. Когда Гренвиль ушел в от-

[234] Примечания: 234

Уильям Кавендиш-Бентинк, 3-й герцог Портлендский (1738–1809) — британский политический деятель, дважды занимавший пост премьер-министра Великобритании.

ставку, его сменил 69-летний старик с крайне слабым здоровьем и пристрастием к настойке опия. Герцог Портлендский не мог бы управлять и яслями, не говоря уже о кабинете министров. Вскоре он утратил всякую способность заниматься политическими делами, читать длинные депеши или вести продолжительные беседы. Каменная болезнь вызывала у первого министра продолжительные периоды сильной боли, и тогда говорили, что он либо спит, либо молчит. Неудивительно, что его часто воспринимали как подставное лицо, лишь формально управлявшее кабинетом, члены которого конкурировали между собой и придерживались противоречащих друг другу принципов. Это сборище, вечно плетущее интриги и составляющее заговоры друг против друга, получило название «Кабинет переулков и закоулков» (The Ins and Outs).

Пожалуй, при таком правительстве продолжать противостояние с Наполеоном было нелегко. На открытии очередной сессии парламента 28 января 1808 года Георг III предупредил, что настоящая борьба еще впереди. В официальной ноте, опубликованной в журнале Moniteur двенадцать дней спустя, Бонапарт пообещал, что мир наступит лишь тогда, когда Англия лишится сво-

их заморских владений, составлявших «главный источник ее богатства».

Как бы то ни было, ход войны изменился, когда Наполеону пришлось обратить внимание на южный фронт. Пиренейский полуостров стал представлять угрозу. Весной 1808 года по приказу императора его старший брат Жозеф узурпировал власть в Испании и был провозглашен новым королем, а Испания вошла в состав Французской империи. Испанцы не желали подчиняться правителю-иностранцу, в Мадриде вспыхнуло восстание. Шесть делегатов из Астурии, где была создана местная хунта для борьбы с Наполеоном, отплыли в Англию и, прибыв в Фалмут, обратились за помощью к британскому правительству. В Лондоне их встретили с нескрываемым воодушевлением. Как можно было упустить возможность открыть еще один фронт против Франции, выстроить систему командования и наладить морские пути сообщения? Вряд ли что-то сулило столь же радужные перспективы. На полуостров перебросили 10 000 солдат под командованием сэра Артура Уэлсли.

Португалия также подняла восстание против Франции, которая годом ранее захватила Лиссабон. В свое время Наполеон решил, что блокада

Британии будет более результативной, если закрыть португальские порты. Португальцы были категорически не согласны с таким решением. Император полагал, что его армии не составит труда покорить Пиренейский полуостров, однако он не учел особенности местности и нрав здешних жителей. Народ, в большинстве своем крестьяне и духовенство, восстал против иностранных поработителей и устроил настоящий хаос. Партизанские атаки, перестрелки и бандитские нападения — такого не ожидал никто, и никто не знал, как найти управу на мятежников. Местные силы и французская армия, без сомнения, стоили друг друга.

В начале лета 1808 года английская армия генерала Уэлсли высадилась в Опорто, где ее усилили португальские ополченцы. В битве при Вимейру в середине августа французские войска потерпели серьезное поражение. Однако британские переговорщики под командованием сэра Хью Далримпла пошли на неоправданные уступки. Согласно конвенции, подписанной в Синтре, французы должны были вывести свои войска из Португалии, при этом им позволялось забрать оружие и технику. Когда новости о Синтрской конвенции достигли Лондона, многие с презрени-

ем и тревогой отнеслись к столь неадекватному решению англичан. Говорили, что Георг III «был крайне зол», а в специальном выпуске Gazette сообщалось, что «всеобщее негодование достигло в эти дни своего пика… люди словно сошли с ума». Британия упустила такую возможность! Многие полагали и утверждали, что экспедиция в Португалию обернулась не триумфом, а катастрофой. По этому делу в тот же год была создана следственная комиссия. Уэлсли был оправдан и восстановлен в правах, а Далримпл навсегда отстранен от командования.

В Испании французы были немногим удачливее. После унизительного поражения при Байлене, когда 20 000 французских солдат были вынуждены сдаться испанской армии, Бонапарт решил, что отныне на фронте требуется его личное присутствие. Отстаивать честь Британской империи поручили сэру Джону Муру. Зимой 1808 года Мур подошел к Саламанке, однако в этот момент Наполеон прорвал испанскую оборону и завладел Мадридом. Первоначальный план реализовать уже было не суждено, однако Муру удалось отвлечь Бонапарта, взяв курс на северо-запад через горы Галисии. Несмотря на тяжелые потери в арьергарде во время ожесточенных

боев на марше, ему удалось отступить к базе в порту Ла-Корунья и эвакуировать большую часть своего корпуса. Он существенно задержал Наполеона, который потерял всякую возможность вернуть Португалию или подчинить Испанию, что со временем определило исход Пиренейской кампании. Это предприятие дорого обошлось императору как с точки зрения людей, так и финансов; он бросил силы на второй фронт, на котором у него не было шансов на победу. Фронт оказался ямой, поглощавшей оружие и солдат. На следующий день после битвы при Ла-Корунье, 17 января 1809 года, Наполеон покинул Испанию и больше туда не возвращался.

Впрочем, туда вернулись британцы. В контексте честолюбивых планов Наполеона по установлению господства в Европе завоевание Пиренейского полуострова поначалу не имело для него особого значения, однако для его заклятого врага эта территория представляла важнейший плацдарм, так как он обеспечивал доступ в Европу через порты Лиссабона и Опорто. Господство в регионе позволило Британии упрочить свои позиции на последующих переговорах. Уэлсли вернулся на полуостров весной 1809 года и в качестве командующего объединенными

силами нанес поражение Франции в двух значительных битвах. После победы при Талавере, к юго-западу от Мадрида, он получил титул виконта Веллингтона.

Наполеон отправил в Испанию 350 000 солдат, однако этого оказалось недостаточно. Партизанские отряды разметали стройные ряды французской армии, а Веллингтон, действуя методично и прагматично, вконец измотал противника. Пользуясь особенностями ландшафта, он часто умело прятал войска, а затем выходил на ничего не подозревающего врага «длинной красной стеной». Бонапарт всегда недооценивал Веллингтона, называя его «сипайским генералом» из-за его службы в Индии, однако тот сильнее, чем любой другой генерал, подточил французскую армию.

Новости с Северного театра военных действий были менее обнадеживающими. В начале 1809 года была сформирована пятая антинаполеоновская коалиция, включавшая Англию и Австрию. Победа эрцгерцога Карла Австрийского в битве при Асперне разрушила миф о неуязвимости Наполеона, однако последовавшее за этим поражение австрийцев при Ваграме поумерило их оптимизм.

28 июля, спустя три недели после битвы при

Ваграме, британцы высадились на территории оккупированной французами Голландии, чтобы уничтожить французскую морскую базу в Антверпене, где Наполеон снаряжал новый флот. Для британцев это был шанс уничтожить зарождавшуюся морскую угрозу. Английские корабли собрались у побережья Саут-Даунса в Южной Англии и отправились к острову Валхерен в устье реки Шельда, недалеко от порта Антверпен. Однако неумолимый враг появился там, где его не ждали. На острове свирепствовала малярия, которая быстро подкосила англичан; 4000 человек погибло, 12 000 были не в состоянии сражаться. К концу года «валхеренская лихорадка» вывела из строя половину британских войск, и 23 декабря выжившие отплыли домой. Кампания обернулась настоящей катастрофой, вызвав на родине всеобщее негодование. Страна понесла огромные человеческие и финансовые потери.

Провал голландской экспедиции подорвал и без того слабый авторитет действующего правительства. Предательство в Синтре предыдущим летом, когда французам позволили уйти с оружием, запустило процесс распада правительства. Постоянные споры и разногласия внутри кабинета сильно били по его эффективности. К

весне 1809 года состояние Портленда ухудшилось настолько, что его преемник имел все шансы занять должность в ближайшее время. Министр иностранных дел Джордж Каннинг стремился занять этот пост, однако встретил соперника в лице министра по военным делам и колониям лорда Каслри[235]. Каннинг настаивал на его отставке, ссылаясь на его неумелое руководство военной кампанией, и даже тайно договорился с Портлендом, что Каслри будет смещен с должности при первом удобном случае. Однако Каслри узнал о сговоре и вовремя почуял предательство. Осенью того же года он вызвал Каннинга на дуэль на пустоши Путни-Хит. Каслри был хорошим стрелком, Каннинг же никогда не держал в руках пистолета; когда Каннинг был ранен в бедро, оба дуэлянта сочли необходимым уйти с высоких государственных постов, поскольку эта ребяческая или старомодная выходка дискредитировала обоих. Лорд Портленд, глава раздробленного кабинета, вскоре последовал их примеру.

---

[235] Примечания: 235

Каслри Стюарт Роберт (1769–1822) — британский государственный и политический деятель, дипломат ирландского происхождения, военный министр, а впоследствии министр иностранных дел. Представлял Британию на Венском конгрессе, автор британского меморандума о внешней политике, провозвестник Лиги Наций, сторонник унии Великобритании и Ирландии.

Оставшиеся министры смотрели друг на друга с нескрываемым подозрением, и вскоре начались «бесконечные встречи и пристраивания на должности», как назвал их Каннинг. Сам он по-прежнему лелеял надежду занять высочайший пост, однако его недавнее поведение фактически лишило его шансов; он писал, что по-прежнему «одной ногой здесь, другой — там». В любом случае остальные члены кабинета сочли его тайный сговор с Портлендом против коллеги непростительным поступком.

Король избрал самый безопасный вариант и назначил на должность первого министра канцлера Казначейства Спенсера Персиваля. Это был ярый протестант, который создал целое неформальное объединение друзей и семей, выступавших за реформу нравственности и общества. Человек старой закалки, Персиваль был основательным, надежным и принципиальным. Борец за права Ирландии и парламентарий Генри Граттан однажды заметил: «Он — не линейный корабль, однако на его борту немало орудий, он крепок и выходит в море в любую погоду». Персиваль был невысок, худощав и энергичен. Он занял пост министра за три недели до смерти Портленда.

Поначалу никто не верил в жизнеспособность

нового правительства. Вновь обратимся к морским метафорам, которые пользовались такой популярностью в то время. Когда достопочтенный Фредерик Робинсон отклонил предложение занять относительно незначительный пост помощника министра, он написал: «Взойдя на борт шаткого корабля, у меня есть все шансы вместе с остальными пойти ко дну». Впрочем, наперекор всему корабль выстоял, и плавание продолжалось.

Однако надвигался шторм. Британский народ устал от войны с Наполеоном, продолжавшейся с небольшими перерывами целых семь лет. Недовольство усиливалось по мере ухудшения экономических условий в 1808 и 1809 годах, когда нужды военного времени привели к снижению экспортной торговли, а в результате и к общему экономическому спаду. К 1811 году многие банки графств вынужденно закрылись, что сильно ослабило механизмы кредитования, поддерживавшие страну. Среди тех, кто ратовал за мир и процветание, были прядильщики хлопка из Манчестера и ручные ткачи Ланкашира.

О степени недовольства народа можно судить по внезапным, но бурным мятежам, которые подрывали равновесие в столице. В 1810 году член

партии тори сэр Фрэнсис Бердетт написал письмо своим сторонникам в Вестминстере, в котором раскритиковал палату общин за предполагаемое нарушение прав парламента. Письмо в радикальной газете Political Register опубликовал Уильям Коббет[236]. Текст письма сочли клеветническим, а его автора — заслуживающим заключения в Тауэр. Когда вышел ордер на его арест, лондонская толпа устроила бунт и фактически завладела городом. Бердетт отказался выходить из дома на Пикадилли, а центр Лондона стал ареной для стычек разъяренной толпы и добровольческих отрядов. В конце концов Бердетт был арестован, а Веллингтон в свете случившегося писал: «Правительство и страна катятся ко всем чертям; я каждый день в ужасе жду новостей о том, что лондонская толпа стала во главе государства». Самого Бердетта теперь почитали национальным героем, вставшим на борьбу с «государственными крысами».

Атмосфера в столице была настолько накалена, что вскоре вспыхнул еще один бунт, поводом

[236] Примечания: 236

Коббет Уильям (1763–1835) — английский публицист и историк. Выступал за реформу парламента и упразднение «гнилых местечек». Так назывались обезлюдевшие в конце XVIII — начале XIX в. деревни и городки в Великобритании, сохранившие при этом представительство в парламенте.

для которого послужил довольно безобидный вопрос относительно цен на билеты в театр Ковент-Гарден. Когда осенью 1809 года театр вновь открыл свои двери после пожара, цены на билеты выросли, а также было построено несколько дополнительных лож. Обычные граждане сочли это оскорблением, и группа протестующих ежевечерне срывала представления, а в конце сентября даже вынудила руководство закрыть театр на десять дней.

Такова была напряженная обстановка осени 1810 года, когда король вновь впал в излишне разговорчивое состояние сродни безумию, вызванное порфирией. На этот раз состояние монарха не улучшалось. Он вел воображаемые беседы с умершими друзьями и проводил смотры воображаемых войск.

В начале следующего года принц Уэльский был объявлен принцем-регентом, полномочия были предоставлены ему лишь на год на случай внезапного выздоровления отца. Однако Георга III подолгу держали в смирительной рубашке в темной комнате, а регент фактически исполнял все обязанности короля. Многие были уверены, что для формирования кабинета регент обратится к своим старым друзьям-вигам, но с возрастом

он стал консервативнее. Он симпатизировал Спенсеру Персивалю, ярому субботствующему протестанту, поскольку их характеры были диаметрально противоположны. Как известно, мы склонны восхищаться теми, кто представляет для нас недостижимый идеал. Как и регент, Персиваль был противником эмансипации католиков, а в вопросах войны дерзок и решителен. Когда его утвердили в должности, ему пришлось проявлять не меньшую решительность и в вопросах внутренней политики.

Огромная комета, озарившая ночное небо в 1811 году, для многих служила дурным предзнаменованием. Суровые зимы 1811 и 1812 годов вкупе с континентальной блокадой Наполеона привели к острой нехватке продуктов питания. Более 45 000 жителей Спиталфилдса выступили с петицией о получении места в работных домах из-за острой нехватки хлеба. Это была лишь прелюдия к более масштабному протесту, получившему название «Дело» (The Thing) или «Старая коррупция» (Old Corruption). Такие радикальные периодические издания, как Pig's Meat, Black Dwarf и Axe to the Root, всячески подстрекали людей к мятежу. В феврале 1811 года прядильщики хлопка из Болтона с горечью восклицали:

«О, тяготы и невзгоды, когда же вы перестанете терзать тружеников-ремесленников?» С мольбой о помощи к властям обратились 40 000 жителей Манчестера.

Наиболее серьезную угрозу представляли так называемые луддиты. Весной 1811 года вязальщицы из Ноттингемшира потребовали от работодателей повышения жалованья и отказа от использования неквалифицированного труда. Выступая против вытеснения людей из производства, они уничтожили несколько станков, что вскоре стало частью их тактики. Их примеру последовали рабочие из Дербишира и Лестершира. В течение одиннадцати месяцев было организовано более сотни акций протеста и уничтожено около тысячи машин. Капитан армии Фрэнсис Рейнс утверждал, что «луддиты действовали как сплоченное войско и собирались на пустырях и болотах для отработки взаимодействия и тому подобного».

Когда беспорядки, сопровождаемые поджогами и попытками расправ над властями, добрались до Йоркшира, на помощь были призваны добровольческие отряды, и начали работу выездные суды присяжных. Было повешено семнадцать активистов. Владельцы мануфактур открывали

огонь по всем, кто угрожал их фабрикам. Двести протестующих прошли маршем по Болтону, во главе процессии несли «соломенное чучело» в честь Джека Строу, предводителя восстания конца XIV века, чье имя было не забыто. Как писали в газете Mercury, которая выходила в Лидсе, чучело символизировало «прославленного генерала Лудда». Акция, начавшаяся исключительно как промышленный протест, переросла в протест социальный и политический. В 1813 году 30 000 человек в Ланкашире и Йоркшире подписали петицию с требованием о реформе парламента. В тот период провести четкую грань между промышленными и политическими волнениями было невозможно.

На самом деле никакого «Недда Лудда», «капитана Лудда» или «генерала Лудда» не существовало. Протестующие не нуждались в номинальном герое. Ими руководило недовольство в связи с высокими ценами на еду, плохими условиями труда, уничтожением традиционных устоев и войной. Остановить это движение можно было лишь силами властей. В Йорке прошел массовый суд над протестующими, в результате к повешению или ссылке в колонию приговорили 60 человек, а когда был принят закон, согласно

которому уничтожение машин признавалось преступлением, карающимся смертной казнью, лорд Байрон в своей первой речи в палате лордов заявил: «Когда дело идет о том, чтобы даровать свободу или оказать помощь, вы колеблетесь, рассуждаете годами, медлите, стараетесь убедить других, а вот когда требуется санкционировать закон, карающий смертной казнью, вы считаете, что это нужно сделать сейчас же, без минуты промедления и не раздумывая о последствиях»[237].

В самый разгар беспорядков, в мае 1812 года, Спенсер Персиваль был застрелен в приемной палаты общин разгневанным предпринимателем Джоном Беллингемом. Луддиты и бастующие восприняли его смерть как величайшую победу свободы над властью угнетателей. В местной газете писали, что на севере Стаффордшира, где располагалось крупнейшее в стране производство керамики, «по улице бежал человек, подскакивая от восторга, размахивая шляпой и крича с неистовой радостью: “Персиваля застрелили, ура! Персиваля застрелили, ура!”»

Пока снаружи Вестминстера царили веселье и ликование, внутри правили тревога и ужас.

---

[237] Примечания: 237
Перевод О. Холмского.

Вновь встал вопрос о достойном руководителе. Полагали, что возможным кандидатом на пост первого министра мог бы стать брат Веллингтона Генри Уэлсли; однако не все министры были готовы работать под его началом. В конце концов золотая чаша, а по мнению некоторых, чаша с ядом досталась лорду Ливерпулю. Он был прагматичным лидером, который делал любой шаг вперед с чрезвычайной осторожностью и лишь тогда, когда для этого представлялась возможность. Его правительство просуществовало целых пятнадцать лет, вплоть до его смерти. Успехи европейских союзников и окончательная победа над Наполеоном триумфально завершили его пребывание на высоком посту.

Теперь французский император всерьез рассматривал возможность вторжения в Россию. Царь Александр I отказался от соблюдения континентальной блокады; по-видимому, план Наполеона состоял в том, чтобы сойтись с русской армией в решающем сражении и заставить противника выполнить его требования. Бонапарт рассчитывал, что кампания в Российской империи будет короткой, при этом император явно не планировал идти с армией в глубь страны, в это царство льда и снега, однако Великое княжество

Московское неотвратимо влекло его вперед. Там Наполеону суждено было встретиться с судьбой.

С армией из 600 000 человек Наполеон пересек реку Неман в начале лета 1812 года; утверждают, что это была самая многочисленная армия в истории, однако, по словам самого императора, «такого человека, как я, мало заботит жизнь миллиона людей». Пока его огромная армия продвигалась по Западной России, казалось, все шло хорошо; впрочем, перебои со снабжением возникали все чаще. Русские остановили войска Бонапарта на подходах к Санкт-Петербургу, и французы бросили все свои силы на Москву. В битве при Бородине 7 сентября (26 августа по старому стилю) ни одна из сторон не добилась решающих результатов. Хотя французы захватили позиции русской армии, говорить о победе было рано. Русские могли пополнять свою армию бесконечно, а французы были вынуждены обходиться теми силами, что у них имелись. Когда через неделю Наполеон вошел в Москву, город пылал, а большинство жителей эвакуировались. Идти было некуда; бедственное положение усугублялось распространявшейся эпидемией. Неумолимо приближалась зима, грозя метелями и вздувшимися реками, которые невозможно

было перейти. Главными врагами теперь были мороз, лед и снегопады.

17 октября Наполеон отдал приказ армии отступать к Смоленску. К концу ноября его армия пересекла реку Березину. По словам очевидца, армия «была похожа на караван или кочевников». Съестные припасы подошли к концу. Жуткий холод нарастал, свирепствовали болезни, лошади поскальзывались на льду и умирали; местные крестьяне не упускали возможности отомстить отступающему врагу: они сжигали и закапывали французов живьем, вышибали им мозги мотыгами и лопатами. Тиф и дизентерия довершили дело. Армия, когда-то насчитывавшая многие сотни тысяч солдат, теперь не превышала 30 000. 5 декабря в Сморгони император оставил свою армию под предлогом срочных дел в Париже — там его ждали другие сражения. Он уехал тайно, в сопровождении узкого круга приближенных. Это было не просто унижение, это была катастрофа. Вернувшись в Париж, Наполеон устроил череду балов и маскарадов, однако все ясно понимали, что его дерзновенным завоеваниям пришел конец.

Торжество британцев по случаю унизительного провала русской кампании Наполеона усилива-

лось тем, что виконт Веллингтон победоносно вошел в Мадрид летом 1812 года и изгнал брата Наполеона с королевского трона. В битве при Виттории летом следующего года Веллингтон полностью очистил Испанию от французов. Это стало переломным моментом в европейской истории, когда баланс сил наконец сместился не в пользу Франции. В соборах Санкт-Петербурга служили благодарственные молебны, а Бетховен написал «Победу Веллингтона, или Битву при Виттории» в честь знаменательного события.

Перемирие, заключенное летом 1813 года, продлилось лишь с июня по август. Не было сомнений в том, что грядет последняя битва между Францией и ее многочисленными противниками, включая Пруссию, Россию, Англию, Швецию и Австрию. Именно поэтому она и вошла в историю под названием «Битва народов», или, если быть точнее, битва при Лейпциге. Спустя четыре дня Наполеон был разбит наголову, и в этой кровавой бойне уцелело лишь 80 000 человек. Войну он проиграл. Лидер партии тори Джордж Гамильтон-Гордон, лорд Абердин, писал министру иностранных дел Каслри, что «освобождение Европы пришлось как нельзя кстати». Казалось, что великан наконец повержен. Поражение на-

несло невосполнимый урон военной репутации Наполеона; он уже не был непобедим на поле боя. Новости о сражении под Лейпцигом не на шутку встревожили французов, и префект полиции Парижа Этьен Денис Паскье писал, что «надеяться больше не на что: все иллюзии разбиты в прах».

В начале 1814 года Наполеон перешел к обороне, однако его дерзость, коварство и стратегические навыки помогли ему вновь преисполниться решимости. В феврале началась так называемая Шестидневная война, в которой Наполеон блестяще переиграл противника и одержал ряд небольших побед с армией из 30 000 человек. Разумеется, этого было недостаточно, учитывая, что теперь враг существенно превосходил его числом. В начале марта союзники подтвердили свою решимость и пришли к соглашению о создании шестой коалиции, скрепив обязательства договором. Австрия, Россия, Пруссия и Великобритания теперь считались четырьмя «великими державами» Европы — это событие изменило ее облик как с политической, так и с географической точки зрения.

Во Франции разгорались восстания, война за границей была проиграна, и Наполеон понимал, что конец близок. В конце марта союзные армии

России и Пруссии дошли до окрестностей Парижа, а 31 марта французы сдались. За 400 лет в столицу Франции не вступала ни одна иностранная армия. Наполеон, пытаясь пробраться во взятый в кольцо город, опоздал на два дня. У него не было ни малейшего желания подписывать договор о капитуляции, однако его маршалы заставили это сделать. «Армия подчинится мне», — сказал им Наполеон, на что получил ответ: «Армия подчинится своим командующим». Игра кончилась.

6 апреля 1814 года император подписал акт об отречении, в котором заявил: «Император, верный своей присяге, объявляет, что отказывается за себя и детей своих от тронов Франции и Италии»[238]. Спустя три недели он взошел на борт судна Королевского флота «Неустрашимый» (Undaunted) и под конвоем отплыл на остров Эльба. Через несколько дней в Париж вступил Людовик XVIII, однако там его ждал прохладный прием. Тем не менее мир заразителен, и вскоре столица превратилась, по словам австрийского министра иностранных дел графа Меттерниха, «в огромный, грандиозный, прекрасный сумасшедший дом». Казалось, все европейские монархи и

[238] Примечания: 238

Цит. по: *Романов П. В.* Россия и Запад на качелях истории. От Павла I до Александра II. М.: Амфора, 2009.

политики участвовали в бесконечной череде балов, ассамблей и приемов. Именно здесь в конце мая был подписан Парижский мирный договор, который предусматривал возвращение Франции в границы, установленные в ноябре 1792 года, то есть до того, как новая революционная армия наводнила Европу.

Детали договоров были тщательно проработаны, новые границы государств определены, а достигнутые договоренности закреплены на бумаге в ходе Венского конгресса, который начался в сентябре 1814 года. В ходе переговоров, продолжавшихся с начала осени 1814 по июнь 1815 года, участники заново перекроили земной шар. Это была одна из самых значимых конференций в новой истории, в ходе которой на карте мира были обозначены государства, которые просуществовали целое столетие, при этом авторитет четырех великих держав считался непререкаемым. Движимые недоверием и страхом, опасаясь сговоров и ловушек, державы делали все, чтобы не растерять свои позиции. Каслри стремился обеспечить «справедливое равновесие» между сторонами. Умело ведя переговоры со всеми участниками, в конце концов он достиг цели. Австрия и Пруссия договорились о создании

Германского союза, а царь Александр I поумерил свои территориальные амбиции. Государства пришли к соглашению о поддержании всеобщего мира и обязались не предпринимать попыток, подобно Бонапарту, установить единоличное господство на континенте. Франция по-прежнему была сильным государством, однако она навсегда утратила ведущие позиции в Европе.

Однако затем случилось то, что поставило под угрозу все достижения Венского конгресса. 4 марта 1815 года Людовик XVIII получил письмо. Он открыл конверт, прочитал послание и сел, обхватив голову руками. «Вы знаете, что в этом сообщении?» — спросил он министра.

— Нет, сэр, не знаю.

— Я скажу вам. Там новая революция. Бонапарт высадился в Провансе.

Наполеон бежал с острова Эльба, куда его сослали победители. Великан вернулся и тотчас привычно взял бразды правления в свои руки. Обращаясь к немногочисленной свите, он сказал: «Я войду в Париж без единого выстрела». Так и случилось. Во время неторопливого марша в столицу через Альпы Верхнего Прованса Наполеон не встретил ни малейшего сопротивления; напротив, его встречали криками *Vive l'empereur!*

(*фр.*, «Да здравствует император!»). Людовик XVIII бежал к бельгийской границе, а 20 марта Париж встретил Наполеона неистовым ликованием. Великие державы тотчас объявили его вне закона и приготовились к неизбежной войне с целью уничтожить его. Наполеон не дрогнул.

Впрочем, в действительности все обстояло не так, как казалось на первый взгляд. Это был уже не тот Наполеон, который еще совсем недавно господствовал во всей Европе. Один из его сторонников Поль Тьебо отмечал, что его лицо «утратило всякое выражение и присущий ему волевой характер… казалось, изменилась вся его природа, исчезли все его привычные черты; обычная бледность кожи сменилась зеленоватым оттенком». Не вражеская армия стала причиной его падения — все эти беды он навлек на себя сам. Из лидера сил революции, сражавшихся за свободу, он превратился в очередного завоевателя, порабощающего независимые народы. Его энергия и маниакальная уверенность стали покидать его; теперь Наполеона постоянно клонило в сон, и даже в часы перед сражением он часто был медлителен и неспешен.

Впрочем, его воля оставалась несокрушимой. Наполеон отправился на север, в Бельгию, рассчи-

тывая дать отпор двум выступившим против него армиям; ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы армия под командованием Веллингтона, состоявшая из британских, голландских и немецких солдат, и прусская армия под командованием фельдмаршала Гебхарда Леберехта фон Блюхера объединились. Наполеон хотел вклиниться между ними и уничтожить каждую по отдельности. Однако из-за череды ошибок, допущенных самим Наполеоном и его командующими, британская и прусская армии сумели отступить к Брюсселю по двум параллельным дорогам, ведущим к Ватерлоо и Вавру. На расстоянии мили (1,6 км) от Ватерлоо Веллингтон обнаружил, что местность хорошо подходит для боя, и развернул свои силы для схватки с Наполеоном. Рельефный хребет под названием плато Мон-Сен-Жан обеспечивал укрытие, а просторный замок Угумон и соседнюю деревушку можно было использовать в качестве укреплений и разместить там гарнизоны.

Наполеон выстроил войска вдоль дороги, ведущей на Брюссель, однако он не мог оценить размеры армии Веллингтона, скрытой за плато. Французская армия несколько раз безуспешно штурмовала Угумон, а затем кавалерия с обоих флангов предприняла ряд атак и контратак. По

воспоминаниям уцелевших в бою, это был самый значимый этап сражения. К вечеру из Вавра подошли войска Блюхера и двинулись в наступление на французов. Бонапарт решил, что армия Веллингтона была уязвима в центре, и отправил туда лейб-гвардию, чтобы воспользоваться этой брешью; однако английская артиллерия и пехота отбросили гвардию назад, расстроили ее ряды и обратили в бегство. Над полем боя раздались крики: *La garde recule. Sauve qui peut!* (*фр.*, «Гвардия отступает. Спасайся кто может!») Веллингтон снял шляпу и помахал ею, давая сигнал к атаке на французов, чей строй начал рассыпаться под напором англичан. Это была победа. Веллингтон в письме к брату писал, что это была «чертовски приятная [тщательно обдуманная] ситуация — самая рискованная ситуация, которую мне когда-либо доводилось видеть». Пруссаки всегда считали, что победу в битве при Ватерлоо одержали именно они, а не Веллингтон и британцы.

Веллингтон и Блюхер перегруппировали войска и двинулись на Париж. 22 июня Наполеон вновь отрекся от престола, а 15 июля в Рошфоре взошел на борт корабля Королевского флота «Беллерофон» (Bellerophon) и сдался англичанам. По дороге в Рошфор Наполеон надеялся, что сможет

обрести новый дом в Соединенных Штатах; однако теперь никто бы ему этого не позволил. Его отвезли на остров Святой Елены в южной части Атлантического океана, где он провел остаток своих дней. Это война стала самой дорогостоящей кампанией в английской истории, а после Столетней войны XIV–XV веков еще и самой продолжительной.

Теперь все говорили о мире, который обеспечивал альянс четырех могущественных держав. И действительно, вплоть до Крымской войны 1853–1856 годов в Европе забыли о серьезных конфликтах и военных кампаниях. «Нельзя не почувствовать, — писал Каслри, — величайших нравственных преобразований в Европе и того, что принципы свободы наконец обрели полную силу». К этому он мог бы добавить, что Британия теперь считала себя могущественным идейным лидером в борьбе за свободу и против тирании. С точки зрения территории Британия, несомненно, была величайшей из империй и включала в себя земли Канады, Новой Зеландии, Южной Африки, Индии, Австралии и островов Карибского бассейна. Иными словами, Британия господствовала на значительной части земного шара.

Тем не менее англичанам были чужды три-

умфаторские настроения, у них не кружилась голова от военных успехов. Усталость и тяготы, вошедшие в привычку за годы долгой войны, являлись неотъемлемой частью повседневного уклада. Проблемы Ирландии, трудности внутренней политики, настойчивые требования парламентской реформы, упадок торговли и усиление промышленного саботажа — такова оборотная сторона военных побед. В 1815 году мало кто верил, что эти проблемы можно решить.

Библиография

Список литературы, приведенный ниже, не является исчерпывающим, однако представляет подборку тех книг, которые автор счел наиболее полезными при подготовке этой книги.

Книги по общей истории

Ashley M. England in the Seventeenth Century. London, 1952.

Aubrey W. H. S. The National and Domestic History of England. London, 1878.

Baxter S. B. England's Rise to Greatness, 1660–1763. London, 1983.

Black J. Britain in the Age of Walpole. Basingstoke, 1984.

— British Politics and Society from Walpole to Pitt 1742–1789. Basingstoke, 1990.

Christie I. R. Crisis of Empire: Great Britain and the American Colonies, 1754–1783. London, 1966.

— Wars and Revolutions: Britain 1760–1815. London, 1982.

Clark J. C. D. English Society 1688–1832: Ideology, Social Structure and Political Practice during the

Ancient Regime. Cambridge, 1985.

Coward B. A Companion to Stuart Britain. Oxford, 2003.

Dickinson H. T. A Companion to Eighteenth-Century Britain. Oxford, 2002.

Harlow V. T. The Founding of the Second British Empire, 1763–1793. London, 1952–1964.

Harris B. Politics and the Nation: Britain in the Mid-Eighteenth Century. Oxford, 2002.

Harris R. W. England in the Eighteenth Century, 1689–1793: A Balanced Constitution and New Horizons. London, 1963.

Harvey A. D. Britain in the Early Nineteenth Century. London, 1978.

Hill C. 1530–1780: Reformation to Industrial Revolution. Harmondsworth, 1969.

Holmes G. S. The Making of a Great Power: Late Stuart and Early Georgian Britain 1660–1722. London, 1993.

Holmes, G. S. (ed.), Britain after the Glorious Revolution, 1689–1714. London, 1969

Holmes G. S. and *Szechi D.* The Age of Oligarchy: Pre-industrial Britain 1722–1783. London, 1993.

Hoppit J. A Land of Liberty? England, 1689–1727. Oxford, 2000.

Jensen M. The Founding of a Nation: A History of

the American Revolution, 1763–1776. New York and Oxford, 1968.

Jones J. R. Country and Court: England, 1658–1714. London, 1978.

Lecky W. E. H. A History of England in the Eighteenth Century. London, 1892.

Levack B. P. The Formation of the British State: England, Scotland and the Union, 1603–1707. Oxford, 1987.

Lingard J. and *Belloc H.* The History of England. London, 1915.

Macaulay T. B. History of England from the Accession of James II. London, 1906.

Marshall D. Eighteenth-Century England. London, 1974.

McLynn F. The Jacobites. London, 1985.

Michael W., MacGregor A. and *MacGregor G. E.* England under George I. London, 1936–1939.

Namier L. B. England in the Age of the American Revolution. London, 1963.

O'Gorman F. The Long Eighteenth Century: British Political and Social History 1688–1832. London, 1997.

Owen J. B. The Eighteenth Century, 1714–1815. London, 1974.

Plumb J. H. England in the Eighteenth Century. London, 1953.

— The Growth of Political Stability in England, 1675–1725. London, 1968.

Pocock J. G. A. Three British Revolutions, 1641, 1688, 1776. Princeton, 1980.

Prest W. R. Albion Ascendant: English History, 1660–1815. Oxford, 1998.

Ranke L. von. A History of England, Principally in the Seventeenth Century. Oxford, 1875.

Schama S. Citizens: A Chronicle of the French Revolution. London, 1989.

Smollett T. The History of England: From Revolution in 1688, to the Death of George II. London, 1822.

Speck W. A. Stability and Strife: England, 1714–1760. London, 1977.

Stone L. (ed.). An Imperial State at War: Britain from 1689 to 1815. London, 1994.

Szechi D. The Jacobites: Britain and Europe, 1688–1788. Manchester, 1994.

Trevelyan G. M. England under Queen Anne. London, 1965.

— England under the Stuarts. New York, 1938.

Watson J. S. The Reign of George III, 1760–1815. Oxford, 1960.

Williams B. The Whig Supremacy, 1714–1760. Oxford, 1952.

Книги по истории культуры, общества и религии

Allen R. C. Enclosure and the Yeoman. Oxford, 1992.

Archer J. E. Social Unrest and Popular Protest in England, 1780–1840. Cambridge, 2000.

Ashton J. Social Life in the Reign of Queen Anne. London, 1882.

Beckett J. V. The Aristocracy in England 1660–1914. Oxford, 1986.

Beljame A. Men of Letters and the English Public in the Eighteenth Century, 1660–1744. London, 1897.

Bennett G. V. The Tory Crisis in Church and State 1688–1730: The Career of Francis Atterbury, Bishop of Rochester. Oxford, 1975.

Borsay P. The English Urban Renaissance: Culture and Society in the Provincial Town 1660–1770. Oxford, 1989.

Brewer J. The Pleasures of the Imagination: English Culture in the Eighteenth Century. London, 1997.

Cannon J. Aristocratic Century: The Peerage of Eighteenth-Century England. Cambridge, 1984.

Carter P. Men and the Emergence of Polite Society: Britain 1660–1800. Harlow, 2001.

Chadwick W. The Life and Times of Daniel Defoe.

London, 1859.

Chalklin C. W. The Provincial Towns of Georgian England: A Study of the Building Process, 1740–1820. London, 1974.

Christie I. R. Stress and Stability in Late Eighteenth-Century Britain: Reflections on the British Avoidance of Revolution. Oxford, 1984.

Clark J. C. D. Revolution and Rebellion: State and Society in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Cambridge, 1986.

Cockayne E. Hubbub: Filth, Noise, and Stench in England, 1600–1770. New Haven and London, 2007.

Corfield P. J. The Impact of English Towns, 1700–1800. Oxford, 1982.

Defoe D. A Tour thro' the Whole Island of Great Britain, By a Gentleman. London, 1742.

Earle P. The Making of the English Middle Class: Business, Society and Family Life in London, 1660–1730. London, 1989.

Elioseff L. A. The Cultural Milieu of Addison's Literary Criticism. Austin, 1963.

Ford B. (ed.). The Cambridge Cultural History of Britain, Vol. 5, Eighteenth-Century Britain. Cambridge, 1992.

Foss M. The Age of Patronage: The Arts in Society, 1660–1750. London, 1971.

Gatrell V. City of Laughter: Sex and Satire in Eighteenth-Century London. London, 2006.

George M. D. England in Transition: Life and Work in the Eighteenth Century. London, 1931.

George M. D. London Life in the Eighteenth Century. London, 1925.

Guillery P., Donald A. and *Kendall D.* The Small House in Eighteenth-Century London. New Haven, 2004.

Hay D. and *Rogers N.* Eighteenth-Century English Society: Shuttles and Swords. Oxford, 1997.

Hill B. Women, Work and Sexual Politics in Eighteenth-Century England. Oxford, 1989.

Hilton B. A Mad, Bad, and Dangerous People? England 1783–1846. Oxford, 2006.

Holmes G. S. Augustan England: Professions, State and Society, 1680–1730. London, 1982.

Jenkins P. The Making of a Ruling Class: The Glamorgan Gentry 1640–1790. Cambridge, 1983.

Kirby P. Child Labour in Britain, 1750–1870. London, 2003.

Langford P. A Polite and Commercial People: England, 1727–1783. Oxford, 1989.

— Public Life and the Propertied Englishman 1689–1798: The Ford Lectures Delivered in the University of Oxford 1990. Oxford, 1991.

Lees L. H. The Solidarities of Strangers: The English Poor Laws and the People, 1700–1948. Cambridge, 1998.

Linebaugh P. The London Hanged: Crime and Civil Society in the Eighteenth Century. London, 1991.

Mackay C. Memoirs of Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds. London, 1852.

Malcolmson R. W. Life and Labour in England, 1700–1780. London, 1981.

O'Toole F. A Traitor's Kiss: The Life of Richard Brinsley Sheridan. London, 1997.

Palliser D. M., Clark P. and *Daunton M. J*. The Cambridge Urban History of Britain, Vol. 2. Cambridge, 2000.

Porter R. English Society in the Eighteenth Century. London, 1991.

Rivers I. Books and their Readers in Eighteenth-Century England. Leicester, 1982.

Rogers P. The Augustan Vision. London, 1974.

Rule J. Albion's People: English Society, 1714–1815. London, 1992.

Rupp E. Religion in England 1688–1791. Oxford, 1986.

Sambrook J. The Eighteenth Century: The Intellectual and Cultural Context of English Literature 1700–1789. London, 1986.

Scull A. The Most Solitary of Afflictions: Madness and Society in Britain, 1700–1900. New Haven and London, 1993.

Seed J. Dissenting Histories: Religious Division and the Politics of Memory in Eighteenth-Century England. Edinburgh, 2008.

Sharpe P. Women's Work: The English Experience, 1650–1914. London, 1998.

Simmons J. R.
(ed.), Factory Lives: Four Nineteenth-Century Working Class Autobiographies. Peterborough, Ont. and Plymouth, 2007.

Snell K. D. M. Annals of the Labouring Poor: Social Change and Agrarian England, 1660–1900. Cambridge, 1985.

Sykes N. From Sheldon to Secker: Aspects of English Church History, 1660–1768. Cambridge, 1959.

Uglow J. S. Hogarth: A Life and a World. London, 1997.

— The Lunar Men: The Friends who made the Future, 1730–1810. London, 2002.

Vicinus M. The Industrial Muse: A Study of Nineteenth-Century British Working-Class Literature. London, 1974.

Vickery A. Behind Closed Doors: At Home in Georgian England. New Haven and London, 2009.

Warburg J. The Industrial Muse: The Industrial Revolution in English Poetry. London and New York, 1958.

White T. H. The Age of Scandal: An Excursion through a Minor Period. London, 1950.

Williams D. The Triumph of Culture: 18th Century Perspectives. Toronto, 1972.

Wilson K. The Sense of the People: Politics, Culture and Imperialism in England, 1715–1785. Cambridge, 1995.

Книги по военной истории

Black J. War for America: The Fight for Independence, 1775–1783. Stroud, 1991.

Blanning T. C. W. The French Revolutionary Wars 1787–1802. London, 1996.

Brewer J. The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1783. London, 1989.

Chandler D. G. The Campaigns of Napoleon. London, 2002.

Conway S. The War of American Independence, 1775–1783. London, 1995.

Esdaile C. J. Napoleon's Wars: An International History, 1803–1815. London, 2007.

Gash N. (ed.). Wellington: Studies in the Military and Political Career of the first Duke of Wellington.

Manchester, 1990.

Gates D. The Napoleonic Wars, 1803–1815. London, 2003.

McLynn F. 1759: The Year Britain became Master of the World. London, 2004.

— Napoleon: A Biography. London, 1997.

Muir R. Britain and the Defeat of Napoleon, 1807–1815. New Haven and London, 1996.

Schneid F. C. Napoleonic Wars. Washington, 2010.

Southey R. The Life of Nelson. London, 1941.

Zamoyski A. Rites of Peace: The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna. London, 2007.

Книги о монархах и жизни при дворе

Beattie J. M. The English Court in the Reign of George I. London, 1967.

Black J. George II: Puppet of the Politicians? Exeter, 2007.

— George III: America's Last King. New Haven, 2006.

Bucholz R. O. The Augustan Court: Queen Anne and the Decline of Court Culture. Stanford, 1993.

Clark G. N. The Later Stuarts, 1660–1714. Oxford, 1949.

Field O. The Favourite: Sarah, Duchess of Marlborough. London, 2002.

Gregg E. Queen Anne. London, 1984.

Hatton R. M. George I. New Haven, 2001.

Kenyon J. P. The Stuarts: A Study in English Kingship. London, 1977.

Miller J. The Stuarts. London, 2004.

Pares R. King George III and the Politicians. Oxford, 1967.

Smith H. Georgian Monarchy: Politics and Culture, 1714–1760. Cambridge, 2006.

Somerset A. Queen Anne: The Politics of Passion. London, 2012.

Thompson A. C. George II: King and Elector. New Haven and London, 2011.

Книги по истории экономики и промышленной революции

Alexander D. Retailing in England during the Industrial Revolution. London, 1970.

Ashton T. S. An Eighteenth-Century Industrialist: Peter Stubs of Warrington, 1756–1806. Manchester, 1939.

— An Economic History of England: The 18th Century. London, 1955.

— Iron and Steel in the Industrial Revolution. Aldershot, 1993.

Berg M. The Age of Manufactures, 1700–1820:

Industry, Innovation, and Work in Britain. London, 1994.

Broadberry S. N. and *O'Rourke K. H.* The Cambridge Economic History of Modern Europe, Vol. 1. Cambridge, 2012.

Brown R. Society and Economy in Modern Britain, 1700–1850. London, 1991.

Chapman S. J. The Cotton Industry and Trade. London, 1905.

Cipolla C. M. Before the Industrial Revolution: European Society and Economy, 1000–1700. London, 1976.

Coleman D. C. Myth, History, and the Industrial Revolution. London, 1992.

Court W. H. B. The Rise of the Midland Industries, 1600–1838. Oxford, 1953.

Crafts N. F. R. British Economic Growth during the Industrial Revolution. Oxford, 1985.

Daunton M. J. Progress and Poverty: An Economic and Social History of Britain, 1700–1850. Oxford, 1995.

Dickinson H. W. James Watt: Craftsman and Engineer. Cambridge, 1935.

Dickson P. G. M. The Financial Revolution in England: A Study in the Development of Public Credit, 1688–1756. London, 1967.

Fitton R. S. and *Wadsworth A. P.* The Strutts and the Arkwrights 1758–1830. Matlock, 2012.

Flinn M. W. Men of Iron: The Crowleys in the Early Iron Industry. Edinburgh, 1962.

— The Origins of the Industrial Revolution. London, 1966.

— The Industrial Revolution, The History of the British Coal Industry, Vol. 2. Oxford, 1984.

Floud R. The Cambridge Economic History of Modern Britain, Vol. 1. Cambridge, 2014.

Floud R. and *McCloskey D. N.* The Economic History of Britain Since 1700. Cambridge, 1981.

Hammond J. L. and *Hammond B. B.* The Rise of Modern Industry. London, 1937.

Harris J. R. The British Iron Industry, 1700–1850. Basingstoke, 1988.

Hartwell R. M. The Industrial Revolution in England. London, 1965.

— The Causes of the Industrial Revolution in England. London, 1967.

— The Industrial Revolution and Economic Growth. London, 1971.

Hartwell R. M. (ed.). The Industrial Revolution. Oxford, 1970.

Holderness B. A. Pre-industrial England: Economy and Society, 1500–1750. London, 1976.

Hopkins E. The Rise of the Manufacturing Town: Birmingham and the Industrial Revolution. Stroud, 1998.

King S. and *Timmins G.* Making Sense of the Industrial Revolution. Manchester, 2001.

Kussmaul A. A General View of the Rural Economy of England 1538–1840. Cambridge, 1990.

MacLeod C. Inventing the Industrial Revolution: The English Patent System, 1660–1800. Cambridge, 1988.

Mantoux P. The Industrial Revolution in the Eighteenth Century: An Outline of the Beginnings of the Modern Factory System in England. Chicago, 1983.

Mathias P. The First Industrial Nation: An Economic History of Britain, 1700–1914. London, 1969.

— The Transformation of England: Essays in the Economic and Social History of England in the Eighteenth Century. London, 2011.

McKendrick N. and *Plumb J. H.* The Birth of a Consumer Society: The Commercialization of Eighteenth-Century England. London, 1983.

Minchinton W. E. The Growth of English Overseas Trade in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. London, 1969.

Moffit L. W. England on the Eve of the Industrial Revolution: A Study of Economic and Social Conditions

from 1740–1760, with Special Reference to Lancashire. London, 1925.

Mokyr J. The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress. New York, 1990.

— The Enlightened Economy: Britain and the Industrial Revolution 1700–1850. London, 2011.

Mui Hoh-Cheung and *Mui L. H.* Shops and Shopkeeping in Eighteenth-Century England. Kingston, Ont., 1989.

O'Brien P. and *Quinault R. E.* The Industrial Revolution and British Society. Cambridge, 1993.

Osborne J. W. The Silent Revolution: The Industrial Revolution in England as a Source of Cultural Change. New York, 1970.

Plumb J. H. The Commercialisation of Leisure in Eighteenth-Century England. Reading, 1973.

Quickenden K., Baggott S. and *Dick M.* Matthew Boulton:
Enterprising Industrialist of the Enlightenment. Farnham, 2013.

Radcliffe W. Origin of the New System of Manufacture Commonly Called Power-Loom Weaving. Clifton, 1974.

Randall A. Before the Luddites: Custom, Community and Machinery in the English Woollen Industry, 1776–1809. Cambridge, 1991.

Reilly R. Josiah Wedgwood, 1730–1795. London, 1992.

Richards J. M. and *De Maré E.* S. The Functional Tradition in Early Industrial Buildings. London, 1958.

Rule J. The Vital Century: England's Developing Economy 1714–1815. London, 1992.

Toynbee A. The Industrial Revolution. Boston, 1956.

Unwin G. and *Hulme A.* Samuel Oldknow and the Arkwrights: The Industrial Revolution at Stockport and Marple. Manchester, 1924.

Weatherill L. Consumer Behaviour and Material Culture in Britain, 1660–1760. London and New Haven, 1996.

Wilson R. G. Gentlemen Merchants: The Merchant Community in Leeds, 1700–1830. Manchester, 1971.

Wrigley E. A. Continuity, Chance and Change: The Character of the Industrial Revolution in England. Cambridge, 1988.

— Energy and the English Industrial Revolution. Cambridge, 2010.

Книги по политической истории

Black J. Pitt the Elder. Cambridge, 1992.

— The Politics of Britain, 1688–1800. Manchester, 1993.

Brewer J. Party Ideology and Popular Politics at the Accession of George III. Cambridge, 1976.

Browning R. The Duke of Newcastle. New Haven, 1975.

Butterfield H. George III, Lord North, and the People, 1779–80. London, 1949.

Cannon J. The Fox — North Coalition: Crisis of the Constitution, 1782–1784. Cambridge, 1969.

— The Whig Ascendancy: Colloquies on Hanoverian England. London, 1981.

Colley L. In Defiance of Oligarchy: The Tory Party, 1714–1760. Cambridge, 1982.

Derry J. W. Politics in the Age of Fox, Pitt and Liverpool: Continuity and Transformation. Basingstoke, 1990.

Dickinson H. T. The Politics of the People in Eighteenth-Century Britain. Basingstoke, 1994.

Dickinson H. T. Walpole and the Whig Supremacy. London, 1973.

Ehrman J. The Younger Pitt. London, 1969–1996.

Field O. The Kit-Cat Club. London, 2009.

Goodwin A. The Friends of Liberty: The English Democratic Movement in the Age of the French Revolution. London, 1979.

Gray D. Spencer Perceval, the Evangelical Prime Minister, 1762–1812. Manchester, 1963.

Harris T. Politics Under the Later Stuarts: Party Conflict in a Divided Society, 1660–1715. London, 1993.

Hill B. W. British Parliamentary Parties, 1742–1832: From the Fall of Walpole to the First Reform Act. London, 1985.

— The Growth of Parliamentary Parties, 1689–1742. London, 1976.

Holmes G. S. British Politics in the Age of Anne. London, 1967.

Jones C. Britain in the First Age of Party, 1680–1750: Essays Presented to Geoffrey Holmes. London, 1987.

Kenyon J. P. Revolution Principles: The Politics of Party, 1689–1720. Cambridge, 1977.

Lawson P. George Grenville: A Political Life. Oxford, 1984.

Linklater A. Why Spencer Perceval had to Die: The Assassination of a British Prime Minister. London, 2012.

Marshall A. The Age of Faction: Court Politics, 1660–1702. Manchester, 1999.

Middleton R. The Bells of Victory: The Pitt-Newcastle Ministry and the Conduct of the Seven Years' War 1757–1762. Cambridge, 1985.

Namier L. B. The Structure of Politics at the Accession of George III. London, 1957.

O'Gorman F. The Whig Party and the French Revolution. London, 1967.

— Edmund Burke: His Political Philosophy. London, 1973.

— The Rise of Party in England: The Rockingham Whigs, 1760–82. London, 1975.

— Voters, Patrons, and Parties: The Unreformed Electoral System of Hanoverian England 1734–1832. Oxford, 1989.

Owen J. B. The Rise of the Pelhams. London, 1957.

Pearce E. The Great Man: Scoundrel, Genius and Britain's First Prime Minister. London, 2007.

Perry K. British Politics and the American Revolution. Basingstoke, 1990.

Peters M. Pitt and Popularity: The Patriot Minister and London Opinion during the Seven Years' War Oxford, 1980.

Pincus S. C. A. 1688: The First Modern Revolution. New Haven, 2009.

Plumb J. H. Sir Robert Walpole: The Making of a Statesman. London, 1956.

Reilly R. William Pitt the Younger. New York, 1979.

Rogers N. Whigs and Cities: Popular Politics in the Age of Walpole and Pitt. Oxford, 1989.

Rudé G. F. E. Wilkes and Liberty: A Social Study. London, 1983.

Tomkins S. William Wilberforce: A Biography. Oxford, 2007.

Western J. R. Monarchy and Revolution: The English State in the 1680s. London, 1985.

Williams E. N. (ed.). The Eighteenth-Century Constitution, 1688–1815: Documents and Commentary. Cambridge, 1960.

Фотоматериалы

Потолок Расписного зала, фрагмент изображения коронации короля Вильгельма III Оранского и королевы Марии II

Королева Анна, на редкость несчастная и страдающая подагрой

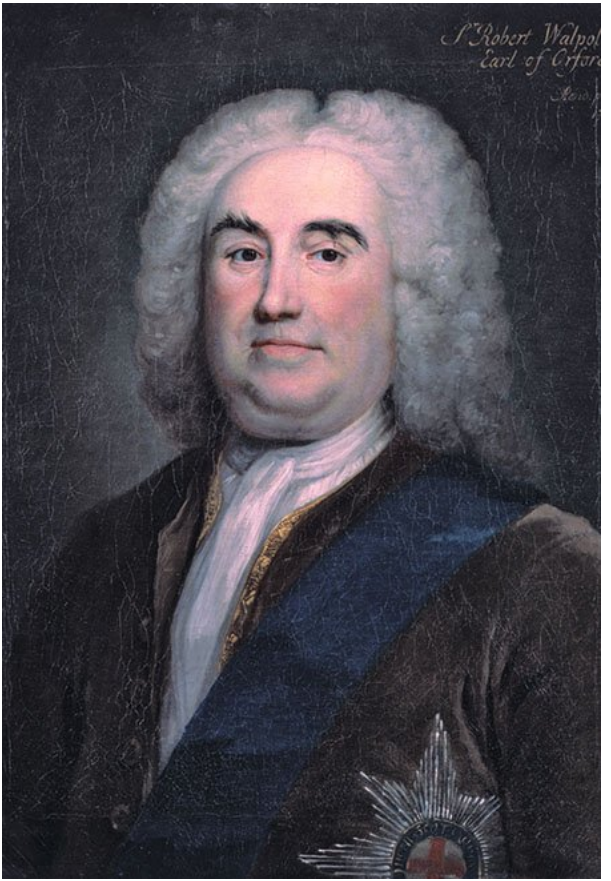
Джон Черчилль, 1-й герцог Мальборо, великий генерал и великий транжира

Сцена сражения при Бленхейме

Король Великобритании Георг I, у которого была как очень полная любовница, так и очень тощая любовница

Георг II, человек недюжего хвастовства и бахвальства

Интерьер лондонской кофейни, ок. 1650–1750 гг.



Сэр Роберт Уолпол, гениальный мастер интриг.

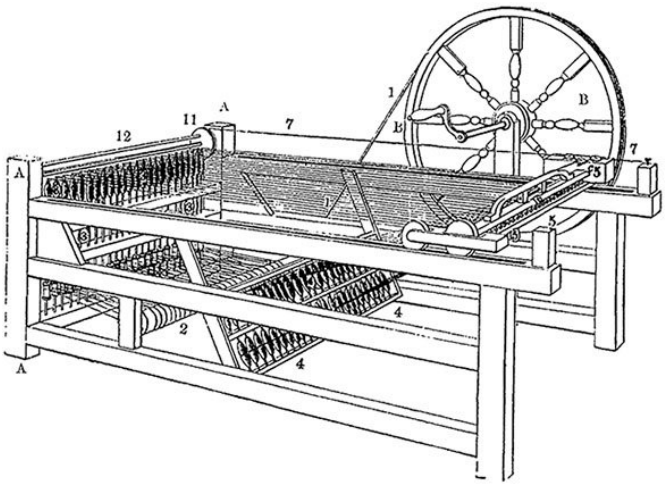
Все политические нити вели к нему

Уильям Питт Старший, дважды становившийся премьер-министром

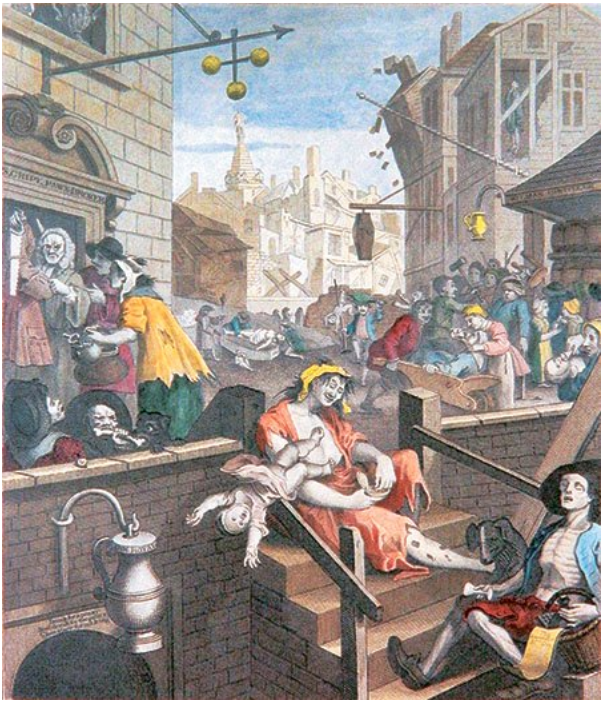
Старый претендент, принц Джеймс Фрэнсис Эдуард Стюарт, сын Якова II, ошибочно считавший себя Яковом III

Принц Карл Эдуард Стюарт, известный как Молодой претендент

Символическое изображение Южного моря. Иллюстрация из книги Hogarth Restored: The Whole Works of the Celebrated William Hogarth. Художника можно назвать Роулендсоном и Рембрандтом своего времени



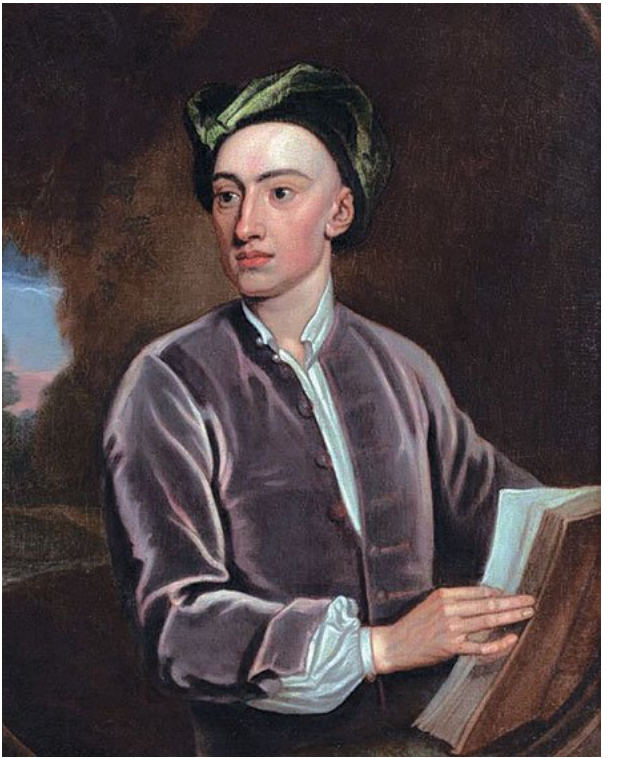
Прялка «Дженни», изобретенная Джеймсом Харгривсом в 1764 г., улучшенный вариант



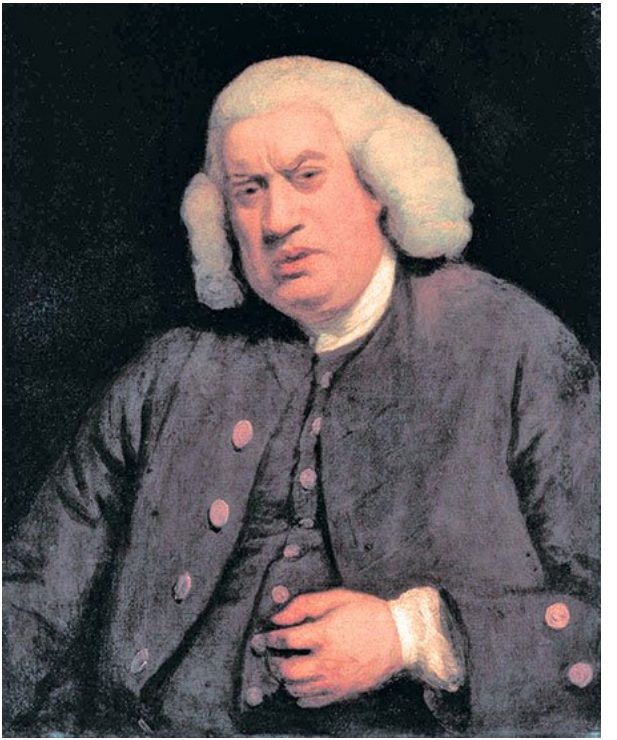
Карикатура «Переулок джина» Уильяма Хогарта, ок. 1750 г. Ужасы потребления джина и душевное безумие

Джон Драйден, поэт и драматург

Джонатан Свифт, сатирик, автор памфлетов и создатель романа о Гулливере



Александр Поуп



Сэмюэл Джонсон

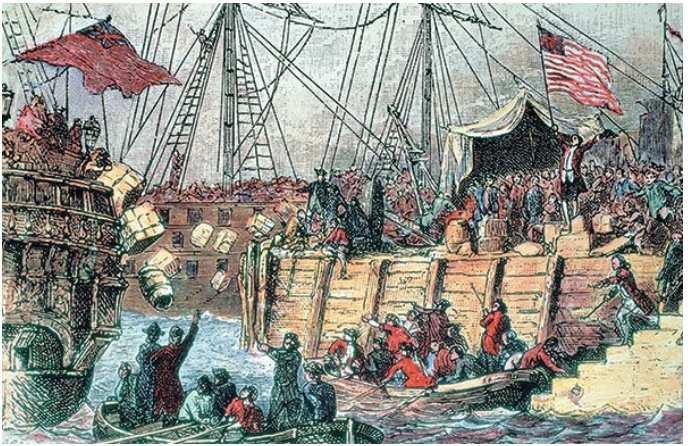
Король Георг III, потерявший американские колонии

Принц Уэльский, позднее король Великобритании Георг IV, типичный представитель Ганноверской династии — упитанный и распутный

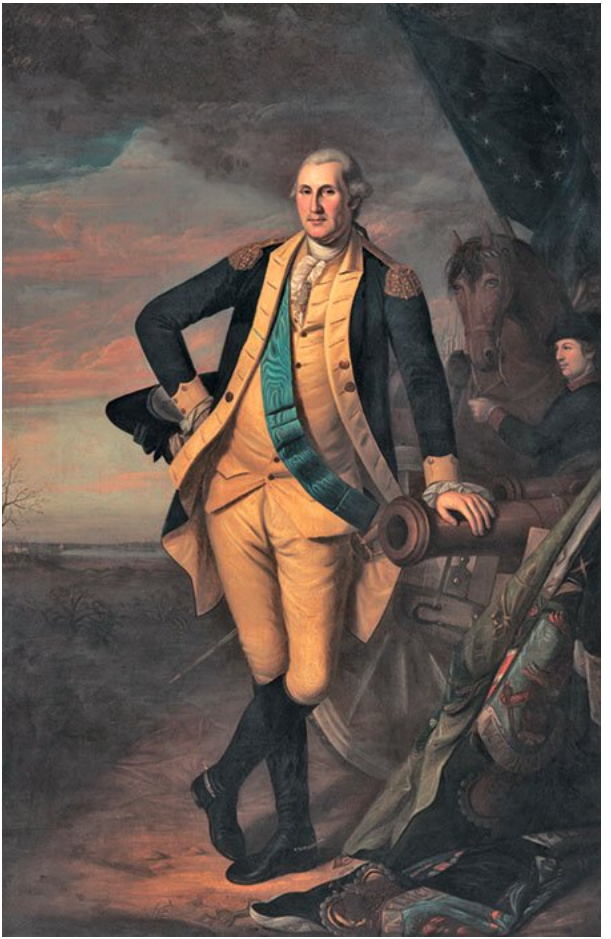
«Кузница» Джозефа Райта, ок. 1772 г.

«Бал», из серии картин «Сцены в Бате» кисти Томаса Роулендсона. Выглядит очень респектабельно

Чайник производства Веджвудского фарфорового завода, Стаффордшир, ок. 1775 г.

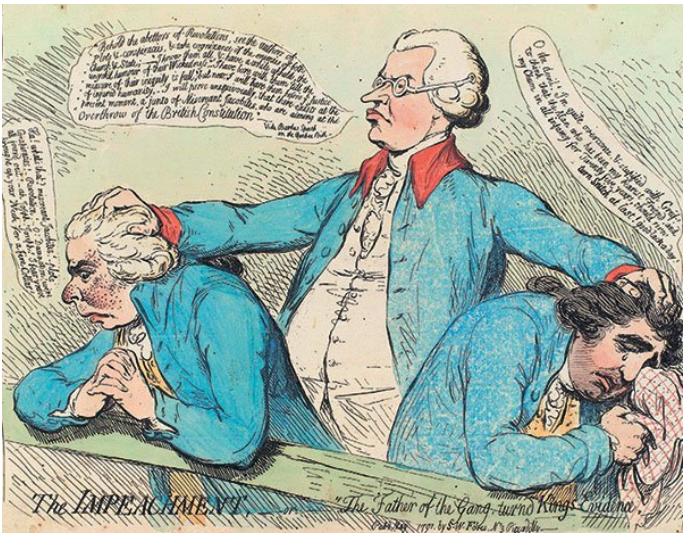


Гравюра, посвященная «Бостонскому чаепитию» 16 декабря 1773 г.



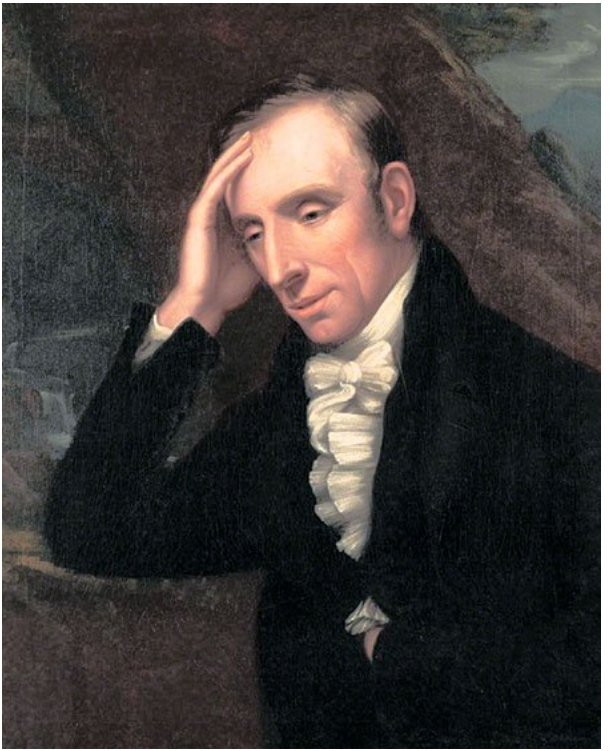
Джордж Вашингтон — путь от рабовладельца до освободителя

Уильям Питт Младший



«Импичмент, или Глава банды обличает своих сообщников», опубликовано С. У. Форесом в 1791 г.

Сэмюэл Тейлор Кольридж, ок. 1804 г.



Уильям Вордсворт, обладатель рефлексивного разума

Гравюра «Ветхие дни» Уильяма Блейка, ок. 1794 г.

Лечебные воды в питьевой галерее в городе Бат, ок. 1784 г.

«Прогулка у дома Карлайла», ок. 1781 г. Это был город кофеен. Появившись на улицах в 1660-х гг., стали незаменимым элементом городской жизни

«Современная красавица отправляется в номера в Бате», опубликовано Ханной Хамфри в 1796 г.

Бал герцогини Ричмонд, организованный для герцога Веллингтона 15 июня 1815 г.

Трафальгарское сражение, ок. 1805 г.

Конный портрет Наполеона, ок. 1810 г.

Герцог Веллингтон при Ватерлоо. Трофеи принадлежат победителю

* * *

1. Потолок Расписного зала, фрагмент изображения коронации короля Вильгельма III Оранского и королевы Марии II, ок. 1707–1714 гг. Королевский военно-морской колледж, Гринвич, Лондон, Великобритания

© Royal Naval College, Greenwich, London, UK / Photo © James Brittain / Bridgeman Images

2. Портрет королевы Анны, 1665–1714 гг. (Михаэль Даль)

Public domain

3. Портрет Джона Черчилля, 1-го герцога Мальборо (Годфри Неллер, XVII в.)

© Private Collection / Bridgeman Images

4. Сражение при Бленхейме (Второе Гохштедтское сражение) 13 августа 1704 г., ок. 1743 г. Национальный музей армии, Лондон

© National Army Museum, London / acquired with assistance of National Art Collections Fund / Bridgeman Images

5. Портрет короля Великобритании Георга I (мастерская Годфри Неллера, ок. 1754 г.)

© Apic / Getty Images

6. Портрет Георга II, XVIII в.

© The Trustees of the Goodwood Collection / Bridgeman Images

7. Интерьер лондонской кофейни, ок. 1650–1750 гг.

© Private Collection / Bridgeman Images

8. Портрет сэра Роберта Уолпола (Артур Понд)

Public domain

9. Портрет Уильяма Питта Старшего, 1-го графа Чатама

© Private Collection / Photo © Bonhams, London, UK / Bridgeman Images

10. Портрет принца Джеймса Фрэнсиса Эдуарда

Стюарта, или Джеймса Старого претендента

© *Print Collector / Getty Images*

11. Принц Карл Эдуард Стюарт, известный как Молодой претендент. Гравюра на основе оригинала из дворца Хэмптон-Корт

© *Paul Cowan / shutterstock. com*

12. Символическое изображение Южного моря, иллюстрация из книги Hogarth Restored: The Whole Works of the Celebrated William Hogarth, ок. 1812 г.

© *Private Collection / The Stapleton Collection / Bridgeman Images*

13. Прялка «Дженни», изобретенная Джеймсом Харгривсом в 1764 г., улучшенный вариант. Иллюстрация 1861 г.

Public domain

14. Карикатура «Переулок джина» (Уильям Хогарт, ок. 1750 г.)

© *Culture Club / Getty Images*

15. Портрет Джона Драйдена, после 1700 г. (Джеймс Моберт)

Public domain

16. Портрет Джонатана Свифта (Чарльз Джервас, ок. 1718 г.). Национальная портретная галерея, Лондон, Великобритания

© *National Portrait Gallery, London, UK /*

Bridgeman Images

17. Портрет Александра Поупа (мастерская Годфри Неллера, XVIII в.)

© Private Collection / Photo © Philip Mould Ltd, London / Bridgeman Images

18. Портрет доктора Сэмюэла Джонсона (Джошуа Рейнольдс, XVIII в.)

© Private Collection / Bridgeman Images

19. Портрет короля Георга III (Аллан Рэмзи, ок. 1762–1764 гг.). Национальная портретная галерея, Лондон, Великобритания

© National Portrait Gallery, London, UK / Bridgeman Images

20. Портрет принца Уэльского, позднее короля Великобритании Георга IV, ок. 1790 г.

© Philip Mould Ltd, London / Bridgeman Images

21. Кузница, ок. 1772 г. Фонд «Бродленд Траст», Гэмпшир, Великобритания

© Broadlands Trust, Hampshire, UK / Bridgeman Images

22. «Бал», из серии картин «Сцены в Бате» (Томас Роулендсон). Йельский центр британского искусства, собрание Пола Меллона, США

© Yale Center for British Art, Paul Mellon Collection, USA / Bridgeman Images

23. Чайник производства Веджвудского фар-

форового завода, Стаффордшир, ок. 1775 г. Музей Фицвильям при Кембриджском университете, Великобритания

© Fitzwilliam Museum, University of Cambridge, UK / Bridgeman Images

24. Гравюра, посвященная «Бостонскому чаепитию» 16 декабря 1773 г.

© Private Collection / Bridgeman Images

25. Полотно с изображением Джорджа Вашингтона в Принстоне, 1779 г. Пенсильванская академия изящных искусств, Филадельфия, США

© Pennsylvania Academy of the Fine Arts, Philadelphia, USA / Bridgeman Images

26. Портрет Уильяма Питта Младшего (Томас Гейнсборо, ок. 1788 г.). Наследство Айви, Кенвуд-хаус, Лондон, Великобритания

© The Iveagh Bequest, Kenwood House, London, UK / © Historic England / Bridgeman Images

27. «Импичмент, или Глава банды обличает своих сообщников», опубликовано С. У. Форесом в 1791 г.

© Courtesy of the Warden and Scholars of New College, Oxford / Bridgeman Images

28. Портрет Сэмюэла Тейлора Кольриджа, ок. 1804 г.

© Wordsworth Trust / Bridgeman Images

29. Портрет поэта Уильяма Вордсворта, XVIII в.
© *Wordsworth Trust / Bridgeman Images*

30. Гравюра «Ветхие дни» (Уильям Блейк, ок. 1794 г.).
© *Private Collection / Bridgeman Images*

31. Акварельное изображение: лечебные воды в питьевой галерее в городе Бат, ок. 1784 г. Галерея викторианского искусства, Бат и Северо-восточный Сомерсетский совет
© *Victoria Art Gallery, Bath and North East Somerset Council / Bridgeman Images*

32. «Прогулка у дома Карлайла», ок. 1781 г.
© *Private Collection* / © *Look and Learn / Peter Jackson Collection / Bridgeman Images*

33. «Современная красавица отправляется в номера в Бате», опубликовано Ханной Хамфри в 1796 г.
© *Courtesy of the Warden and Scholars of New College, Oxford / Bridgeman Images*

34. Бал герцогини Ричмонд 15 июня 1815 г.
© *The Trustees of the Goodwood Collection / Bridgeman Images*

35. Трафальгарское сражение, ок. 1805 г. Национальный морской музей Парижа, Франция
© *Musée de la Marine, Paris, France / J. P. Zenobel / Bridgeman Images*

36. Конный портрет Наполеона, ок. 1810 г.
© DeAgostini / Getty Images
37. Герцог Веллингтон при Ватерлоо, XIX в.
© Private Collection / Photo © Christie's Images / Bridgeman Images